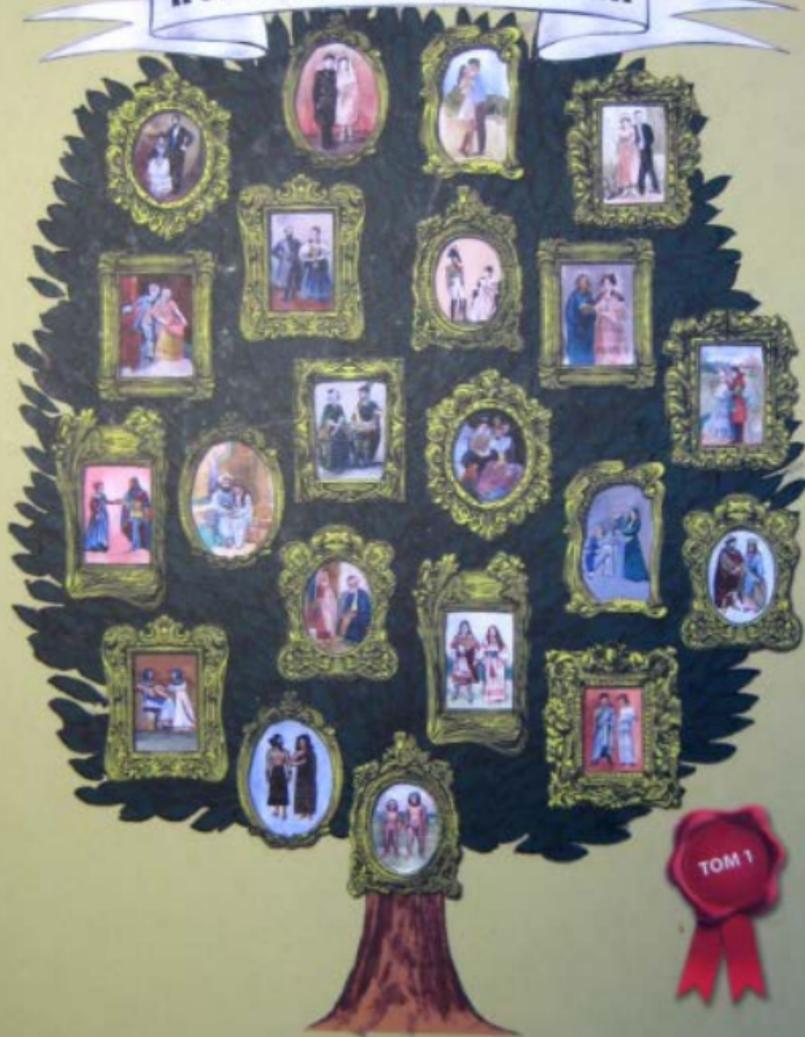

11 $\frac{19-1}{435}$ -1-

Анатолий Осницкий

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И БРАКА

ТОМ 1

11 $\frac{19 - 1}{435}$

Анатолий Осницкий

Библиотека группы
АРХИВЫ. БИБЛИОТЕКИ.
ГЕНЕАЛОГИЯ
<https://vk.com/infogen>

История семьи и брака

Опыт исследования состояния института
семьи в историческом и современном
аспектах

Копируем по вашему
заказу документы,
книги, газеты в архивах,
музеях, библиотеках

г. Санкт-Петербург
2018

УДК 173
ББК 88.52
075

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2018

Осницкий А. В.
ИСТОРИЯ СЕМЬИ И БРАКА
В пяти томах.
ISBN 978-5-6041351-0-5

Т. 1: Становление и развитие института семьи и брака в доисторические времена и в Древнем мире. – СПб.: Издательство «ТМЛОГИСТИКС», 2018. – 432 с.
ISBN 978-5-6041351-1-2 (т. 1)

Книга посвящена анализу развития межличностных отношений при формировании основ института семьи и брака в доисторические времена и в эпоху Древнего мира. В ней освещаются проблемы зарождения и развития супружеских отношений, воспитания детей, формы добрачных и внебрачных связей.

Книга может представлять интерес для психологов, историков, этнографов, а также для широкого круга читателей.

Для аудитории старше 18 лет.

ISBN 978-5-6041351-0-5

ISBN 978-5-6041351-1-2 (т. 1)

© А. В. Осницкий, 2018

© Б. И. Чернякевич, 2018

© «ТМЛОГИСТИКС», 2018

*Посвящается милым дамам,
мечтающим о личной независимости,
самостоятельности и автономности.*

Книга Анатолия Осницкого позволяет раздвинуть границы наших привычных представлений о семье и браке. Она отправляет нас в далекие глубины исторического процесса развития человека и формирования межличностных отношений. Хочу выразить благодарность Анатолию Викторовичу за возможность работать над оформлением его замечательного труда и высказать слова восхищения и уважения.

Богдан Чернякевич, художник

Книгу А. В. Осницкого можно считать продолжением и дальнейшей разработкой темы, которой автор профессионально занимается вот уже несколько десятилетий. Эта тема – человек и его взаимоотношения с миром. Широкое образование (историческое, психологическое, богословское) позволяет автору рассмотреть развитие института семьи под призмой гуманитарного знания, которое не охватывается какой-либо одной наукой. Жизнь человека не самостоятельное явление, она встроена в цепочку жизни его предков и потомков, а стало быть, ее нельзя рассматривать в отрыве от истории его семьи и рода.

История зарождения института семьи помогает понять, а, следовательно, и разобраться в тех сложных кризисных явлениях, которые мы переживаем в настоящее время. Хочу сказать большое спасибо автору за его труд! С нетерпением жду публикации следующих томов.

Наталья Галанкина, менеджер по персоналу

Я прошла курс психотерапии у Анатолия Викторовича, и научилась лучше понимать себя, что позволило мне также лучше узнать других людей. Улучшились отношения с родными, чего мне так давно хотелось. Была возможность обсудить не только настоящее, но также прошлое и будущее. Это помогло мне многое переосмыслить.

Я очень благодарна Анатолию Викторовичу и очень рада появлению его новой книги. Убедена, что она поможет многим людям разобраться в себе и в отношениях со своими близкими.

Дарья Семенова, инженер

Спасибо Анатолию Викторовичу! Благодаря его помощи мы смогли сохранить семью. Наши отношения стали крепче и человечнее. Мы ценим друг друга и любим наших детей. Его книги занимают почетное место на полках нашей семейной библиотеки.

Анна и Игорь Балаиовы, семья

Книги и статьи Анатолия Викторовича для меня всегда – катализатор процесса осмысления жизненной ситуации, места и действия в этом мире. Глубокий анализ невидимых глазу аспектов человеческих взаимоотношений, их причин и следствий. Четкая позиция по вопросам добра и зла присутствуют во всех произведениях Анатолия Викторовича – в статьях, монографии, эссе и в практике консультаций по вопросам профессиональной личной и семейной жизни. Читая его труды, я прикоснулась к громадному пласту опыта и знаний по истории рода, семьи

Юлия Блохина, архитектор

Дорогие читатели!

Перед вами – необычная книга. Ее название – «История семьи и брака» – напоминает нам о больших романах с тиснеными обложками, мирно стоящими на полках. Что-то такое из серии Беденброков и Форсайтов. Но нет, эта книга похожа на концентрированный раствор, на игру ума, на фейерверк и зажигательный танец. Удивительно, что строго научный труд может быть таким захватывающим и интересным.

Автор скрупулезно, буквально по кирпичику воссоздает перед нами это чудесное здание – Институт Семьи. Как мало мы знаем о человеческой природе, о принципах психологических, сексуальных и социальных отношений! Как много мы не учитываем, когда смело бросаемся в плавание по семейному морю!

Анатолий Осницкий не просто практикующий психолог, не просто ученый, не просто историк и писатель. Он удивительно совмещает в себе все эти грани жизненных задач и своих талантов, и в результате перед нами новое качество: он наш Вергилий в путешествии по неизведанным областям семейной жизни. Теперь, с его помощью мы сможем выбрать, станет ли наша жизнь адом или раем, и во многом это будет зависеть от того, насколько внимательно мы будем прислушиваться к голосу нашего гида. В путь, дорогие друзья!

*Декан Славяно-Балтийской Экуменической семинарии,
епископ Апостольской православной церкви
Григорий Михнов-Войтенко*

Содержание

Несколько предварительных размышлений от автора	10
Становление и развитие семейных отношений в доисторическую эпоху	19
Биологические и социальные аспекты зарождения института семьи	19
Вопросы и размышления о механизмах регуляции поведения (групповой разум и воля сообщества)	22
Некоторые аспекты эволюции вида <i>Homo sapiens</i>	28
Некоторые аспекты эволюции семейных отношений	31
Формирование отношений в сообществах антропоидов	33
От диффузной стаи – к устойчивому стаду	35
Регуляция поведения и отношений внутри стада	38
Функциональная структура в стаде древних антропоидов	40
Сексуальная жизнь в антропоидном стаде	43
Эволюция очеловечивания антропоидов	47
Хронология становления вида <i>Homo</i>	49
Жизнь ранних архантропов	50
<i>Homo habilis</i>	52
Отношения в сообществах первых людей	54
От стада – к первобытной общине	57
<i>Homo erectus</i>	60
Становление религиозных форм отношений и появление <i>Homo sapiens</i>	65
Неандертальцы и кроманьонцы	67
Обеспечение жизнедеятельности и быт <i>Homo sapiens</i>	71
Агрессия	76
Формирование первичных форм религиозных воззрений	78
Формы религиозной обрядовости у неандертальцев и кроманьонцев	80
Религиозно-мистическое восприятие мира и табуирование жизнедеятельности	83
Плещевая магия, ритуальный каннибализм	85
Охотничья магия	88
Бытовая и сексуальная магия	91
Стремление к первооснове как источнику жизни	93
Формирование анимализма	95
Тотемизм	98
Враждебность внешнего мира	100
Духовные вожди первобытных общин	104
Разделение труда в первобытных сообществах по половому признаку	107
Формирование сексуально-производственных табу	112

Промискуитет и формирование родовых отношений	120
Тотемные матриархально-родовые общины	123
Эндогамные отношения в матриархальных родовых общинах	124
Преодоление и сохранение эндогамного табу	126
Формирование основ экзогамии	130
Групповой брак в дуально-родовых сообществах	132
Особенности матриархальных отношений	135
Кросс-кузенный брак	139
Особенности сексуальных связей при групповом браке	141
Образование фратрий и племен	142
Изменение условий жизни в эпоху мезолита и раннего неолита	145
Захват первобытного коммунизма	149
От группового брака – к парным союзам	153
Предпосылки формирования патриархальных отношений	157
Специализация производства и укрепление семьи	158
Парные, полигинические и полиандрические сексуальные отношения	161
Религиозно-мистические аспекты сексуальных отношений	164
Формы и условия становления семейных отношений	166
Род, община, семья	169
От матриархата – к патриархату	173
Становление отцовского рода в оседлых племенах	174
Брачные и внебрачные отношения в парной семье	177
Образование патриархальной семьи	180
Родительско-детские отношения в патриархальных семьях	186
Положение старшего поколения в патриархальной семье	191
Культ предков и проблема супружеской верности	192
Динамика изменения положения женщин в семье	196
Эволюция семейных отношений в эпоху древних цивилизаций	199
Введение	199
Семья в Древнем Шумере	202
Семья в Древней Ассирии	215
Семья в Древней Персии	230
Семья в Древнем Египте	248
Семья в Древней Иудее	274
Семья в Древней Греции	316
Семья в Древнем Риме	383
Семейные отношения в племенах варваров	401
Семья у скифов и древних славян	416
Заключение	429

Том 1
Становление и развитие
института семьи и брака
в доисторические времена
и в Древнем мире

*«Уважение к минувшему – вот черта,
отличающая образованность от дикости»
Александр Пушкин*

*Семья является тем исключительным местом,
в котором происходит трансмутация социальных
процессов в психологические последствия...*
Винцент де Годьжак

Несколько предварительных размышлений от автора

Долгое время занимаясь исследованиями в области психотерапии отношений, я пришел к заключению, что в основе проблем, возникающих у людей при их взаимодействии друг с другом, лежит их прошлый семейный и родовой опыт. Этот, как правило, неосознаваемый опыт может оказывать мощное влияние на различные аспекты профессиональных, межличностных, супружеских и родительско-детских отношений. Чтобы понимать глубину возникающих проблем, приходится погружаться не только в особенности жизненного пути человека, включая рождение, младенчество, детство, но и в историю жизни его семьи и семей предков по различным родовым линиям. Практика психокоррекционной работы показала большую значимость данной информации для оказания эффективной помощи людям.

В этой работе я пытался предпринять скромную попытку кратко рассмотреть динамику развития семейных отношений в их историческом и современном аспектах, в их связи с экономическими, социальными и политическими процессами. Современная периодизация развития человеческой цивилизации включает в себя первобытный – доисторический период (до возникновения письменности), периоды Древнего мира.

Средневековья, Ренессанса, Новой и Новейшей истории. Каждый из них имел свои общественные институты, доминирующие формы отношений между мужчиной и женщиной, свой тип семьи. В данном томе представлены материалы становления и развития института семьи в Доисторические времена и эпоху Древнего мира. Другие периоды будут последовательно представлены в последующих книгах этого проекта.

Итак, несколько слов о семье, любви, ненависти, верности, предательстве, о супружеском и родительском долге.

Семья – один из важнейших, если не самый важный, социальный институт человечества. Она же является и самым древним институтом, формировавшимся под воздействием общественно-исторических процессов. При этом все эти процессы сформировались и продолжают развиваться под воздействием людей, родившихся, выросших и живущих в системе семейных отношений. От того, в каком состоянии находится институт семьи, какие отношения определяют его развитие, зависит жизнь и каждого отдельного человека, и существование мира в целом. Очень хочется верить, что люди способны регулировать состояние своих семейных отношений, что от них зависит – доброта или ненависть, любовь или страх будут в них доминировать. Исторический обзор становления и развития института семьи и брака показывает, что это был и есть очень сложный, многогранный и противоречивый процесс. Наверное, и в будущем он не станет проще и легче. Само понятие «семья» определено относится к виду междисциплинарных категорий. Каждая наука определяет семью с точки зрения наиболее характерных аспектов своего понятийного аппарата.

В юридическом смысле семья – это союз лиц, соединенных юридическими правами и обязанностями. Другими словами, семья здесь понимается как правоотношение, регулирующее брачные супружеские и родительские отношения, а также определенные степени родства – ребенок и бабушка с дедушкой, брат и сестра, а также отношения свойства – отчим, мачеха и пасынок, падчерица.

В социологическом смысле семья есть союз лиц, основанный на браке, родстве или принятии детей на воспитание, характеризующийся бытовой общностью и взаимной поддержкой. Здесь во главу угла ставятся фактические семейные отношения, поскольку с социологической точки зрения они могут существовать и тогда, когда фактическое сожитие мужчины и женщины юридически не зарегистрировано.

В психологическом смысле семья рассматривается как малая закрытая группа, обладающая признаками межличностной интимности, психической, духовной и эмоциональной близости, длительностью отношений, а также общей ответственностью и обязанностями друг перед другом.

По форме и содержанию супружеских отношений семья подразделяется на несколько видов. Наиболее характерная для западной культуры моногамная семья представляет собой парное супружеское сообщество мужчины и женщины и их детей. В однополых браках – объединение двух мужчин или двух женщин. Другой разновидностью является полигамная семья, которая в истории человечества встречается в пять раз чаще, чем моногамная и, в свою очередь, подразделяется на полигинические супружества – сообщество одного мужчины и нескольких женщин, и полиандрические – объединение одной женщины и нескольких мужчин. Полиандрия встречается в сто раз реже полигинии и в двадцать раз реже моногамии.

По своему составу семьи делятся на расширенные, включающие в себя несколько поколений родственников, и нуклеарные, состоящие из супругов и их детей. По укладу отношений и организации жизнедеятельности семьи могут быть патриархальными, с выраженным главенством отца и мужа, или эгалитарными, в которых оба супруга занимают равное положение на основе подобных друг другу социально-экономических возможностей и несут общую ответственность за воспитание детей.

Семья является посреднической инстанцией между индивидом и обществом, между миром влечений, желаний и сферой правил, норм, связанных со статусными положениями.

Через это посредничество она осуществляет социализацию человека и формирует базовые свойства личности

Основные семейные функции следует разделить на два блока – супружество и родительство. К супружеству следует условно отнести такие функции как социально-статусная, рекреационная (обеспечение отдыха) и сексуально-гедонистическая. К родительским семейным функциям можно отнести репродуктивную и воспитательную. Экономическая, хозяйственно-бытовая и коммуникативная функции входят в оба блока семейной жизнедеятельности.

На разных этапах истории развития семейных отношений одни функции доминировали, другие имели вспомогательный характер. В эпоху матриархата, например, главное место занимали репродуктивная, рекреационная и хозяйственно-бытовая функции, поскольку обеспечивали выживание первобытного сообщества. Статусная, воспитательная и сексуально-гедонистическая были не столь важны. С появлением патриархата главенствующее место стали занимать экономическая, репродуктивная, статусная, рекреационная и хозяйственно-бытовая функции. В XVIII столетии в европейских аристократических семействах на первый план выдвинулась сексуально-гедонистическая функция, что привело к первому достаточно серьезно кризису отношений. В течение XIX и особенно XX веков кризис расширялся и углублялся и к началу III тысячелетия достиг уровня институциональной проблемы.

Бурный технический прогресс и вызванные им изменения условий жизни, произошедшие за последние сто лет, оказали значительное влияние на формы существования института семьи. Часть традиционных семейных функций или полностью перешла в руки государства, или находится под его контролем. Так, идея Платона о воспитании детей вне семьи в XX столетии частично воплотилась в жизнь. В раннем детстве ребенка отдают на воспитание в ясли, детский сад, затем в школу, и родители уже не могут оказывать на формирование его личности того влияния, которым обладали еще полторы сотни лет

назад. Единые воспитательные системы государственных учреждений никак не согласовываются с разнообразными традициями и укладами жизни семей. Методы поощрений и наказания в детских садах, как правило, находятся вне контроля родителей. Более того, система ювенальной юстиции создает условия для прямой интервенции в систему родительно-детских отношений. Все это, безусловно, снижает авторитет родителей и лишает их возможности полноценной ответственности за состояние и развитие детей.

Рекреационная функция, возлагавшаяся раньше на плечи мужа и отца и сводившаяся к тому, чтобы защищать мать и детей от нападения и поддерживать благополучное существование семьи, также перешла в руки государства. В современном цивилизованном обществе защита от насилия обеспечивается силами полиции, а заботу о благополучии семьи могут взять на себя социальные госслужбы. Таким образом, беря на себя функции отца, государство тем самым способствует устранению его традиционных функций и снижает его ответственность за состояние семьи и воспитание детей.

Подобная интервенция государственных институтов в жизнь семьи приводит к неизбежному разрушению ее исторического опыта и тысячелетних традиций. Наблюдая подобную тенденцию социального развития, известный британский философ, общественный деятель и математик Бертран Рассел предупреждал: «Разрушение веками сложившейся семьи не принесет никому большой радости, потому что никакие школы и воспитатели не смогут заменить детям родителей. Кроме того, будет ужасно, если благодаря такому воспитанию дети станут похожими друг на друга»¹.

К великому сожалению, сегодня семья, как ячейка общества, планомерно уничтожается институтами государственной системы, и это порождает ярко выраженные кризисные явления как в супружеских, так и родительно-детских отношениях. Более того, патологические изменения в системе семейных отношений оказывают негативное влияние и на

¹ Рассел Б. Брак и мораль. М.: АСТ, 2013. Стр. 284

макросоциальные процессы. Например, вполне очевидно, что существует выраженная взаимообразная причинно-следственная связь между доминированием в жизни современной семьи сексуально-гедонистических и хозяйственно-бытовых функций и бурным развитием в обществе приоритетов и ценностей потребления. Результатом такого взаимообразного процесса стало постепенное, но все более проявляющееся угнетение способности любить. Любовь, ориентированная на благо близкого, родного человека стала вытесняться влюбленностью, направленной на удовлетворение своих сексуальных и социально-статусных потребностей.

Во влюбленности люди, как правило, начинают взаимно потреблять друг друга. Любовь же предполагает жертвенное служение ради счастья другого – мужа, жены, ребенка. Люди стали массово утрачивать способность строить отношения, вместо этого они начали ориентироваться на их подбор. Как товар в магазине перебираются претенденты и партнерши. Приобретя друг друга, но не выстроив между собой крепких, полноценных отношений, они, удовлетворив как-то свои потребности, легко отказываются от прежних связей и подбирают новые. Так разрушаются семьи, страдают брошенные супруги и травмируются ни в чем неповинные дети. О широте и размахе данного явления красноречиво свидетельствуют показатели статистики. Так, по данным Росстата в 2000 году в Российской Федерации было зафиксировано 70% разводов, в 2002 году – 84%. За первые 15 лет XXI века процентный показатель разводов не опускался ниже 52% от числа пар, вступивших в брак. Примерно такая же картина и в развитых странах – в Западной Европе и Америке. Примечательно, что в 80% случаев инициаторами развода были женщины – извечные хранительницы домашнего очага. Что же порождает такую непримиримую вражду между людьми, когда-то страстно мечтавшими быть вместе до конца своих дней?

Говорят, от любви до ненависти один шаг. Почему столь противоположные чувства и состояния столь близки друг к другу? Для ответа на этот вопрос нам, наверное, понадобится

ся хотя бы приблизительно разобраться в сути этих понятий, рассмотреть их взаимосвязь с другими категориями, определяющими базовые аспекты жизни человека и состояние его отношений с близкими.

Любовь и ненависть противоположны друг другу и воспринимаются как взаимоисключающие категории. Однако при этом они могут быть логически и эмоционально связаны, выражая парадоксальное амбивалентное единство. Многие специалисты-этологи обнаруживают у некоторых видов животных взаимосвязь между влечением и агрессией, осуществляющуюся посредством физиологических и психических механизмов. В частности, Конрад Лоренц в своей работе «Агрессия» утверждал, что не существует любви без агрессии, но также нет и ненависти без любви.

Амбивалентность любви и ненависти Зигмунд Фрейд рассматривал как одну из центральных идей психоанализа. Либидоносные и мартидоносные тенденции в жизнедеятельности человека проявляются как один из важнейших компонентов его психической структуры. Данные противоположные состояния вполне могут одновременно сочетаться в одном человеке по отношению к другому, вызывающему у него эти противоречивые чувства. В психотерапевтической практике нередко приходится сталкиваться с ситуациями, когда человек страстно ненавидит того, кого любит, и эти чувства порой невозможно разделить, они сосуществуют, не компенсируя и не устраняя друг друга.

Одним из возможных объяснений тесной связи любви и ненависти является идея о том, что чем больше у людей общего и похожего, чем больше их взаимная привязанность и значимость друг для друга, тем сильнее они вовлечены в отношения эмоциональной зависимости. Вследствие этого, возникающие между близкими людьми конфликты протекают с большей силой и страстностью, чем конфликты с посторонними, значимость которых не столь высока. Объект привязанности, по отношению к которому человек испытывает сильные чувства, всегда имеет для него большее значение, и любовь может не

позволять ему выражать периодически возникающие негативные эмоции. Однако образующаяся блокировка неотреагированного негатива вполне может способствовать накоплению и усилению враждебности.

Ненависть и любовь, рассматриваемые как противоположные и одновременно как сопряженные и взаимозависимые чувства, всегда привлекали внимание писателей, поэтов, философов, культурологов и психологов. Исследование этих явлений стали особенно важны для понимания сложных динамических процессов, происходящих в семейных системах между супругами, а также между родителями и детьми

Институт семьи и брака исторически формировался как социальная общность, опирающаяся на максимально близкие межличностные отношения. Содержанием этих отношений были хозяйственно-экономические, демографические и психо-эмоциональные аспекты жизнедеятельности людей. При этом следует отметить, что семья, как живой социальный организм, никогда не была стабильно однообразной. В ходе своей эволюции ей пришлось переживать множество кризисов, существенно изменявших формы и содержание ее жизнедеятельности.

Анатолий Осницкий

Становление и развитие семейных отношений в доисторическую эпоху

Биологические и социальные аспекты зарождения института семьи

Формировавшиеся в древнейшие доисторические времена основы современных семейных отношений имели не только глубинные социальные, но и мощные биологические корни. То, что мы сегодня называем семьей, было первой социальной системой, основанной на развитии способов удовлетворения естественных биологических потребностей в жизнедеятельности наших далеких предков. Палеоантропологические исследования развития древнейших сообществ, как определенной системы межличностных отношений, показывают, что зарождение примитивных семейных отношений происходило одновременно с формированием человечества в качестве биологического вида *Homo sapiens*. Можно даже сказать, что человечество появилось вследствие становления основ института семьи. Проявление и реализация таких базовых функций этой системы, как взаимопомощь, взаимная привязанность и забота о детях, наблюдаются и в среде животного мира.

Так, Мэтт Ридли³ сообщает о летучих мышах-вампирах, которые питаются кровью крупных животных. Ночные охоты этих рукокрылых не всегда бывают удачными, а голодать летучие мыши могут не более трех дней. В данных условиях их спасает альтруистическое сотрудничество. Мыши, которым более повезло в охоте, делятся своей добычей с менее удачливыми сородичами. В случае своей возможной неудачи они также могут рассчитывать на помощь со стороны членов сообщества.

³ Matt R. The Red Queen Sex and the Evolution of Human Nature. USA: Penguin, 1995

Зачатки эмпатии были обнаружены у крыс. Эксперименты, проведенные в Чикагском университете, показали, что грызуны приходят на помощь попавшим в беду собратьям. Когда одну из крыс помещали в очень тесную пластиковую банку, ее освобождала другая. Показательно, что отвлечь крысу-освободителя от спасательной операции не могли даже кусочками шоколада. В муравьиных колониях группы муравьев-солдат бесстрашно отдают свои жизни ради спасения своих собратьев.

Подобным образом ведут себя и отдельные группы приматов, защищая свою стаю. Исследования зоопсихологов и этологов, проводимые в сообществах обезьян, убедительно свидетельствуют о существовании у них альтруистических начал. Альтруизм приматов проявляется в помощи более слабым сородичам и, особенно, в отношении беременных самок и их детенышей.

Являясь биологическим существом, человек, безусловно, подчиняется законам существования и развития животного мира. Естественными регуляторами жизнедеятельности в данном случае являются мощные биологические потребности в питании, размножении и самосохранении. С биологической точки зрения жизнью правят голод, секс и страх. Однако человек является не только биологическим существом, его сущность заключается, прежде всего, в его психосоциальной природе. Добывание пищи и сексуальные отношения не могли способствовать объединению, поскольку порождали конкуренцию. Ограниченность ресурсов питания порождала конкуренцию между особями, межполовые связи создавали конкуренцию между сексуальными партнерами и другими особями идентичного пола. А вот страх и стремление к безопасности сплавляли индивидов в группу и создавали конкуренцию уже в системе межгрупповых отношений. Таким образом, психологическая составляющая жизни человеческого общества определяется соотношением двух базовых чувств – страха, как реакции на внешнюю опасность, и любви, как потребности в соединении и воспроизводстве. Эти два фундаментальных компонента способствовали становлению и развитию личности на микро- и макросоциальном уровнях.

Будучи социальным существом, человек развивается по законам жизни общества. Эволюция общественных отношений представляет собой перманентное развитие способов регуляции биологических и социальных основ жизнедеятельности человечества.

Примитивные формы человеческого общества, исследуемые этнографией, позволяют компенсировать недостаток объективных исторических данных и воссоздавать картину жизни людей в доисторический период. Этнографическая реконструкция жизни древних людей основывается на закономерностях поэтапного развития, обусловленного причинно-следственными связями множества факторов, влияющих на существование различных этнических сообществ. К таким факторам следует отнести природные, климатические, экономические и социальные условия жизнедеятельности.

Первичными же предпосылками образования семейных отношений являлись биологические, социальные и экономические факторы, которые способствовали оптимальному жизнеобеспечению как отдельных индивидов, так и популяции в целом. К первым, биологическим факторам следует, прежде всего, отнести сексуальные потребности, которые являются такими же могучими определителями образа жизни, как и потребности питания и самосохранения. Сексуальные потребности лежат в основе разнообразных половых союзов и развиты у всех раздельнополых животных. Социальные и экономические факторы вследствие отсутствия у человека видовой адаптационной спецификации включают в себя потребности в общей безопасности и общем обеспечении жизнедеятельности необходимыми материальными ресурсами в виде питания, тепла и крова.

В доисторическую эпоху эволюция человеческого общества вообще и семейных отношений в частности представляла собой развитие способов и форм реализации основных базовых потребностей жизнеобеспечения человека.

Вопросы и размышления о механизмах регуляции поведения (групповой разум и Воля сообщества)

Несмотря на то, что современная наука не в состоянии дать окончательные ответы на вопросы о первопричинах зарождения жизни и появления сознания, эволюционная теория социогенеза в интеграции с достижениями современной антропологии, этнографии и ряда других наук предлагает некоторое обоснование закономерностей развития человеческих сообществ. Наиболее полно объясняющей версией эволюционного развития представляется концепция экосистемной регуляции, разрабатываемая рядом таких видных зарубежных и отечественных ученых, как Т. де Шарден, М. Боуэн, М. Керр, В. И. Вернадский, В. С. Ипатов, В. Н. Казначеев.

Известный французский социальный философ, антрополог и богослов Тейяр де Шарден предпринял попытку инте-

грации научного и религиозного опыта с целью раскрытия принципов эволюции человека. Он полагал, что появление жизни и результат эволюции является заранее запланированным свыше итогом космического процесса как единой целостной системы. Описывая состояние и поведение элементов макро- и микромира, ученый обнаруживает между ними системную взаимосвязь. В своем труде «Феномен человека» Тейяр де Шарден выдвинул вполне обоснованное предположение о существовании внутри биологических систем совокупного внутригруппового разумного регулятора поведения, обеспечивающего им достаточно эффективную адаптацию в условиях их проживания. Суть его предположения сводится к тому, что соединения определенного множества элементов биологической системы порождает у нее качественно новые свойства, совершенно не характерные для каждого отдельно взятого системного элемента. В частности, он писал: «Верно, что по строению любой организм всегда и необходимо разбирается на составные части. Но из этого отнюдь не следует, ни что само суммирование этих частей происходит автоматически, ни что из их суммы не возникает чего-то специфически нового»³.

Таким образом, естественное объединение живых существ в структурированную биосоциальную систему, представленную в виде колонии, роя, стаи или стада, превращается в единый социальный организм. Такая система может подавлять индивидуальные проявления отдельной особи посредством общего регулятора деятельности – группового сознания и единой воли.

Данные выводы подтверждаются исследованиями известного отечественного зоопсихолога профессора Нины Александровны Тих. Изучая особенности поведения в стаде гамадрилов, она обнаружила закономерности регулирующего взаимодействия стада и отдельной особи. В своей работе «Предыстория общества» она писала: «Индивид рождается и живет в сообществе, приспособляясь в первую очередь к его

³ Де Шарден Т. Феномен человека. М.: АСТ, 2002. Стр. 218

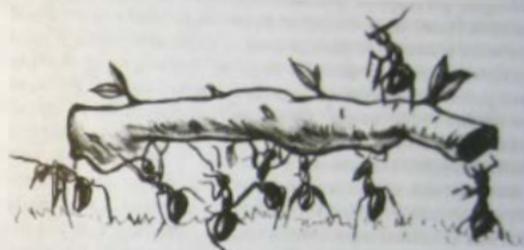
особенностям. Сообщество образуется из представителей одного и того же вида. Индивид должен вести себя по-разному в соответствии с возрастными половыми различиями членов стада. Стадная среда чрезвычайно изменчива, ситуации в стаде сменяются иногда за несколько минут, и индивид должен успевать не только быстро ориентироваться, но и переориентироваться в соответствии с меняющейся обстановкой»⁴.

Феномены группового регулирования жизнедеятельности микропопуляции встречаются среди многих живых существ. Так, стая саранчи следует строго определенным маршрутом, хотя каждая отдельная особь не имеет ни направления движения, ни цели. Не составляют исключения и рыбы, косяки которых, подобно стаям саранчи, способны мгновенно менять направление движения и действуют при этом как единый организм. Существует гипотеза, что некоторые виды мигрирующих птиц во время перелетов ориентируются, используя магнитное поле земли. Правильную ориентацию в пространстве в данном случае им обеспечивает передвижение в стае, которая многократно усиливает их ориентационные возможности. Бытовавшее ранее мнение о том, что стаю ведет опытный вожак, опровергается последними наблюдениями. Они показывают, что часто во главе стаи находятся молодые птицы, появившиеся из яйца только летом, и, следовательно, не обладающие опытом перелетов.

Достаточно хорошо изученное поведение муравьев свидетельствует, что успешность их адаптации и деятельности во многом зависит от числа собравшихся вместе особей. Так, известно, что основная деятельность этих насекомых в значительной мере направлена на сооружение термитников. Однако, как показывают наблюдения, муравьи не приступают к его построению до тех пор, пока их число не увеличится до определенной критической массы. Когда же необходимое количество особей объединяется в сообщество, начинается работа по сооружению сложнейшей системы помещений и переходов. На основании данных наблюдений можно предположить,

⁴ Тих Н. А. Предистория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 29

что отдельные особи не имеют информации о сооружении в целом. Носителем такой информации является только вся совокупность их микропопуляции. Дальнейшая жизнь муравейника также определяется его коллективным разумом и волей.

А. А. Захаров писал: «Муравейник действует как целостная система, хотя какие-либо специальные образования, координирующие рост и жизнедеятельность колонны или управляющие ими как подсистемами целого, отсутствуют»⁵. При этом муравьи не теряют собственной индивидуальности. «В каждом конкретном случае поступки муравья отражают, прежде всего, его собственное состояние (возрастные особенности поведения, выполняемую функцию, норму реакции на внешние раздражители, степень усталости и т. д.). И все же муравейник процветает. В основе этого процветания лежит соответствие между исходной предрасположенностью взрослого муравья к той или иной деятельности и потребностью сообщества в различных функционерах. Если в муравейнике не хватает охотников, то подходящие для этого молодые рабочие муравьи быстрее обычного завершат внутринездовую «школу» и выйдут на участок. Если обнаружится нехватка няnek, обычно самых молодых муравьев, часть бывших няnek вернется к исполнению своих прежних обязанностей»⁶. Более того, регуляция жизнедеятельности

⁵ Захаров А. А. Муравей, семья, колония. М.: Наука, 1978. Стр. 56

⁶ Захаров А. А. Муравей, семья, колония. М.: Наука, 1978. Стр. 28

и структурного баланса колонии муравьев может происходить еще на этапе созревания личинок. Так, исследования американского энтомолога и этолога, одного из основателей современной социобиологии Эдварда Уилсона⁷ обнаружили механизмы, которые регулируют функционирование отдельных рабочих особей. Известно, что колония муравьев состоит из каст царей, рабочих и солдат. «Принадлежность отдельной особи к касте детерминруется средовыми раздражителями. Каждый муравей рождается примерно с одним и тем же набором генов, но те особые гены, которые несут в себе информацию и определяют, превратится ли личинка в солдата, рабочего или царицу, контролируются средовыми стимулами. /.../ Когда личинки появляются, они представляют собой лишь сырой материал для нужд колонии. /.../ Когда нужды колонии меняются (возможно, под влиянием окружающей среды), включается регуляторный механизм, распознающий новые обстоятельства и меняющий стимулы, которые получает развивающаяся личинка»⁸. Иными словами, исследования Э. Уилсона свидетельствуют о том, что каждая генетически нейтрально «заряженная» личинка превращается в особь, наиболее востребованную колонией в данный период времени.

Подобный феномен периодически наблюдается и среди многих других видов биологических сообществ. Например, известно, что рождение мужской или женской особи того или иного вида является биологически равновероятным. Однако если в популяции по какой-либо причине оказывается мало самок, то среди новорожденных возникает преобладание особей женского пола; если мало самцов, то их количество среди вновь родившихся начинает заметно превышать среднюю цифру. Данные закономерные процессы продолжают до тех пор, пока соотношение полов в популяции не становится оптимальным. Поскольку отдельная особь не может по собственному желанию

⁷ Success and Dominance in Ecosystems: The Case of the Social Insects. Inter-Research, 1990. ISSN 0932-2205

⁸ Теория семейных систем Мюррел Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика. 2-е издание, М., 2008. Стр. 58

влиять на пол своего потомства, следует предположить, что источник подобного целенаправленного воздействия находится вне каждой отдельной особи и представляет собой специфический регулятивный механизм группы.

Данное явление хорошо известно и в человеческом сообществе. Среди демографов оно получило название «феномена военных лет». Во время войн и после них в странах, потерпевших значительные потери среди мужского населения, наблюдаются значительный рост новорожденных мальчиков

Такие популяционные регуляторные явления наблюдаются не только в количественных показателях особей мужского и женского пола, но и в более сложных качественных системах отношений у различных биологических видов. Американский этолог Джон Колхаун, исследуя закономерности социальной стратификации на примере колонии крыс, обнаружил, что эти животные, обладающие одинаковым генотипом, значительно различались по уровню активности и степени общительности⁹. В ходе исследования выяснилось: «Если группа формировалась только из крыс, которые доминировали в прежней группе, новая иерархия приводила к тому, что кто-то из них становился подчиненным. Точно так же, если группа формировалась только из крыс, которые в прежней группе были подчиненными, в новой группе все равно появлялись доминантные крысы. /.../ Развитие доминантности и подчиненности, или, другими словами, активного и пассивного функционирования, является скорее продуктом постоянного присутствующих взаимоотношений, нежели специфических личностных особенностей отдельных крыс. /.../ Неизменность этого процесса взаимоотношений, независимого от способа размножения животных, свидетельствует о том, что он коренится где-то глубже, чем гены»¹⁰.

Этот же феномен наблюдается и в человеческих сообществах. Так, в исправительно-трудовых учреждениях для от-

⁹ Calhoun J. Population density and social pathology. Scientific American, 1962

¹⁰ Теория семейных систем Мюррел Боуэна: основные понятия, методы и клиническая практика. 2-е издание. М., 2008. Стр. 56-57

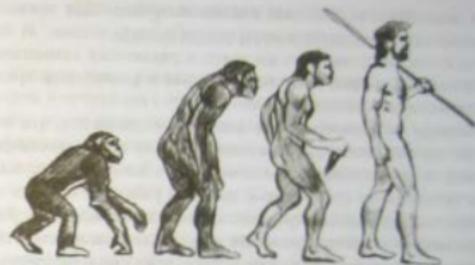
бывания наказаний среди заключенных существует строгая иерархическая система взаимоотношений, где на верхних позициях находятся лагерные авторитеты, а к низшему рангу принадлежит изгой – так называемые опущенные, или петухи. При неоднократных попытках администрации колоний отделить изгоев от остальных заключенных ситуация воспроизводится прежней иерархической структуры неизменно повторялась. Среди выведенных в отдельные блоки изгоев быстро образовывались группы «авторитетов» и их сторонников, угнетавших остальных заключенных. И среди прежних групп, лишившихся своих изгоев, столь же быстро образовывались новые «опущенные».

Таким образом, на основании вышеизложенных фактов можно сделать заключение о существовании групповых механизмов регуляции поведения, определяющихся единым разумом и общей волей биосоциальной системы.

Некоторые аспекты эволюции вида *Homo sapiens*

В доисторические времена наши далекие предки в бытность стадными животными, скорее всего, не обладали ни индивидуальным сознанием, ни индивидуальной волей. Как и другие стадные существа, они были подчинены общей для стада «единой воле» и «единому сознанию». Таким образом, если первобытное стадо являлось биосоциальным организмом и субъектом жизнедеятельности, то эволюция рода человеческого представляет собой длительный путь индивидуализации человека, превращения его в самодостаточный субъект деятельности и отношений.

Однако такая индивидуалистическая направленность эволюционного процесса вступает в противоречие с социальной природой вида *Homo sapiens*. Человек по своим биологическим особенностям значительно уступает представителям животного мира. Так, усилие челюстей человека составляет около 80–90 кг, в то время как челюсти льва достигают усилия до 600

кг, у крокодила усилия превышают 1000 кг. Невозможность индивидуального существования вследствие отсутствия достаточной массы тела, защитного шерстяного покрова, когтей, клыков, обостренного обоняния и других адаптационных свойств вынуждала предков человека приспосабливаться к условиям жизни исключительно в системе социальных отношений.

В отличие от животных, у которых органы развиты в соответствии со специфическими особенностями среды обитания, предки человека не обладали столь выраженной средовой адаптационной специализированностью. Специализация определенных органов у представителей животного мира обеспечивала им превосходство над предками человека почти по всем адаптационным свойствам. Однако это превосходство неизбежно приводило к сужению и стагнации адаптационных возможностей. Отсутствие у древних предков людей подобного специфического развития органов, с одной стороны, свидетельствовало об их слабости. Однако, с другой стороны, именно благодаря этой неспециализированности человек вынужден был адаптироваться к условиям среды посредством замены недостаточно развитых органов орудиями труда. Слабость отдельных свойств заставляла его не только приспосабливаться к среде, но и приспособливать ее под свои нужды. Вследствие реализации процесса освоения мира люди, усту-

пая животным в развитии жизнеобеспечивающих органов, превосходили их по потенциальным возможностям. И это превосходство позволяло им жить в различных климатических поясах и зонах, приспосабливаться к изменениям среды и широкому диапазону ситуаций.

Исходя из данного факта, можно предположить, что вид *Homo sapiens*, возникший на более поздних этапах эволюции жизни на Земле, обладал более мощными запасами энергии и пластичности по сравнению с другими ранними биологическими видами. Данное предположение подтверждается сравнительным анализом данных об энергетическом потенциале, которым обладают организмы, принадлежащие к различным видам. Результаты анализа показывают, что человек обладает несравненно большим энергетическим потенциалом по отношению к остальным видам. «Каждый килограмм веса человека в течение жизни во взрослом состоянии потребляет в среднем до 725 800 ккал, лошадь – 163 000, собака – 164 000, корова – 141 000 ккал»¹¹. При этом затраты количества этой энергии распределяются в обратном порядке. «На обновление своей массы из указанного количества энергии лошадь и корова требуют 33%, собака – 35%, а человек – всего 5%, и остальные 95%, или около 689 510 ккал, перерабатываются на рабочие реакции и теплообмена»¹².

Таким образом, становление и развитие нового биологического вида *Homo* шло от менее специализированных форм, но протекало на более высоком уровне благодаря более прогрессивному использованию мощных резервов жизнедеятельности. Данное становление человечества всегда происходило и происходит исключительно в сфере социальных отношений, без которых было бы невозможно существование вида.

¹¹ Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 291

¹² Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 29

Некоторые аспекты эволюции семейных отношений

Непрерывное развитие и рост индивидуальных возможностей в сочетании с необходимостью совместного существования определяли эволюционный путь человечества как выработку и становление оптимальных форм социальных связей и отношений. Такой оптимальной формой стало образование социального института семьи. Семья стала основой отношений, обеспечивающих развитие и связь отдельных индивидуумов в сообществах. Семья – это форма отношений, благодаря которой происходило и происходит формирование и развитие индивидуальности человека в системе его социальных связей.

Наука располагает обширной и достоверной информацией о характере семейных отношений в исторический период развития общества. Первичная доисторическая эпоха такими объективными научными данными не располагает, и становление института семьи реконструируется на основе более поздних археологических и этнографических материалов. Изменение семейных отношений эволюционировало от агамных¹³, совершенно ничем не регулируемых стадных отношений, к

¹³ Агамный (гр. agamos – безбрачный) – состояние нерегулируемых сексуальных отношений.

эндогамным¹⁴ промискуитетным¹⁵ – беспорядочным половым связям и далее к экзогамному¹⁶ групповому супружеству, матриархату и патриархату вплоть до современной конъюгальной¹⁷ моногамной или полигамной семьи. Семья переходила от низших форм своего существования к высшим по мере того, как человечество поднималось по ступеням развития.

Согласно эволюционной теории, развитие жизни от примитивных форм до цивилизации насчитывает сотни миллионов лет. Существование человечества на земле не превышает трех миллионов лет, а цивилизованные формы его существования ограничиваются несколькими десятками тысяч лет. Сложность исследования развития семьи на ранних этапах развития человечества заключается в крайней скудости, а порой и в отсутствии объективных исторических данных. В та-

¹⁴ Эндогамный (др.-греч. ἔνδον – внутри + γάμος – брак) – состояние сексуальных отношений, ограниченных пределами определенной социальной или этнической группы.

¹⁵ Промискуитет (лат. promiscuus – без разбора, общий) – беспорядочная, ничем и никем не ограниченная половая связь со многими партнерами

¹⁶ Экзогамный (др.-греч. ἔξω, εχο – вне, снаружи + γάμος – брак) – запрет брачных отношений ме- ду членами родственной группы.

¹⁷ Согласно антропологической классификации, семьи делятся на консангинальные (лат. consanguine – кровный, родственный) и конъюгальные (лат. conjugium – брачный союз).

Консангинальная семья основана на биологическом родстве и состоит из кровных родственников, принадлежащих к нескольким поколениям. Отношения в такой семье строятся по мужской линии (патрилинность) или по женской (матрилинность). Основой организации семьи являются отношения между родственниками. Супружеская пара проживает лишь с родственниками жены, либо с родственниками мужа, дети могут принадлежать как семье жены, так и семье мужа.

Конъюгальная семья основана на супружеских, а не родственных отношениях. Родственники со стороны жены и родственники со стороны мужа считаются частью данной семьи. Они признаются одинаково важными и включены в организацию семьи только как родственники мужа или жены, но не сами по себе. Дети принадлежат не родственникам жены или мужа, а супружеской паре.

ких условиях проблемы антропо- и социогенеза могут решаться посредством реконструкции жизнедеятельности древних предков человека на основе данных зоопсихологии, этнографии антропологии и частично археологии.

Формирование отношений в сообществах антропоидов

Эра	Период	Эпоха	Время (млн лет назад)	Основные события в эволюции
Кайнозойская	Четвертичный	голоцен	0,01	Развитие цивилизации
		плейстоцен	2	Появление человека современного типа. Развитие древнейших и древних людей
	Третичный	плиоцен	5	Выделение рода Homo. Появление австралопитековых
		миоцен	25	Расцвет человекообразных обезьян
		олигоцен	38	Появление обезьян
		эоцен	55	Расцвет полуобезьян
Мезозойская		палеоцен	65	Расцвет приматов
		мет	75	Отделение приматов от насекомоядных млекопитающих
		юра	144	Господство динозавров
		триас	248	Появление перв. х млекопитающих

Согласно эволюционной теории, процесс становления человечества начался в конце миоценового периода кайнозойской эры, примерно 25 миллионов лет назад. Предками первых людей, согласно той же теории, были крупные антропоиды (человекообразные обезьяны), которые жили группами и вели смешанный древесный и наземный образ жизни. «С начала третичного периода и до его середины, то есть от 25 до 15 миллионов лет

назад, в Азии, Европе и Африке была распространена дриопитековая форма человекообразных обезьян. /.../ Судя по их широкому распространению, эти так называемые предки двуногих должны были обитать в условиях весьма благоприятной окружающей среды, представляющей собой леса, в африканских условиях, перемежающихся с саваннами»¹⁸. В основном дриопитековые антропоиды жили на деревьях и питались растительной пищей, которую в изобилии давали лесные уголья. Их рацион также мог включать в себя насекомых и мясо мелких животных.

Данные изучения литологии слоев, содержащих ископаемые останки, свидетельствуют о том, что в течение позднего миоцена и плиоцена происходили значительные движения земной коры, изменявшие систему внутренних водных бассейнов и тем самым значительно влияющие на климатические и природные условия жизни. Так, в позднем третичном периоде происходило понижение температуры в Европе, что, в свою очередь, привело к измельчению растительности и образованию степей и пустынь.

Такие климатические колебания с соответствующим преобразованием окружающей природной среды в течение многих миллионов лет стимулировали эволюционные изменения дриопитеков. В результате в эпоху плиоцена, примерно около четырех миллионов лет назад, образовался и стал активно заселять землю новый вид антропоидов — австралопитеки. Эти существа, жившие в период от четырех миллионов до менее миллиона лет назад, были не более чем обезьянами, перемещавшимися на двух ногах, хотя и сторбленно. Возможно, они умели пользоваться подручными камнями для добывания пищи, например раскалывания орехов. «По данным Р. Дарта австралопитеки охотились на таких животных, как кролики и зайцы, молодые антилопы, мелкие павианы, а также, вероятно, на мелких грызунов — крыс, мышей, пресмыкающихся и земноводных. Вместе с остатками костей австралопитеков найдены кости панцирей черепах и крабов»¹⁹.

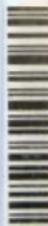
¹⁸ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. Стр. 43
¹⁹ Тиз Н. А. Предистория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 273

Считается, что австралопитеки разделились на два подвида: австралопитек грацильный, отличавшийся небольшими размерами, и австралопитек массивный, имевший крупные габариты и обладавший гораздо большей физической силой. Грацильные австралопитеки в силу своей недостаточной приспособленности активно использовали и усовершенствовали естественные орудия труда, в то время как их массивные родственники лишь изредка использовали подручный материал. В результате первая ветвь эволюционировала в направлении очеловечивания и со временем трансформировалась в вид *Homo habilis*, а вторая биологически законсервировалась и продолжила совершенствоваться в австралопитеках, образовав новый вид — *Australopithecus africanus*.

От диффузной стаи — к устойчивому стаду

Грацильные австралопитеки, как и многие другие антропоиды, не отличались большой физической силой, не имели достаточных защитных качеств, и были весьма уязвимы для крупных хищников. Обеспечить их относительную безопасность могло только объединение в первичные диффузные стаи. Предполагается, что основу таких антропоидных групп составляли материнско-детские ячейки, состоящие из самок и детенышей. Самцы не были привязаны к этим первичным ячейкам и пребывали в стаях скорее всего, исключительно из соображений коллективной безопасности. Отличительной чертой этих объединений, вероятно, была иерархия отношений, основанная, как и у обезьян, на доминировании более сильных особей над слабыми.

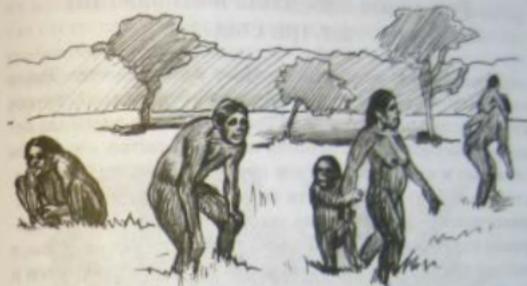
Относительная устойчивость состава, как правило, регулировалась условиями внешней среды. Так, при необходимости длительного существования на открытой местности, например, в безлесной саванне, где эти антропоиды подвергались большему риску нападения крупных хищников, их сообщество становилось более сплоченным. В условиях по-

ISBN 2018448537

вышенной опасности первичное объединение было едино в своих реакциях на воздействие внешней среды и действовало как целостная биосоциальная система. Выдающийся русский зоопсихолог Владимир Александрович Вагнер определял такую систему как «самобытный организм»²⁰. Такая форма жизнедеятельности сообщества является общим выражением взаимопомощи, ради которого и возникло само сообщество. К тому же изменение климатических условий при наступлении ледникового периода делало среду обитания древних антропоидов более опасной и скудной в плане ресурсобеспечения их жизни. Так, исчезновение густых лесных массивов заставляло их приспосабливаться к жизни на земле. Новые, более тяжелые условия жизни, потребность в обеспечении безопасности и добычи пищи вынуждала их использовать естественные орудия (кости, камни и палки). Это, в свою очередь, способствовало освобождению рук для активной деятельности и стимулировало прямохождение.

Сокращение ресурсов питания и повышение степени опасности приводили к большему сплочению антропоидных групп. Обеспечение безопасности требовало достаточно хорошей внутренней организации и слаженности действий. Процесс формирования первичного объединения неизбежно должен был приводить к совершенствованию иерархической структуры отношений и усилению доминирования для ее поддержания. Благодаря данным процессам первичные объединения антропоидов превращались в более сложные и устойчивые сообщества — стада.

Отношения, возникающие внутри стада, должны были характеризоваться как противоречиво напряженные. С одной стороны, потребность в совместной охоте и обеспечении защиты своих кормовых территорий от внешних врагов требовала сплочения группы. С другой — проблема распределения добытых продуктов питания в условиях их острого дефицита порождала внутреннюю конфликтность и неустойчивость объединения. Такая противоречивость отношений создавала серьезные проблемы в жизнедеятельности антропоидов, однако стремление к преодолению возникающих кризисов ради обеспечения безопасности конечного итоге, сказывалось на развитии каждого члена сообщества в частности и на эволюции вида в целом.

²⁰ Вагнер В. А. Этюды по сравнительной психологии. Л., 1929

Регуляция поведения и отношений внутри стада

Доктор биологических наук Нина Александровна Тих в своей работе «Предыстория человечества» писала: «Если для стада в целом существует внешняя среда, то для индивида непосредственной средой является само сообщество, в котором он живет и к которому должен приспосабливаться. Сообщество состоит из совокупности индивидов, обладающих сходными потребностями в пище, сексуальном общении, объединении с другими индивидами, в обслуживании с их стороны, в защите при конфликтах. В силу сходства этих потребностей и из-за ограниченной базы для их удовлетворения внутри стада возникают более или менее серьезные конфликты»²¹. Основным внутренним регулятором отношений в группах древних антропоидов являлась система доминирования, которая определяла согласование сталкивающихся интересов и разрешение или предотвращение конфликтов. Опираясь на результаты наблюдений за современными человекообразными обезьянами, можно предположить, что у древних предков человека взрослые самцы доминировали над самками и подростками, взрослые самки доминировали над подростками. Исключением из системы доминирования являлись маленькие детеныши.

Доминирование внутри стада, которое могло быть более или менее жестким, неизбежно создавало условия для конкурентной борьбы за привилегированные места в структуре сообщества. Данная конкуренция запускала действие центростремительных сил, разрушающих единство и сплоченность объединения, что, в свою очередь, вступало в явное противоречие с потребностью во взаимопомощи и обеспечении безопасности посредством цельности сообщества.

Наличие такого противоречия было не только неизбежным, но и необходимым для выживания и дальнейшего развития вида. «Если исключить взаимопомощь, то объединение станет бесполезным, так как индивид ничего не выигрывает

²¹ Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 45

от жизни в сообществе. Если допустить такую возможность, как отсутствие борьбы индивида за удовлетворение своих потребностей, то это приведет его к гибели, так как животное сообщество, конечно, не в состоянии взять на себя обеспечение потребностей индивида»²².

Таким образом, излишне жесткая конкурентная борьба, порождающая непрерывные конфликты внутри стада, была деструктивна и невыгодна ни отдельной особи, ни стаду. В отчаянной борьбе за существование и значимое место в сообществе древние антропоиды подвергались опасности быть

²² Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 45-46

травмированными, искалеченными или даже убитыми. Эта же борьба была деструктивна и для вида в целом, так как сокращала численность сообществ и тем самым понижала уровень их безопасности во взаимодействии с агрессивной внешней средой.

Исходя из этого положения, в ходе эволюционных процессов, длящихся миллионы лет, в сообществах антропоидов выработывались первичные основы социальных отношений и правил поведения, способствовавших предупреждению, смягчению и преодолению частых жестких столкновений. Результатом действия этих первичных правил было установление приоритета взаимопомощи над доминированием. Взаимопомощь не позволяла стаду распадаться, а ограниченное доминирование регулировало отношения внутри сообщества. Можно сказать, что антропоиды очеловечивались благодаря заботе о ближнем, о себе подобном существе, проявляя к нему доброе «человеческое» отношение. Традиции подобных внутригрупповых связей начали формироваться задолго до появления первых людей. Благодаря развитию этих отношений наши далекие предки перешагнули границы звериного интеллекта.

Функциональная структура в стаде древних антропоидов

Правила поведения в древнем стаде определялись принадлежностью индивидов к половозрастным подгруппам, составляющим иерархическую структуру объединения. Основной доминирующей фигурой в стаде был вожак, как правило, самый сильный, спокойный и уравновешенный половозрелый самец, а в случае его отсутствия – одна из сильных половозрелых самок. Ближе всего к вожаку в иерархической структуре стада располагались наиболее сильные и значимые самцы и самки, составляющие основную группу сообщества, на периферии находились слабые особи – дети и старики. Основными структурными элементами древнего стада были объединения

самцов и самок, самок и детенышей. Отдельную подгруппу могли составлять подростки, которые уже отошли от материнской груди и питаются самостоятельно, но еще не способны принимать полноценное активное участие в жизни стада и не достигли половой зрелости.

Примерные представления об отношениях в сообществах древних антропоидов могут дать наблюдения за поведением современных обезьян, ведущих стадный образ жизни. Н. А. Тих полагает: «Главным критерием ценности каждого индивида в сообществе приматов (до появления человека) является его значение для воспроизводства вида. Второе место занимает полезность индивида для самосохранения стада. В соответствии с этими двумя функциями индивида в первую очередь определяется его положение в сообществе, или его «ранг». С этой точки зрения, первое место должны занимать взрослые половозрелые самцы с хорошо развитыми сторожевыми и защитными рефлексами. Именно на них лежит выполнение обеих этих функций. Что касается самок, то их ценность зависит в первую очередь от способности к воспроизведению потомства и затем – от их роли в выращивании беспомощного детеныша. /.../ Значимость самки, а следовательно, и ее положение в стаде периодически меняются в зависимости, с одной стороны, от менструальных циклов, а с другой – от степени ее незаменимости в уходе за новорожденным грудным детенышем»²³.

Исследования поведения современных человекообразных обезьян выявили, что вожак в стаде выполняет разнообразные и сложные функции. В первую очередь это функции охраны и регулирования поведения членов сообщества. «Он наиболее чуток к тому, что происходит в окружении и быстрее реагирует на признаки опасности. Даже ночью его сон постоянно перемежается бодрованием. Он выступает на защиту отдельных членов стада при столкновении с внешним врагом. Вожак оберегает стадо от рассеивания: при попытках отдельных членов стада вступить в контакт с представителями дру-

²³ Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 175

гих объединений вожак энергично вмешивается. При этом агрессия подвергается как член своего, так и представитель другого объединения. Вожак постоянно следит за поведением всего стада и быстро замечает (как, впрочем, и все другие обезьяны) ситуации, опасные для всего стада.

Вожак защищает одних членов объединения от агрессии других или, наоборот, оказывает содействие агрессивным выступлениям одного животного против другого. Особой защитой вожака пользуются самки с грудными детенышами, маленькие детеныши, лишённые матерей. Под его опекой находятся и самки, к которым он особенно тяготеет вследствие их физиологического состояния в данный момент или в силу своего индивидуального избирательного отношения к ним. Наименьшим вниманием вожака пользуются подростки и очень старые самки²⁴.

Иерархическая структура ярко проявляется при распределении пищи среди обезьян. Питание в стаде осуществляется в порядке строгой очереди, определяемой статусно-ранговой позицией члена сообщества. Первым продукты питания достаются вожаку. Остальные члены сообщества сидят в стороне и не приближаются к пище, пока вожак не насытится и не отойдет от корма. Попытки прикнуться к трапезе вожака жестоко им пресекаются. Когда вожак поел и удалился, к еде приступают взрослые сильные самцы и самки, составляющие основную группу стада. После насыщения основной группы остатки пищи достаются подросткам и слабым старым особям. Если вожак или более сильная обезьяна возвращается к корму, то слабые прекращают еду и отходят в сторону. Кто не следует этому правилу, подвергается репрессивным санкциям. Наблюдениями зоопсихологов было установлено, что ту обезьяну, которая подверглась агрессии со стороны вожака, начинают игнорировать и другие члены стада, демонстрируя тем самым свою солидарность с вожаком. Однако при этом неправильные действия вожака могут вызвать агрессию и нападение на него со стороны всего стада. Вожак остается вожаком

²⁴ Тих Н. А. Предистория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 62

до тех пор, пока его поддерживает большинство членов стада. В том случае, если он не в состоянии выполнять свои обязанности по защите стада от внешней опасности или рассеивания вследствие внутренних конфликтов, его смещают и заменяют более достойным членом сообщества.

Следовательно, основное значение вожака заключается не в подавлении и подчинении своей силе, а в охране стада от опасности и рассеивания. При этом стадо, как единый социальный организм, само регулирует наиболее важные процессы своей жизнедеятельности. В частности, оно определяет границы допустимости власти вожака, степень выраженности конфликтов и правила их разрешения. Таким образом, можно сделать вывод о том, что структура объединения обезьян устроена достаточно целесообразно: с одной стороны она отвечает необходимости выполнения основной функции – воспроизводства вида, а с другой – ограничивает возможности серьезных конфликтов внутри сообщества. Для древних антропоидов такая целесообразность наверняка была значима и необходима.

Сексуальная жизнь в антропоидном стаде

Конфликты среди обезьян происходят, как правило, из-за пищи или из-за столкновений на почве сексуальных отношений. Сексуальные конфликты встречаются между самцами, не поделившими самку или между самцом и самкой, которая не желает вступать с ним в отношения. Сексуальная жизнь обезьян отличается большим разнообразием. У примитивных макак она достаточно пассивна и не избирательна. У более развитых шимпанзе она активна, отличается избирательностью и привязанностью. Самец шимпанзе, живущий с самками, спаривается со всеми ими ежедневно, а при отказе самки прибегает к укусам и лобоям. У древних антропоидов сексуальная жизнь должна была отличаться еще большей избирательностью, привязанностью и сложностью отношений. При этом она предполагала одновременные отношения с несколькими партнерами на основе взаимных предпочтений

Однако гипотетическое предположение о доминировании самцов над самками не дает нам основания считать, что на ранних стадиях формирования отношений они проявляли исключительную активность, а самки были всегда пассивны и покорны. Наблюдения за поведением животных свидетельствуют о большом разнообразии межполовых отношений.

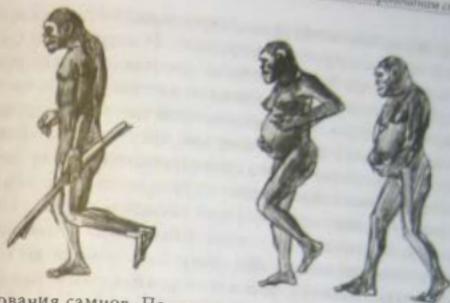
Известный английский антрополог Эрнест Кроули писал: «Известно, что самки животных иногда бегут за самцом, а затем поворачивают назад и бегут, подчиняясь желанию самца только после долгих настояний. Оленья самка, как известно, убегает от самца оленя, но бегаёт, описывая около него круг»²⁵. Такие же признаки сексуальных отношений наблюдаются среди разных видов приматов. Н. А. Тих отмечала: «Если сравнивать половое поведение самца и самки у низших обезьян, то у самок оно более разнообразно: сюда относятся «кокетство» в форменного избегания контакта (обычно у самок, пользующихся вниманием самца), многочисленные способы, применяемые самками, чтобы добиться внимания самца (чаще наблюдаются у отвергнутых самок). К числу их относится не только подставление, попытки обсыкивания, но и такие приемы, как жалоба на мнимую угрозу со стороны представителей соседних групп, мнимая жалоба на посягательства молодого самца. /.../ На свободе любая самка, систематически отвергаемая самцом одной группы, может найти благоприятный прием в другой и, прежде всего, среди «холостяков», то есть самцов, обитающих на периферии, — еще молодых и не имеющих самок или старых, уже отвергнутых в качестве вожаков объединения»²⁶.

У более развитых видов обезьян происходит формирование относительно устойчивых сексуальных партнерств между самцом и самкой или в виде небольшой группы, объединяющей самца с несколькими самками.

Отношения между полами в таких объединениях, как правило, в значительной степени регулируются системой доми-

²⁵ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 182

²⁶ Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 101

нирования самцов. Подчиненное же положение самок могло быть вызвано их ослабленным состоянием в период беременности и грудного вскармливания детенышей.

В эволюции приматов можно наблюдать нарастание относительной независимости в образовании сексуальных пар или групп от непосредственной репродуктивной функции. Н. А. Тих считала: «Индивидуальное тяготение самца к отдельной самке выходит за рамки половой потребности. Нередко в стаде некоторые самки остаются неплодотворенными, несмотря на нормальные половые циклы; самец отказывается от полового общения с ними. В то же время предпочитаемые самки объединяются с самцом и вне половых отношений»²⁷.

На ранних этапах эволюции определяющим фактором сексуальной жизни древних антропоидов являлся эструс — физиологическое состояние полового возбуждения самок, длящееся несколько дней в течение каждого менструального цикла. Относительно небольшой период эструса создавал естественную конкуренцию между самцами, которая приводила к конфликтам и борьбе за доминирующее положение в группе. Удовлетворение половых потребностей могло осложняться еще и недостаточным количеством самок в антропоидных группах.

Переход к прямохождению вызвал у самок соответствующую анатомо-физиологическую перестройку организма, которая,

²⁷ Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 103

свою очередь, осложнила процесс беременности и родов и привела к значительному росту их смертности. Французский антрополог и анатом Анри Виктор Валлуа на основе анализа ископаемых материалов пришел к выводу, что в эпоху палеолита и мезолита продолжительность жизни женщины вследствие родовых травм и осложнений была значительно меньше, чем у мужчин²¹. Вполне допустимо предположить, что доминирующие самцы временно монополизировали самок на пике эструса, позволяя другим, более слабым самцам спариваться в его начале или при затухании. При этом нередкими были случаи столкновения доминантных самцов, деливших между собой самку. Такие конфликты могли приводить к тяжелым травмам или смерти одного из самцов.

Будучи вооруженными хищниками, постоянно практикующими убийство, наши далекие предки часто уничтожали друг друга в ожесточенных схватках за доминирующее положение в групповой иерархии. Об этом свидетельствуют данные палеоантропологических находок. Профессор Йоханнесбургского университета доктор Раймонд Артур Дарт обнаружил в Таунге, Стеркфонтейне и Макапансгате (ЮАР) 17 фрагментов останков австралопитеков со следами насильственной смерти, прозошедшей от воздействия естественных орудий (камень, костей и палок)²².

Таким образом, существовавшая среди австралопитеков система иерархического доминирования, обеспечивающая регуляцию отношений в группе, постоянно провоцировала ожесточенные столкновения, которые могли реально угрожать существованию объединения и жизни всех его членов. Данное противоречие было устранено в ходе дальнейшего развития древних антропоидов и используемых ими средств борьбы за существование в тяжелых условиях ледникового периода. Отчасти эта проблема решалась биологическими средствами.

²¹ Vallois H. V. The social life of early man: the evidence of skeletons. - Social life of early man. 1950. P. 224-226. Также см. Немиллов А. В. Биологическая трагедия женщины. Л., 1929. Стр. 147-152

²² Dart R. The Makapansgat proto-human Australopithecus prometheus, 1955. P. 278

По мнению многих ученых-палеоантропологов, переход к прямохождению и вызванные им морфофизиологические изменения женского организма привели к увеличению периода эструса, а впоследствии и полного его исчезновения. Увеличение эстрального периода позволяло большему количеству самцов удовлетворять свои сексуальные потребности, что снижало напряженность отношений, вызванных доминированием. Последующее исчезновение эструса создало возможность для установления относительно стабильных парных отношений в группе. Однако в условиях недостаточности свободных особей женского пола доминирование и соперничество между самцами сохранялось. Сохранению доминирования способствовали и постоянный дефицит продуктов питания, и проблема их распределения между членами сообщества.

Эволюция очеловечивания антропоидов

Однако конфликты, возникающие в сообществах ранних предков человека, не были фактором, определяющим их жизни. Отношения между австралопитеками, в силу необходимости их стадной сплоченности в тот период, были, скорее всего, равными, а доминирование носило временный и эпизодический характер. Поведение древних антропоидов по отношению друг к другу, вероятно, подчинялось строгим правилам, нарушение которых жестоко каралось. Подобные правила, кодексы поведения, обнаруживаются и у современных обезьян, ведущих стадный образ жизни.

Так, Н. А. Тих, совместно с сотрудниками своей лаборатории, смогла выделить основные правила отношений в сообществе гамадрилов. На основании своих исследований она сделала вывод «Укрепление внутристадных связей, все нарастающая в эволюции общественности зависимость индивида от сообщества приводит к усилению влияния стада на жизнь каждого индивида ограничивая в известной степени его эгоистические тенденции /.../ Система ограничений действий индивида внутри сообщества гамадрилов (и в более смягченной форме – у других обезьян) представляет собой своеобразный «кодекс» /.../

- Нельзя обижать детеныша грудного возраста;
- В случае опасности вожак обязан унести детеныша-сироту;
- В случае сиротства детеныш должен получать беспрепятственный доступ к груди одной из кормящих самок;
- Посторонним (не членам стада, людям) нельзя пристально всматриваться в грудного детеныша;
- Проходя мимо грудного детеныша, следует приласкать его звуком или жестом;
- Если две самки объединились вместе, то третья того же или низшего ранга при приближении к ним должна сделать «реверанс» (подставиться);
- Если «реверанс» встречается отрицательной реакцией – жест или взгляд – третья самка должна отойти или пожаловаться вожаку;
- При приближении к объединившейся паре самок более старшей по рангу самки одна из пары должна уступить ей место или пожаловаться вожаку;
- Нельзя покидать свое стадо, входить в контакт с чужой группой, если это запрещает вожак;
- Когда член стада проходит мимо вожака, он должен сделать «реверанс»;
- Прежде чем взять корм на виду у вожака, надо сделать «реверанс»;
- Вожаку надо уступить место, дорогу, корм, партнера;
- В ответ на предупреждающий сигнал (взгляд, жест, звук), выражающий запрет со стороны вожака, надо немедленно прекратить начатое действие;
- Когда вожак наказывает провинившегося, никто из членов стада не должен вмешиваться;
- Члены стада должны остерегаться обижать самку, близкую вожаку или детеныша самки вожака³⁰.

На основании приведенных данных можно сделать вывод, что эволюция стадности в отряде приматов создавала базовые предпосылки для их постепенного очеловечения. Прежде

³⁰ Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 176

всего, следует отметить применение и частичную обработку естественных орудий труда, в качестве которых использовали камни, палки и кости животных. Палки и кости применяли как удлинители руки, а камни – как усилители мышечной силы. Дерево, как наиболее доступный и удобный в эксплуатации материал, подвергалось обработке с помощью зубов, рук и иногда камней. Заостренные палки и дубины были основными орудиями добывания пищи на протяжении многих тысяч лет.

Этот период развития предков человека можно с уверенностью назвать деревянным веком, который создал все необходимые условия для появления следующего этапа эволюции – каменного века. Расширение и усложнение ассортимента дореволюционных средств производства неизбежно привело к развитию преобразовательной деятельности. Длительное использование камней в обработке дерева создавало условия для ассоциативного переноса одностильных действий на другой объект – камень. Совершенствуя естественные орудия труда, обрабатывая и приспособляя их под свои нужды, антропоиды, а впоследствии и архантропы вносили в них искусственные изменения. Процесс этот был чрезвычайно длительным и занял более 20 миллионов лет.

Хронология становления вида Homo

Около двух с половиной миллионов лет назад древние предки людей начали изготавливать и использовать примитивные искусственные орудия труда и охоты, благодаря чему около миллиона лет назад антропоиды стали превращаться в пралюдей – архантропов, а их объединения – в первобытное человеческое стадо. Данный процесс положил начало эволюции вида Homo, становлению и развитию человеческого общества. Наступало время появления человека – эра каменного века, которую принято подразделять на три основных периода.

1. Палеолит – древнекаменный век (от 1 миллиона до 10 тысяч лет назад), когда далекие предки современных людей

занимались собирательством и примитивной охотой. В эту эпоху изобрели каменные орудия, которые постоянно усложнялись и специализировались. Около 35 тысяч лет назад появились первые свидетельства культа и культуры.

Палеолит, в свою очередь, подразделяется на периоды шельской (от 1 миллиона до 600 тысяч лет назад), ашельской (от 600 до 100 тысяч лет назад), мустьерской (от 100 до 40 тысяч лет назад) и ориньякско-мадленской (от 40 до 10 тысяч лет назад) культуры.

2. Мезолит – среднекаменный век (от 10 тысяч до 8500 лет назад). В этот период в конце плейстоцена в Европе охотники и собиратели освоили высокоразвитую культуру изготовления орудий из камня и кости, а также дальнобойное оружие – стрелу и лук.

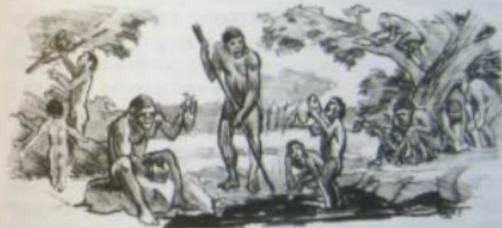
3. Неолит – новокаменный век (от 8500 до 4 тысяч лет назад). В эту эпоху возникли новые способы ведения хозяйства. Вместо присваивающего собирательного и охотничьего хозяйства образовались производящие – земледелие и скотоводство. В позднем неолите зародилось производство медных орудий, знаменующее переход человечества к бронзовому, а затем и железному веку.

Жизнь ранних архантропов

В отличие от антропоидов, архантропы обладали более высоким уровнем развития социальных отношений. Во времена раннего палеолита они жили крупными объединениями, вели наземный образ жизни и по телесной организации и развитию мозга значительно превосходили всех других приматов. Жизнь в сообществе, с ее сложной системой взаимоотношений, безусловно, способствовала развитию мозга и зарождению основ мышления. Развитие примитивного интеллекта, в свою очередь, способствовало усложнению форм добычи пищи и совершенствованию социальных отношений. Основные виды получения продуктов питания у древних архантропов были те же, что и у антропоидов – собирательство и охота.

Однако у первых людей они значительно отличались от подобных занятий развитых антропоидов.

В начальном, переходном периоде собирательство и охота были, скорее всего, единым смешанным процессом добычи пищи. Первые архантропы собирали растения и срезали остатки мяса с туш животных, убитых хищными зверями. Впоследствии, в связи с изменением климата и сокращения пищевых ресурсов, они сами стали активно охотиться на крупную дичь, объединяясь для этого в группы и используя естественные орудия и подручные средства.

Охота с использованием естественных орудий могла быть исключительно совместным, групповым видом деятельности, который включал в себя такие этапы, как подготовка орудий, поиск объекта нападения, подкрадывание, преследование и забой жертвы. Каждый из таких этапов требовал различных форм кооперации и координации действий. Совместных усилий требовала и доставка добычи на базовую стоянку, и последующая ее обработка. Снятие и обработка шкуры, подрезание связок и сухожилий, разделывание туши и разделение ее на порции – все это требовало определенного распределения труда и применения естественных острых орудий: камней, раковин или костей. В процессе охоты, доставки и разделывания добытого животного также требовалось разделение труда.

Достаточно сложным и трудоемким был и процесс собирательства, который у антропоидов, и тем более у архантро-

пов, значительно отличался от пастбищного образа питания других обезьян. Объектами этого рода деятельности были корнеллоды, зерна, ягоды, грибы, желуди, каштаны, древесные и земляные орехи, дикие яблоки, груши, стебли молодого бамбука и другие растения и плоды, произрастающие в районе обитания. Сбор корней и корнеллодов требовал таких действий, как подкапывание и выкапывание при помощи рук или естественных орудий – палок, костей, камней. Копка также была необходима при добычании воды. Подобные приемы добычания пищи и воды наблюдаются и у современных человекообразных обезьян.

Совершенствование организации жизнедеятельности, способов охоты и собирательства повышало индивидуальную значимость каждого члена группы, что, естественно, требовало ограничения доминирования, а в отдельных случаях – и полного его устранения. Прежде всего, это сказывалось на принципах распределения добычи, которые становились все более уравнительными. Каждый член сообщества имел право на равную с другими часть добытых пищевых ресурсов. Общий контроль за соблюдением этих прав неизбежно усиливал социализацию древних архантропов, что, в свою очередь, способствовало их дальнейшему эволюционному развитию. Так в шельском периоде раннего палеолита на смену антропоидам пришел архантроп – *Homo habilis* (человек умелый), которого принято считать переходной формой от высокоразвитого австралопитека к первому представителю рода *Homo*.

Homo habilis

«Подобно африканскому австралопитеку, *Homo habilis* имел рост 120 см и средний вес до 40-50 кг. /.../ Значительно более внушительными были объем полости его мозговой коробки и общая выпуклость черепа»³¹. Исходя из результатов калий-аргоновых исследований, существование данного вида

³¹ Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1983. Стр. 55

охватывает достаточно долгий промежуток времени – около миллиона лет. Фрагменты черепов и скелетов *Homo habilis* в период с 1959 по 1962 год в ущелье Олдувай в Танзании обнаружили археологи Луис, Мэри и Джонатан Лики³².

Как впоследствии установили, первые останки принадлежали ребенку 11-12 лет и, судя по строению стопы, он был прямоходящим. Позже аналогичные находки были сделаны в Кооби-Фора, Сварткрэне и других местах Восточной и Южной Африки. Хорошо сохранившийся череп, обнаруженный в 1972 году в Кооби-Фора Ричардом Лики, насчитывал возраст около трех миллионов лет³³. Таким образом, на основании данных палеоархеологических исследований специалисты сделали предположения о том, что Человек умелый был первым существом, сознательно изготавливающим орудия труда и охоты. Примитивные орудия олдувайской культуры – грубо обработанные камни – неоднократно находили вместе с останками этого существа.

Проведя серию исследований, ученые пришли к выводу, что кисть Человека умелого была способна к труду. Она обладала силовым захватом гораздо большей мощности, чем у любой обезьяны. Производство орудий и стадный образ жизнедеятельности способствовали развитию мышления, формированию языковой системы и возникновению новых, более сплоченных отношений внутри объединения.

Африканские австралопитеки также пользовались для добычания пищи различными естественными предметами,

³² Джохансон Д., Иди М. Люси Истоки Рода Человеческого. М.: Мир, 1984. Стр. 75-80

³³ Джохансон Д., Иди М. Люси Истоки рода человеческого. М.: Мир, 1984. Стр. 104-105

форма которых казалась им подходящей. Но, в отличие от антропоидов, Человек умелый не только использовал пригодные предметы, но и видоизменял их в соответствии с рабочим назначением. Эти первые осмысленно изготовленные орудия труда были примитивны и несовершенны. Орудия, обнаруженные на местах стоянок *Homo habilis*, почти все были изготовлены из кварца, месторождения которого были обнаружены на значительном расстоянии – от трех до пятнадцати км. Это свидетельствует о том, что они заранее подбирали камни для своих орудий и специальным образом обрабатывали их. Ни одно из животных не только не подбирает сырье для своих орудий, но и вообще не додумывается раскалывать камень, чтобы сделать его острым, превратить в орудие. Именно Человек умелый сделал первый шаг по пути подчинения себе окружающей природы.

Отношения в сообществах первых людей

С появлением новых искусственных орудий труда повысилась эффективность охоты, что привело к снижению дефицита продуктов потребления и естественному сокращению конфликтов на этой почве среди *Homo habilis*. С изменением условий жизнедеятельности естественным образом менялась и система взаимоотношений в стаде.

«Стадно-вожаческая структура сообщества должна была смениться новой формой объединения. Если для вожака в стаде антропоидов главные функции заключаются в размножении и защите, то для вожака в сообществе предлюдей на первое место стали постепенно выступать другие стороны индивида: способность к добычанию мяса крупных животных, связанная с таким новым признаком, как умелость (первое место мог занимать наиболее умелый самец, лучше обеспечивающий свое потомство или группу в целом мясной пищей); способность и умелость в употреблении и обработке орудий, и, наконец, способность отдавать часть своей добычи другим

членам стада. /.../ В условиях нового коллективного добывания пищи вождь и другие члены стада уже не могли захватывать все добытое только для себя, и неизбежно должны были участвовать в его распределении»⁴.

Таким образом, совместное производство орудий труда и охоты, коллективный характер добывания пищи неизбежно приводили к обобществлению собственности и уравнительному разборному принципу распределения ресурсов. Сущность данного принципа заключалась в том, что все продукты питания, вне зависимости от того, как и кем они были получены, являлись полной общественной собственностью стада и разбирались его членами для личного потребления. Такой же общей собственностью могли быть и орудия труда.

Эти новые принципы системы отношений в первобытных человеческих сообществах способствовали тому, что физическая сила уже не имела такого первостепенного значения, как в объединениях антропоидов. Важнейшим фактором жизнедеятельности стада древних архантропов стала способность подчинять интересы отдельного индивида интересам сообщества.

Тих Н. А. Предистория общества. Л. Изд-во ЛГУ, 1970. Стр. 299

Признание ценности каждого индивида определялось степенью его участия в производственной деятельности, добыче питания и защите других членов стада. Физическая сила в первобытных стадах *Homo habilis* все более стала использоваться во внешних связях с агрессивным миром и все менее – для регуляции внутренних отношений.

Н. А. Тих утверждала: «Эта перестройка ориентаций на ценность индивида является характернейшим отличием сообщества предгоминид и тем более гоминид от стада всех остальных приматов. В сообществах предгоминид получили общественное (т. е. для вида в целом) значение такие качества индивида, которые в стаде животных не играли ведущей роли. На первый план выходили способности к владению естественными орудиями, а затем к изготовлению искусственных орудий труда. Физическая же сила только тогда могла получать положительную оценку сообщества, когда она направлялась по линии отстаивания его интересов (в добывании средств питания, обороне от хищников, защите самок и детенышей). А применение и использование физической силы внутри сообщества для захвата и удовлетворения собственных потребностей за счет интересов других не могло не встречать активного сопротивления в объединении, основанном на совместном добывании и распределении средств питания. /.../ На этой стадии начинается качественно новая перестройка взаимоотношения между сообществом и индивидом, ведущей стороной которого является углубление и укрепление их взаимозависимости»³⁵.

Возрастание зависимости жизни отдельного индивида от состояния сообщества приводило не только к качественной перестройке внутренней структуры и системы отношений в первобытном стаде, но и к значительному ослаблению его подчиненности каким бы то ни было изменениям внешней среды обитания. При данной взаимной зависимости индивида и сообщества значительно повышалась их способность к выживанию в быстрых сменах условий существования.

³⁵ Тих Н. А. Предыстория общества. Л.: Изд-во ЛГУ. 1970. Стр. 280

От стада - к первобытной общине

С переходом к более сложному групповому способу добывания пищи с помощью искусственных орудий произошел крутой поворот в направлении эволюции человека. В частности, изменилась основа содержания его жизнедеятельности с воспроизводства вида на способность к овладению предметной деятельностью, владению орудиями труда, к созданию материальной базы сообщества. В слоях олдувайского ушелья палеоархеологи обнаружили следы древних стоянок пралюдей, представляющих собой скопление хозяйственных отходов и орудий труда. По оценке палеонтолога профессора калифорнийского университета Дж. Кларка, «орудия олдувайской культуры представляют собой основной инвентарь, необходимый для того, чтобы обеспечить снабжение разнообразной растительной и животной пищей, которая доставлялась на базовую стоянку»³⁶.

Такие базовые стоянки служили местом достаточно длительного, хоть и временного обитания. Существование стоянок свидетельствует о зарождении относительной оседлости в образе жизни первых людей. Одной из причин возникновения временной оседлости было увеличение периодов развития и подготовки детей к самостоятельной жизни. Процесс взросления и овладения навыками самостоятельной жизни у молодых особей, по мнению исследователей, мог занимать от 7 до 10 лет.

В соответствии с изменением основы жизнедеятельности изменялась и внутренняя структура сообщества. Вместо прежних биологических объединений мать - детеныш и самцы - самки стали образовываться группы для добывания пищи. При этом если подгруппа мать - дети сохраняла свое прежнее значение, то временные половые подгруппы самцов и самок утратили свою зависимость от функции размножения. Помимо сексуальных отношений, их стали объединять совместная деятельность в поисках орудий труда, охота и собирательство. Сексуально-производственное партнерство, вероятнее всего,

³⁶ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М.: Наука. 1977. Стр. 63

было представлено временным объединением в виде малой группы, состоящей из самца, самки и их детей. Самцы были наиболее подвижными и чаще сменяемыми элементами таких объединений. Такое положение, безусловно, укрепляло взаимосвязи внутри сообщества, но при этом не устранило, а порой и усиливало соперничество и борьбу за хорошего, качественного партнера. Особенно ярко подобное соперничество должно было проявляться среди женских особей, поскольку их участие в трудовой деятельности, и особенно в охоте, было ограничено функцией воспроизводства потомства.

Исходя из этого, можно предположить, что материнско-детские группы были постоянными обитателями базовых стоянок. Кроме присмотра за детьми и подростками, они занимались собирательством растительной пищи в окрестностях жилища. Остальные члены сообщества должны были участвовать в процессе охоты и транспортировке добычи. Такое положение естественным образом приводило к возникновению социальной и трудовой дифференциации по половому признаку.

Выраженное неравенство между полами определялось соотношением их вклада и тех минимальных усилий, которые были необходимы для продолжения рода. Вклад женщины в репродукцию определялся сроком продолжительности беременности и был равен девяти месяцам. Однако в тех условиях женщина должна была тратить намного больше времени, чтобы быть уверенной в жизнеспособности своих детей. В примитивной обстановке для воспитания потомства необходимы были несколько лет заботы и ухода. В противоположность этому, минимальное время, необходимое мужчине для продолжения рода, может ограничиться несколькими минутами или даже секундами. Это в основном и определяло ту существенную разницу в образе жизнедеятельности мужчин и женщин вида *Homo habilis*.

Женщины обладали большей стабильностью и консервативностью. Жизнь их была значительно менее динамична, чем жизнь мужчин. Занимаясь собирательством вблизи стоянок, они обеспечивали жизнь сообщества необходимым теплом

и, пусть не самым калорийным, зато постоянным продуктом. Сексуальные отношения характеризовались одновременной полигамностью и полиандричностью, регулировались исключительно взаимной привязанностью и не отличались постоянством. Молодые женщины до наступления беременности могли охотиться вместе с мужчинами.

Охота, бывшая неотъемлемой частью жизни *Homo habilis*, требовала освоения навыков совместных и хорошо скоординированных действий, а также соответствующей достаточно развитой и сложной коммуникации. По мнению Дж. Д. Кларка, *Homo habilis* «жили небольшими и вместе с тем непостоянными по составу, открытыми для чужаков коллективами, существовавшими благодаря собирательству и групповой охоте, добыча от которой распределялась между их членами».

Успех подобного образа жизни был обусловлен передачей усвоенных навыков производства орудий от родителей к детям, а также все более интенсивным применением орудий, что вело к появлению новых характеристик, новых форм существования в параллельной биологической эволюции.³⁷

³⁷ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. Стр. 68

Homo erectus

Результатом данных эволюционных процессов стало появление в эпоху среднего плейстоцена, нового вида архантропов – *Homo erectus*, или Человека прямоходящего. Впервые останки данного вида в 1891 году на острове Ява обнаружил голландский анатом и антрополог профессор Эжен Дюбуа. В дальнейшем останки *Homo erectus* были обнаружены на территории Африки, Европы и Азии.

Столь широкое распространение данного вида свидетельствует о том, что его представители были достаточно развиты в умственном и физическом отношении для адаптации в различных природных условиях. *Homo erectus* был значительно выше *Homo habilis* – его рост составлял 165–175 см. Этот предок современного человека обладал большим мозгом (от 775 до 1215 куб. см) и соответственно большим массивным черепом. Черты его лица уже значительно отличались от физиономий человекообразных обезьян и гораздо более напоминали лицо человека. «Черепная коробка по сравнению с австралопитеками (особенно с их грацильными формами) выглядит несколько тяжеловато. Сильно развит надглазничный валик, лоб низкий, челюсти массивные, выдающиеся вперед. /.../ Челюстной аппарат выглядит совершенно «по-человечески». Клыки едва ли больше человеческих»³⁸. Скелет лишь немногим отличался от скелета современного человека.

Вид *Homo erectus*, обнаруженный в Китае – синантроп, был менее высоким, немногим более 150 см. Однако при этом: «У синантропа была крупная голова с развитым надглазничным ва-

³⁸ Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1983. Стр. 79

лицом. /.../ Грацильней выглядит его нижняя челюсть. Но самое разительное отличие связано с размерами мозга. Из четырех черепов, позволявших провести соответствующие измерения, объем полости мозговой коробки в трех случаях превышал 1000 куб. см. У двух мужских черепов он составлял соответственно 1220 и 1100 куб. см, у третьего, женского – 1050 куб. см»

Для жизнедеятельности *Homo erectus* было характерно применение широкого спектра искусственных орудий труда и охоты, относимых к ашельской культуре. «Ашельские стоянки, относящиеся к концу среднего плейстоцена, дают большое разнообразие ретушированных орудий и показывают заметное усовершенствование техники их обработки»³⁹. *Homo erectus* жили в пещерах и на открытых пространствах у источников воды, умели пользоваться огнем. Они возводили на стоянках примитивные сооружения и использовали шкуры добытых животных в качестве одежды. Так, в результате археологических раскопок нижнеашельской стоянки на Лазурном берегу, недалеко от Ниццы (Терра-Амата) были обнаружены ямки от столбов и каменные блоки, а внутри овального участка правильной формы – очаги⁴⁰. Такие следы напоминают форму установок эскимосских жилищ — сшитых из шкур шатров, средняя часть которых поддерживается центральным шестом, а края прижимаются к земле тяжелыми камнями. Самые крупные хижины этой сезонной стоянки на морском берегу могли вмещать до 20 человек. Как правило, стоянки служили пристанищем лишь на несколько дней, пока люди планировали охоту, свежевали туши убитых животных и делили между собой их мясо, собирали съедобные растения.

Подобные стоянки были обнаружены и на территории России – в Дагестане, в Воронежской, Калужской, Тульской и Волгоградской областях. Эректусы также были распростра-

³⁹ Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артия, 1983. Стр. 82.

⁴⁰ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. Стр. 85.

⁴¹ Lumley H. A. Paleolithic Camp at Nice. New York: Scientific American, 1969, vol. 220, № 5, p. 42–50

ны в Восточной и Средней Сибири, в Северо-Минусинской впадине, в долине Енисея⁴².

Во французских Пиренеях недалеко от Тотавеля и в Чжоукоудяне около Пекина археологи нашли пещерные охотничьи стоянки. Французская пещера Араго, по-видимому, использовалась как временная сезонная стоянка, где люди жили, преследуя мигрирующую дичь. А вот пещера в Чжоукоудяне была долговременным жилищем синантропов – об этом свидетельствует обнаруженный там слой пепла толщиной шесть метров⁴³.

Огонь был знаком еще *Homo habilis*, но именно *Homo erectus* первым начал систематически использовать его для обогрева, приготовления пищи, защиты от хищников и для охоты на диких животных. В последнем случае огонь мог применяться для загона животных к обрывам, ямам или к воде, где они становились легкой добычей. Также в охоте могло использоваться ослепляющее свойство дыма.

На основании анализа останков, обнаруженных на месте стоянок, *Homo erectus* охотились на бизонов, оленей, газелей, лошадей, носорогов, обезьян и людей. Так в Кении, недалеко от Олorgesейли, была обнаружена стоянка с останками 50 обезьян – симопитеков. Древние люди, вероятно, напали на стадо спящих бабуинов и забили их дубинками. Такой способ охоты до сих пор распространен у танзанийских племен. В пещере Чжоукоудянь были найдены разбитые кости человеческих конечностей, и человеческие черепа с выломанным основанием. Эти находки свидетельствуют о том, что синантропы были каннибалами, которые любили головной и костный мозг осо-

⁴² Замятин С. Н. Находки межледниковой фауны и оббитых кварцитов у с. Шубное Воронежской области // М.: Ученые записки МГУ, 1952. Вып. 158. Мостин О. В. Древнейшие поселения Калужской области, 2006. Бухтоварова И. М. Советские археологи о проблеме распространения палеолитических поселений на территории Верхнего и Среднего Подонья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале в 2008 году, В 3 тт. – М.: ИА РАН, т. 1. Стр. 41–42

⁴³ Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель, 1991

бей, принадлежащих к их же собственному виду⁴⁴.

Обеспечение жизнедеятельности и безопасности первобытной общины требовало от древних прадедов совершенствования охотничьих орудий. Наиболее эффективными в то время оказывались комбинированные, составные орудия. Некоторые данные позволяют думать, что эти предки современного человека пользовались думать, что эти предки современными наконечниками. «Но, какие бы способы ни применялись, охота была связана с риском, и этим можно объяснить то, что большинство черепов *Homo erectus* имеют следы старых заживших повреждений»⁴⁵.

На основании анализа археологических данных Дж. Д. Кларк делает следующее заключение: «Разделка крупных животных происходила на месте их гибели. /.../ Анализ костного мусора на ашельских стоянках дает возможность предположить, что мелкие животные разрывались на куски, частично съедались на месте, частично относились на стоянку»⁴⁶. При раскопках ашельских стоянок были обнаружены кости гигантских бабуинов и слонов, что свидетельствует об охоте, проводимой большими группами.

Возможность охоты на столь крупных животных предполагает не только наличие достаточно сложного и многообразного спектра орудий, но и, безусловно, требует высокого уровня коммуникации, то есть зарождения речи. В свою очередь, овладение речью означает определенные видоизменения черепа и лицевых мышц, а также скоординированное использование гортани, языка и губ для оптимальной артикуляции. Известный специалист в области палеоантропологии профессор Калифорнийского университета Бернард Грант Кампбелл писал: «Речь есть нечто большее, чем соединение звуков. Она представляет собой процесс кодирования мысли в серии регу-

⁴⁴ Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель, 1991. Стр. 132–135

⁴⁵ Ламберт Д. Доисторический человек: Кембриджский путеводитель, 1991. Стр. 132–133

⁴⁶ Кларк Дж. Д. Доисторическая Африка. М.: Наука, 1977. Стр. 94

лярных и связанных между собой звуков, и кодирование это происходит в коре головного мозга»⁴⁷.

Таким образом, по имеющимся данным палеоантропологии и палеоархеологии, *Homo erectus* обладал большими способностями и более широким диапазоном действий, чем *Homo habilis*. Данный вид значительно усовершенствовал технику коммуникации. Ян Елинек, автор Большого иллюстрированного атласа первобытного человека, утверждал: «О самой членораздельной речи говорить не приходится, но, во всяком случае, *Homo erectus* умел мыслить и сообщать определенную информацию и, следовательно, был уже во всех отношениях человеком»⁴⁸. К концу уэльского периода он достиг социальной стабильности и интеллектуальных способностей, которые обеспечивали ему быстрое развитие в самых различных направлениях. Все эти весьма значительные достижения представителей вида *Homo erectus* привели к важнейшему изменению в эволюции человека – культурное развитие стало оказывать большее влияние на его жизнь, чем биологические изменения. Вполне вероятно, что на стадии *Homo erectus* древние люди уже имели определенную социальную структуру сообщества, отношения в которой регулировались естественно-бытовыми предписаниями и ограничениями. Данные ограничения составляли первичную основу будущей культуры человечества. Без них было невозможно обеспечивать жизнь сообщества необходимыми ресурсами питания и безопасности. Изготовление орудий труда, охота, собирательство, защита от внешних врагов и соблюдение бытовых норм требовали сложной организации деятельности и строгой подчиненности лидерам сообщества.

При этом, даже имея сложную социальную структуру и используя широкий диапазон природных ресурсов, *Homo erectus* обладал крайне низкой производительностью труда и

⁴⁷ Campbell B. G. Human Evolution. An Introduction to Man's Adaptations. Chicago, 1966. P. 311

⁴⁸ Елинек Я. Большой иллюстрированный атлас первобытного человека. Прага: Артис, 1983. Стр. 79

минимальной способностью к специализации. Последующий долговременный процесс адапционного развития, определявший ход эволюции человека, приводил к появлению новых, более совершенных типов вида *Homo* – *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*.

Становление религиозных форм отношений и появление *Homo sapiens*

Современная палеоантропология представляет эволюцию человечества как очень сложный и разнообразный процесс, включающий в себя не только анатомические и морфологические изменения организма, но и динамику развития мировоззренческих представлений далеких предков современного человека. К последним следует отнести формирование духовных, религиозно-мистических основ отношений человека с окружающей его действительностью. Изучение биологической динамики эволюции человека в большей степени опирается на данные палеоархеологических исследований, которые свидетельствуют о значительном многообразии форм становления современного вида *Homo sapiens*.

Исследования духовной жизни древних людей в ранние доисторические периоды имеют значительные ограничения, и здесь основным способом изучения данного вопроса является анализ этнографического материала.

Эволюция вида не разделяется на физическую и духовную составляющие. Оба эти аспекта постоянно находились и до сих пор находятся в теснейшем взаимодействии и взаимопроникновении. Адаптационное развитие организма и совершенствование коры головного мозга способствовали более успешному освоению окружающей действительности и осознанному проникновению в ее таинственные свойства. Познавание этих особенностей мира и активное взаимодействие с ними, в свою очередь, способствовало развитию мозга и динамичному изменению анатомической структуры тела.

При этом дальние предки современного человека не представляли собой однородную массу, постепенно прогрессирующую в своем развитии. Сменяющие друг друга виды далеко не всегда были звеньями единой наследственной цепи. Различные эволюционные линии были представлены многими видами архантропов. Временные интервалы существования этих видов могли перекрываться и частично совпадать друг с другом. Иногда несколько разных видов архантропов, находящихся на разных «уровнях» биологического и духовного развития и близости к человеку, сосуществовали в одном и том же биотопе.

Так, 50 тысяч лет назад древние люди были представлены как минимум четырьмя видами: *Homo erectus* (Человек прямоходящий), *Homo floresiensis* (Человек флоресский), *Homo neandertalensis* (Человек неандертальский) и *Homo sapiens* (Человек разумный). Относительно *Homo floresiensis* предположительно известно, что это карликовый ископаемый вид людей, останки которого обнаружили в 2003 году в Индонезии. На острове Флорес в пещере Лианг Буа были найдены несколько скелетов разной степени сохранности. Возраст этих останков составляет приблизительно от 17 до 95 тысяч лет. Несмотря на невысокий рост – меньше 1 м, и малый объем

мозга – около 400 куб. см, эти люди были способны к обработке каменных орудий. По современным теоретическим предположениям, *Homo floresiensis* вымерли 12 тысяч лет назад из-за извержения вулкана.

Неандертальцы и кроманьонцы

Появившийся 230 тысяч лет назад в мустьерский период среднего палеолита *Homo neandertalensis* длительное время сосуществовал с другим видом – *Homo sapiens*, представленным наиболее ранним видом кроманьонского человека. Существование кроманьонцев охватывает период от 40 до 12 тысяч лет назад. Оба эти вида населяли территории Восточной Африки, Европы и Азии и частично ассимилировались друг с другом.

Сексуальные связи между разными видами *Homo* были далеко не редкостью, и, скорее всего, дали потомство, от которого впоследствии произошел *Homo sapiens* современного вида. В 2010 году исследователь из Университета Нью-Мексико в Альбукерке Джеффри Лонг представил результаты анализа ДНК современных людей, которые подтверждали скрещивание кроманьонцев и неандертальцев. Еще раньше профессору Свенту Пебо из Института эволюционной антропологии Макса Планка в Лейпциге удалось доказать наличие в этом же геноме «следов» неандертальцев. Гены неандертальца были обнаружены в геномах целого ряда современных народов. Предварительные результаты показали, что ДНК современного человека и неандертальца идентичны приблизительно на 99,5%.

Профессор антропологии Эрик Trinkaus из Вашингтонского университета по останкам, принадлежавшим человеку, жившему на территории Румынии около 40 тысяч лет назад, сумел воссоздать его внешний облик. Результаты реконструкции обнаружили в нем черты как кроманьонца, так и неандертальца. Аналогичные результаты получили и специалисты по молекулярной антропологии из Университета Пенсильва-

нии Теодор Шурр. Он обнаружил гибридные черты в останках человека, который жил 20 тысяч лет назад в Австралии. По мнению Джеффри Лонга, люди, появившиеся в результате межвидового скрещивания кроманьонцев с неандертальцами, расселились по Европе, Азии, Северной Америке и Океании.

Неандертальцы и кроманьонцы значительно отличались друг от друга по внешнему виду, уровню развития и образу жизни.

Неандертальцы обладали ростом около 165 см, массивным телосложением и большой головой необычной формы. По объему черепной коробки (1400-1740 куб. см) они даже превосходили современных людей. Их отличали мощные надбровные дуги, выступающий широкий нос и очень маленький подбородок. Некоторые исследователи предполагали, что неандертальцы могли быть рыжими и светлоскожими. В начале XXI столетия эта идея получила генетическое подтверждение. Анализ ДНК из костей двух неандертальцев показал, что у обоих обнаружена мутация в гене меланокортинового рецептора (MC1R). Данное образование под названием «меланоцит» производит пигмент меланин, который отвечает за цвет кожи, волос и глаз. Оказалось, что ген неандертальца производит такой же уровень меланина, как гены современных людей с рыжими волосами и светлой кожей.

Анализ костного строения показывает, что, вероятно, половой зрелости они достигали к 8-10 годам, а средняя продолжительность жизни составляла 22-23 года. Максимальный срок жизни отдельного индивида достигал не более 45-50 лет. Многочисленные болезни, тибель на охоте или в стычках с другими племенами очень рано обрывали жизнь множества древних людей. Женщины, часто рожавшие, уже к 25-30 годам превращались в старух, а, занимаясь собирательством, они часто становились добычей хищников. Обычно 50% неандертальцев умирали, не дожив до 20 лет. Примерно 40% доживали до 30 лет и около 10% жили до 40-45. Расцвет жизнедеятельности приходился на период от 10 до 30 лет. В 10-12 лет неандертаец превращался в полноценного мужчину, способного к деторождению, охоте и выполнению различных общественных функций.

Строение мозга и голосового аппарата неандертальцев позволяют сделать вывод о том, что они могли обладать примитивной речью. При генетическом анализе останков *Homo neandertalensis* были обнаружены гены (FOXP2), несущие программу речевых способностей. Однако, по данным последних исследований, даже при наличии этого гена полноценно гово-

рять они еще не могли из-за особенностей строения голосовых связок. Эти особенности ротовой полости не позволяли им произносить все звуки, которые способен издавать современный человек, однако вокализация была вполне достаточной для развитой высокоинформативной коммуникации. Речь неандертальцев была примитивно короткой и отрывистой.

Существовавший одновременно с *Homo neanderthalensis* вид *Homo sapiens* кроманьонский был более прогрессивен в своем развитии. Останки этого вида в 1868 году во Франции, в гроте Кро-Маньон нашел французский археолог и палеонтолог Луи Ларте. Кроманьонцы являются наиболее близкими предками современного типа *Homo sapiens*. Объем головного мозга у них был равен 1400-1900 куб. см. Рост – около 180 см и выше. Широкое и низкое лицо, прямой лоб без надглазного валика, сформированный подбородок и узкий выступающий нос. Эти люди обладали развитой членораздельной речью, строили жилища, одевались в одежду из шкур. По-видимому, продолжительность жизни кроманьонцев была большей, чем у неандертальцев. По данным палеоархеологических раскопок, около 10% кроманьонцев уже доживали до 40 лет, и общая продолжительность их жизни могла значительно превышать 50 лет.

Размер мозга кроманьонцев и неандертальцев был одинаков, но у неандертальцев были хуже развиты лобные доли. Этот отдел мозга ответствен за управление социальным поведением. Как показывает современная медицинская практика, люди с поврежденными или удаленными лобными долями мозга становятся эгоистичными, грубыми и сексуально распушенными. Вследствие того, что лобные доли у неандертальцев были менее развиты, чем у кроманьонцев, их внутренние социальные связи были гораздо слабее и деструктивнее.

Из-за слабости взаимосвязей в сообществе неандертальцы жили небольшими группами по 30-40 человек. В каждой группе имелся лидер – вождь. Он возглавлял на себя все заботы о членах своей маленькой общины, и его распоряжения являлись непреложным законом, невыполнение которого жесто-

ко каралось. Вождь обладал правом делить добычу на охоте дичь и, вероятнее всего, лучшие куски он брал себе, остальное распределялось между охотниками и остальными членами общины. Сила у неандертальцев пользовалась уважением, но слабых не угнетали, а поддерживали и давали работу по силам. Это указывает на существование у них зачатков гуманизма и определенных правил, регулирующих отношения внутри сообщества.

У кроманьонцев уровень гуманизации отношений внутри сообщества был значительно выше. В частности, они больше заботились о слабых, больных и пожилых. По данным исследований Рейчел Каспари из Университета Мичигана и Сан-Хи Лиз из Университета Калифорнии установлено, что в верхнем палеолите, около 30 тысяч лет назад, в жизнедеятельности древних *Homo sapiens* произошли качественные изменения. Среди кроманьонцев резко увеличилась рождаемость и продолжительность жизни. Соотношение количества пожилых людей к числу молодых увеличилось в пять раз.

Обеспечение жизнедеятельности и быт *Homo sapiens*

Кроманьонцы существенно отличались от неандертальцев не только внешним видом и образом жизни – они обладали и намного более совершенной технологией производства. Неандертальцы создавали и использовали грубые искусственные орудия труда и охоты. Это были, прежде всего, обоюдоострые рубила, изготовленные более качественно, чем аналогичные орудия *Homo erectus*, а также разнообразие отщепы, использованные для разделки туш. Сравнительный анализ технологии изготовления орудий труда у *Homo erectus*, неандертальцев и кроманьонцев показывает, что древние архантропы могли изготовить из 1 кг кремня лишь от 10 до 45 см рабочего края орудия, а культура неандертальца позволяла из того же количества кремня получать уже 220 см рабочего края. Крома

ньонцы, применяя свою технологию, получали из 1 кг кремня 250 см рабочего края

Данные показатели наглядно демонстрируют: несмотря на то, что объем головного мозга неандертальцев и кроманьонцев был примерно одинаков, техника изготовления орудий труда у последних была неизмеримо выше неандертальской. Кроме того, следует отметить, что кроманьонцы стали изготавливать орудия из узких и длинных пластин. Такие орудия были более изящны и, что еще важнее, более практичны, чем грубые мустьерские остроконечники. Они изготавливали орудия не только из камня, но и из рога и кости, что значительно расширяло их специализацию и сферу применения. Благодаря кроманьонцам в верхнем палеолите впервые появились разнообразные костяные наконечники копий и метательного вооружения, в том числе составные гарпуны с зубцами. При раскопках стоянки Мейендорф недалеко от Гамбурга (Германия) найдены гарпуны и лопатки оленей, пробитые такими гарпунами. И, пожалуй, самое примечательное то, что у кроманьонцев в эпоху верхнего палеолита произошла первая «научно-техническая революция» – появились орудия охоты удаленного действия. В начале ориньякского периода была изобретена копьеметалка, которая значительно увеличивала дальность и силу броска, а на рубеже палеолита и мезолита – лук и стрелы. У кроманьонцев были и первые домашние животные – собаки.

Неандертальцы жили в пещерах и могли строить искусственные жилища. Самое древнее жилище мустьерского периода было обнаружено во Франции, возле Ниццы. Согласно реконструкции археологов это был овальный шалаш из вкопанных в землю жердей, связанных сверху вместе и покрытых шкурами животных. Внутри шалаша был очаг из плоских камней. Скорее всего, это жилище не было долговременным. Другой тип жилища с каркасом из костей мамонта раскопали недалеко от молдавского города Сороки (стоянка Молодово-1). При использовании пещер в качестве долговременного жилья неандертальцы занимались их благоустройством. Так, пещера

Монте-Чирчео в Италии имела пол, выстланный камнями для предотвращения сырости.

Подобные технологические достижения позволили неандертальцам пережить Рисский ледниковый период (250 тысяч – 110 тысяч лет до н. э.), который был самым суровым похолоданием в истории человечества. Ледники в Европе доходили до линии Киев – Дрезден – Амстердам, а в Северной Америке подо льдами оказалась вся Канада. В гигантских масштабах геологического времени потепления и похолодания периодически сменяли друг друга довольно часто, и ледники то отступали, то наступали.

Кроманьонцы жили в конце ледникового периода, а точнее – в конце Вюрмского оледенения. В отличие от неандертальцев, эти древние люди жили гораздо большими общинами – от 20 до 100 человек – и создали первые поселения. Структура кроманьонских общин была более сложной и отличалась от неандертальских, но во главе общины также стоял вождь, регулировавший жизнедеятельность и отношения ее членов. Как и у неандертальцев, жилищем им служили пещеры и шатры из шкур.

При раскопках в Восточной Европе встречались землянки. Например, в 1931-1936 годах при раскопках на берегу Дона, у села Костёнки Воронежской области была обнаружена древняя стоянка⁹⁸, возраст которой составлял около 40 тысяч лет. Стоянка имела в плане овальные очертания. Длина его была 35 м, ширина – 15-16 м. Жилая площадь достигала, таким образом, размера почти 600 кв. м.

Основная жилая площадка была окаймлена дополнительными помещениями – землянками, расположенными по контуру в виде кольца. Две из них выделялись среди других своими более крупными размерами и были расположены почти симметрично по правую и левую сторону основного жилища. На полу обеих землянок замечены остатки костров, обогревавших эти помещения. Крыша землянок имела каркас из крупных костей и бивней мамонта. Третья большая землянка

⁹⁸ Рогачев А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костёнки на Дону. М.-Л. 1955

ваходилась в противоположном, дальнем, конце жилой площадки и, очевидно, служила помещением для хранения продуктов питания и разделки туш добытых животных. На стоянке, кроме костей мамонта, были найдены кости волка, зайца, лисы, слепыша, диноци, лошади, россомахи, северного оленя, бурого медведя, бобра, хомяка и овцебыка.

На территории поселения было раскопано 9 очагов диаметром около 1 м каждый. Эти очаги были покрыты толстым слоем костной золы и обуглившимся костям, употреблявшимся в качестве топлива. Возле очагов нашли неиспользованные запасы топлива в виде костей мамонта. Также на территории поселения обнаружили приспособления для изготовления орудий труда. Эта первобытная мастерская представляла собой несколько количество врытых в землю трубчатых костей мамонта с характерными насечками и уплотнениями. Вероятно, они использовались как опора для получения каменных пластинок или заготовки костяных и деревянных орудий.

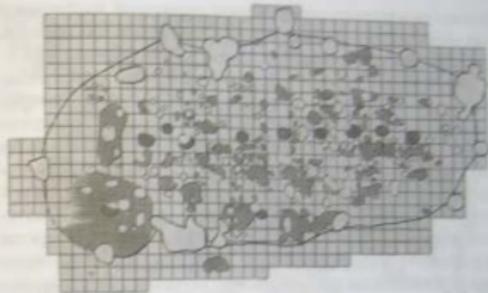

Схема археологических раскопок стоянки Костёнки

Раскопки в Костёнках ярко показывают бытовую картину жизни первобытной общины, в которую входили десятки, а может быть, и сотни людей. Вся жизнь этой палеолитической общины была основана на совместном труде ее членов, на их общей борьбе за выживание в вышней среде. Об агрессивности этой среды писал один из руководителей раскопок профессор П. П. Ефименко²⁸. По его мнению, поселение было покинуто людьми при чрезвычайных обстоятельствах, поскольку они не забрали с собой ценности. Возможно, это было враждебное вторжение. На эту версию косвенно указывают различные женские статуэтки, кот орые использовались как культовые обрядовые предметы.

В жизни обитателей поселения существовал амурский распорядок, который строился на еще более древних, унаследованных от предшествующих поколений традициях, на строго определенных обычаях и правилах поведения. В основе этих традиций лежал непрерывно нарастающий в ходе тысячелетий опыт общей трудовой деятельности и организация систем взаимоотношений. Внутригрупповые социальные отношения, ве-

²⁸ Ефименко П. П. *Первобытное общество*. Очерки из истории палеолитического времени. Л., 1938. С. 207

роятно, определялись иерархической структурой, необходимой для эффективного взаимодействия в ходе добывания пищевых ресурсов, защиты своей территории или внешней экспансии.

Наиболее свободными в древних общинах неандертальцев и кроманьонцев были сексуальные отношения, которые определялись лишь взаимным индивидуальным предпочтением партнеров. Такие сексуальные связи могли быть вполне устойчивыми и представляли собой сожителство одного или нескольких мужчин с одной либо несколькими женщинами. В эту же группу входили и дети, рожденные женщинами. Статусное положение женщин в группах сексуального партнерства и в общине был довольно высок. Женщины не доминировали над мужчинами, но пользовались их уважением и признанием своей особой ценности. В качестве производителей потомства женщины значительно превосходили ценность мужчин, поскольку в остальных сферах древнего производства и жизнедеятельности они ни в чем им не уступали.

Агрессия

С очередным наступлением ледников и серьезным похолоданием климата, произошедшим 30 тысяч лет назад, у людей значительно сократились ресурсы питания, что, безусловно, должно было приводить к усилению внутривидовой конкурентной борьбы за выживание. Вследствие этих изменений и без того тяжелая жизнь древних людей переполнилась опасностями, которые подстерегали их повсюду.

Холод, голод, болезни, хищные звери, агрессия со стороны представителей других видов Homo, также нередко и своего общества, неизбежно порождали высочайшую степень тревожности. Естественно, что состояние страха и тревоги, порождаемое чувством повсеместной опасности, было доминантой жизни древнего человека. Активной формой выражения этого состояния была агрессия по отношению к источнику опасности, которым, кроме сил дикой природы, часто оказывался и представитель своего или другого вида Homo.

Археологические данные свидетельствуют о том, что ранние неандертальцы отличались значительной жестокостью и кровожадностью по отношению друг к другу. Палеоантропологические находки подтверждают, что среди них бытовали убийства и каннибализм³¹.

Палеоантрополог Тим Уайт из Калифорнийского университета на раскопках в Эфиопии извлек три ископаемых черепа неандертальцев, возраст которых составляет 160 тысяч лет. Они оказались старейшими известными науке ископаемыми черепами человека. На каждом из них заметны насечки, которые свидетельствуют о том, что черепа были оскальпированы. Признаки каннибализма были обнаружены и в более ранние периоды эволюции человека. Предшествующие исследования Т. Уайта показали аналогичные отметины и на костях древних архантропов, датирующихся временем около 600 тысяч лет назад.

Антропологические данные позволяют предположить, что каннибализм внутри своего сообщества мог существовать в виде исключительной защитной меры в тяжелые времена вынужденного голода. Например, в племени Луритча в

³¹ Keith A., The antiquity of man, Vol. 1, 1929, p. 196, 197.

Центральной Австралии в неблагоприятные времена практиковалось убийство и поедание маленьких детей⁵². Подобная жестокость и у древних людей была, вероятно, мерой вынужденной и эпизодической. В основном убийства и каннибализм распространялись на враждебных чужаков – представителей других общин и других видов людей. В замкнутых первобытно-общинных группах каннибализм по отношению к членам своего сообщества ограничивался также и производственной необходимостью, поскольку каждый член сообщества выполнял свою функцию и был постоянно востребован.

К членам своего сообщества и неандертальцы, и крома-ньонцы проявляли гуманное отношение, были с ними солидарны и заботились об их благополучии. Известно, что на мустьерских стоянках найдены останки неандертальцев весьма преклонного по тем временам возраста. Наличие в сообществе стариков свидетельствует об определенной социальной организации, в которой пожилые люди пользовались уважением. Вероятно, старики обладали достаточной ценностью, ради которой община проявляла заботу о них и помогала их выживанию в суровых условиях. Отчасти такое отношение к старикам может быть объяснено зарождением у древних людей первых примитивных религиозных представлений об устройстве мира.

Формирование первичных форм религиозных воззрений

Вероятнее всего, первой базовой формой религиозного мировоззрения был нагуализм, который принято ассоциировать с магией и шаманизмом.

● Собой разницы между магией и шаманизмом не существует. Магию можно определить как умение человека волевым усилием или образным мышлением, возможно, с помощью таких дополнительных средств, как талисманы или духовные

⁵² Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 107

силы, влиять на состояние объективной и субъективной реальности. Шаманизм, в отличие от магизма, прибегает к использованию природных духов. Таким образом, магия – это система познания и практических действий, направленная на изучение и систематизацию явлений, происходящих в человеке и вокруг него, а шаманизм – это больше религия природы, способ взаимодействия с ней и выживания в предлагаемых обстоятельствах.

В основе идеи нагуализма лежит идея о том, что восприятие является следствием энергетических взаимодействий и отражением обменных процессов между человеком и окружающей средой. Это восприятие можно определить как совокупность сенсорных ощущений, собранных определенным образом с помощью осознания. Таким образом, восприятие, как отражение этих процессов, образуется при их осознании. Однако существует масса энергетических взаимодействий, которые не достигают сознания по самым разным причинам. Например, влияние электромагнитного поля или вирусные и бактериальные воздействия на организм. Такие взаимодействия не вызывают восприятия, но это не значит, что их не существует. При отсутствии осознания воздействия представляют собой некий энергетический процесс, который можно назвать потоком бессознательных ощущений. В древние времена человек был окружен массой подобных сигналов-ощущений. Пока эти сигналы различных энергетических воздействий не осознаются, их невозможно контролировать. При этом потребность в контроле и регуляции данных процессов увеличивается вместе с ростом бессознательных ощущений, вызывающих чувство тревоги.

Исходя из данной потребности, восприятие с помощью сознания стремится определенным образом конструировать поток ощущений, превращая его в перцептивный гештальт. Благодаря этому процессу все, что воздействует на человека, может быть им так или иначе воспринято и осознано в его субъективной реальности. В результате такого восприятия осознанные сигналы, поступающие вследствие энергетиче-

ских воздействий мира, попадают в сферу контроля человека. Естественное стремление расширить зону контроля неизбежно приводило к зарождению и развитию элементов магии и шаманизма. Так, примитивные предрелигиозные формы нагуализма были нацелены на обеспечение безопасности посредством более широкого восприятия, осознания и конструирования устойчивых образов, способствующих усилению контроля над своей жизнедеятельностью.

Формы религиозной обрядовости у неандертальцев и кроманьонцев

Всеобъемлющий страх древних людей перед внешним враждебным миром неизбежно запускал процесс развития религиозно-мистического мировоззрения, которое в значительной степени способствовало регуляции взаимодействия человека с миром, социальных отношений и укреплению связей внутри своего сообщества. О развитии религиозном мировоззрении говорит тот факт, что неандертальцы еще в начале мустьерского периода стали хоронить своих умерших сородичей. Следы этих захоронений говорят о том, что среди неандертальцев установились религиозно-этические социальные нормы – обычаи помощи друг другу и заботы о своих живых и мертвых ближних.

В небольшой пещере возле Ла-Шапель-о-Сен во Франции было обнаружено захоронение старика, страдавшего тяжелой формой артрита. Рядом с телом были оставлены инструменты, цветы, яйца и мясо, что свидетельствует о вере в загробную жизнь и существовании религиозно-магической практики. Примечательно, что в этой пещере никогда не жили люди, и она использовалась только единожды как погребальное место. В неглубоких могилах покойным придавали позу эмбриона – укладывали на бок, колени подтягивали к подбородку, рядом оставляли каменный нож, какую-то пищу, украшения из разноцветных камушков или зубов хищных зверей. Данные археологические факты говорят о том, что более 100 тысяч лет

назад неандертальцы уже имели свои довольно сложные представления о загробном мире и о посмертном бытии души.

При погребении сородичей они проводили ритуалы, свидетельствующие об их убеждении в том, что умершие перешли в некий иной мир и дальше будут жить уже там. В некоторых случаях погребения имеют следы сложных ритуалов. Так, в пещере Тешик-Таш в Узбекистане ребенок неандертальца был похоронен в круге из рогов горных козлов. Обнаруженное Ральфом Солецки в пещере Шанидар захоронение неандертальцев содержало останки зрелого мужчины, двух женщин и ребенка. Под ними сохранились следы подстилки или покрывала из цветов и хвои. В другом захоронении из той же пещеры была обнаружена необычайно высокая концентрация пыльцы горных цветов – могила была засыпана ими, причем

из восьми видов шесть относятся к лекарственным растениям, а два – к съедобным. Таким образом, неандертальские и особенно кроманьонские захоронения являются свидетельством важных изменений в психике людей – зарождения религиозно-символической деятельности и прогрессирующей гуманизации отношений.

Существовавшие тогда примитивные способы охоты, собирательства, поддержания огня и защиты в сочетании с религиозно-мистическим мировоззрением делали отношения между людьми все более сплоченными и гуманными. О подобных изменениях могут свидетельствовать данные раскопок в пещере Шанидар на севере Ирака⁵³. Там в конце 1950-х годов американские археологи под руководством профессора Колумбийского университета Ральфа Солецки обнаружили мустьерское захоронение 50-70-тысячелетней давности с останками девяти скелетов неандертальцев. Среди останков был найден скелет старика со следами тяжелых травм, полученных им задолго до смерти. В молодости он лишился правой руки, а позднее получил серьезную травму головы. У него были обнаружены следы заживших тяжелых ран на лицевой части черепа. Он явно не мог самостоятельно добывать себе пропитание, однако достиг, по неандертальским меркам, глубокой старости – его возраст оценивается в 40-45 лет. Очевидно, что за этим стариком ухаживали, кормили его, а после смерти похоронили.

Такие же находки были обнаружены в Палестине в гроте Мугарет-эль-Зутти и в Замбии у города Кабве⁵⁴. Эти находки неопровержимо свидетельствуют не только о наличии запрета каннибализма, но и явно проявляемой заботе о раненых и нетрудоспособных членах сообщества. Так на заре человечества, в период среднего палеолита, система биологического доминирования в первобытных сообществах стала вытесняться новым социально-религиозным типом отношений, который

⁵³ Коробков И. И. Новые данные о неандертальских скелетах из пещеры Шанидар (Ирак). Вопросы антропологии, 1963, в. 15

⁵⁴ Робинский Я. Я. Восточноевропейские палеоантропы. В кн. Ископаемые гоминиды и происхождение человека, М., 1966

не только способствовал развитию интеллекта древних людей, но и делал их гуманнее и добрее

Повышение интеллектуального уровня в сочетании со способностью к эмоциональной идентификации и сопереживанию увеличивало ресурсы наших предков в сфере освоения окружающей среды. Религиозная ритуальная практика не ограничивалась обрядами захоронений, она составляла основу всей жизнедеятельности древних людей. В первобытных сообществах наряду с биологическими доминантными основами отношений, характерными для стадного образа жизни, стали постепенно формироваться новые религиозно-социальные регуляторы, характерные для общинного строя

Религиозно-мистическое восприятие мира и табуирование жизнедеятельности

Зарождение примитивных форм религиозного сознания создавало условия для формирования специфичного мистического мировосприятия и мышления первобытного человека. Э. Кроули считал: «Не только «главный» узел человеческой судьбы», но все человеческие действия и отношения, все индивидуальные и общественные явления потенциально всегда, а часто и действительно для первобытного человека, преисполнены религиозного содержания»⁵⁵.

Мир древнего человека был наполнен различными, как правило, зловными иррациональными трансцендентными силами и духовными сущностями. Взаимодействие с этим миром неизбежно требовало выработки правил, регулирующих отношения как внутри сообществ, так и вне их. Такими социально-религиозными регуляторами в повседневной жизнедеятельности древних людей стали различные виды табу и предписаний, которые одновременно могли быть священными и опасными. Главная сущность табу заключалась в немотивированном категорическом запрете на какие-либо действия

⁵⁵ Кроули Э. Мистическая роль исследования о первобытном браке. М., 2011. Стр. 5

или отношения, способные представлять опасность для первобытного сообщества. «На табу опирались все религиозные, моральные и общественные учреждения, которым оно давало сверхъестественную санкцию»⁵⁶. Первобытное мышление устанавливало четкую причинно-следственную связь между табу и явлениями жизнедеятельности. Например, если было нарушено какое-либо табу, то обязательно должно произойти несчастье или, наоборот, если произошло какое-то несчастье, значит, было нарушено некое табу.

Категорические предписания и запреты, регулирующие деятельность и поведение, вероятнее всего, формировались у древних людей в результате оценки, анализа и прогноза последствий нарушений общепринятых табуированных норм. Если нарушение запретов влекло за собой ущерб общему имуществу, вред здоровью членов сообщества, или их смерть, то подобное поведение строго каралось. Основной и почти единственной санкцией была смерть. Жестокость в отношении нарушителей, с одной стороны, дисциплинировала членов общины, а с другой – неизбежно приводила к их консолидации и ощущению внутреннего единства своего сообщества.

⁵⁶ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке М. 2011. Стр. 15

В первую очередь табуированию подвергались способы удовлетворения основных жизненных потребностей древних людей – питания, безопасности и сексуальных отношений, которые, как правило, тесно переплетались между собой и представляли единый комплекс регуляции поведения. Так, благодаря установлению табу, пища стала коллективной собственностью общины, и ее распределение осуществлялось по разборному принципу. Все члены сообщества имели равные права на пищу, и каждый мог взять свою долю. Однако распорядиться ею по своему усмотрению было невозможно, она предназначалась исключительно для общего совместного потребления. Все, что не было съедено за общей трапезой, оставалось собственностью общины. Неотделимость распределения от потребления была закреплена в строгом пищевом табу. Принцип такого табу Редьярд Киплинг выразил в стихах:

Добыча стаи – для стаи; ты волен на месте поест
Смертная казнь нечестивцу, кто кроху поспел унести⁵⁷.

Появление пищевых табу знаменовало собой и закрепило переход от стадного аномного (а – отрицание + potos – закон) существования к религиозно-ритуальной и социальной регуляции жизнедеятельности первобытной общины. Пищевые табу закрепили разборно-распределительный принцип потребления продуктов примитивного производства – собирательства и охоты, который стал первой правовой формой производственных и социально-экономических отношений.

Пищевая магия, ритуальный каннибализм

Кроме распределительного принципа, пищевые табу активно регулировали систему социально-религиозных отношений древних людей и окружающего их мира. Поскольку внешняя среда в их восприятии была наполнена священными мистическими свойствами и духовными сущностями, тащими в себе неведомые опасности, упогребление пищи, кроме физиологической потребности в утолении голода, выполняло ряд ритуальных функций.

⁵⁷ Киплинг Р. Избранные стихи. М. 1936. Стр. 255

лирующих функций. В частности, пища определяла свойства и состояния древних людей в их отношениях с миром. Потребление продуктов питания не только давало им необходимый энергетический ресурс, но и придавало нужные свойства, связанные со спецификой, потребляемой пищи. Примером подобных форм регуляции своей жизнедеятельности могут служить особенности пищевого поведения некоторых племен, находящихся на ранних стадиях развития. На основании исследований этих особенностей Джон Леббок делает заключение: «В древние времена желавшие иметь детей, употребляли в пищу лягушек, на том основании, что это животное кладет много яиц. /.../ Дакоты едят печень собаки, чтобы приобрести сметливость и смелость этого животного. /.../ Даяки в Борнео предубеждены против мяса оленя, которое мужчины не едят и могут есть только женщины и дети. Они объясняют это поверье тем, что если воин будет есть мясо оленя, то сделается столь же робким, как это животное»³⁸.

Мирисы не позволяли своим женщинам есть тигрового мяса, так как это могло сделать их слишком сильными духом³⁹. Поедание мяса тигров, львов, медведей, как наиболее опасных хищников, предписывалось исключительно мужчинам и опиралось на ту же идею. На этом же основании зародилась и долго существовала традиция обрядового каннибализма, которая в новых условиях распространялась исключительно на врагов. Поедание сердца или мозга врага позволяло обрести его качества – смелость и ум.

Следы пережитков магического каннибализма сохранялись у многих племен, существовавших на ранних стадиях развития, вплоть до конца XIX столетия. Так, жители Гальмагеры пили кровь убитых врагов для приобретения храбрости, жители острова Ветара ели головы убитых врагов для приобретения их качеств. Среди племен Южной Африки бытовал обычай поить

³⁸ Леббок Дж. Начало цивилизации и первобытное состояние человека: умственное и общественное состояние дикарей. М., 2011. Стр. 18

³⁹ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 203

винов отваром из сердец, печени и яиц убитых врагов. На острове Тиморлаут Малайского архипелага мясо убитого врага съедалось в качестве лекарства от половой немощи⁴⁰. Лев Дмитриевич Каневский, изучавший природу каннибализма, разделял ритуальное людоедство на ряд подвидов в зависимости от цели обряда.

Так, он выделял погребальный каннибализм, то есть поедание покойника, съедение трупа врага, во избежание мести со стороны его души или злых духов и поедание отдельных частей тела в зависимости от представлений о вместилнице души. Сюда же относился каннибализм, исходящий из веры в то, что таким образом можно завладеть силой, умом, отвагой человека. Вероятно, у многих древних сообществ каннибализм был неотъемлемой частью обряда инициации⁴¹.

⁴⁰ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 102-107

⁴¹ Каневский Л. Д. Каннибализм. М.: Крон-Пресс, 1998

Данные археологических исследований хорошо иллюстрируют наличие разнообразных видов каннибализма в отношениях между неандертальцами и кроманьонцами. Французский археолог, профессор Университета в Бордо Жан-Жак Юблен предпологал, что, несмотря на то, что эти два вида людей существовали многие тысячи лет, их отношения были всегда антагонистичны и враждебны. Сотрудники Национального центра научных исследований в Париже под руководством Фернандо Роцци, проанализировав находки на стоянках кроманьонцев, обнаружили обглоданные кости неандертальцев со следами зубов, характерными царапинами и разломами на костях. Также имеются сведения, что кроманьонцы делали ожерелья из зубов неандертальцев.

Результаты данных исследований можно считать подтверждением распространенности традиций ритуального каннибализма в отношениях неандертальцев и кроманьонцев, проживавших на территории нынешней Франции. Данные обряды людоедства, вероятно, должны были отличаться от других ритуалов пищевого поведения. В среднем и позднем палеолите различные представители вида *Homo* воспринимали друг как врагов, а не как источник питания, добываемый в процессе охоты. Таким образом, охота на животных значительно отличалась от агрессивной экспансии на чужие кормовые территории или защиты себя и интересов своего сообщества.

Охотничья магия

Многочисленные археологические находки свидетельствуют о наличии особого магического культа охоты. Фигурки и изображения зверей пронзали копьями и стрелами, способствуя, таким образом, удаче в охоте на зверя. Археологические данные свидетельствуют, что для Центральной Европы был характерен так называемый культ медвежьих черепов. Черепа пещерных медведей, расположенные в определенном порядке, обнаружены на неандертальских стоянках в Швейцарии, Германии, Югославии, что позволяет говорить о существовании обрядов охотничьей магии.

Символическая деятельность, порожденная потребностями религиозно-ритуальной практики, стимулировала творчество и появление примитивного искусства.

В Намибии, на мустьерской стоянке неандертальцев, археологи нашли древнейший в мире рисунок с изображением некоего зверя на пластинке известняка. Возраст рисунка составляет 59 тысяч лет. На стенах кроманьонских пещер обнаружены рисунки, изображающие людей, животных, сцены охоты. Древние охотники постоянно имели дело со стадами быков, табунами диких лошадей, с группами мамонтов, являвшимися для них объектом общественной охоты. Именно так, в виде стада, они в ряде случаев и изображались. Ярким примером обрядового искусства могут служить динамичные изображения массы быков в испанской пещере Альтамира.

В 1879 году испанский землевладелец и археолог-любитель Марселино ди Саугола предпринял раскопки в пещере, входившей в его владения. Во время одного из посещений пещеры он взял с собой свою двенадцатилетнюю дочь Марию, которая и обнаружила рисунки. На стенах пещеры археолог увидел большие скопления рисунков, в которых не обнаруживается никакой логической последовательности и никакой смысловой связи. Он был потрясен открывшимися многокрасочными росписями бы

ков в самых разнообразных позах и в результате исследования признал, что эти изображения были сделаны людьми палеолитической эпохи.

Последующее изучение альтамирской граффити привело ученых к выводу о том, что скопление этих рисунков животных является результатом многократного воспроизведения фигур и их накопления в течение длительного времени. Случайный характер таких сочетаний фигур очевиден вследствие нагромождения рисунков друг на друга. Быки, мамонты, олени и лошади беспорядочно налегают друг на друга.

Вероятно, этот феномен является результатом многократного проводимых обрядов охотничьей магии, совершаемых рядом многих поколений древних людей. Изображения животных делались, по-видимому, только для одного раза, для того или иного отдельного обряда. Это хорошо видно на небольших гладких плитках, где налегающие друг на друга рисунки часто образуют сплошную сетку пересекающихся и совершенно запутанных линий. Такие гальки, должно быть, каждый раз заново покрывали красной краской, по которой и процарапывался рисунок. В пещере Бломбос в мустьерских слоях с датировкой 75-78 тысяч лет назад найдены куски охры с регулярными царапинами и простейшим орнаментом в виде крестиков. О распространенности таких обрядов среди кроманьонцев свидетельствуют и данные раскопок в Костёнках. Один из очагов, обнаруженных на стоянке, служил для обжига бурого железняка и сферосидерита, из которых древние люди добывали минеральную краску – кровавик. Эта краска употреблялась жителями поселения в таком большом количестве, что слой земли, заполнявший углубление жилища, местами был сплошь окрашен в красный цвет различных оттенков.

Такие ранние образцы фигуративного искусства в Центральной и Восточной Европе датируются по радиоуглеродному анализу от 40 до 23 тысяч лет назад. При всех различиях, они обладают и общими признаками. Это в разной степени стилизованные образы различных животных – лошадей, мамонтов, пещерных львов, волков и бизонов.

Бытовая и сексуальная магия

Кроме охотничьей, существовала бытовая и сексуальная магия, оберегавшая своих хозяев от различных неприятностей и напастей. Для нее были характерны также изделия, как амулеты, элементы одежды и украшения. Так, в Африке были обнаружены неандертальские бусы из раковин и скорлупы яиц страуса, изготовленные около 80 тысяч лет назад. Судя по данным предметам материальной культуры, религиозные представления этих людей, вероятно, были очень конкретными и предметными. В отличие от неандертальского, кроманьонское прикладное обрядовое искусство являло собой примеры более высокого уровня развития мастерства. Люди делали различные сложные по технике изготовления украшения, у них было развито гончарное дело. Своих покойников они хоронили с ювелирными изделиями и покрывали их тело символическим орнаментом.

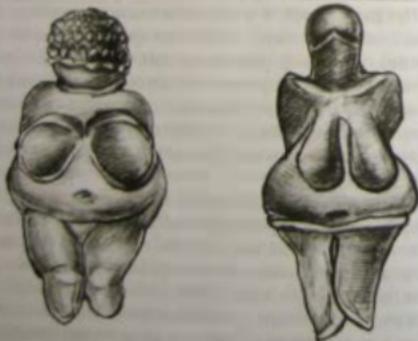
Во Владимирской области на территории стоянки Суширь было обнаружено захоронение, произведенное 28 тысяч лет назад. На теле огромного мужчины было найдено 3,5 тысячи бусин из бивня мамонта, расположенных в определенном порядке. Предполагается, что они были нашиты на одежду. Данный факт свидетельствует о том, что кроманьонцы активно практиковали такую форму религиозно-магических обрядов, как фетишизм. Данная форма примитивных верований распространена у всех первобытных народов, представляла собой культ неодушевленных предметов – фетишей, наделенных, по представлениям древних людей, сверхъестественными свойствами.

Фетишем мог быть как любой природный объект, чем либо поразивший воображение человека, так и предмет, специально изготовленный для защиты или иного взаимодействия с духовными силами. Ярким примером подобного рода фетишей, дошедших до наших дней, являются луговицы. Этимология слова «луговица» восходит к понятиям «лугать», «лугивать», то есть защищать человека от воздействия злых духов.

Потребность древних людей в различных талисманах и оберегах возникла из чувства страха. Первобытное сознание, вероятно, не предполагало поклонения фетишу, но пыталось использовать его свойства для защиты от зловредного влияния духов природы, покойников и себе подобных чужаков.

К свидетелям бытовой и сексуальной магии фетишизма следует отнести такие артефакты палеолитического искусства, как примитивные женские фигурки из камня, кости и обожженной глины, обнаруженные на древних стоянках кромайонцев. В этих скульптурных изображениях подчеркивались увеличенные бедра, живот и груди, отсутствие ступней ног. В этих скульптурах создавался обобщенный образ женщины-матери, символ плодородия и хранительницы очага. Отсутствие ступней, вероятно, характеризовало стабильность и оседлость, свойственные положению женщины в первобытном сообществе.

Большинство женских фигурок обнаружено вблизи очагов палеолитических жилищ. Поэтому эти фигурки обычно интерпретируют как олицетворение очага и женского начала, дающего и сохраняющего жизнь. К аспектам сексуальной

магии следует отнести обряды инициации, когда подростки дети получали статус взрослых мужчин и женщин. Как правило, данные обряды включали в себя ритуальное совокупление для юношей и различные виды дефлорации для девушек. Зачастую такие сексуальные обряды проводились с использованием животных, что роднило их с обрядами охотничьей магии. В подобных магических ритуалах плоть и дух человека соединялся с плотью и духом животного, образуя единую целостность.

Стремление к первооснове как источнику жизни

Первобытное религиозно-мистическое представление человека о мире отличалось выраженными антропоморфными характеристиками. С одной стороны, духи объектов и явления природы, представленные в мире, обладали человеческими свойствами. С другой – люди, особенно чужаки, чем-либо отличающиеся от своих, наделялись свойствами духовной сверхъестественной силы. Исходя из этого, мир древних людей был жестко разделен на добрых и благорасположенных своих и на чужих – наделенных враждебной силой и несущих им смертельную опасность. Такими же свойствами могли обладать и различные материальные предметы, части природного ландшафта и явления природы. Природная среда обитания также подразделялась на свою – дружественную и солидарную, и чужую – злобную и враждебную. Однако окружающая действительность при этом могла восприниматься и как единая целостная система, имеющая общую первооснову в виде высшего духовного начала и единой силы, составляющей основу мира.

Понятием о единой Высшей Силе обладают многие народы, находящиеся на начальной стадии развития. К таковым можно вполне отнести африканские племена бамбути, бушменов, тиндига, полинезийских аидманцев и многих других. «Они не обрабатывают земли, не занимаются скотоводством.

не строят постоянных жилищ. Их жизнь проходит в постоянном кочевье, охоте и собирании готовых даров природы. Некоторые из этих народов не знают огня, а остальные добывают его путем трения»⁶².

По свидетельству С. А. Токарева, среди африканских племен почти повсеместно встречается представление о высшем небесном божестве. В своей монографии «Ранние формы религии и их развитие» он пишет: «Довольно отчетливо выделяется среди африканской мифологии облик бога-творца. Но это не "бог" в христианском смысле и отнюдь не предмет культа: мифическому творцу, некогда создавшему мир, не воздают никакого почитания»⁶³. В качестве примера такого единого первичного божества автор приводит «образ небесного бога Олоруна у йоруба (Олорун – хозяин неба, от *opi* – владетель, хозяин и *ogun* – небо). Сотворив мир, он перестал им интересоваться. Ему не молятся, не приносят жертв. /.../ Есть сведения, однако, что в случае крайней нужды, если другие боги не помогают, туземцы обращаются к Олоруну»⁶⁴.

«По понятиям племени Тиндига высшее Божество Ишоко есть источник нравственных законов. Пигмен-бамбути чтут единое начало под именем Отец и Мать. У других пигмейских народов Африки мы находим понятие о Верховном Божестве, именуемом Квмвума, что значит "Творец", "Господь"»⁶⁵. Бушмены чтут высшего Духа – Тору, который представляется им как "Великий Некто", он выше всех вещей... Тора сотворил все, но они (бушмены) не знают, где он живет»⁶⁶. У ряда племен Северной и Южной Америки высшим Духом является Тахмаунаус или Хавенеу, где имя означает "Держатель небес"»⁶⁷.
Единое Высшее божество наряду с другими различными духа-

⁶² Мень А. Истоки религии. Брюссель, 1991. Стр. 250

⁶³ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 2011. Стр. 365

⁶⁴ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 2011. Стр. 366

⁶⁵ Мень А. Истоки религии. Брюссель, 1991. Стр. 253

⁶⁶ Мень А. Истоки религии. Брюссель, 1991. Стр. 254

⁶⁷ Рельсон Л. Л., Хварцкия И. Тайное послание Библии. Сухуми, 1997

ми почитается среди австралийских племен. «Племя Аранда называет его Алитвира, племя Лоритья – Тукура. У обитателей Виктории знание о Боге, который сотворил все и называется Бунджил, открывается только посвященным. /.../ У племени Кайтиш – это небесный Отец Атнау»⁶⁸.

В древние времена у народов Сибири также был известен образ «великого небесного бога, обычно доброго, но не вменяющегося в жизнь людей и редко становящегося предметом культа, – таков Ульген у алтайцев, Есь у кетов, Нумиторым у обских угров, Нум у ненцев, Айы-Тойон у якутов. /.../ Нум – это явное олицетворение видимого неба; эвенкийский Буга (Бугады) – смутное олицетворение не то тайги, не то всей окружающей природы. В образе алтайского Ульгена (как и кетского Еся) среди других черт отчетливо видны черты творца»⁶⁹. По сведениям, полученным в XVIII столетии русским путешественником профессором Степаном Петровичем Крашенинниковым, мифологический образ бога-творца в совершенно чистом виде представлен в стародавних преданиях в виде бога Кухту, который являлся создателем земли и всего на ней находящегося»⁷⁰.

Формирование анимализма

Однако единая Высшая Сила в представлениях древних людей была чрезвычайно глобальной и достаточно абстрактной, а их реальное существование было переполнено жизненно необходимыми конкретными мелочами и частностями. Исследования многих палеоантропологов и этнографов показывают динамику постепенного зарождения, наряду с монотеизмом, других религиозных форм. Так, наряду с элементами монотеизма в виде признания некоего высшего изначально-

⁶⁸ Мень А. Истоки религии. Брюссель, 1991, Стр. 253

⁶⁹ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 2011. Стр. 363

⁷⁰ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М., Л.: Изд. Главсевморпути, 1949. Стр. 407

го трансцендентног абсолюта, најбоље карактерним за првобитног сознания било политеистичко мировоспријате, изражаваше се у осушењу постојаног присуства множества духовних суштности, које одређају све садржање и све форме живнедејателности древних людеј.

На основе политеистичког воспријате мира формировалис основы анимализма (от лат. anima – душа), представљајућего собой религију, основану на вере у существовање душ и духов как причины явлений природы. В метафизическом смысле анимализм является мировоззрением, согласно которому душа возводится в принцип жизни и предполагает веру в одушевленность всех объектов и явлений природы.

По свидетельству Э. Кроули, жители Новой Каледонии полагали, что вселенная населена различного типа духами, которые могли посещать их хижины и вызывать болезни и смерть. Французский философ, этнолог и психолог, специалист по проблемам природы человеческого мышления Люсьен Леви-Брюль полагал, что мистические влияния в првобитном мышлении можно сгруппировать в три категории: «духи мертвых; духи в самом широком смысле слова, одушевляющие разные предметы природы, животных, растения, неодушевленные предметы (реки, скалы, водопады, моря, горы, изготовленные

человеком предметы и т. д.); наконец, чары или колдовство, источником которых являются действия колдунов»⁷¹.

Духи мертвых, как правило, негативно относятся к живым людям и стараются причинить зло и напустить череду несчастий на всех, кто их пережил. По мнению Л. Брюля, не имеет значения, какими качествами и особенностями характера покойные обладали при жизни. Даже если это были добрые и весьма любезные при жизни люди, в новой загробной обстановке они становились злыми, раздражительными и мстительными. Так, «у племени Бана в Камеруне, как бы добр ни был покойник в течение жизни, стоило ему испустить дух, чтобы душа его стала помышлять лишь о том, чтобы причинить зло»⁷².

По отношению к духу покойника у наших древних предков также было особое отношение. Его старались либо каким-либо образом уничтожить, либо, наоборот, задобрить и вступить с ним во взаимодействие. Способы уничтожения духа могли быть весьма экстравагантными. Данные современной этнографии и антропологии свидетельствуют, что в некоторых сообществах «иногда пытаются обезвредить покойника, уродуя его тело или превращая его в жижу, изгоняя духа или сбивая его с толку»⁷³.

Такие способы защиты себя от гнева духа мертвецов возникали вследствие того, что древние люди не видели разницы и не воспринимали границ между миром их объективной реальности и миром посмертного существования. У современных меланезийцев племени моту люди, с которыми они вступают в контакт, подразделяются на две категории. К первой относятся живые – та-матур, а ко второй – дух умерших, вернувшиеся к жизни – та-мате.

⁷¹ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в првобитном мышлении. М., 1999. Стр. 305

⁷² Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в првобитном мышлении. М., 1999. Стр. 312

⁷³ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в првобитном мышлении. М., 1999. Стр. 313

Такие же представления бытуют и среди племен гуарани в Южной Америке. В племени чиригуанов «два человека, встретившись, обмениваются следующим приветствием: "Ты живой?" – "Да, я живой"»⁷⁴. В представлениях многих народов, находящихся на низких ступенях развития, покойники в течение определенного времени считаются живыми, обладающими особенными свойствами. Таким образом, можно предположить, что у древних людей умершие оставались членами их сообществ, родов, сохраняя прежние семейные связи и отношения. На этом основании формировались ритуально-мистические обязанности живых по отношению к мертвым предкам.

ТОТЕМИЗМ

Потусторонний мир в представлении древних людей чрезвычайно разнообразен, он содержит в себе духовные основы всего существующего, включая духовность явлений, предметов и их свойств. Подобные представления формировали основы мировоззрения и мышления наших далеких предков. Единство реального и духовного миров побуждало их к поиску и установлению связей между собой и мистическими силами природы. Данная связь нашла свое отражение в тотемизме – одной из ранних форм религиозного понимания мира.

Тотемизм можно определить как первобытное верование, связанное с представлением о сверхъестественном родстве между определенной общностью людей и мифическим предком – тотемом. Тотемическим предком могло быть животное, птица, рыба и даже растение. Причем, как отмечают исследователи, древнейшими тотемами были по большей части такие животные, которые не играли существенной роли в охотничьем промысле древних людей: ворон, клинохвостый орел, черепаха и другие. Земля, на которой обитали тотемные животные или птицы, принадлежала и людям по праву их кров-

⁷⁴ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. Стр. 310

нородственного происхождения от того или иного тотема. Таким образом, в основу тотемической веры была положена олицетворяющая связь родовой общины со своим природным предком и через него с определенной территорией.

Австралийский этнограф-исследователь быта и верований племени аранда Теодор Георг Генри Штрелов утверждал, что для туземцев окружающий их географический ландшафт является наглядной родословной и историей своих предков⁷⁵. Каждый участок местности связан в сознании аборигена с мифами, отражающими жизнь тотема, воплощенную в бытие рода – его обычаи и традиции. С данным утверждением Т. Штрелова согласен и С. А. Токарев: «Представление о тотемических предках есть не что иное, как мифологическая персонификация чувства единства группы, общности ее происхождения и преемственности ее традиций. «Тотемические предки» – религиозно-мифологическая санкция обычаев общины. Они – сверхъестественные

⁷⁵ Штрелов Т. Г. Н. Aranda traditions. Melbourne, 1947. P. 31

учредители тотемических обрядов, выполняемых членами группы, запретов, соблюдаемых ими»⁷⁶.

Осознание тотемически обусловленного единства своего рода естественным образом приводило к противопоставлению себя другим чужеродным группам. Тяжелые условия существования и постоянная угроза жизни в сочетании с ростом осознания враждебности окружающего мира приводили к тому, что любая опасность воспринималась как агрессия со стороны внешних чужеродных мистических элементов – «не своих».

Советский этнограф и археолог Сергей Павлович Толстов определял тотемизм как «форму осознания связи коллектива, его единства, его противоположности другим коллективам»⁷⁷. Духовная родственная связь с тотемом концентрировала и замыкала людей в рамках своего сообщества, которое давало им чувство защищенности и относительной безопасности.

Чужеродные мистические существа – духи и тотемы были враждебны и вызывали страх. Джеймс Джордж Фрезер в своей работе «Золотая ветвь» писал: «Вступая в незнакомую страну, дикарь испытывал чувство, что идет по заколдованной земле, и принимает меры для того, чтобы охранить себя как от демонов, которые в ней обитают, так и от магических способностей ее жителей»⁷⁸.

Враждебность внешнего мира

Влияние зла, создающего опасность, было у наших предков всегда персонифицировано в виде духовных существей, как правило, представленных в форме воспринимаемых или не воспринимаемых материальных объектов. Мистические силы, с одной стороны, действовали посредством различных

⁷⁶ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 2011. Стр. 68

⁷⁷ Толстов С. П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. – «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935. № 9-10. Стр. 26.

⁷⁸ Дж. Дж. Фрезер. Золотая ветвь. М., 2003. Стр. 212

материальных объектов – камней, земли, воды, растений, животных и людей, а с другой – все эти объекты могли обладать собственной мистической силой. Например, по убеждениям племени ашанти (Гвинея) существуют деревья, которые падают на людей и реки, которые их топят.

Джон Леббок на основе анализа этнографических данных также полагает, что у древних людей духовные сущности почти всегда представляли злые силы. Так, имена духов на островах Фиджи указывали на их негативные качества: «Ндаутгина похищает ночью или при свете факелов знатных и красивых женщин; Кумбунаванау значит «развратник»; Мбатимона – мозгоед; Равураву – убийца»⁷⁹. Злодейства, совершаемые людьми, болезнь, смерть, неудачная охота и стихийное бедствие – все эти негативные события воспринимались как проявления действий злых мистических сил.

Зулусы полагали, что люди не умирают естественной смертью, за исключением тибели в бою или во время драки⁸⁰. Все остальные случаи наступления смерти, равно как и возникновения различных заболеваний, приписывались действию негативных духовных сил или колдунов, связанных с этими силами. Малайцы и уроженцы Амбоины веруют в колдунью Понтаниак – дух женщины, умершей во время родов, которая в полночь крадет детородные органы мужчин и забирает детей. В южной части Целебеса мужчины всего более боятся того злого духа, который лишает их возможности исполнять супружеские обязанности⁸¹.

Э. Кроули отмечает: «Примитивное мышление не делает различия между естественными и сверхъестественными причинами, между субъективной и объективной реальностью. Первобытный человек считает создания своего воображения

⁷⁹ Леббок Дж. Начало цивилизации и первобытнобесовое состояние человека: умственное и общественное состояние дикарей. М., 204 г. Стр. 274

⁸⁰ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 26

⁸¹ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 8, 197

не менее реальными, чем явления, в существовании которых его убеждают внешние чувства. /.../ Для первобытного человека сверхъестественное смешивается с естественным, или, вернее, не различается от естественного»⁸².

При этом и мышление, и мировоззрение древних людей было принципиально материалистичным. Л. Леви-Брюль так определил мировосприятие первых людей: «В момент, когда первобыт-

⁸² Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 3-4.

ный человек воспринимает то, что дано его внешним чувствам, он представляет себе и мистическую силу, которая таким образом проявляется. /.../ умственная жизнь первобытных людей (а следовательно, и их социальные институты) зависит от того основного и первоначального факта, что в их представлениях чувственный мир и мир «иной» составляют нечто единое»⁸³.

По мнению многих исследователей-палеоантропологов, первобытное мышление предполагало возможность перехода мистических свойств от одной субстанции к другой. Болезни и смерть воспринимались как следствие комбинации колдовства и насилия. Так, у племен центральной Австралии существовало понятие «арунквильта», которое представляло собой дурное волшебное влияние, способное нанести человеку существенный вред или даже убить его.

Английский исследователь Болдуин Спенсер, исследовавший австралийские племена в конце XIX века, писал о древнем предании о худом и тощем человеке: «Где он умер, там вырос камень, трение которого может причинить худобу другим людям. Камень этот содержит в себе арунквильту /.../ есть миф о старике, который срывал с тела болячки, причем из них каждая обращалась в камень. /.../ Люди, желавшие повредить другим, ударяют в эти камни копыями, а затем бросают копыя в том направлении, где находится жертва. Копья уносятся с собой арунквильту из камней, и жертва благодаря это ву покрывается болезненными болячками»⁸⁴.

Древние люди полагали, что не только болезни, но и многие психические явления, такие как гнев, ярость или страсть, проявляются в человеке благодаря влияниям духов. Например: «Народы, говорящие на языках иоруба и эве, объясняют половое желание тем, что в человека вселяется бог любви (Легба)»⁸⁵.

⁸³ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. Стр. 303, 305.

⁸⁴ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 81-82.

⁸⁵ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 29.

Духовные вожди первобытных общин

Исходя из вышесказанного, сознание и мировоззрение древнего человека характеризовалось тем, что окружающая его объективная реальность была проникнута мистикой, а мистическое содержание субъективной реальности было выражено в свойствах и действиях материальных объектов. Таким образом, в первобытном сознании материя была духовна, и духовность была вполне материальна, осязаема и враждебна. Страх перед скрытыми мистическими свойствами мира заставлял еще древних архантропов укреплять свои связи друг с другом и прибегать к различным религиозно-мистическим способам защиты. В результате данной потребности постепенно стал формироваться особый социальный институт магов, шаманов и колдунов, призванных защищать интересы своего сообщества в сфере отношений с миром духов.

Первоначально, до того как сложилось и оформилось профессиональное функционирование этого института, забота о регулировании взаимодействия с невидимыми духовными силами возлагалась на старейших людей в сообществах. Старые люди считались наиболее пригодными для этой деятельности. Они обладали большим жизненным опытом, лучше знали и помнили умерших сородичей, чьи духи продолжали незримо взаимодействовать с живущими. Да и сам факт их долгой жизни свидетельствовал о наличии у них способности к защите от зловредных влияний сущностей потустороннего мира.

При характерной враждебности и агрессивности древних сообществ по отношению друг к другу свои духовные предводители и защитники воспринимались как строгие, но добрые шаманы, а шаманы чужаков – как злобные и вредные колдуны. Впрочем, злые колдуны могли оказаться и среди своих соплеменников. Отношения колдунов и злых духов могли быть весьма разнообразными и определялись силами сторон. Духи могли подчиняться колдуну и исполнять его волю, но и колдун мог быть одержимым и служить в качестве проводника злой воли духа. Таким образом, как человек мог влиять через духа на условия своей жизни, так и дух мог через человека воздействовать на обстоятельства его жизни.

Вера в могущество колдовских чар сохраняется в примитивных культурах до наших дней. Данные исследований Леви-Брюля говорят: «Кафры пондо верят, что если у кого-то скот мрет от эпизоотии, то это происходит потому, что какая-нибудь враждебно настроенная личность обложила крааль колдовскими средствами, дабы погубить скот. Если у кого-то плохой урожай, то это произошло потому, что кто-нибудь из соседей ему завидует и портит поле неким могущественным снадобьем. Если в хижину туземца ударила молния, то это означает, что какой-нибудь враг хочет от него избавиться. /.../ В низших обществах имеется, таким образом, устойчивая тенденция приписывать колдунам ответственность за большинство несчастных случаев и бед. /.../ Они мешают дождю падать на определенный участок, препятствуют полюдоствлять

пищу, лишают стада и женщин плодородия, делают больными люди и животных, часто вызывают даже смерть. Они могут убить человека или животное посредством дикого зверя»⁸⁶.

Мир древних людей, постоянно подверженных деструктивному влиянию зловредных духов природы, умерших предков и колдунов, представлял собой повсеместную и непрерывную опасность. Страх, как одно из базовых чувств человека и как его реакция на опасность, лежал в основе примитивного религиозного сознания. Датский полярный исследователь и антрополог Кнуд Йохан Виктор Рамуссен записал религиозные объяснения одного из эскимосских шаманов, который охарактеризовал мистические состояния и мировоззрение своих соплеменников краткой формулой: «Мы не верим, мы боимся».

«Все наши обычаи исходят от жизни и направлены к ней. /.../ Мы страшимся духа земли, который вызывает непогоду и заставляет нас с боем вырывать нашу пищу у моря и земли. Мы боимся Сила (бога Луны). Мы боимся нужды и голода в холодных жилищах из снега... Мы боимся Таканагапсалак, великой женщины, пребывающей на дне моря и повелевающей морским животными. Мы боимся болезни, которую постоянно встречаем вокруг себя. Не смерти боимся мы, а страдания. Мы боимся коварных духов жизни, воздуха, моря, земли, которые могут помочь злым шаманам причинить вред людям. Мы боимся духов мертвых, как и духов убитых нами животных. Вот почему и для чего угасали все мы от отцов все древние правила жизни, основанные на опыте и мудрости поколений. Мы не знаем, как что происходит, мы не можем сказать, почему это происходит, но мы соблюдаем правила, чтобы уберечь себя от несчастья. И мы пребываем в таком неведении, несмотря на шаманов наших, что все необычное вызывает у нас страх. Мы боимся всего, что видим вокруг себя»⁸⁷.

⁸⁶ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. Стр. 488

⁸⁷ Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1999. Стр. 378-379

Совокупность обрядов и церемоний, завещанных предками, являлась единственной эффективной защитой против всякого рода негативных воздействий злых духов, внушающих опасения и страх.

Вследствие становления и развития средств защиты и насущной потребности в регулировании отношений с духовными силами в сообществах древних людей формировались такие формы религиозного мировоззрения, как нагуализм, магизм, анимизм, фетишизм и тотемизм.

Разделение труда в первобытных сообществах по половому признаку

В эпоху верхнего палеолита в Европе и Северной Азии климат был достаточно суровым. Периодически происходило чередование ледниковых периодов с временными оттепелями межледниковья, но в целом Евразия представляла собой арктическую область. Весь север Европы был покрыт ледником. Произошедшие изменения климата значительно влияли и на состав фауны, большая часть которой была теперь представлена крупными животными. На большей части Европы и Северной Азии простиралась перигляциальная степь⁸⁸ – очень холодная, но при этом продуктивная, на траве которой паслись многочисленные стада бизонов, лошадей, северных оленей, сайгаков, мамонтов и шерстистых носорогов. На юге Франции и в Крыму водились северные олени, песцы и лемминги.

В эти тяжелые времена древние люди стали активнее заниматься охотой и в меньшей степени собирательством. Поскольку наступившее оледенение привело к значительному оскудению растительных кормовых ресурсов. Доминирование крупных животных, в свою очередь, неизбежно привело людей к необходимости совершенствования орудий и организации длительной охоты в составе больших

⁸⁸ Перигляциальная зона – полоса шириной до 100-150 км, расположенная вокруг равнинных материковых оледенений, характеризующаяся суровыми климатическими и ландшафтными условиями.

групп. Охоте теперь предшествовал длительный период разведки местности, выслеживания животных, выработки плана и распределения ролей.

Периоды подготовки и проведения охоты или рыбной ловли могли быть долгими и длиться от нескольких дней до нескольких недель и даже месяцев. Данные археологических раскопок говорят, что еще в ашельском периоде стали появляться первые временные лагеря – стойбища охотников на крупных животных. Охота в то время, как правило, велась на северного оленя, мамонта, лошадей, бизонов, росомаху, волка, бурого медведя и прочую крупную живность. Кострища и очажные ямы, места обработки костей и камня свидетельствовали о налаженной хозяйственной деятельности.

Благодаря новым способам организации охоты происходили значительные изменения в отношениях между членами общины. Периодически проживая на временных стоянках, древние люди занимались сезонным охотничьим и рыболовным промыслом. Внутренние конфликты среди них в этот пе-

риод были крайне нежелательны, поскольку могли привести к разного рода неудачам, срыву охоты и обречь на голод всех членов сообщества. Пищевые конфликты устранились благодаря соответствующим табу, выраженным в разборном принципе потребления добытых продуктов.

Наиболее актуальной становилась проблема конфликтов в сфере сексуальных отношений. Вероятнее всего, первые охотничьи экспедиции состояли в основном из мужчин и небольшого количества молодых женщин, которые в условиях острой конкурентной борьбы за партнера вполне могли стать причиной внутригруппового конфликта. Негативный опыт подобных обстоятельств неизбежно приводил к необходимости разделения труда по половому признаку. Женщины отстранялись от занятий охотой и концентрировались на собирательстве и хозяйственной деятельности внутри общины. С одной стороны, отстранение молодых женщин от участия в охоте обеспечивало отсутствие предпосылок для конфликтов на сексуальной почве среди мужчин. С другой – половое разделение труда было вызвано тем, что, как правило, большая часть взрослых женщин находилась в состоянии беременности или постоянной заботы о детях.

Генетическими исследованиями установлено, что максимальный интервал между родами у неандертальских женщин сопоставим с таковым в племенах современных охотников-собирателей, у которых он в среднем составляет 3,4 года. Таким образом, первобытная община стала разделяться на две обособленные гендерные группы: мужскую и женско-детскую, которая включала в себя женскую и детскую подгруппы. Первая группа занималась охотой, добывая высококалорийный продукт – мясо животных, птиц, рыб и моллюсков, вторая занималась собирательством растительных плодов и отловом насекомых и мелких животных. В количественном отношении женщины поставляли больше калорий, потребляемых сообществом, чем мужчины.

Мясо, поставляемое мужчинами, было, безусловно, более энергоемким продуктом питания, но оно добыча была наиболее трудной, опасной и потому нерегулярной. Поставляемые

женском группой зерна, ягоды, листья, насекомые и корнеплоды были стабильным ежедневным питанием древних людей. Подтверждением разделения древних сообществ на гендерные группы по принципу разделения труда могут служить морфологические особенности организма неандертальцев. Из палеоархеологических и антропологических данных известно, что на охоте, а также при защите и нападении неандертальцы использовали деревянные копья с каменными наконечниками для ближнего боя. Ударом таких коротких копий мужчины убивали добычу, о чем свидетельствуют следы развитых мышц на костях правой руки. У неандертальских женщин, занимавшихся собирательством, таких анатомических особенностей не обнаружено.

Статус женщин, поставляющих постоянно потребляемый продукт и несущих основное бремя репродуктивности, в древних сообществах был достаточно высок и ни в чем не уступал положению мужчин. Процесс разделения труда между гендерными группами неизбежно приводил к их значительному обособлению и сокращению взаимоотношений. Так, образовавшиеся и развивающиеся на основе потребности практической производственной деятельности сексуальные ограничения, стали постепенно формировать представление о том, что всякие сексуальные отношения не только в период охоты, но и подготовки к ней способны привлекать неприятности и могут таить в себе мистическую опасность. Таким образом, в первобытном сознании созрели предпосылки для формирования сексуально-производственных охотничьих табу, закрепление которых давало большие преимущества в борьбе за существование.

В частности, за счет создания временных стойбищ, которые сначала служили лагерями мужских охотничьих экспедиций, а затем становились базовым местом обитания общины, расширялся ареал кормовых территорий, происходило освоение новых земель. Характерными примерами таких охотничьих стойбищ и поселений являются Деская пещера на Кавказе⁸⁹ или Сунгирское стойбище под Владимиром. На

⁸⁹ Любин В. П. Нижний палеолит. — Каменный век на территории СССР. М., 1970. Стр. 36-40

пример, в результате раскопок платформы Цонской пещеры было обнаружено пять слоев, содержащих остатки материальной культуры, начиная с периода нижнего палеолита и кончая эпохой ранней бронзы.

Сунгирь была вначале сезонным охотничьим лагерем, который регулярно посещался людьми и существовал на протяжении двух-трех тысяч лет. Численность людей, одновременно обитавших на стоянке, определяется примерно в 50 человек. Позднее стойбище, вероятно, превратилось в базовую стоянку общины. Об этом свидетельствуют обнаруженные там захоронения взрослого мужчины и двух подростков — мальчика и девочки. Морфологический тип останков определяется как позднекроманьонский с адаптивными чертами неантропа (современного человека).

То, что стоянка была, прежде всего, мужским охотничьим стойбищем, характеризуется биохимическим анализом останков. В частности, довольно низкое содержание в них стронция вызвано малым количеством растений в рационе, а содержание цинка, индикатора мясного компонента в рационе, типично для индивидов, в привычный рацион которых входит большое количество мяса наземных позвоночных. Питательный рацион женщин, занимавшихся собирательством, в большей степени состоял из растительной пищи.

О разделении труда по половому признаку также говорят и морфологические особенности, обнаруженные при анализе строения костных останков. Данные особенности свидетельствуют о том, что сунгирские охотники активно ходили и бегали, возможно, на большие расстояния в поисках добычи. Судя по скелету, мужчина был развит гармонично: у него натренированы мышцы, отвечающие за движения рук, он часто поднимал тяжести. Мужчина имел большой опыт работы, требующей точных сильных движений предплечий. Скорее всего, он изготавливал орудия труда из камня. Значительное расширение ногтевых фаланг на кистях, особенно резко на левой руке, свидетельствовало о рабочей гипертрофии костной ткани. Причем «силовое» использование (зажим) левой кисти

считается с более тонкими, но требующими значительных физических усилий движениями правой.

Ос галки обнаруженных подростков также говорят о том, что они были хорошо развиты физически. Мальчик, очевидно, в основном занимался охотничьим промыслом. По характерным признакам, часто метал копы. У него отмечается сильное развитие костного рельефа в области присоединения широкой мышцы спины, подлопаточной, большой круглой и клювовидно-плечевой мышц правой стороны. На костях нижних конечностей мускульный рельеф выражен сильнее с левой стороны. Скелет девочки подобных особенностей не имеет. При анализе патологий у нее отмечена асимметричная утолщенность суставной поверхности одного из шейных позвонков. Возможно, она носила тяжести на голове. По другим особенностям костных останков можно сделать заключение, что девочка преимущественно занималась изготовлением орудий и украшений. Наиболее характерным для нее движением было сверление.

За время раскопок археологи нашли изделия из мамонтовой кости: много орудий труда, оружие, предметы быта, ремесел, украшения. В частности, найдены жезлы, дротики и копыя из бивней мамонта, кремневые наконечники. Там же обнаружено большое копы из цельного куска бивня длиной около 2,5 м. Для его изготовления использовалась сложная техника выпрямления бивней. Найдены украшения на верхней и нижней одежде, браслеты, а также цельные кольца на пальцах. Общее количество найденных бус достигает 10 тысяч. При их изготовлении использовалось сверление.

Формирование сексуально-производственных табу

С укреплением производственных половых табу, разделяющих труд мужчин и женщин, анонимные (свободные) отношения в первобытных группах переходят в агамные (от греч. *agamos* – безбрачный). Они регулируют сексуальные связи, запрещая половые отношения во время периодов подготовки

и проведения производственно-хозяйственной деятельности.

В результате деления общины на мужскую и женскую половины временное парное сожительство перестало существовать. Половое табу предписывало мужской группе охотников полностью отделяться от женщин на время подготовки и проведения охоты, рыбной ловли, а также военных действий, направленных на защиту своей территории или на внешнюю экспансию. Распространение полового табу имело в основе не только социально-экономические потребности, но и социально-религиозную систему регуляции отношений с внешней враждебной средой.

Разделение первобытного сообщества на мужскую и женскую группы неизбежно приводило их, с одной стороны, к враждебному противостоянию относительно друг друга, а с другой – к усилению сплоченности и солидарности внутри своей однополой группы. Э. Кроули полагал, что разделение

полов и солидарность внутри каждой половой группы основывались на мистическом страхе невольной воспринять свойства противоположного пола через любой контакт с его представителями. Он писал: «Общие идеи контакта, приложенные к половым отношениям, порождают суеверный страх – как бы с помощью заразы или осквернения или другим каким-нибудь способом, через контакт пищи с данным лицом или влияние женщины не сообщило бы мужчине женских свойств. И – хотя это не так очевидно – как бы пища, “оскверненная” мужчиной, не сообщила женщине свойств мужчины»⁹⁰.

Враждебность в отношениях мужчин и женщин основывалась на разности их биологических особенностей, производственной дифференциации и социального положения. Кроме того, необходимо помнить о том, что «все действия и отношения, все личные и социальные явления, обусловленные геном, преисполнены религиозного значения»⁹¹. В мистическом мышлении первобытных людей любое отличие от своей группы воспринималось как сигнал опасности и вызывало страх. Импульсы сексуальных потребностей достаточно сильные, и запрет на их реализацию в периоды действия табу вызывал значительное напряжение, которое способствовало формированию тревоги и прорывающейся из нее агрессии.

Как правило, такая агрессия направлялась на представителей другой половой группы, которые воспринимались как носители потенциальной опасности. Об остаточных пережитках древней межполовой агрессии и внутривидовой консолидации свидетельствует множество этнологических данных. Так, в племенах южной Гвинеи мужчины создали тайное общество, целью которого является удержание в повиновении женщин и детей. Женщины, в свою очередь, образовывали такие же союзы «для обсуждения наносимых им обид и для составления

⁹⁰ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 164

⁹¹ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 5

планов мести»⁹². О том, что подобные отношения господствовали среди неандертальцев и кроманьонцев, красноречиво говорят данные археологических и палеоантропологических исследований. Например, на древней палеолитической стоянке Дольни Вестоницы в Чехии были обнаружены женские черепа со следами жестоких побоев, которые вполне могли быть получены в результате гендерной агрессии.

Разделение враждебных половых групп могло доходить до того, что они использовали разные тотемы и поклонялись различным духам. Так, по убеждениям древних гренландцев: «Луна есть мужской дух, а солнце – женский; первая радуется смерти женщин, второе же мстит за них, нанося смерть мужчине»⁹³. У некоторых племен южной Австралии тотемом мужской группы считается самец ящерицы, называемый Иби-ри, а тотемом женской группы является самка того же вида, называемая Вака. Вражда между половыми группами приводит к тому, что мужчины повсюду уничтожают вака, а женщины

⁹² Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 44

⁹³ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 45

– либри. У других племен мужским тотемом является летучая мышь, а женским – козодой. Жизнь членов группы напрямую связана с жизнью тотема. Если убивают летучую мышь – умирает мужчина, если гибнет козодой – умирает женщина.

Убийство того или иного тотемного существа обычно вызывало жестокие столкновения представителей половых групп. «В этих драках, где женщины дрались на одной стороне, а мужчины – на другой, было совершенно неизвестно, за кем останется победа, так как временами женщины сильно колотили мужчин палками, а временами мужчины ранили или убивали женщин копытами»⁹⁴.

Поклонение половым тотемам ослабляло внутренние связи первобытного сообщества в целом, но консолидировало отношения внутри половых групп. Так, у племени курнаев все мужчины считались потомками нерунга (эму), а женщины – потомками джитгуна (малиновки). Родившиеся сыновья принадлежали к мужскому тотему и считались ближайшими родственниками отцов, а дочери, принадлежавшие к тотему женщин, имели большую родственную связь с матерью. У племени маорисов тотемная половая принадлежность превалировала над родственными связями. «Мальчик-маорис наследует собственность отца, девочка – собственность матери»⁹⁵. Родственные отношения у древних людей определялись не кровной связью, а общностью тотема, территории и совместностью приема пищи.

Поскольку главными занятиями мужской группы были охота и война, связанные с серьезными опасностями для жизни, то и страх перед нарушением производственно-сексуального табу был у мужчин особенно велик. С одной стороны, женщины, в силу своих физических особенностей, социального положения и участия в хозяйственно-производственной деятельности, могли восприниматься мужчинами как суще-

⁹⁴ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 45

⁹⁵ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 451

ства более слабые и робкие. Однако с другой стороны, в силу тех же особенностей и положения, они могли восприниматься как существа таинственные и священные, несущие в себе различные опасности.

Согласно мифу индейцев племени вай-вай, прародители-близнецы Ваши и Мавари, имевшие огромные пенисы, поймали в воде двух женщин, имевших влагалища с зубами. Нептерпеливый Ваши, пытаясь овладеть женщиной, чуть не погиб, но лишился части своего детородного органа. Мавари же добыл волшебное средство и усыпил свою женщину. Затем он удалил из ее влагалища зубы. Мифы индейцев кроу и мандавов повествуют о трех сестрах с зубастыми влагалищами.

Вероятно, сексуальные табу возникали и из биологических особенностей женского организма в периоды полового созревания, пиков полового влечения, менструации и беременности. К примеру, одним из главных половых табу, сохранившихся в отдельных регионах до нашего времени, является требование обеспечения целомудрия девочек-девушек до мо-

мента инициации – поворотного события в их жизни. Сексуальное возбуждение нередко порождало агрессию и насилие, как со стороны мужчин, так и со стороны женщин. Менструальная кровь издревле считалась пугающе нечистой, а беременность и сам процесс родов могли восприниматься как некое страшное таинство. В такие периоды половые табу запрещали мужчинам не только вступать в отношения или прикасаться к девочкам и женщинам, но даже смотреть на них, разговаривать с ними и находиться в одном месте.

Постоянно наблюдаемое древними людьми такое физиологическое явление, как наступление временной слабости после полового акта, способствовало возникновению идеи о том, что сексуальные отношения ослабляют человека. Природная слабость женщины во время полового акта забирает часть силы у мужчины, чем снижает его потенциал и сокращает жизнь. Слабость женщин могла объясняться их мистической связью с духами, которые забирали силу и вызывали регулярные кровотечения. Поэтому страх перед женщинами мог особенно возрастать в периоды их половых кризисов – менструаций, беременности и родов, которые подчеркивали их физическое и духовное отличие.

Э. Кроули сообщает: «Даммары не смеют смотреть на роженницу, иначе они ослабеют и поэтому будут убиты в сражении. У племени буандиков считается, что если мужчина увидит женскую кровь, то будет бесплоден сражаться»⁹⁶. «Если мужчина коснется женщины во время менструации, кости его становятся мягкими и впоследствии он не будет в силах принимать участия в войнах и других мужских упражнениях»⁹⁷. Среди коренных жителей Южной Африки бытует правило, запрещающее мужчинам всякое общение с женщинами в период подготовки и проведения военных походов. Подобный обычай есть и у племени юго-восточной части Новой Гвинеи.

⁹⁶ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 52

⁹⁷ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 208

где мужчины за несколько дней до битвы с врагом считаются «священными» и не должны осквернять себя каким-либо контактом с женщинами.

Таким образом, этнографические данные свидетельствуют, что мужчинам в период действия табу запрещались не только сексуальные связи, но и любые формы отношений с женщинами. «Мужчинам запрещалось прикасаться к женщинам, смотреть на них, разговаривать с ними, есть пищу ими приготовленную, находиться с ними под одной крышей и т. п.»⁹⁸. Используя данные этнографии, Дж. Фрезер указывает на сохранившиеся пережитки данных древних традиций у некоторых племен, находящихся на ранней стадии развития. В частности, он сообщает: «На одном из Каролинских островов (Van) на весь промысловый сезон, который длится шесть – восемь недель, рыбак подпадает под действие очень сильного табу. На берегу он должен проводить все свое время в мужском доме, ни под каким предлогом он не смеет навещать свой дом, видеть жену или других женщин из своей семьи. По мнению туземцев, брось он украдкой хоть один взгляд на этих женщин, ночью летающая рыба неизбежно врежется бы ему в глаза»⁹⁹.

Подобные ограничения распространялись и на женщин «На Маркисских островах вследствие табу женщинам запрещается плавать в челноках; нарушение этого правила наказывается смертью»¹⁰⁰. Племена кафров в Юго-Восточной Африке имеют обычай, запрещающий женщинам прикасаться к домашнему скоту. Вследствие данного запрета мужчинам приходится самим пахать землю.

Корпоративное обособление половых групп внутри первобытных сообществ приводило не только к различиям в образе жизни, но и к появлению особых языковых форм, характерных только для мужчин или женщин. Данные языковые

⁹⁸ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. Изд. 2-е доп. М., 2010. Стр. 120

⁹⁹ Фрезер Дж. Дж. Золотая ветвь. М., 2003. Стр. 234

¹⁰⁰ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 6

различия сохранились у некоторых народов до настоящего времени. «На Мадагаскаре есть термины, которые женщина употребляет в разговоре с другими женщинами, есть выражения, которые употребляются в разговоре с мужчинами, и другие, которые мужчины употребляют, говоря с женщинами»¹⁰¹. Среди племен Карибских островов наблюдается использование двух лексиконов, предназначенных для общения женщин и для их общения с мужчинами. «В Японии женское письмо отличается особым синтаксисом и особыми выражениями; в японском алфавите имеется два ряда букв, причем алфавит катакана традиционно употребляется мужчинами, а хирагана – женщинами»¹⁰². В русском языке, как и во многих других, существует разделение на мужской и женский род речи.

Промискуитет и формирование родовых отношений

Социальная дифференциация вследствие расширения и увеличения длительности действия сексуального табу породила рост напряжения в межполовых отношениях первобытных общин. Обратной стороной половых табу стала сексуальная раскрепощенность и несдержанность, так как половое напряжение и неудержимое половое влечение мужского и женского организма властно требовало удовлетворения. Задавленные половые импульсы требовали разрядки. Соответственно, возрастала и интенсивность половой жизни в свободные от табу периоды. Такие кратковременные периоды превращались в своеобразные праздники, характерной чертой которых были бурные, ничем не ограниченные, оргиастические сексуальные отношения. Общение полов во время этих праздников приобрело характер промискуитета – беспорядочных, ничем не ограниченных и не регулируемых половых связей со многими партнерами.

¹⁰¹ Кроули Э. Мистическая роза: исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 46

¹⁰² Кроули Э. Мистическая роза: Исследование о первобытном браке. М., 2011. Стр. 46

Этнографические материалы, собранные среди племен островов Океании, свидетельствуют о сохранении традиций этих древних праздников. Так, в Меланезии торжества по случаю путешествий, рыбной ловли или сбора урожая проводятся при полной луне и сопровождаются играми сексуального характера. Основными сторонами-участниками таких игр являются мужская и женская группы.

Популярной игрой является перетягивание каната. Когда игроки занимают нужное положение, начинается перепалка – одна из сторон поет первую половину песенки, другая отвечает ей второй половиной, с окончанием песни начинается перетягивание. Победившая сторона ритуально высмеивает побежденную и, издавая характерный вопль, набрасывается на поверженного противника.

В жаркие дни юноши и девушки устраивают игры в воде. Они ныряют и плавают группами, брызгаются водой, эстафетно борются, переходящую в сексуальную связь. Одним из видов развлечений выступают танцевальные сборища, в том числе и та их разновидность, когда юноши и девушки сначала общаются задиристыми шутками и остроумными ответа-

ми. Затем женщины переходят от поддразнивания к царапанию и нападают на юношей, вооружившись двусторчатыми раковинами, бамбуковыми ножами, кусками обсидиана или небольшими острыми топорами. Юноше разрешается бежать прочь, если нападающая женщина его не привлекает. Женщины стараются отхлестать как можно больше мужчин, а мужчины стремятся унести с собой столько ран, сколько могут выдержать. Любовная битва плавно переходит в оргию¹⁰³.

О пережитках древних оргиастических промискуитетных отношений упоминал в своих сочинениях Геродот. Рассказывая о древних скифах, он писал, что агафирсы – самое изнеженное племя. «Женщинами агафирсы пользуются сообща с той целью, чтобы всем быть братьями между собой и родными и не возбуждать друг в друге ни зависти, ни вражды»¹⁰⁴.

Отголоски этих архаических оргий наблюдаются в истории всех народов и сохранились до наших дней в виде фестивалей или празднеств по поводу сбора урожая и окончания сезонных работ.

Неупорядоченные и неограниченные промискуитетные сексуальные связи неизбежно приводили к такому типу воспроизводства потомства, когда рождение детей и установление родственных связей могло определяться исключительно по материнской линии. Неопределенность отцовства может свидетельствовать о формировании системы родственных связей, которые не считаются с фактором отцовства. Родство по отцовской линии и соответствующие функции попечения имели обобщенный групповой характер. Отцом была вся мужская группа первобытного сообщества. Такое положение постепенно приводило к формированию замкнутых групп, связанных общими кровно-родственными матрилинейными отношениями. Вследствие укрепления сексуально-производственных табу и связанных с ним промискуитетных отношений стали формироваться основы матриархальной общинно-родовой формации.

¹⁰³ Малиновский Б. Сексуальная жизнь дикарей Север-Западной Меланезии // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М., 2004. Стр. 629-644.

Геродот. История. М. – СПб., 2008. Стр. 337.

Тотемные матриархально-родовые общины

Благодаря укреплению и развитию религиозно-социальных норм, регулирующих сексуальное поведение, в первобытной общине начинают складываться предпосылки формирования родовых отношений¹⁰⁵, которые характеризуются большей сплоченностью и специфическим выделением себя из окружающего мира. Признаками такого выделения и обособления являются зачатки мистического сознания, представленные тотемизмом, который свидетельствует о зарождающихся основах родовых отношений в мустье-ром периоде каменного века. По мнению этнографа и палеоантрополога Александра Михайловича Золотарева, «тотемизм есть первая форма религиозного осознания родственных отношений»¹⁰⁶.

Первобытные общины, занимавшиеся охотой и собирательством, представляли собой небольшие замкнутые группы людей, у которых материальные хозяйственно-производственные отношения принимали форму кровнородственной связи. По утверждению С. А. Токарева, эти кровнородственные связи в те времена означали принадлежность к определенной родовой группе, полу поколению. На основании этих связей осуществлялось регулирование отношений внутри родового сообщества: «раздел охотничьей добычи, заключение брака, участие и роль в возрастных посвятительных обрядах и прочее»¹⁰⁶.

Кровнородственный тип отношений, сформировавшийся в сознании первобытных людей, переносился ими и на окружающую их природу. Тесная мистическая и материальная связь родовой общины со своей кормовой территорией, охотничьими угодьями, животными и растениями воспринималась людьми как отношение родства. Само название тотема и его вид был так или иначе связан с землей, на которой жило

¹⁰⁵ Золотарев А. М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934. Стр. 6.

¹⁰⁶ Токарев С. А. Ранние формы религии и их развитие. М., 2011. Стр. 63.

родовое сообщество. Как правило, это могли быть наиболее распространенные в данном регионе животные, птицы, насекомые, или растения.

Такое сплочение родовой группы происходило как в сфере мистически-религиозной регуляции жизнедеятельности, так и в сфере социально-бытовых предписаний, запретов и правил поведения. Религиозно-мистический аспект единства рода осуществлялся посредством сакральной связи с умершими предками. Почитание предков осуществлялось через обряды жертвоприношений, проведение которых осуществляли старейшие члены рода.

Эндогамные отношения в матриархальных родовых общинах

Общинно-родовое деление мира на своих и чужих сказывалось и на нормах половых отношений. Система половых отношений становилась эндогамной (от греч. *endon* – внутри и *gamos* – брак). Эндогамия, при которой сексуальная связь допускалась исключительно между членами своего рода, поддерживала закрытость и обособленность первобытно-родовой общины, укрепляла чувство единства и общности ее членов.

Установление эндогамных табу было тесным образом связано с культом предков, о широком становлении которого свидетельствуют обряды захоронений. Новое посмертное существование умершего и возродившегося в мире духов человека было неразрывно связано с его родовым сообществом и нуждалось в постоянном поддержании этой связи. Соответственно, магическая связь с духами предков в виде жертвоприношений осуществлялась исключительно членами своего сообщества.

Таким образом, осознание своего тотемного единства, возникновение и развитие производственных сексуальных ограничений, вследствие которых возник промискуитет, появление запрета канибализма, формирование социальных норм, predisposing заботу и взаимопомощь внутри сообщества

сделали первобытно-родовую общину сплоченной устойчивой группой с установившимся постоянным составом.

Однако длительная замкнутость состава общины при господстве эндогамного оргиастического промискуитета неизбежно приводила к возникновению инбридинга – тесных кровно-родственных сексуальных отношений между ее членами. Следы пережитков сексуальной эндогамии сохранялись у многих народов в течение весьма длительного времени. Так, о кровно-родственных связях писал Гай Юлий Цезарь в «Записках о Галльской войне». Древние галлы имели общих жен, и родители жили с детьми. Русский этнограф и фольклорист Всеволод Федорович Миллер в своих исследованиях Риг-Веды также отмечает следы сексуальной связи родственников – сестер и братьев, отцов и дочерей¹⁰⁷.

Инбридинг, в свою очередь, пагубно сказывался на биогенетических факторах воспроизведения потомства и жизнедеятельности сообществ. Увеличение врожденных патологических отклонений, ранняя смертность, снижение защитных ресурсов организма приводили к утрате эволюционной пластичности и снижению адаптационных возможностей древних людей. Палеоантропологические находки этого периода на территории Европы характеризуют анатомо-морфологию

¹⁰⁷ Миллер В. Ф. Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. М., 1876. Т. 1.

ческий облик поздних неандертальцев как консервативный и эволюционно застойный.

Постепенное увеличение времени агамных периодов, когда действовали производственно-сексуальные табу, сокращало время и частоту праздничных оргий. Социальное подавление полового инстинкта приводило к росту эмоциональной напряженности и агрессивности в отношениях. В жизни первобытно-родовой общины формировалось острое противоречие между реальной потребностью в расширении полового общения и невозможностью увеличения времени сексуальных отношений между членами сообщества. Столь же острой проблемой становился и инбридинг, порожденный промискуитетными оргиями. Инбридинг и сокращение периодов сексуальной активности до времени оргиастических празднеств постепенно приводили и к падению рождаемости.

Преодоление и сохранение эндогамного табу

Разрешение этих глобальных проблем, возникших из-за обособленности каждой родовой группы, оказалось возможным благодаря этой же самой специфической тотемной обособленности. Все требования социальных норм поведения, выраженные в обычаях первобытной общины, распространялись исключительно на членов данного сообщества. По отношению к членам других социальных групп эти требования не действовали, и сексуальное табу утрачивало свою силу.

Например, во время рыболовного промысла, который длился от полутора до двух месяцев, мужчины покидали свои семьи и соблюдали строжайшее половое табу, проживая в сугубо мужских рыбацких домах. Однако в каждой такой хижине находились несколько женщин, захваченных во время набегов на соседние деревни. Сексуальные связи с этими невольницами, не принадлежавшими к их тотемному роду, были вполне допустимы и не считались нарушением табу. Так, в условиях, когда подавление полового инстинкта могло достигать критической степени напряжения, встречи мужчин и женщин, принадлежа-

щих к разным тотемным сообществам принимали форму насильственных оргиастических нападений сильных на слабых.

Сексуальное насилие в этот период было массовым, традиционным и общепринятым явлением. При этом каждое тотемное сообщество строго относилось к соблюдению принятых сексуальных табу и жестоко карало нарушителей – как чужаков, так и своих сородичей. Об этом, в частности, свидетельствуют данные археологических раскопок. В 1956 году на территории современной Чехии, близ небольшого городка Долни-Вестонице, было обнаружено захоронение трех человек – двух мужчин и одной женщины, лежащих в одной могиле. Возраст костяков, определенный исследователями, составлял примерно 26 тысяч лет. Смерть, вероятнее всего насильственная, настигла их в возрасте от 17 до 23 лет. Особенностью захоронения является то, что два скелета – мужской и женский – лежат рядом друг с другом, а третий скелет, мужской, чуть сдвинут в сторону. В гениталии отдельно лежащего мужчины был воткнут кол, а в вагину женщины всажен каменный нож. Это таинственное захоронение позволяет сделать предположение о совершении древними людьми жестокой казни нарушителей сексуального табу.

Захват в плен чужеродцев в качестве объектов сексуального насилия практиковался как мужчинами, так и женщинами.

Свидетельства об этом обнаруживаются в многочисленных данных этнографических исследований. Так, английский этнограф Бронислав Каспер Малиновский описал наблюдавшийся среди туземцев Тробрианских островов обычай йауса (yausa), согласно которому женщины, занимавшиеся совместными полевыми работами, имели право напасть на любого замеченного ими мужчину, который не был членом их общины. Женщины, заметив чужака, сбрасывали с себя одежду, голыми набрасывались на него, срывали его набедренную повязку, повергали насилию и производили унизительные действия сексуального характера.

Б. К. Малиновский так описывает действия обычая йауса: «Прежде всего, они стаскивают с него и разрывают набедренную повязку – защиту его скромности и символ мужского достоинства туземца. Затем, применяя мастурбацию и эксгибиционизм, стараются вызвать у жертвы эрекцию, а когда их действия приводят к желанному результату, одна из них садится на мужчину верхом и вставляет его пенис себе в вагину. После первой эякуляции таким же образом с ним может поступить другая женщина. Но худшее еще впереди. Некоторые женщины испражняются и мочатся на него, особое внимание уделяя лицу, которое они загаживают, как только могут... Иногда эти фурии трутся гениталиями о его нос и рот, а также используют пальцы его рук и ног, фактически любую выступающую часть его тела, чтобы удовлетворить свою похоть... Его терзают и избивают до тех пор, пока он не ослабеет так, что не сможет подняться и убраться прочь»¹⁰⁸. Подобные оргиастические нападения были позволительны женщинам только в период действия сексуального табу, во время проведения полевых работ.

Обычай, сходный по своему содержанию с йаусом, были обнаружены в исторических традициях многих народов. У некоторых племен Северного Ирана, когда женщины работали в поле, ни один чужак не мог пройти мимо них безнаказанно,

¹⁰⁸ Малиновский Б. Сексуальная жизнь Дикарей Северо-Западной Меланезии // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. – М., 2004. Стр. 653-654

не уплатив им выкупа¹⁰⁹. Отголосками этих традиций были многочисленные женские празднества и обряды, имевшие в той или иной степени эротическое содержание. В ходе этих обрядов и празднеств «женщины нередко раздевались донага, совершали неприличные телодвижения, исполняли непристойные танцы, пели песни весьма нескромного содержания... Всякий мужчина, вольно или невольно оказавшийся свидетелем обрядов, подвергался со стороны женщин самому жестокому обращению»¹¹⁰.

На основании имеющихся данных позволительно сделать вывод, что в поздние периоды существования матриархальных сообществ безудержное сексуальное насилие существовало повсеместно и использовалось как средство коллективного или индивидуального самоутверждения, устрашения врагов и демонстрации силы. О широкой распространенности женских оргиастических агрессивных нападений говорят и данные фольклористики. Так, многочисленные мифы об амазонках – воинственных женщинах, которые вступают в сексуальные отношения со случайно появившимися на их территории мужчинами-чужеземцами, а затем убивают их.

Предания с подобной фабулой встречаются в фольклоре многих народов. Легенда о женском острове Кайталуги, где были замучены и нашли свою смерть множество зюряков была записана Б. К. Малиновским на островах Тробриан. В индийском сказании «Махабхарата» упоминается страна, населенная женщинами. Мужчины, попадающие в эту страну, могут в течение месяца быть мужьями местных женщин, но если они задерживаются дольше – их убивают. Мифы об амазонках отражают реальное состояние половых отношений, зарождавшихся в эпоху позднего мустье. Оргиастические нападения на чужаков на протяжении многих веков давали положительные результаты как в биогенетическом, так и в социальном аспекте

¹⁰⁹ Тугашев Е. А. Семьеведение: Учебное пособие. Новосибирск: Сибирский университет потребительской кооперации, 2006. Стр. 194

¹¹⁰ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. Изд. 2-е, доп. М., 2010. Стр. 136

Формирование основ экзогамии

В ходе зарождения и становления сексуальных отношений с представителями других общин происходил гетерозис – резкое возрастание жизнеспособности и мощности организма, увеличение плодовитости а вместе с ней – и подъем эволюционной пластичности. Укрепление гетерозиса приводило к качественному изменению анатомо-морфологической структуры. Общины, имевшие более тесный и разнообразный контакт в сфере половых отношений с представителями других сообществ, оказывались более адаптированными и конкурентоспособными. Дети, рожденные от чужаков, оказывались более здоровыми, крепкими и выносливыми и со временем стали доминировать в социальной структуре общины.

Постепенно формы оргиастических нападений сменились похищением женщин и мужчин из соседних общин или легализацией сексуальных отношений с чужаками. Б. К. Малиновский описал обычаи «улатиле» и «катайауси», бытовавшие у местных племен. Улатиле представлял собой тайную экспедицию юношей одной деревни с целью выступить в интимные отношения с девушками другой деревни, а катайауси – такую же экспедицию девушек в соседнюю деревню к юношам.

Такого же рода экспедиции наблюдались у горных племен чимбу, каmano, зуруфа, сиане и других в Новой Гвинее¹¹¹ и у бушменов в Африке¹¹². В Австралии, на полуострове Архемеленд, племена, жившие изолированно друг от друга, имели традицию проводить совместные многодневные праздники. В ходе праздника мужчины и женщины разных племен вступали друг с другом в сексуальные отношения. Несмотря на то, что эти связи не осуждались и не вызывали ревности у мужей и жен, они сопровождалась ритуальной демонстрацией враждебности между иноплеменниками во время их полового общения.

¹¹¹ К. E. Read. Cultures of Central Highlands, New Guinea. SJA, 1954. Vol 10, № 1, 4

¹¹² Эленбергер В. Трагический конец бушменов. М., 1956

По сути эндогамные инбридинговые отношения никогда не существовали как единственно допустимая или доминирующая форма сексуальности. Повсеместно распространенная враждебно-насильственная сексуальная экспансия по отношению к представителям чужеродных сообществ значительно снижала уровень патологического влияния кровосмешения на состояние последующих поколений. Легализация половых отношений с представителями других социальных групп постепенно приводила к тому, что каждая из ранее изолированных первобытно-родовых общин оказывалась тесно связанной с каким-либо другим тотемным родовым сообществом. Быстрое и эффективное преодоление последствий длительного инбридинга неизбежно приводило к осознанию вредности кровосмесительных связей. Таким образом, эндогамная система отношений в первобытных общинах превращалась в экзогамную, с установлением новых экзогамных табу, запрещающих сексуальные связи внутри рода.

Отказ от эндогамных incestуозных отношений у древних людей стал основой длительного периода разложения матриархальных родовых отношений. С образованием первичной экзогамной системы сексуальных связей появилась перспектива соотношения родственных отношений с отцовской линией, что впоследствии привело к образованию патриархальной Родовой общины. Данные изменения в системе отношений, безусловно, способствовали прогрессивному развитию чело-

века как биологического вида и первобытного общества как более сложной социальной системы. Появление экзогамии дало возможность превращения различных общинных сообществ в дуально-родовые, скрепленные более тесными связями и общностью традиций.

Групповой брак в дуально-родовых сообществах

Первоначально возникновение системы отношений между двумя взаимно брачующимися тотемными социальными группами привело к появлению группового брака, который формировал их общую дуально-общинную организацию. Каждый род такого сообщества являлся самостоятельной производственно-хозяйственной социальной единицей с агамными половыми отношениями. Агамия внутри рода, по сути, была обязательным условием его нормального функционирования. Запрет любых сексуальных отношений между сородичами способствовал устранению конфликтов, обеспечивал возможность единства и сплоченности в деятельности производственных сообществ.

Объективным выражением агамии был не только строжайший запрет сексуальных связей между членами рода, но и половой принцип организации производства – охотой занимались мужчины, собирательством – женщины. В ведении хозяйства мужчины и женщины выполняли разные функции и имели раздельное проживание. Агамия, способствовавшая производственно-хозяйственному и бытовому обособлению половых групп, привела к разделению родового поселения на мужские и женские зоны. Это могли быть различные пещеры или строения, находящиеся поблизости друг от друга. В мужских зонах проживали молодые, взрослые и старые мужчины. Женщины не имели права оказываться на этой территории. В женских зонах проживали женщины и дети. Это была запретная территория для мужчин.

Многочисленные данные этнографических исследований свидетельствуют о повсеместной распространенности подоб-

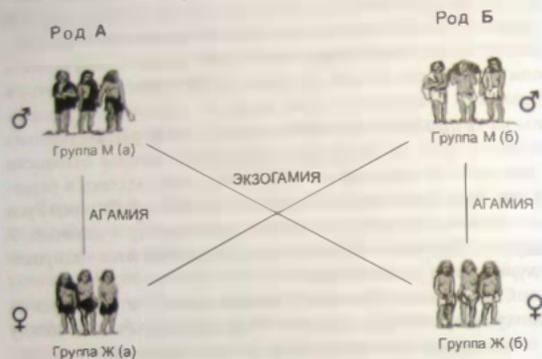
ной обособленности у родов, практикующих экзогамию половой жизни. Так, разделение поселений на мужские и женские дома были зафиксированы у многих племен папуасов в Новой Гвинее, на островах Меланезии и Микронезии. Существовали они у эскимосов Аляски, у племен нага в Индии и мундуруку в Бразилии. У аборигенов Австралии поселения были разделены на группы мужских и женских шалашей, расположенных отдельно друг от друга. Позже у многих народов отголоски этой древней половой обособленности наблюдались в разделении дома на мужскую и женскую половины. В Древней Руси большой княжеский дом делился на гридницу и девичью. У народов Северного Кавказа дома подразделяются на кунацкую и женскую половины¹¹³.

С появлением дуально-родовых союзов в мустьерскую эпоху сексуальные отношения были допустимы только между членами различных родов, входивших в их состав. Подобное объединение, нацеленное на развитие социальной регуляции половых отношений и оптимизацию репродуктивности членов рода, создавало предпосылки для формирования основ брака.

Первой формой такой социальной регуляции половых отношений стал дуально-родовой групповой брак, который пришел на смену аномии и промискуитету. Новая форма регуляции сексуальных отношений предполагала обязательство членов одного рода вступать в брачные отношения с членами другого рода, входившего в дуально-родовое объединение. При этом данные ограничительные обязательства регулировали отношения не между отдельными индивидуумами, а исключительно между социальными группами, в которые они входили. Таким образом, групповой брак был системой половых отношений между родами и не предполагал закрепления и регулирования каких-либо индивидуальных отношений.

¹¹³ Семenov Ю. И. Проблема начального этапа родового общества. М., Наука. В кн. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., Наука. 1968. Стр. 208-210

Схема дуально-родовых отношений

Поскольку каждый род подразделялся на мужскую и женскую группы, в дуально-родовом брачном союзе гармонично сочетались агамные и экзогамные связи. Хозяйственные бытовые и производственные отношения внутри рода предполагали абсолютную агамию, а межродовые отношения мужских и женских групп разных родов – экзогамию.

Все мужчины рода «А» являлись мужьями для всех женщин рода «Б», равно как и все женщины рода «Б» являлись женами для всех мужчин рода «А». Аналогичные отношения устанавливались и между группами женщин рода «А» и мужчин рода «Б».

Выдающийся отечественный этнограф и правовед Максим Ковалевский описывал сущность группового брака на примере племени австралийских аборигенов камиларои. Данное племя состояло из двух родов – кумит и кроки, которые были экзогамны по отношению друг к другу. «Каждый мужчина кумит считается законным мужем каждой женщины кроки, а каждый кроки – каждой кумит. Дитя, рожденное какой-нибудь кроки от какого-нибудь кумит, соглас-

но матриархальной традиции, входит в состав группы кроки, а то, которое произошло от сожительства мужчины кроки с женщиной кумит, принадлежит к группе кумит»¹¹⁴

Особенности матриархальных отношений

Дети, рожденные в результате отношений дуально-группового брака, принадлежали тому или иному роду по факту своего рождения в нем. Исходя из того, что дети рождались исключительно в женских группах, их родовая принадлежность определялась матерью. Таким образом, в дуально-родовых союзах надели формироваться основы матриархальных отношений, при которых связь человека со своим родом, полученная через мать, определяла положение человека в сообществе.

Матриархальные отношения не предполагали какого-либо господства женщин. Их значимость, так же, как и значимость мужчин, определялась исключительно хозяйственно-бытовым

¹¹⁴ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 19-20

выладом в жизнь рода. В эпоху раннего и среднего палеолита женщины занимались собирательством, которое давало стабильный и постоянный продукт питания. К женским занятиям также относилось приготовление пищи, подготовка мяса к хранению, плетение циновки и корзины, изготовление и ремонт одежды. К мужским видам производственной деятельности относились охота на крупных животных, изготовление орудий труда, обработка камня, дерева и кости, постройка жилищ.

Детопроизводство было наиболее важной функцией женщины. Ее огромная значимость подтверждается многочисленными археологическими находками каменных изображений беременных женщин – палеолитических венер.

В соответствии с принципами дуально-родового группового брака формировалась и система родственных отношений. Каждая мужская и женская группы подразделялись на три поколения – детей, родителей и прародителей (дедусек и бабушек). Следы подобного деления родства и организации принципсов группового брака обнаружил Льюис Генри Морган у полинезийцев с Гавайских островов и в племенах ирокезов в Северной Америке.

У полинезийских племен Гавайских островов все родственники подразделяются на пять основных групп. Братско-сестринская группа включает всех родных и сродных братьев и сестер. Родительская группа включает в себя родителей и их родных и сродных братьев и сестер, которые все без исключения считаются родителями. Прародительская группа включает прародителей с их братьями и сестрами, которые все считаются общими бабушками и дедушками. Детская группа включает в себя всех родных детей, а также детей всех братьев и сестер. Все они считаются общими детьми для всех членов их родительской группы. Дети этих детей, входящие в последнюю, пятую группу, являются общими детьми, внуками и правнуками для предыдущих групп.

Ирокезы также своими родителями считали не только реальных отца и мать, но и целую группу родственников, включавшую всех их родных, двоюродных и троюродных братьев и

сестер. Своими детьми считались также дети всех их родных и сродных братьев и сестер. Такая же картина наблюдалась и относительно внуков. В качестве внуков принимались не только дети своих детей, но также и дети их двоюродных и троюродных братьев и сестер.

В данной системе родства действовали не столько биологические факторы регуляции отношений, сколько социальные, которые предполагали наличие множества отцов и матерей. При групповом браке каждый мужчина мог быть мужем каждой женщины, и каждая женщина могла быть женой каждого мужчины. В подобной общности родительско-детские отношения также определялись принципом групповой принадлежности. Отголоски подобных структур родственных отношений, характерных для группового брака, обнаружил С. А. Токарев при исследовании родовых отношений у племен Меланезии. «Пренебрежение терминологии родства к реальным семейным связям доходит до того, что, например, жена обозначается тем же термином, как мать, женщина называет одинаково свою бабу и свекровь»¹¹⁵. У племени байнинг «все лица старшего поколения – мужчины называются «мам», а женщины – «нан», и ни отец, ни мать не выделяются особыми терминами»¹¹⁶.

Поскольку в период господства матриархальных отношений родители ребенка принадлежали к различным родам, жили отдельно и вели вполне самостоятельный и независимый друг от друга образ жизни, важная роль в системе родственных родительско-детских отношений принадлежала брату матери. Дядя по матери исполнял функции главы семейной группы. Он оказывал покровительство и брал под защиту сестру и ее детей.

М. М. Ковалевский подтверждает данное положение при мером организации малайской семьи. «Малайская семья состоит из матери и детей. Отец не входит в ее состав. Он более привязан к своим братьям и сестрам, чем к своей жене и детям. Вступив в брачное сожитие, он продолжает жить в

¹¹⁵ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М., 2012. Стр. 25

¹¹⁶ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М., 2012. Стр. 25

семье своей матери и обрабатывать ее поле. Своей жене и детям он лишь случайно оказывает небольшие услуги. Во главе их семьи стоит старший брат его жены. Он имеет все права и исполняет все обязанности основного попечителя по отношению к своим племянникам и племянницам. После смерти его власть переходит в руки старшего из утробных родственников. Если в семье нет ни одного взрослого мужчины, главой семьи становится мать¹¹⁷. Старший брат матери, являясь главой матриархальной семьи, управлял и всем ее имуществом.

Пережитки матриархально-родовой структуры сохранялись и в историческую эпоху. Так, в древней Нубии царская власть переходила к сыну сестры правящего царя. Семейное имущество также наследовали сыновья сестры. Подобная традиция наблюдалась у африканских племен байя и берае.

Как правило, индивидуальные отношения внутри группового брака сводились исключительно к сексуальным связям и строились на основе личных симпатий. Они имели различную временную продолжительность и носили дислокальный и дисэкономический характер. Входя в разные самостоятельные производственные и хозяйственно-бытовые объединения, экзогамные сексуальные партнеры жили раздельно – каждый в своем роду. Их индивидуальные половые отношения не влекли за собой никаких экономических или правовых обязательств.

Брачные правовые обязательства носили групповой характер и осуществлялись в отношениях между родами. Первоначально эти отношения выражались в том, что члены одного рода имели право и обязанность вступать в сексуальные связи только с членами другого рода, соединенного с ним дуальным союзом. Впоследствии в систему дуально-родовых брачных отношений вошли дополнительные ограничения в виде обязательного кросс-кузенного брака.

¹¹⁷ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., URSS, 2010. Стр. 21-22

Кросс-кузенный брак

Исходя из того, что кросс-кузенами являются дети братьев матери или сестер отца, а параллельными кузенами – дети братьев отца или сестер матери, данное ограничение выразилось в том, что мужчинам запрещалось вступать в сексуальные отношения с параллельными двоюродными и троюродными сестрами и предписывалось вступать в сексуальные связи с перекрестными двоюродными и троюродными сестрами. Женщинам, соответственно, запрещались сексуальные связи с параллельными двоюродными и троюродными братьями и предписывались отношения с перекрестными двоюродными и троюродными братьями.

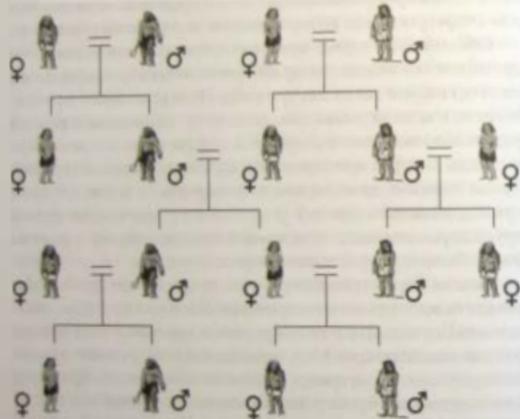
Обязанность кросс-кузенного брака основывалась на принципе экзогамии, который предполагал строжайшее табу на сексуальные связи внутри рода. Исходя из этого принципа, отец и мать человека обязательно принадлежали к разным родам. Соответственно, братья и сестры отца, как и братья и сестры матери, принадлежали к разным родовым группам. Таким образом, двоюродные и троюродные сестры и братья, принадлежащие к одному роду, были по отношению друг к другу параллельными кузенами, а принадлежащие к разным родам были перекрестными – кросс-кузенами.

Данная форма группового брака предполагала право и обязанность вступления в сексуальные связи для людей, принадлежащих не только к разным родовым группам, но и к одному поколению. Маргарет Мид, проводившая антропологические исследования на островах Океании, обнаружила традиции кросс-кузенного брака у многих племен, находящихся на стадии первобытно-родовых сообществ. Так, у племени манус «мужчина может дотрагиваться до груди только одной женщины – своей двоюродной кросс-кузены, с которой при всем этом он не должен быть нежен (так как нежность положено проявлять только к родной сестре) и с которой не должен вступать в половую связь»¹¹⁸.

¹¹⁸ Мид М. Мужское и женское. Исследования половых вопроса и меняющегося типа. М., 2004. Стр. 96

У племени чамбули наоборот: «Мужчина женится на дочери одного из «братьев» из клана матери, так, что невеста входит в семью сестры своего отца. Являясь одновременно теткой и свекровью девушке, свекровь хорошо относится к молодой жене»¹¹⁹. Данное положение способствовало укреплению социального контроля над недопустимостью кровосмесительных связей, наносящих ущерб будущим поколениям родового сообщества

Схема кросс-кузенного брака

Такие взаимные брачные права и обязанности между ними составляли сущность группового кросс-кузенного брака. При этом мужчины и женщины, находившиеся в кросс-кузенных отношениях, могли иметь различное количество сексуальных партнеров внутри своего дуально-родового сообщества.

¹¹⁹ Мид М Мужское и женское. Исследования полового вопроса в меняющемся мире. М., 2004. Стр. 100

Обычай и традиция признавали их групповыми супругами, а отдельные проживание, хозяйственно-бытовая и производственная деятельность препятствовали укреплению индивидуальных отношений.

Особенности сексуальных связей при групповом браке

Сексуальные связи в групповых браках реализовывались на совместных оргиастических праздниках или на нейтральной территории вне родовых поселений. Данные этнографические свидетельства, что у многих народов существовал обычай, запрещающий сексуальные отношения на территории поселений. Так, в Меланезии, на Соломоновых островах, молодые люди могли вступать в сексуальные отношения только в лесу.

В Индонезии, на острове Суматра, у племен батаков сексуальные отношения дозволялись на рисовых полях, но порицались и наказывались штрафом, если происходили в селении. У некоторых племен Фиджи, Новой Каледонии, Новой Гвинеи, гондов в Индии, уитот в Южной Америке воспрещалось вступать в по-

ловые отношения в помещении даже мужу и жене. Сексуальные потребности они должны были удовлетворять в чаще леса¹²⁰.

В дальнейшем, на основе древних сексуальных экспедиций типа тробрианских улатиле и катайауси, возникли гостевые варианты сексуальных отношений. Древние поселения состояли из мужских и женских домов, которые периодически посещали представительницы и представители соседнего рода. Позднее такие дома приобрели статус домов холостяков и домов девушек. Как правило, дома молодых холостяков находились за пределами родовых поселений. На базе таких домов образовывались мужские союзы, которые строились по возрастному принципу братств.

Подобный мужской союз описан А. С. Пушкиным в «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях». Женские дома, как правило, объединяли жен и дочерей. С. А. Токарев, ссылаясь на известного швейцарского антрополога Пауля Вирца, приводит описание типичного поселения племени мариндов (Меланезия): «1) один – два мужских обществственных дома (otiv), 2) несколько женских домов (sava), 3) стоящий вне деревни дом для юношей (gotad) и 4) особые хижины для беременных и пр.»¹²¹. П. Вирц полагает, что мужские дома у мариндов являются общеродовой собственностью, а дома женщин – семейной. Однако мужчины женские дома не посещают, питаются раздельно, и сексуальные связи могут осуществлять днем исключительно в лесу, за пределами поселения.

Образование фратрий и племен

Существующая в эпоху позднего палеолита дуально-родовая организация, несмотря на свою прогрессивность, имела существенные препятствия для дальнейшего развития человеческого сообщества. Ограничение круга потенциальных брачных отношений рамками одного соседнего рода порождало

¹²⁰ Семенов Ю. И. Проблема начального этапа родового общества. М.: Наука, 1968. Стр. 220

¹²¹ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М., 2012. Стр. 22–23

до настоятельную необходимость расширения возможности выбора сексуальных партнеров. В ходе дальнейшего исторического развития и увеличения численности своих членов родовые объединения, входившие в состав дуально-родовой общины, распались на дочерние роды. Результатом этого процесса было образование большей или меньшей совокупности родственных объединений, соединенных в новые этнические сообщества – фратрии и племена.

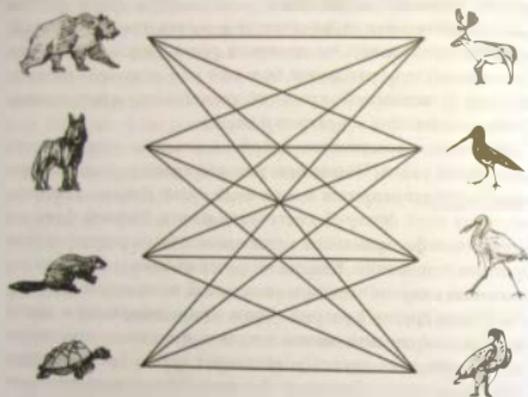
Фратрия представляла собой экзогамную совокупность нескольких родов. Члены фратрии, как правило, имели общие органы самоуправления и тотемный культ. Дуальная организация из двух фратрий составляла племя. Главной функцией дуально-фратриальной организации было регулирование брачных отношений. Каждая из фратрий была экзогамной по отношению к своим членам и экзогамной по отношению к членам родов других фратрий. Люди, принадлежавшие к одной родственной группе, могли вступать в половые отношения только с людьми других родственных групп. Так, у племени сенек-ирокезов в Северной Америке было обнаружено две фратрии, каждая из которых состояла из четырех родов. Сексуальные отношения между членами родов Медведя, Волка, Бобра и Черепахи были строгойше запрещены. Мужчины и женщины этих родов должны были искать себе брачных партнеров среди женщин и мужчин, принадлежавших к родам Лани, Бекаса, Цапpli и Сокола, которые входили в состав второй фратрии¹²².

Переход к групповому дуально-фратриальному браку значительно расширил круг брачных партнеров, поскольку древние люди получили возможность сексуальных связей с представителями нескольких родов второй фратрии своего племени.

В начале своего образования племена были дуально-фратриальными, но впоследствии могли увеличиваться до трех-четырех и более фратрий. Такое развитие фратриальной

¹²² Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 21

Схема односторонних межродовых брачных отношений в полифратриальных племенах

структуры позволяло членам родового сообщества заключать брачные союзы с большим количеством родов, принадлежащих другим фратриям. Так возникли условия для формирования системы межродовых браков, представлявших собой своеобразную полигинию и полиандрию одновременно. На основании одностороннего межродового брачного союза каждая женщина рода вступала в отношения с мужчинами других родов соседних фратрий. Соответственно, и каждый мужчина рода имел сексуальные связи с женщинами других родов, входивших в систему установившихся брачных союзов.

Дальнейшее развитие хозяйственно-производственных и родо-племенных отношений постепенно приводило к все большему разделению мужских и женских групп одного рода и сближению их с группами союзных родов. Возрастающая роль племени в организации защиты своих территорий и объединение производственных интересов способствовали появлению общих поселений, где каждая фратрия с входящими в

нее родами занимала свое обособленное место. Живущие на общей территории мужские и женские группы, принадлежащие к разным родам, перестали нуждаться в гостевых походах друг к другу.

Групповые встречи все больше стали заменяться индивидуальными. Общая территория проживания и увеличение индивидуальных сексуальных связей в итоге привели к преодолению дислокации брачных отношений и укреплению парных союзов между мужчиной и женщиной. Связано это было, прежде всего, с изменениями условий и образа жизни древних племен.

Изменение условий жизни в эпоху мезолита и раннего неолита

Эпоха перехода от позднего палеолита к раннему мезолиту характеризовалась значительными изменениями условий жизнедеятельности людей. В это время происходили глобальные климатические изменения, выразившиеся в стабильном повсеместном потеплении. Примерно за 10 тысячелетий до нашей эры огромный ледник, достигавший 1000-2000 м в высоту, начал таять, на юг потекли полноводные реки, образовывались крупные озера. Процесс изменения климата происходил в течение всей эпохи мезолита. Постепенно освобождались большие пространства земли, обновлялась флора и фауна. На предгорно-равнинных пространствах биоценоз претерпел наиболее радикальные изменения. Исчезали крупные животные раннего четвертичного периода – мамонты, слоны, носороги.

Следуя за их сокращающимся поголовьем, люди осваивали новые, северные пространства. Охотничье хозяйство древних людей, ориентированное на добывание, прежде всего, крупных стадных животных, разрушалось. В связи с этим нарушился и устойчивый, налаженный быт древних охотников на мамонтов. Мезолитические племена в силу изменившейся экологической обстановки вынуждены были вести преимущественно кочевую жизнь, как правило, довольствуясь относительно мел-

кой добычей. Двигаясь через лесные массивы вдоль рек, люди в эпоху мезолита осваивали пространство, освободившееся от ледника, и дошли до северной оконечности материка Евразии, где начали охотиться на морского зверя.

Адаптация к новым условиям значительно меняла образ жизни и создавала новые системы отношений в родовых сообществах. Экстремальные условия существования эпохи мезолита – гибель мамонтовой фауны и неблагоприятные экологические условия отдельных территорий – не только сокращали рождаемость, но и заставляли первобытных людей жертвовать нетрудоспособными членами своих групп. Опасность недостатка продуктов питания для жизни сообщества могла приводить к намеренному поддержанию высокой смертности среди членов иждивенческих групп. В частности, мог практиковаться геронтоцид¹²³. Близкие по смыслу практики впоследствии были характерны и для развитых культур – например, в джайнизме считалось, что старость может являться достаточным основанием для самоубийства¹²⁴.

Другим следствием ухудшения качества жизни и усиления борьбы за выживание было совершенствование орудий труда, форм и средств производства. В эту эпоху стали возникать новые формы хозяйства, производственной культуры и технологии обработки камня. Прежде всего, большие и грубые макролитические орудия (рубило, скребки, топоры) сменились более усовершенствованными микролитическими. Орудия охоты и труда стали более легкими и совершенными. Широкое распространение получили различные метательные средства – копья, дротики, зазубренные гарпуны, позволяющие поражать зверя на расстоянии. Важным новшеством стало создание режущих и колющих орудий со вставленным в край деревянного предмета большим количеством острых кусков кремня.

¹²³ Хан М. О племенах земного шара. СПб.: Типография доктора М. Хана, 1863. Ч. 2, стр. 68

¹²⁴ Бонгард Левин Г. М. Дрениндейская цивилизация. Философия, наука, религия. М.: Наука, 1980. Стр. 87

В связи с изменениями фауны прежний тип массовой охоты, в которой принимала участие вся мужская группа родового сообщества, сменялся на одновременную охоту в разных местах малыми группами. Основным пищевым ресурсом, добываемым на охоте, стали олени, лошади, кабаны, козы и более мелкие звери. Археологические находки временных стоянок эпохи мезолита свидетельствуют, что охота производилась небольшими группами.

Вероятно, в это время вследствие таяния ледников и появления обилия водоемов древние люди освоили технику перемещения по воде. Обработывая бревна, связывая их гибкими прутьями и волокнистой корой деревьев, они создавали первые примитивные плавсредства. Благодаря этим умениям развивалось освоение новых видов биоресурсов, одним из которых стала добыча рыбы. Как один из основных видов получения питательного продукта, рыболовство требовало большей оседлости.

Глобальным технологическим прорывом в сфере охоты было изобретение дистанционного оружия – метательных копий, дротиков и лука со стрелами, которое произошло на гра-

нице позднего мезолита и раннего неолита. Это значительно изменило и расширило круг промысловых животных: наряду с быками, оленями, лосями, кабаном, охотники стали добывать различных мелких зверей и птиц. В связи с этим и традиционный охотничий промысел стал более интенсивным, продуктивным и уже не требовал длительного отрыва от места проживания.

Изобилие дичи и высокая эффективность такой охоты привели к распаду больших родовых групп охотников на мамонтов. Наряду с загонной групповой охотой на крупных стадных животных стала появляться охота индивидуальная, с применением облегченного дистанционного оружия и использованием пассивных или активных ловушек. Новые, более эффективные виды промысла позволили людям оставлять на выкорм легкораненых небольших животных – коз, кабанов и их выводки. Данные технологические изменения позволили сохранять и увеличивать пищевые запасы посредством выжигания, приручения и одомашнивания раненых и пойманных животных. Первыми видами одомашненных животных стали дикие козы, кабаны, собаки, коровы, олени и лошади. Таким образом, в этот период началось приручение животных и стали закладываться основы скотоводства.

Изобилие влажной плодородной почвы способствовало значительным технологическим изменениям в области собирательства. В условиях оседлости сбор большого количества дикорастущих злаков – проса и ржи, позволял использовать их излишки для развития примитивных форм земледелия. Особенно важными для будущего развития этого нового вида деятельности оказалось собирание диких злаков, для чего даже были изобретены деревянные и костяные серпы с кремневыми лезвиями.

Таким образом, сменившая мезолит эпоха неолита, длившаяся с IX по VII тысячелетие до нашей эры, произвела глобальные изменения в жизни человечества. Несмотря на свою относительно кратковременность, неолитический период являлся важнейшим социально-экономическим и культур-

ным этапом человеческой истории. Неслучайно известный английский археолог Вир Гордон Чайльд (1892 – 1957) назвал это время неолитической революцией.

По исторически обоснованному утверждению В. Г. Чайльда, в это время произошел переход от охоты, собирательства и рыболовства, которые характерны для культуры присвоения, к земледелию и скотоводству – видам производящей деятельности. Как правило, этот период знаменуется началом оседлости, появлением первых стационарных поселений и зачатков примитивной архитектуры. Так, в предгорьях Северного Кавказа, у Хорши, Анасули, Чхортоли, Кобулет и Дарквети, археологи обнаружили относящиеся к данному периоду остатки прямоугольных плетеных строений, обмазанных глиной и имеющих общий очаг¹²⁵.

Закат первобытного коммунизма

Динамика в сфере производительных сил и производственных отношений привела к значительному улучшению ресурсообеспечения и качества жизни древних людей. В результате новых форм производственной деятельности стал образовываться избыточный продукт, который, в свою очередь, постепенно коренным образом изменял отношения собственности в родовых и фратриальных группах.

Общая родовая собственность с разборным принципом распределения стала вытесняться грядущим обособленным индивидуальным присвоением продуктов на основе трудового распределения. Этот новый порядок еще не давал права собственности, но позволял отдельным индивидам распоряжаться той частью продукта, которая была ими добыта сверх необходимого жизнеобеспечения.

Традиционное разборное распределение пищевого ресурса определялось объемом добычи и основывалось исключительно на его потребительской ценности, поскольку производство же продукта было равно его потреблению. Возникновение же

¹²⁵ Небиеридзе Л. Д. Неолит Западного Закавказья. Тбилиси, 1972. Даркветский многослойный навал, Тбились, 1978.

избыточного количества пищи свидетельствовало о том, что производство стало превышать потребление. Необходимость разборных отношений отпала, и продукты питания стали распределяться по принципу трудового участия каждого члена производственной группы в общей деятельности.

Процесс данных социально-экономических изменений происходил крайне медленно и постепенно. Вначале учитывались особенности вклада человека в общественную деятельность: охота, собирательство, изготовление орудий труда, деторождение, исполнение магических обрядов и другие заслуги. Затем сопоставлялась степень индивидуального вклада с возможностями человека, зависящими от возраста, пола, опыта и состояния здоровья. В заключение стал рассматриваться размер личного вклада (количество охотничьих трофеев).

Таким образом, по результатам труда человека определялась его доля общественного продукта, которой он мог свободно распоряжаться. Новая система отношений в древних сообществах людей закладывала основы будущей индивидуальной частной собственности. В древних племенах эпохи мезолита и неолита имущественное табу жестко разграничивало право пользования предметами общего и индивидуального пользования.

Этнографические исследования представляют обширный материал, свидетельствующий о подобном разграничении. К примеру, М. М. Ковалевский пишет: «У краснокожих значительная часть живности достается членам племени, не принимавшим участия в охоте. Эскимос, взявший чужую лодку, не отвечает за ее утрату. /.../ В Новой Каледонии никому не запрещено принять участие в чужом обеде»¹²⁶. С. А. Токарев также свидетельствует о существовании двух различных видов собственности у малайзийских племен. «Род является формой производственных отношений /.../ мы знаем о существовании родового землевладения, как господствующей или даже исключительной формы земельной собственности. /.../ Кроме земли, род владеет иногда другим, сравнительно крупным имуществом, например большими лодками (остров Пятидесятницы, Новые Гебриды, Шотландские острова)»¹²⁷.

Мелкое движимое имущество в тех же племенах принадлежит членам рода на правах индивидуальной собственности. При этом такая индивидуальная собственность не является абсолютной, поскольку не может покидать пределов рода. Так, на Банковских островах индивидуальное имущество наследуется не детьми владельца, а его племянниками со стороны сестры и, тем самым, продолжает оставаться в материнском роду.

У ряда племен наблюдается смешение различных видов родовой и индивидуальной собственности. Например, на острове Сан-Кристовал и у племен кивичи Британской Новой Гвинеи

¹²⁶ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 50.

¹²⁷ Токарев С. А. Родовый строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. Стр. 64.

«земля является родовой собственностью, но каждый человек засаживает для себя отдельные участки и работает на них вместе с женой. У племен побережья залива Папуа земледельческие работы – тоже дело отдельных семей, но часть продукта достается родне»¹²⁸. На острове Амбрим, где также наблюдается господство общинной собственности на землю, а земледельческие работы производятся индивидуально частными лицами, право на пользование продуктами их труда принадлежит всем членам рода.

Таким образом, как видно из данных примеров, зарождающаяся индивидуальная собственность человека была ограничена частичными правами на нее всех других членов рода. Пережитки подобных традиций М. М. Ковалевский наблюдал у кавказских горцев: «Если в Сванетии какая-нибудь семья закалывает быка, корову или несколько десятков овец, – со всех сторон тотчас сбегаются соседи. Вместе едят, пьют, веселятся и поминуют всех родных, умерших в течение последнего года»¹²⁹.

Развитие средств производства – орудий труда, способов охоты и обработки земли – в эпоху позднего мезолита постепенно приводило к все более индивидуализированным способам получения или создания необходимых жизненных благ, что порождало естественную тенденцию к усилению индивидуального потребления.

Присвоение себе результатов собственного или общего труда было сопряжено с рядом экономических, правовых условий и религиозно-мистических обрядов. Так, чтобы какой-либо добытый или созданный предмет стал объектом индивидуальной собственности, необходимо было совершить с ним определенное ритуальное символическое действие, выражающее желание обладателя использовать его исключительно в своих целях. Одни из широко распространенных способов утверждения индивидуального имущественного табу состоял в том, что избранный предмет подносили ко рту и касались его

¹²⁸ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. Стр. 71
¹²⁹ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 47

языком. Очевидно, на основе этого ритуала появился и широко распространился обычай поцелуев, выражающих отношение принадлежности людей друг к другу.

От группового брака – к парным союзам

Археологи, палеонтологи и палеоэтнографы на основании исследований полагают, что первыми предметами индивидуальной собственности были оружие, пища, украшения и женщины, похищенные у соседних племен. Впоследствии в разряд индивидуальной собственности попали рабы, приобретаемые из числа военных пленников. Об объектах индивидуальной собственности красноречиво свидетельствуют погребальные обряды, в ходе которых в могилу вместе с покойником укладывали его имущество. Некоторые обряды предусматривали уничтожение имущества покойного, включая его жен и рабов, во время похорон.

Как показывают данные антропологических исследований, индивидуальная частная собственность возникает и развивается при условии разделения и специализации трудовой деятельности, которые обеспечивают появление стабильно избыточного продукта. При таком положении к потребительской ценности этого продукта добавлялась его обменная ценность, выражавшаяся в акте взаимного дарения. Обмен даром происходил как внутри рода, так и за его пределами – между членами дуальных групп племени. По мнению С. А. Токарева, «обмен, зародившийся из необходимости материальных предпосылок, развился в необычайно сложную и разнообразную систему внутривидовых и межплеменных отношений»¹³⁰.

В новых условиях половое разделение производственной и хозяйственно-бытовой деятельности порождало социально-экономическую потребность в укреплении и стабильности связей уже не между различными половыми группами, а между отдельными их представителями. Каждый мужчина и каждая женщина были экономически заинтересованы в обмене избыточными продуктами своего труда и объединении

¹³⁰ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. Стр. 72

усилил по их производству. Обмен происходил в виде дарения, основанного на принципе взаимности «дарю тебе, чтобы ты дарил мне».

Цель дарообмена заключалась в формировании новых и укреплении старых социальных связей, которые существуют, пока стороны постоянно обмениваются дарами. Прекращение обмена неизбежно приводило к разрыву связей. Экзогамные табу определяли отношения основных участников парного дарообмена. Дуально-фратриальная структура социальных связей в племенах эпохи мезолита и раннего неолита была такова, что взрослые женщины были экономически связаны, с одной стороны, с мужчинами своего рода, с другой – с мужчинами соседнего дуального рода, выступавшими в качестве их мужей. С первыми женщин связывали отношения традиционного уравнительного распределения продуктов труда, а со вторыми – отношения дарообмена. Таким образом, сексуальные связи между мужчинами и женщинами, обменивающимися дарами, стали укрепляться экономическими отношениями и способствовали формированию основ индивидуального парного брака.

В отношениях дарообмена распределение продуктов труда утратило свой уравнительный характер. В стабильных парных отношениях мужчина отдавал большую часть приобретенного им продукта. Становясь кормильцем женщины и ее детей, он превращался в мужа и отца, а отношения между ними приобретали парный семейный характер. Однако по отношению к жене и детям муж и отец был представителем другого родового сообщества и, соответственно, другой производственной группы. Следовательно, укрепление семейных экономических отношений должно было неизбежно приводить к ослаблению внутренних экономических отношений между членами рода.

Таким образом, возникновение и развитие парной семьи объективно противостояло матриархальной родовой организации. Древние родовые традиции возлагали ответственность за содержание женщины и ее детей на ее брата. Поскольку род, безусловно, представлял собой социальное и экономическое единство, то мужчина, рожденный и выросший в таком сообществе, проявлял свою заботу о ближайших родственниках – матери, сестрах и их детях, которые составляли группу ближайшего родства.

Матриархальные традиции, возлагающие большую ответственность за детей на брата матери, существовали чрезвычайно долго и прослеживались у отдельных народов на протяжении всей их истории. Так, еще в XIX веке среди горцев Грузии, в частности у пшавов, брат женщины заступал на место мужа во всех случаях, когда дело касалось кровной мести и, в особенности, когда жертвой преступления оказывался его племянник. У инушей бытовал обычай, согласно которому на совершеннолетие племянника дядя дарил ему коня. У хевсоров после смерти отца опекуном детей всегда становился их дядя по матери¹⁵¹. Таким образом, древние родовые обычаи сочетались с более поздними семейными традициями.

В новых условиях жизни, с появлением парной семьи, каждый взрослый мужчина был обязан одновременно обеспечивать содержание

¹⁵¹ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 25-27

ние группы ближайшего родства – сестер с их детьми, и своей семьи – жены с ее детьми. Следы такого положения обнаруживаются в этимологии слов «отец» и «брат», которые в индоевропейских языках восходят к общему понятию – «кормилец»¹³².

Об этом также убедительно свидетельствуют данные этнографии. Так, у меланезийцев с острова Добу наряду с парной семьей существовала первичная родовая группа, состоящая из брата, сестры и ее детей, которая была особой социальной единицей и имела название – «сусу». Каждый взрослый мужчина был одновременно членом семьи и членом «сусу» и соответственно, был обязан обеспечивать обе группы¹³³. Такое положение неизбежно привело к тому, что в новых экономических условиях каждая из первичных групп – ячеек первобытного сообщества – улучшала свое состояние за счет другой. То, что доставалось группе ближайшего родства, не доставалось семье и наоборот.

¹³² Лавровский П. А. Коренное значение в названиях родства у славян. «Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук». СПб., 1867. Т. 2, № 3, Стр. 15

¹³³ R. F. Fortune. Sorcerers of Dobu. London, 1932. P. 3-19

Предпосылки формирования патриархальных отношений

разрешение конфликта между семьей и родом было процессом чрезвычайно сложным и долгим, зависящим от ряда объективных факторов. К таким факторам можно отнести формирование основ индивидуальной собственности на средства производства и связанное с ней имущественное расслоение, изменение условий и уклада жизни.

Прежде всего, следует отметить назревание противоречий между матриархальными традициями наследования имущества и права собственности на производимый продукт, которые регулировались родовыми табу и потребностями формирующегося семейного хозяйства, которое, в свою очередь, было заинтересовано в сохранении собственности в семье и передаче ее по наследству в отцовском роду. Возможность единства и целостности семьи как хозяйственной группы во многом определялась факторами роста обмена и накопления ценностей в парных брачных союзах и развитием индивидуальных форм земледелия. Последнее неизбежно влекло за собой и потребность в индивидуальных формах землевладения.

Процесс высвобождения земельной собственности из-под власти материнского рода и переход ее в патриархальную семейную собственность был длительным и многообразным. С. А. Токарев свидетельствует: «На острове Флорида старье, давно окультуренные земли наследуются внутри рода, обычно детьми сестер умершего. Но вновь выдранная из-под леса собственным трудом земля, а также посаженные на родовой земле плодовые деревья – переходят к сыновьям владельца. Это наследование по мужской линии продолжается рядом поколений до тех пор, пока живо воспоминание о недавнем освоении данной земли; но когда за давностью времени, данный участок начинает рассматриваться, как изданный культурный, к нему опять применяется правило родового наследования». По прочему имуществу возникало обычно споры между мате-

ринской родней покойного владельца, с одной стороны, и его сыновьями, с другой, и вопрос часто решается силой»¹³⁴.

С развитием парных брачных отношений и усилением права индивидуальной собственности внутри рода начал действовать принцип принадлежности добытого продукта – земли, урожая или промысла человеку или группе, их добывшей или создавшей. Такой принцип и порядок наследования земли и другого имущества существует на Банковских островах: «Старая культурная земля наследуется племянниками, а вновь расчищенная и обрабатываемая единоличным трудом – сыновьями владельца»¹³⁵. На острове Аоба земля наследуется по мужской линии, а «движимое имущество умершего его сыновья распределяют среди его материнской родни, главным образом среди племянников»¹³⁶.

Таким образом, постепенное внедрение наследования по мужской линии способствовало формированию приоритета семейных связей перед родовыми. Это, в свою очередь, подготавливало будущую замену матриархальных отношений на более прогрессивные – патриархальные.

Специализация производства и укрепление семьи

Процесс развития средств производства и возникновения новых производственных отношений в период позднего мезолита и раннего неолита также можно характеризовать как достаточно противоречивый. С одной стороны, переход к земледелию и скотоводству сопровождался увеличением рабочего времени, усилением напряженности, монотонности труда, потерей его творческого характера. С другой – единая ранее синкретичная культура охотников и собирателей стала разделяться и специализироваться, что способствовало развитию производства и творческого потенциала в жизнедеятельности древних людей.

¹³⁴ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. Стр. 76-77

¹³⁵ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. Стр. 77

¹³⁶ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. Стр. 77

Данный процесс дифференциации и специализации неизбежно приводил к накоплению опыта в конкретной области производственной культуры и обеспечивал его сохранение, передачу и развитие. Каждая производственная группа специализировалась в своей области, взаимно дополняя друг друга и способствуя общему развитию. В результате тот или иной вид деятельности закреплялся за группой лиц и передавался по наследству. Накопленные знания, умения, навыки передавались внутри наиболее целостного и устойчивого социального сообщества – семьи: от отца к сыну, от матери к дочери.

Антропологические данные свидетельствуют, что локальная специализация могла включать в себя целые роды и племена. С. А. Токарев на примере меланезийских племен утверждает, что в различных родовых объединениях «намечаются определенные центры, монополизирующие изготовление тех или иных предметов. Так, глиняные горшки поставляются на весь архипелаг туземцами островов Амфлет, которые в обмен на них получают саго, свинец, кокосовые орехи и т. п. Деревья Каватария на острове Войова и остров Кайлеула имеют монополию выделки браслетов из больших белых раковин, имеющих большое значение в межостровном ритуальном обмене [...] Другие острова и местности имеют свою специализацию»¹³⁷.

Специализация производственной культуры являлась важнейшим фактором роста производительности труда, поскольку способствовала усовершенствованию орудий производства и развитию технологий их изготовления. Все члены производственных групп были заинтересованы в производстве не только необходимого, но и избыточного продукта, с тем, чтобы обменять его на другой продукт или услугу и упростить свое социально-экономическое положение. В свою очередь, усиление darboбмена на основе специализации способствовало укреплению племенных, родовых и парных союзов.

Укрепление производственной культуры жизнеобеспечения и новый принцип распределения продуктов в соответствии с трудовыми затратами разделили дуально-родовые

¹³⁷ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. Стр. 73

сообщества на группы производителей и иждивенцев. К первым относились группы взрослых мужчин и женщин, активно включенных в производственную и хозяйственно-бытовую деятельность. Основу вторых – иждивенческих – групп составляли дети, старики, а также беременные и кормящие женщины, которые не принимали участия в производстве материальных благ.

Основная доля заботы о маленьких детях естественным образом лежала на матери, которая в таких условиях была объективно заинтересована в экономической связи как минимум с одним взрослым мужчиной. Подобная связь позволяла женщине реально получать больше продуктов труда, чем могло дать ее участие в общественном производстве. Поскольку в древних сообществах существовала постоянная необходимость перераспределения продуктов мужского и женского труда, каждый взрослый мужчина также был заинтересован в том, чтобы находиться в постоянной экономической связи с взрослой женщиной. Таким образом, развитие дарообмена способствовало укреплению стабильности половых отношений и превращению временных связей в более длительные или постоянные.

Парные, полигинические и полиандрические сексуальные отношения

Сексуально-экономические связи могли быть как парными, так и групповыми, с элементами полигинии и полиандрии. Например, наяр, занимавшие Малабарское побережье Южной Индии, жили экзогамными матриархальными родами, которые подразделялись на малые группы ближайшего родства, состоявшие из братьев и сестер с их детьми. Во главе каждой группы стоял старший мужчина. Каждые несколько лет большие родовые группы устраивали великую брачную церемонию, во время которой все девушки в возрасте от 7 до 12 лет выдавались замуж за мужчин соседних родовых групп. Во время брачной церемонии мужчины дарили своим невестам дорогие украшения, после чего пара уединялась и жила иво-лорванно трое суток. На четвертый день муж покидал свою жену и в дальнейшем не имел по отношению к ней никаких обязанностей. После завершения брачной церемонии девушка считалась взрослой женщиной и могла иметь сексуальные связи с мужчинами других родовых групп.

Как правило, у женщины было несколько постоянных партнеров, которые могли посещать ее поздно ночью и оставлять рано утром. Тот, кто ночевал у нее, оставлял перед входом свое оружие, что служило знаком для остальных мужчин, которые приходили позднее. Подобного рода отношения строились на сугубо добровольной основе и могли быть прекращены в любой момент. Кроме этого относительно стабильного круга партнеров, женщина могла вступать в эпизодические сексуальные отношения с другими мужчинами. Жена и ее дети, независимо от того кто был их реальным отцом, были обязаны после смерти мужа соблюдать обряд очищения.

Мужчины-наяр, равно как и женщины, могли иметь несколько относительно постоянных сексуальных партнеров. При этом чтобы поддерживать стабильность отношений со своими партнерами, мужчины, согласно обычаю, должны были периодически преподносить им подарки. Когда женщина

рожала, один или несколько ее партнеров должны были признать свое отцовство посредством оплаты услуг повивальной бабки. Таким образом, у народов при экономическом господстве родовых связей существовали одновременные отношения по-ландрии и полигинии, скрепленные элементами дарообмена.

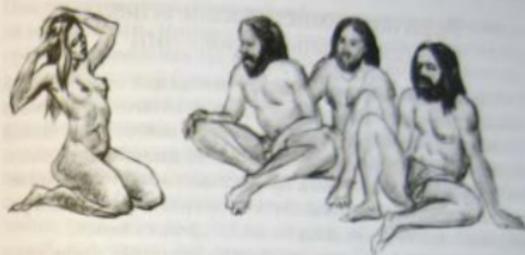
При формировании парных союзов у мужчин и женщин возникали определенные права и обязанности по отношению друг к другу, которые впоследствии становились основой индивидуального брака. При этом значительному изменению подвергалось социальное положение женщин, которые постепенно стали превращаться в объект имущественных отношений. Так, у меланезийского племени Бонаро брак заключался посредством обмена женщинами. По мнению С. А. Токарева, брак путем обмена являлся «самой примитивной формой, предпосылкой которой было только наличие хотя бы временно мирных отношений между социальными группами, производящими такой обмен»¹³⁸.

Остаточными отголосками пережитков форм древнего брачного дарообмена являются обычаи гетерогостеприимства, согласно которым гостю предлагаются сексуальные отношения с женщинами своего рода, обмен женами или предоставление гостю собственных дочерей. Подобные обычаи в древности были широко распространены среди этнических групп Америки, Юго-Восточной Азии, Полинезии и до недавнего времени существовали у чукчей и коряков, а также у африканских племен каффру.

В случае невозможности брачного дарообмена женщинами использовался широко распространенный метод насильственного захвата – умыкания жен как некоей материальной ценности наряду с захватом добычи и орудий труда у соседних племен. Первоначально, в условиях групповой собственности, женщина, похищенная у соседей, принадлежала не одному похитителю, а всем членам его родового сообщества.

Для получения права на индивидуальное обладание своей пленницей мужчина должен был на некоторое время усту-

¹³⁸ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. Стр. 22

пить ее своим братьям – поделиться с ними своей добычей. Данные правила сексуального поведения встречались и в других частях света. М. М. Ковалевский ссылается на данные английского миссионера Гаунта, который описывает обычаи австралийского племени Курнай. Прежде чем создать семью, «невеста должна у них жить с целой группой родственников, один из которых станет впоследствии ее мужем. Только этой ценой может быть куплено индивидуальное обладание женщиной. Надо полагать, что этим временным гетеризмом она уплачивает свой долг общине, достояние которой она так долго составляла»¹³⁹.

Сходный обычай, отражающий право родовой собственности, долго существовал на Бадеарских островах и состоял в том, что в брачную ночь к невесте допускались родные по крови мужчины в возрастном порядке и только под конец допускался жених. Такой способ заключения брака был широко распространен в эпоху мезолита. Отголоски этого древнего обычая обнаруживались в различных традициях народов Океании, североамериканских индейцев, древних кельтов, германцев, греков, римлян, славян.

¹³⁹ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 26-27

Религиозно-мистические аспекты сексуальных отношений

Становление парных семейных отношений представляло собой сложный и длительный процесс антагонистического столкновения традиционных родовых и новообразующихся индивидуальных интересов. Проявления данного антагонизма наблюдались не только в сфере социальных и экономических отношений, но и в значительной степени затрагивали религиозно-мистические аспекты жизни древних людей.

Так, образование прочных парных семейных отношений представителей разных родов требовало согласования и примирения их духов-покровителей. Таким примиряющим действием являлся, в частности, обряд дефлорации. Лишение девственности считалось очень ответственным и опасным делом,

Подобная традиция обрядовой дефлорации может объясняться мистическим страхом древних людей навлечь гнев духов посредством изменения прежнего состояния женщины. Испытываемые женщиной боль и кровотечение могли восприниматься как спиритическая месть тотема или духов рода. Поэтому ритуалы дефлорации проходили строго по правилам, с массой различных предосторожностей и обязательно посторонними людьми, которые были наименее подвержены опасности. Как правило, дефлораторами становились старшие по возрасту члены рода — жрецы и вожди общины, обладающие духовной силой, чужеземцы или даже животные. Так, в некоторых племенах экваториальной Африки девушек отправляли в джунгли, чтобы лишение девственности осуществил самец гориллы.

Если девушке не удавалось привлечь обезьяну, ее репутация как потенциальной супруги ставилась под сомнение и могла быть серьезным препятствием для заключения брака. На островах Суматры у племен баттов и закаев была традиция, согласно которой роль дефлоратора в первую брачную ночь исполнял отец невесты. У некоторых народов Сибири и крайнего Севера было принято приглашать на дефлорацию «чужака» — представителя другой народности, поскольку считалось, что вместе с кровью девственности на мужчину изливается гнев предков. «На Малабаре каймаи нанимают потамара (священника) для лишения своих жен девственности. Первосвященник (намбури) обязан оказывать эту услугу королю (заморин) при его свадьбе, и король платит ему 50 золотых. В Индокитае и на различных островах Великого океана эту службу выполняют то священники, то главы племени (цари). То же в Сенегамбии, где высший глава племени в качестве служебной обязанности лишает девушек их девственности и получает за это подарок»¹⁴⁰. Позднее такие пережитки группового брака, как традиции принесения «жертвы» девственности родовому сообществу, преобразовались в средневековое «приво первой ночи».

¹⁴⁰ Бель А. Женщина и социализм. М.: URSS, 2011. Стр. 60

Формы и условия становления семейных отношений

С течением времени обычай «умыкать» жен был вытеснен их выкупом у родственников. Плата за женщину могла быть очень высокой, особенно в тех сообществах, где было значительное превышение числа мужчин над количеством женщин в брачном возрасте. Иногда это могло приводить к распространению полиандрии возникла у некоторых народов вследствие огромных выкупов за невесту, когда родителям нескольких братьев приходилось «покупать» им одну жену на всех¹⁴¹. Изначально плата за жену – вено, калым – была своеобразной компенсацией за нанесенный роду ущерб в виде похищения женщины. Оплата свое преступление, похититель избегал преследования со стороны родственников жены.

Основной смысл индивидуального первобытного брака состоял в том, что путем дарообмена, похищения или покупки мужчина приобретал дополнительную рабочую силу, которая будет обеспечивать его стабильным пищевым и хозяйственным продуктом. В примитивных формах мотыжного земледелия главной производительной силой была женщина. Она обрабатывала землю, собирала урожай, готовила пищу. Ей принадлежало и право пользования результатами своего труда. Соответственно, в условиях, когда женщина сама является объектом собственности, то и продукт ее труда также поступает в собственность хозяина – мужа или отца. Немецкий этнолог Рихард Турнвальд справедливо замечал, что именно «ценность женского труда содействовала стабилизации брачных отношений»¹⁴².

Права собственности на женщину, как производственную силу, неизбежно распространялись и на брачно-половые отношения. Маргарет Мид наблюдала изменения женского статуса в брачных отношениях у племени манус. «Наиболее

¹⁴¹ Кудрявчик Д. Л. Психология любви. Донецк: Сталкер, 1998

¹⁴² Токарев С. А. Родовый строй в Меланезии. М., 2012. Стр. 27

важным отличием культуры манус является понимание ценности сексуальных отношений и связи между мужем и женой. [...] Принадлежит к полу, который в силу своего физиологического устройства гораздо более зависим от телесных изменений, женщины испытывают здесь больше ограничений. Если женщины сплетничают – духи очень сердятся; если женщина согрешит с кем-то – духи принесут несчастье. Но мужчины могут свободно грешить за пределами племени и с теми женщинами, которые не принадлежат к кругу экономически значимых членов племени»¹⁴³. Так женщина становилась объектом экономической и сексуальной эксплуатации

Индивидуальные брачные отношения формировались в течение длительного времени, сосуществуя с традиционным групповым браком, постепенно изменяя и вытесняя его. Так, от женщины требовалось быть верной и принадлежать исключительно своему хозяину – мужу, который мог на определенных условиях предоставить ее в пользование другому лицу. При этом до брака, то есть в то время когда девушка еще не стала собственностью мужа, сексуальных ограничений, как правило, не существовало.

¹⁴³ Мид М. Мужское и женское. Исследование полового вопроса в меняющемся мире. М. Стр. 96

С. А. Токарев пишет: «У папуасов р. Мамберамо добрачная половая жизнь не стеснена никакими ограничениями (кроме правила эндогамии). Во время свадьбы существует разрешенное для всех мужчин соседних селений обладать невестой — нечто вроде *jus primae noctis* (права первой ночи). Но после брака от женщины требуется соблюдение верности, которая, однако, традиционно нарушается во время общественных праздников, носящих оргиастический характер. У мариндцев существуют те же обычаи: свободная половая жизнь до брака, *jus primae noctis*, ритуальный промискуитет на праздниках. В общем, мужчина распоряжается женой по своему усмотрению, вплоть до предоставления ее в виде платы натурой, в вознаграждение соседям за помощь при постройке хижины, расчистке леса и пр.»¹⁴⁴

Укрепление образующихся парных семейных отношений, увеличение стабильности их жизнеобеспечения на основе дарообмена и развития производительных сил привели в эпоху неолита к значительному росту населения. По данным расчетов С. П. Капицы, темпы роста населения к концу каменного века исчислялись тысячами раз. Если в раннем палеолите человечество насчитывало около 100 тысяч особей, то в эпоху неолита оно было равно 15 миллионам¹⁴⁵.

Таким образом, неолитический период характеризуется взаимосвязанностью «демографического взрыва» и «производственной революции», которые обеспечивали прогрессивное развитие человечества. Технические и технологические усовершенствования производства, способствовавшие появлению избыточного продукта, создавали благоприятные условия для нового типа социальных отношений, обеспечивавших бурный рост населения, который, в свою очередь, требовал дальнейшего увеличения пищевых ресурсов.

¹⁴⁴ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М., 2012. Стр. 28

¹⁴⁵ Капица С. П. Очерк теории роста человечества. М., 1999

Род, община, семья

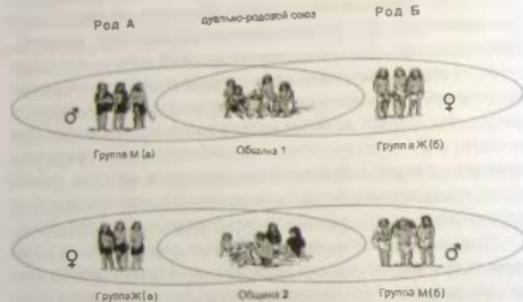
В эпоху мезолита и раннего неолита образ жизни первобытных племен характеризовался тремя состояниями: кочевым бродяжничеством в поисках и освоении новых кормовых территорий; оседлостью с использованием постоянных ресурсов своей территории; смешанным типом с сезонной оседлостью, сменяемой кочевыми переходами на новые земли. Кочевой уклад жизни предполагал естественное ограничение численности сообщества. Многочисленный родовой союз не мог существовать на ограниченном пространстве сменяемых кормовых территорий. Это обстоятельство приводило к необходимости разделения племен на более мелкие родовые сообщества. При кочевом образе жизни, вследствие действия экзогамного табу, производственно-хозяйственные мужские и женские группы одного рода должны были, по возможности, отделяться друг от друга и длительное время находиться на разных территориях.

При этом по той же причине частым явлением было их соединение с аналогичными группами противоположного пола из других родов, входивших в состав дуально-родовой организации. Это было вполне возможно, поскольку, несмотря на пространственное разделение родовых мужских и женских групп, племя в целом находилось в одном ареале своего пребывания. С одной стороны, такое положение способствовало хозяйственному и бытовому обособлению мужских и женских групп одного рода и укреплению их относительной экономической самостоятельности. С другой стороны, следствием этого обособления было соединение и укрепление отношений с группами противоположного пола союзных родов. Соединение этих групп сопровождалось актами дарообмена и парными сексуальными связями, что, естественно, приводило к укреплению экономических и личных отношений мужчин со своими женами и их детьми и ослаблению таких же отношений с группой ближнего родства.

Усиление семейных отношений постепенно приводило к тому, что мужская и женская группы, принадлежащие к

разным родам, стали образовывать единое локализованное постоянное производственно-хозяйственное сообщество — семейную общину. Это образование привело к изменению структуры дуально-родового союза, который теперь стал подразделяться на два рода и две общины.

Схема дуально-родового общинного союза

Основной производственно-хозяйственной единицей стала община, что, в свою очередь, привело к укреплению и стабилизации парных семейных отношений. Однако социально-экономические связи с родом, и особенно с группой ближнего родства, продолжали долгое время существовать наряду с семейными отношениями. Традиции родовых отношений ярко проявляли себя в определении принадлежности взрослого мужчины к той или иной общине и роду, а также в наследовании имущества. Матриархальные родовые отношения предусматривали постоянство социального родственного окружения, при котором мужчина рождался, жил и умирал в своем роду. С появлением общинного уклада жизнедеятельности мужчина рождался и воспитывался в парной семье, не принадлежавшей к материнскому роду, но при взрослении, после обряда инициации, он должен был покинуть свою се-

мью, общину и продолжать жизнедеятельность в мужской группе материнского рода под опекой своего дяди по матери, от которого впоследствии наследовал имущество

Таким образом, составлявшие основу общины парные сексуальные и экономические связи образовывали матриархальный семейный союз, отношения в котором тесно переплетались с матриархально-родовыми традициями. Однако благодаря развитию производственных сил и экономических отношений, община, состоящая из парных семей, все более становилась реальным производственным сообществом

Такое положение определенно приводило к укреплению семейных отношений и ослаблению родовых. Традиционные матриархально-родовые отношения все более не соответствовали и входили в диссонанс с новыми реалиями социально-экономического состояния древних сообществ. Следуя родовым традициям, брачная пара с наступлением определенного возраста утрачивала связь со своими детьми, которые переходили под покровительство брата матери, и обретала связь с племянниками и племянницами мужа. Соответственно, все имущество брачной пары после их смерти поступало не сыновьям, а племянникам мужа.

Появление личной обособленной собственности неизбежно ставило вопрос о ее наследовании внутри семьи. Парные отношения, несомненно, больше подходили для его решения, чем родовые. Семья была группой более приспособленной к превращению в стабильную единицу обособленной собственности, поскольку она не являлась частью рода, во многом утратившего свою производственно-хозяйственную функцию. В результате длительного и постепенного укрепления экономической основы семьи начало происходить изменение правил наследования: имущество **мужчины** все чаще стало переходить не к племянникам, а к его **сыновьям**

Социальной основой данных экономических изменений была замена перехода взрослых сыновей в мужскую группу материнского рода на оседание их в семье и, соответственно, в мужской группе отцовского рода. При мером переходной фор-

мы мо ут служить обычай аборигенов Австралии затягивать обряд инициации мальчиков на долгие годы, включая в него множество ступеней посвящения. Подобная длительность обряда позволяла на длительное время отложить момент перехода сыновей из семьи в родовую группу братьев матери.

Изменение правил наследования в сочетании с принадлежностью мужчины к материнскому роду приводило к существенному изменению брачных предписаний внутри дуально-родового сообщества. Прежде всего, матриархальная родовая граница стала проходить внутри семьи и определялась принадлежностью к определенному поколению. Например, при оставлении мальчиков в своей семье представители смежных поколений – отцы и сыновья – относились к разным материнским родам, а представители мужских групп разделенных поколений – деды и внуки – относились к одному роду.

Исходя из требований экзогамного запрета, мужчины рода «А» могли вступать в парный брак только с женщинами рода «Б», входящими с ними в одну общину. В дальнейшем, при укреплении стабильности супружеских отношений, состав общины неизбежно бы становился замкнутым объединением родственников. Следовательно, правила экзогамии стали распространяться не только на отношения родов, но и общин.

Таким образом, формировалась жесткая схема создания брачных пар из представителей различных родов и различных общин, принадлежащих к одному поколению. Дети, рожденные в семьях одной общины, достигнув определенного возраста, должны были искать себе брачных партнеров среди представителей других родов и других общин. С одной стороны, это приводило к расширению сферы брачных возможностей, с другой – ослабляло старые матриархальные родовые связи.

От матриархата – к патриархату

В результате отказа от традиции перехода сыновей в мужскую группу материнского рода, мужская часть первобытных сообществ из поколения в поколение оставалась в составе одной общины. Женские группы, принадлежащие к одному роду и общине стали, наоборот, распадаться. Достигнув брачного возраста и создавая семью, женщина покидала свою общину, род, семью и переходила в общину мужа.

Постепенно наследование имущества и контроль над развитием хозяйства становились прерогативой старшего мужчины в семье. Эти глобальные изменения социально-экономических отношений привели к образованию основ отцовского рода – патриархата.

Формирование отцовского рода было весьма длительным процессом, основанным на развитии имущественных отношений. Так, в древних преданиях ирландских кельтов говорится, что для занесения ребенка в род отца было необходимо, чтобы отец публично признал его своим. В противном случае новорожденный попадал в род матери. После рождения ребенка муж при собравшейся общине обращался к жене с вопросом «Чей это ребенок?», и если жена отвечала: «Это твой», муж мог принять ребенка.

Однако для признания ребенка своим муж должен был полностью внести выкуп за свою жену ее роду. В том случае, когда выкуп не был полностью оплачен, ребенок оставался в

роду матери до полного его и ее выкупа. Подобные обычаи были зафиксированы в текстах древних германцев, франков, лангобардов и фризов¹⁶. Обретение отцовских прав у ряда народов было связано с обрядом «кувады» – ритуальной имитации родов мужчиной. Страбон, обнаруживший этот обряд у иберийцев, писал, что при усыновлении мужчина, претендующий на признание своего отцовства, ложился в постель и стонал, изображая акт рождения. Таким образом, ребенок, якобы рожденный мужчиной, естественно принадлежал роду своего отца. Подобные обычаи существовали в древности у племен Малабарского побережья Африки, в провинции Юнь-Нань в Китае, на Кипре и Корсике.

Развитие патриархальных отношений способствовало формированию и укреплению парной семьи. Археологические данные свидетельствуют, что в период позднего неолита люди вполне могли жить семьями, состоявшими из родителей и детей. В 2005 году на территории Германии были обнаружены древние захоронения возрастом 46 тысяч лет. В одном захоронении лежали мужчина и женщина, обнимающие двух маленьких мальчиков. Анализ ДНК показал, что взрослые были родителями этих детей, а исследование состава зубов свидетельствует, что дети, так же, как и мужчина, росли в этой местности, а женщина выросла в 60 км от нее. Это подтверждает предположение, что мужчины данного племени ходили за женами в другие племена.

Становление отцовского рода в оседлых племенах

В отличие от кочевых сообществ, у племен, ведущих оседлый образ жизни, переход к парной семье и отцовскому роду происходил менее интенсивно. Совместное проживание в одном поселении мужских и женских групп одного рода обеспечивало постоянное, стабильное и беспрепятственное осу-

¹⁶ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 32-33

ществление между ними экономических связей, что, естественно, не способствовало выделению и развитию парных семейных отношений с представителями других родов. Брак между ними долго оставался групповым, и ядром социально-экономических отношений была группа ближайшего рода.

В то же время, под действием экзогамного табу и распространения дарообмена, продолжалось обособление мужских и женских групп рода. При этом каждая взрослая женщина, входящая со своим ребенком в состав группы ближайшего рода, была сексуально и экономически связана с мужчиной из другого рода, входящим в состав своей группы ближайшего рода. В результате в оседлых племенах начал формироваться большие матриархальные семьи, способные выполнять домохозяйственные функции. Этнографические исследования обнаруживают следы такого совместного существования у племен Каролинских островов, где взрослый мужчина работал как на полях жены и ее родственников, так и на полях своих сестер, обеспечивая питание своих детей и племянников.

Доминирование в оседлых племенах матриархальной семьи или группы ближайшего рода определяло локальность брака. При доминировании семьи брак был матриликальным, и отношения концентрировались вокруг фигуры матери. При

доминировании группы ближайшего родства брак оставался дислокальным и предполагал строго раздельное проживание супругов. При оседлом образе жизни на одной территории не было большой нужды в постоянном проживании мужа в доме жены, и они жили в отдельных мужских и женских помещениях.

Дислокальность могла сохраняться и при семейном укладе жизни. Следы подобной брачной дислокации были обнаружены у племен Северной Америки, Индии, Бирмы, Вьетнама, на островах Меланезии и Полинезии. Например, у племени анги-нага на северо-востоке Индии мужчина после свадьбы должен был в течение года жить отдельно от жены в мужском доме. По истечении этого срока он получал право перейти в семейную хижину. В Меланезии, на островах Новые Гебриды, этот послесвадебный переход в дом жены занимал несколько лет. У индейцев племен хупа, карок и шаста в Северной Америке муж имел право жить со своей женой в одном шалаше только в летний период. Остальное время года он проводил в мужском доме. У ирокезов супруги могли только на ночь приходить в гости друг к другу¹⁴⁷.

Несмотря на временную и пространственную разделенность супругов, их отношения были семейными, поскольку определялись взаимными правами и обязанностями. Муж обязан был обеспечивать жену и ее детей питанием и одеждой. Жена должна была готовить для мужа еду, шить и чинить одежду.

Положение мужей в большой матриархальной семье было менее прочным и стабильным, чем положение жен, которые принадлежали к одной родственной группе и жили в своем роду. Пришедшие в семью мужья были членами других родов и не составляли единой родственной группы. Это, безусловно, разделяло их и обеспечивало женам известное преобладание в социальной жизнедеятельности.

Однако дальнейшее развитие производительных сил и производственных отношений объективно способствовало

¹⁴⁷ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 2010. Стр. 180, 224

упадку матриархальных отношений. Материнские семьи по своей природе не были пригодны для формирования первичных ячеек частной собственности. Прежде всего, это определялось непрочностью связей между женщинами и их детьми, которые, достигнув определенного возраста, покидали свою семью и не могли наследовать имущество. Еще одним фактором являлась невозможность в условиях матриархальных отношений достаточной прочности экономических связей женщин со своими мужьями, которые все больше становились распорядителями и потенциальными собственниками избыточного продукта.

Развитие обособленной собственности неизбежно должно было ослаблять связи в женской группе, которая являлась основой матриархальной семьи, и укреплять парные отношения мужа и жены. Упрочение новых семейных связей в условиях накопления имущественных ценностей и формирования частной собственности объективно приводило к необходимости наследования внутри супружеской семьи. Превращение сына в наследника отца означало игнорирование супруга имущественных притязаний материнской группы ближайшего родства, что, безусловно, способствовало распаду большой матриархальной семьи и перерождению ее в патриархальную семью с доминирующим отцовским родом. Так, дальнейшее возрастание роли разделения труда и распределения его продуктов приводило к образованию обособленной собственности и укреплению индивидуального брака.

Брачные и внебрачные отношения в Парной семье

Права и обязанности супругов не предполагали воздержания от сексуальных связей с другими членами родов и общин. Следовательно, с возникновением индивидуального парного брака половые отношения стали разделяться на брачные и внебрачные, между которыми еще не было четко определенных границ.

Брачные связи сосуществовали наряду со значительной свободой внебрачных отношений. Внебрачные связи могли осуществляться не только без ведома одного из супругов, но и по их взаимному согласию и желанию. Свидетельства о таких отношениях позже встречались во многих письменных источниках. В книге Бытия Ветхого завета бесплодная Сара просит своего мужа Аврама: «Господь заключил чрево мое, чтобы мне не рожать. Войди же к служанке моей: может быть, я буду иметь детей от нее. Аврам послушался слов Сары. И взяла Сара, жена Аврамова, служанку свою, египтянку Агарь, по истечении десяти лет пребывания Аврамова в земле Ханаанской, и дала ее Авраму, мужу своему, в жену. Он вошел к Агари, и она зачала» (Быт. 16, 2-4). По данным М. М. Ковалевского, у индусов «муж, не способный к деторождению, мог заменить себя родственником и даже чужаком и, вместе с тем, сохранить за собой право считаться отцом будущих детей своей жены»¹⁴⁸.

¹⁴⁸ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 43

Поскольку оба супруга, благодаря разделению труда, в равной степени принимали участие в общественном производстве и получении своей доли продукта, то и их социальные отношения представляли собой союз равных сторон

Ранняя парная семья предполагала принципиальное равенство полов, которое выражалось в существовании раздельной собственности супругов и полной добровольности поддержания или прекращения отношений. Об этом положении свидетельствуют данные этнографических наблюдений. У папуасов Новой Гвинеи супруги имели раздельное имущество, и муж, несмотря на его главенствующее положение, не имел права без разрешения жены пользоваться ее вещами. В Микронезии, на Каролинских островах, супруги отдельно возделывали свои поля и распоряжались полученным урожаем.¹⁴⁹

Отношения в парном браке могли быть расторгнуты по желанию любого из супругов, и развод, как правило, не требовал соблюдения каких-либо формальностей. Люди, прекратившие свои брачные отношения, обычно очень быстро обзаводились новыми семьями. Особенно частой смена супругов была у племен, ведущих оседлый образ жизни. Так, у племен живших на атоллах Каролинских островов, повторные браки были обыденной нормой жизни. На атолле Улти в среднем каждый житель вступал в брак не реже двух-трех раз, а на атолле Ламотрек количество разводов в среднем составляло от трех до пяти.¹⁵⁰

В сообществах, ведущих кочевой образ жизни, где индивидуальный парный брак имел большее значение, смена супругов практиковалась реже. Укрепление семейных отношений в этих племенах достигалось посредством обычая выкупа женихом и его родичами невесты. Внеся плату родственникам невесты, будущий муж получал право наказывать жену за ее супружескую неверность и требовать материальной компен-

¹⁴⁹ Bascom W. R. Papae: a pacific economy in transition, Berkeley and Los Angeles, 1965. P. 18, 67

¹⁵⁰ Alkire W. H. Lamotrek atoll and inter-island socioeconomic ties. Waveland Press, 1989. P. 54

саци от ее любовника. На примере данного обычая можно сделать заключение об упрощении элементов индивидуальной собственности и становлении семьи как социально-экономического союза.

По утверждению этнолога Юрия Ивановича Семенова, «брак между индивидами был необходим как экономический союз между мужчиной и женщиной, как основа экономической ячейки, какой является парная семья. С возникновением парно-гобрака половые отношения между индивидами были введены не просто в социальные, а в социально-экономические рамки. ... / Социально-экономические отношения стали регулятором половых отношений»¹⁵¹. Это, безусловно, отразилось на способности создания семьи и на характере семейных отношений.

Образование патриархальной семьи

По свидетельствам этнографических данных, основу брака у древних славян составляло похищение девушки из другого рода или племени. Русский историк и этнограф XVIII столетия Герхард Фридрих Миллер сообщает, что вотяки (древнее название удмуртов) силою уводили девушек и «для большей безопасности и дабы полученная добыча тем была надежнее, тотчас на дороге при некоторых свидетелях с увезенною девкою плотски совокуплялись»¹⁵². Брачные обычаи остяков (предки хантов) позволяли жениху провести ночь с невестой в доме ее отца. Однако увести невесту в свой дом он не мог до тех пор, пока не уплатит тестю достойного вознаграждения.

Постепенно матриархальные отношения уступали место новому типу человеческого сообщества – патриархальной семье, которая представляла собой большую домохозяйственную общину, состоящую из трех или пяти поколений ближайших родственников по отцовской линии, потомков одного предка, с женами мужчин данной группы.

¹⁵¹ Семенов Ю. И. Происхождение брака и семьи. М., 2010. Стр. 233

¹⁵² Миллер Г. Ф. История Сибири. М. – Л.: Изд. Академии наук СССР, 1937. Стр. 175

В Северной Африке, на территории современного Алжира, издревле жили племена кабилы, имевших патриархально-общинный семейный уклад. Большая кабилская семья состояла из отца, матери, сыновей, их жен и детей, внуков и внучек, дядей, теток, племянников и племянниц, двоюродных братьев и сестер, проживающих вместе, ведущих общее хозяйство и владеющих общим нераздельным имуществом¹⁵³. Большая патриархальная семья могла насчитывать до 300 человек.

В такую семейную общину входили не только люди, соединенные брачными узами или родством, но и все, проживавшие с ними под одной крышей и ведущие общее хозяйство. В состав патриархальной семьи входили рабы и свободные слуги. Их социальное положение в семье было самым низким и приравнивалось к статусу детей. Из этого положения у славянских народов возникло понятие холоп, производное от хлопичка, хлопца – ребенка.

¹⁵³ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М. – URSS, 2010. Стр. 71

Управлялась община семейным советом во главе с избранным домопривителем – уважаемым, как правило, пожилым и обязательно женатым человеком. Среди племен самоа, находящихся на ранних стадиях развития, руководителем и полноправным представителем патриархальной семьи является старейшина, называемый «матаи». Маргарет Мид, долгое время исследовавшая самоанские племена, утверждает: «Матаи обладают формальной, а часто и реальной властью над каждым членом семейства, находящегося под его руководством, даже над собственным отцом и матерью»¹⁵⁴.

Семейный совет, в который входили все взрослые члены общины, решал наиболее важные вопросы, связанные с базовым имуществом и ведением домохозяйства. Фактически патриархальная семья состояла из ряда отдельных парных семей, проживающих вместе, ведущих общее хозяйство и признающих власть одного домохозяина. У древних германцев такое объединение именовалось братством (*confraternitates*), у южных славян – задругой. У восточных славян семейная община определялась понятиями «род», «мир» или «вервь».

В целом, патриархальная семья вполне соотносилась и воспроизводила структуру родовой общины. Она также подразделялась на производственную и иждивенческую группы. К первой относились все трудоспособные члены семьи – мужчины и женщины, начиная с периода ранней юности, когда молодежь готовится к обряду инициации – перехода в полноправное взрослое состояние. Во вторую группу входили беременные и кормящие женщины, а также дети и старики, неспособные к активной трудовой деятельности.

Жизнь иждивенческой группы была посвящена всемерному обеспечению деятельности первой – производительной группы. Женщины рожали и вскармливали будущих охотников и земледельцев – активных членов сообщества. Дети, набираясь опыта и обучаясь жить в сообществе, по мере сил помогали в домашнем хозяйстве и заботились о младших. Старики готовились отправиться в мир предков и поэтому сосредотачивали

¹⁵⁴ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 103

свое внимание на обеспечении ритуально-мистической стороны жизнедеятельности большой семьи. Они контролировали порядок почитания духов, последовательность жертвоприношений и соблюдения родовых и семейных традиций.

Изначально, на первых ступенях развития, патриархальные семьи были полигамными. Мужчина имел несколько жен и наложниц, которые работали в общем домохозяйстве. Полигамный брак не являлся групповым, поскольку с каждой своей женой муж находился в индивидуальных парных отношениях. В результате насильственного похищения или приобретения путем уплаты калыма мужчина мог неоднократно вступать в брак, увеличивая количество жен и размер своей семьи как производственно-хозяйственной группы. Количество жен было взаимосвязано с достатком семьи. Женщины занимались земледелием, пасли скот, выполняли различную домашнюю работу и фактически были основной рабочей силой в домохозяйстве.

С. А. Токарев в своих антропологических работах сообщает: «Богатые меланезийцы обычно имеют по несколько жен, а жен своих меланезиец использует по преимуществу как рабочую силу в земледелии»¹⁵⁵. Об этом же свидетельствуют исследования жизни племен Соломоновых островов, проводившихся Р. Паркинсоном и А. Хагеном¹⁵⁶. Ф. Шпейзербрунжил наличие полигамии, образовавшейся вследствие появления имущественного неравенства на Новых Гебридах¹⁵⁷. Многоженство было также широко распространено среди племен древних кельтов, германцев, славян, иудеев, индусов, индейцев Северной Америки и многих других народов.

Статусное положение женщин в полигамных патриархальных семьях не было равным. Первая жена была старшей и пользовалась значительными привилегиями. Только она была хозяйкой домашнего очага и имела право готовить жертвенную пищу

¹⁵⁵ Токарев С. А. Родовой строй в Меланезии. М.: URSS, 2012. С. 80

¹⁵⁶ Parkinson R. 30 Jahre in der Südsee. Stuttg. 1907. p. 66-67; Hagen A. Les indigènes des Salomons. L. Anthropologie, 1893. № 2. P. 211

¹⁵⁷ Speiser F. Ethnographische Materialien aus den Neuen Hebriden u. d. Banks-Insekn. Berlin, 1923. P. 290

для духов предков. Впоследствии статус других жен был сведен к положению наложниц, и старшая жена стала единственной.

М. М. Ковалевский наблюдал данные изменения в структуре супружеских отношений в осетинских семьях конца XIX столетия. «Кроме законной жены, осетин держит еще несколько других, известных под именем "номулус" или "жен лишь по имени". Приобретаемая куплей, хотя и по несравненно низкой цене, чем главная супруга, номулус имеет право на пожизненное содержание в семье своего господина-любовника. Дети ее составляют особый класс "кавдасардов" или "рожденных в яслях". Они прикреплены к семье, живут на ее счет и работают в ее пользу. В случае дележа семейного имущества они ничего не получают»¹⁵⁸.

Как видно из этого примера, с переходом к моногамии экономическая составляющая семейных отношений не утратила своей ведущей значимости. Заключение брака на экономической основе достаточно ярко отражается в фольклорной традиции многих народов. Так, при сватовстве у славян жениха принято называть купцом, а невесту – товаром. Обычай платить калым родственникам невесты сохранился у многих кочевых народов до настоящего времени. Вследствие установления нового патриархального типа отношений коренным

¹⁵⁸ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 87

образом менялось положение женщин, которые благодаря умыканию или выкупу превращались из свободных и равных членов сообщества в объекты имущества.

Вследствие брачного выкупа не только сама женщина, но и ее потомство становились объектом имущественных отношений и прав мужа и отца. Выйти замуж за постороннего мужчину она могла только после возврата своего калыма семье мужа. Право собственности на жену, ставших в результате выкупа женами, распространялось и на их детей, вне зависимости от того, кто был их реальным биологическим отцом.

Ведические тексты обосновывают право отцовской собственности рассуждением о том, что жена также принадлежит мужу как любая его вещь, как его поле, скот и плодовые деревья. Соответственно, и ее дети принадлежат ему, как плоды его полей, скота и деревьев. С утверждением отцовского права и власти матриархат окончательно уступил место отцовскому роду и патриархальным отношениям. В новых условиях дети принадлежали семье отца даже в том случае, когда брачные отношения распались, и их мать переходила в другую семью.

О таком утверждении отцовских прав красноречиво говорят древние обычаи, бытовавшие среди предков черногорцев и герцеговинцев. Когда муж безвестно отсутствовал в течение девяти лет, жена могла вступить в новый брак, но если первый муж возвращался, второй брак по его требованию мог быть расторгнут, и жена возвращалась к нему. При этом дети от второго брака оставались в доме их реального отца. В том случае, если жена оказывалась беременной при расторжении брака, она была обязана родить в доме своих родителей и отдать ребенка его реальному биологическому отцу. У осетин муж по своей воле мог кому угодно ссужать свою именную жену – номулус, и быть при этом законным отцом всех прижитых ею детей.

Родительско-детские отношения в патриархальных семьях

Система воспитания детей основывалась на двух базовых принципах: не вмешиваться в дела и не создавать никаких помех для взрослых; по мере сил, оказывать помощь в ведении домашнего хозяйства и обеспечении жизни семьи. С самого рождения ребенок посвящался определенной деятельности. По традиции самоанских племен, если рождалась девочка, то обрезанную пуповину зарывали под шелковицу – дерево, из луба которого изготавливали материю. Данный обряд должен был способствовать тому, чтобы девочка стала хорошей домохозяйкой. Если рождался мальчик, то пуповину бросали в море или закапывали под таро, чтобы он стал искусным рыбаком или прилежным земледельцем.

Новорожденных младенцев всегда кормили грудью. Если мать теряла молоко, кормилицу брали из числа родственников. Грудные младенцы находились при матери, но после того как грудное вскармливание прекращалось, их передавали на попечение какой-нибудь девочке пяти-семи лет из членов семьи.

По сведениям М. Мид: «От рождения до четырех-пяти лет воспитание ребенка чрезвычайно просто. Он должен быть абсолютно послушным, чего, однако, трудно достичь, ибо, как правило, никто не обращает внимания на то, чем занимаются маленькие дети. Он должен уметь сидеть или ползать по дому, но вставать на ноги ему полагается лишь в случае крайней необходимости. Он не должен обращаться к взрослому стоя, выходить на солнце, путать волокна, приготовленные для плетения, разбрасывать по полу сложенные для просушки кокосовые орехи»¹⁵⁹. У племени манус, живущего на островах Адмиралтейства к северу от Новой Гвинеи считается, что «хороший ребенок – это ребенок, который ни к чему не прикасается и никогда не попросит ничего ему не принадлежащего. Это единственные заповеди пристойного поведения, соблюдение которых требуется от детей»¹⁶⁰.

¹⁵⁹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 100-101

¹⁶⁰ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 184

Обязанность контролировать и наказывать непослушных малышей возлагается на старших сестер или братьев. Если ребенок начинает кричать или вести себя неподобающим образом, старшие дети уносят его подальше от взрослых. «Ни одна самоанская мать не станет утруждать себя заботами о воспитании своего младшего ребенка, если есть какой-нибудь старший ребенок, на которого можно возложить эту ответственность»¹⁶¹.

Как только младший ребенок подрастает, на него возлагается ответственность заботы о следующих детях, родившихся вслед за ним. Не только девочки, но и маленькие мальчики обязаны ухаживать за младшими детьми, однако к восьми-девяти годам их освобождают от этой обязанности. Начиная с этого возраста, им позволяется примыкать к группе старших подростков и участвовать в их деятельности – при условии, что их поведение будет осторожным и полезным.

У девочек шести-семи лет забота о малышах сочетается с другими хозяйственными обязанностями. К этому времени у них уже формируется ряд простых бытовых навыков. Они обучаются искусству плести из пальмовых листьев игрушки, лазить по деревьям, вскрывать кокосовые орехи, убирать мусор с пола, приносить воду и выполнять различные поручения. «Как только девочка набирается достаточно физических сил, чтобы носить тяжелые ноши, в интересах семьи оказывается переложить заботу о маленьких детях на плечи ее младшей сестры, и девочка-подросток освобождается от обязанности няньки»¹⁶². С этого времени девочки активно включаются в хозяйственно-бытовую жизнь дома. «Они должны научиться многому: плести для себя все виды корзин, выбирать листья таро, пригодные для варки, выкапывать только зрелые клубни этого растения. На кухне они учатся готовить палусами: тереть мякоть кокосового ореха, просушивать ее на горячих камнях, заливать морской водой, процеживать эту похожую на молоко смесь и разливать по сосудам. /.../ Они должны уметь обертыва-

¹⁶¹ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 101

¹⁶² Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 102

вать большую рыбу пальмовыми листьями или заворачивать кучку мелкой в широкий лист хлебного дерева. Они должны научиться выбирать подходящие листья для корма свиней и определять, когда глина в земляной печи с раскаленными камнями готова к употреблению»¹⁶³.

К работе у домашнего очага привлекаются и мальчишки-подростки. Все работы в семье тщательно распределяются по возрастному принципу, то есть по способности человека в данном возрасте ее выполнять. Соответственно, старший никогда не будет утруждать себя деятельностью, которую может выполнить более молодой член семьи.

В старшем подростковом возрасте, когда дети становятся способными к какой-либо длительной и целенаправленной деятельности, их вместе со взрослыми отправляют в океан за рыбой. Мальчики в подростковом возрасте обучаются основам охоты, рыбной ловли, владению оружием и управлению каноэ. Они также должны уметь сажать таро, пересаживать ростки кокосовых пальм, чистить кокосовые орехи, вырезать из них мякоть.

¹⁶³ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 103

На Самоа юношей 17 лет отправляют в аумангу – общество молодых и старых мужчин, где продолжается их обучение. Под наставничеством старых мужчин молодые люди осваивают специальные виды работ. Юноши могут специализироваться на деятельности строителей, рыбаков, глашатаев, резчиков по дереву и других занятиях. Успешное пребывание в ауманге позволит молодому человеку стать уважаемым членом общества и, возможно, получить звание матаи – главы семьи. Соперничество, поучение и пример подстегивают активность членов ауманги. Однако старые вожди, направляющие деятельность ауманги, зорко следят за тем, чтобы молодые люди не отставали и не слишком преуспевали в своем развитии. Способному юноше «следует лишь на немного превосходить своих товарищей. Не нужно вызывать ни их ненависти, ни неодобрения старших, которые скорее поощрят увальня, чем примирятся с выскочкой»¹⁶⁴.

Для девушек никакой профессиональной специализации не предусматривалось. Исключением являлось акушерство и лечебная помощь. Оба этих занятия были, как правило, уделом старух, которые передавали свои знания своим дочерям или племянницам. Основной деятельностью женщин было ведение домашнего хозяйства, и соответственно, девушка должна была хорошо освоить эти навыки.

«Юноша сторонится девушки, которая не получила свидетельства своей полезности, слышет глупой и неумелой. Он боится, что ему захочется жениться на ней. Женитьба на неумелой девице была бы самым безрассудным шагом, чреватым бесконечными препирательствами в семье. Поэтому девица, пользующаяся такой дурной славой, должна искать случайных любовников, довольствоваться пресыщенными и женатыми мужчинами, которым уже не приходится бояться, что чувства их подведут и заставят пойти на неблагоприятный брак»¹⁶⁵.

Умелая и красивая девушка могла достигнуть высокого уважаемого статуса таупоу – церемониальной принце-

¹⁶⁴ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 107

¹⁶⁵ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 108

сы дома. М. Мид утверждает: «Ее окружает ореол престижа. Старшие по возрасту женщины почтительно титулуют ее при обращении. Ее собственная семья часто пользуется высоким положением девушки в личных целях и очень внимательна по этому к ее просьбам»¹⁶⁶.

Таупоу, в отличие от своих сверстниц, обязана сохранять девственность до своей свадьбы. Она не должна ходить в гости, и ее нельзя оставлять одну по ночам. При ней всегда должна находиться какая-нибудь старшая женщина. Престиж рода и большой патриархальной семьи напрямую зависит от репутации таупоу. Традиция требует, чтобы таупоу вышла замуж за человека высокого ранга, как правило, вождя другого рода или племени.

Жизнь остальных, менее знатных девушек не подвергалась столь сильным ограничениям. Им позволялось иметь добрых сексуальных связей, и они были абсолютно свободны в выборе сексуального партнера и будущего мужа. В племени самоа у молодежи до брака существовали три формы любовных

¹⁶⁶ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 110

отношений: тайные свидания «под пальмами»; открытое бегство с возлюбленной – аванга; церемониальное ухаживание, когда «юноша сидит перед девушкой»¹⁶⁷.

Осуждаемым отклонением сексуального поведения являлось насилие над спящей женщиной – мототоло. Явное неодобрение такого поведения не мешало ему быть достаточно распространенным в самоанских сообществах. Порой мототоло заменяло возлюбленным «свидание под пальмами». Если по какой-либо причине девушка не могла прийти ночью на свидание, юноша тайно пробрался в ее дом. В случае его обнаружения он для всей семьи являлся мототолом, и только девушка знала об истинном положении дел, но сохраняла эти знания в тайне.

Несмотря на свободу добрых сексуальных отношений, они никогда не переходили в состояние промискуитета. Расплатой за подобные связи, по мнению самоанцев, могло быть бесплодие. В сообществах патриархальных семей все более распространялось убеждение, что только устойчивая моногамия способна обеспечить регулярную зачатия. Подобного рода установки способствовали укреплению конъюгальной семьи и обособлению ее от патриархального родового сообщества.

Положение старшего поколения в патриархальной семье

Скрепляло же большую патриархальную семью и все родовое сообщество положение старшего поколения. Старые люди почитались большим уважением и почетом. Такое положение было связано, прежде всего, с относительной оторванностью стариков от хозяйственной жизни семьи, что давало им возможность обобщения богатого жизненного опыта и передачи его последующим поколениям.

Находясь ближе всего к духам предков и готовясь перейти в их сакральный мир, старики посредством обрядов и контро-

¹⁶⁷ Мид М. Культура и мир детства. М., 1988. Стр. 124

ля за соблюдением традиций обеспечивали мистическую поддержку жизнедеятельности родственного сообщества. Страх перед пнеом духов создавал для стариков особенно привилегированное положение среди членов семьи, рода и племени. Так, в традициях австралийских аборигенов соблюдается порядок, по которому состарившиеся мужчины, неспособные охотиться, получают лучшую часть добычи¹⁶⁸. У древних ацтеков было правило, согласно которому употреблять спиртные напитки разрешалось только пожилым людям, а молодого человека за опьянение могли приговорить к смерти¹⁶⁹.

При этом уважительное отношение к старым людям основывалось, прежде всего, на их авторитете и роли в жизни сообщества, а не на возрасте как таковом. Антропологические данные свидетельствуют о распространенности среди народностей, находящихся на ранней стадии своего развития, такого явления как геронтократия, когда жизнь сообщества управляется советом старейшин, состоящим из самых уважаемых старых людей.

Культ предков и проблема супружеской верности

Укрепление и развитие брачных отношений в патриархальных семьях было теснейшим образом связано с религиозно-мистическими культовыми установлениями. Верования древних людей предполагали продолжение активного существования человека после смерти и его прямую связь со своими живыми сородичами. Исходя из данных представлений, в состав патриархальной семьи включались души умерших предков, оказывавших свое влияние на жизнь и состояние живущих родственников.

Культ предков, регулировавший отношения живых и мертвых в семейных общинах, осуществлялся в виде постоянного обмена взаимными услугами. М. М. Ковалевский так характеризовал эти мистические отношения: «Ряд жертвоприно-

¹⁶⁸ Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. Стр. 79

¹⁶⁹ Buschan G. Illustrierte Volkerkunde. Stuttgart, 1922. V. I. S. P. 187

шений доставлял предку все доступное ему наслаждение. Зато потомок встречал в нем поддержку и при его посредстве приобретал нужную ему силу. Ни живой не мог обойтись без мертвого, ни мертвый без живого. Тесная связь устанавливалась между всеми поколениями одной и той же семьи и делала из нее что-то вечное и нераздельное»¹⁷⁰.

Обряды, связанные с культом предков, делали патриархальную семью не только производственно-хозяйственным сообществом, но и обособленной религиозной общиной. У каждой семьи были свои боги и свято соблюдаемый перед ними долг.

Рождение наследников – продолжателей семейного культа – имело для древних людей первостепенное значение. Если пресекался род, исчезал и его домашний культ. Любая парная семья боялась пресечения рода, поскольку в этом случае исчезала сакральная связь поколений, угасал священный огонь, и все умершие предки предавались забвению и обрекались на вечное страдание. Таким образом, религиозно-мистический культ предков, заложивший основы парной семьи, определял требование о ее вечном существовании.

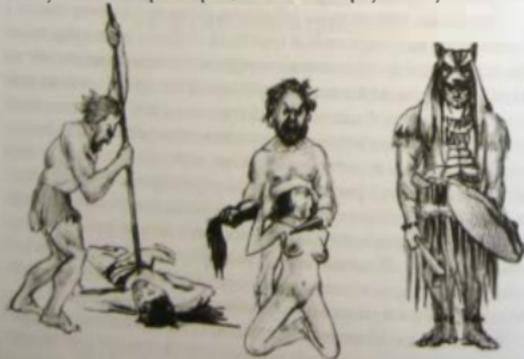
Семья как религиозная общность могла возникнуть только с появлением патриархальной семейной общины, где имущественное и социальное положение определялось происхождением по мужской, отцовской линии. Происхождение по линии отца требовало большего социального обоснования, чем очевидное естественное происхождение от матери. Религиозный характер патриархальной семьи в значительной мере определял ее внутреннюю организацию. Так, формирование и укрепление семейных отношений естественным образом способствовало ограничению свободы женщин относительно возможности их внебрачных сексуальных связей. Основой этих ограничений были, прежде всего, религиозно-мистические отношения, регулирующие взаимодействия полов в патриархально-семейных сообществах.

Культ предков предполагал обязательное поклонение и приношение жертвы со стороны братьев родственников и категории

¹⁷⁰ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 61

чески запрещал участие в обрядах почитания представителей чужих родов. Духи – покровители семейного очага были благосклонны исключительно по отношению к своим потомкам и злобны и враждебны по отношению к чужим. Исходя из этих обстоятельств, вмешательство в сакральные отношения чужаков оскорбляли духов-предков и, как минимум, лишали семью их поддержки.

Страх гнева предков и утраты с ними благожелательных отношений приводил к тому, что прелюбодеяние женщины становилось одним из самых тяжелых преступлений по отношению к семье и роду. «Так как мертвые принимали жертвоприношения от одних только кровных родственников, то ребенок, прижитый от прелюбодеяния, неизбежно должен был прервать отправление семейного культа и сделать так, таким образом, причиной общего семейного бедствия»¹⁷¹. Виновную в супружеской измене семейный совет, как правило, приговаривал к смерти или, в лучшем случае, к изгнанию из семьи. Поскольку супружеская измена рассматривалась как оскорбление всей семейной общины, муж не имел права прощать свою неверную жену.

¹⁷¹ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 69

Муж или убивал изменницу или вместе с родственниками изгонял ее из общины. При этом обнаженную женщину сажали на осла или лошадь и гнали под крики и свист, бросая в нее грязь и камни. Однако одни только карательные меры и страх возмездия не обеспечивали должной крепости супружеских отношений и безопасности семьи.

Древнее традиционное социальное и экономическое равенство полов требовало создания благоприятных эмоциональных отношений между супругами. Браминские своды, законы Ману и Яджнавалькьи гласили: «Нельзя насильно заставить жену не нарушать своего долга. Держи ее взаперти, окружи неподкупными и бдительными стражами, и ты все-таки не можешь быть за нее спокоен; лишь на ту жену можно положиться, которая сама по своей доброй воле берет себя от всякого соблазна»¹⁷².

В соответствии с религиозной основой культа предков, главной целью парной семьи было рождение детей, прежде всего, наследников мужского пола, которые призваны обеспечивать неразрывную связь между живыми и умершими родственниками. Во времена позднего неолита и энеолита (медно-каменного века) только мужчины – прямые потомки, рожденные в законном сожителстве, могли священнодействовать при поклонении предкам. Исходя из этого положения, неуступление человека в брак и отсутствие у него семьи приводило к лишению духов-предков жертвенных подношений и к разрыву сакральной связи в родовых отношениях.

Человек, достигший брачного возраста и не создавший семью, становился виновником страданий своих предков в загробном мире. Это жестко осуждалось родовыми сообществами и влекло за собой карательные санкции. Умереть бесплодным, не произвести на свет сына, который продолжил бы культ предков – это самое ужасное несчастье не только для отдельного человека и его семьи, но и для всего родового сообщества.

Как следует из вышесказанного, в период энеолита и начала бронзового века традиции супружеских отношений патриархального рода, ограничивавшие сексуальную свободу и опреде-

¹⁷² Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 78

ляющие преемственности по мужской линии, безусловно, способствовали укреплению парной семьи. При этом зарождение и развитие патриархальных семейных отношений было весьма сложным и противоречивым процессом. Прежнее традиционное социальное равенство в половых отношениях стало претерпевать значительные изменения. Реально формирующиеся диктатура и господство мужей сталкивались с древней традицией равноправия полов. Муж имел право наказать нерадивую или неверную жену и даже убить ее, но сделать это он мог только с разрешения семейного совета, в который входили и родственники жены.

Динамика изменения положения женщин в семье

В тех племенных союзах, где статус женщины значительно определялся традициями матриархальных родовых отношений, она обладала относительной свободой и независимостью. Входя в родовой союз своего мужа и Почитая культ его предков, женщина сохраняла связь со своим родом и родительской семьей. При этом она обладала значительными правами и как член своей новой патриархальной семьи. Вступая в качестве жены в семью мужа, женщина могла обладать своим имуществом, которое передавалось в управление мужу или входило в общую семейную собственность.

Таким образом, женщина, на основе своих инвестиций или права собственности на долю общего имущества, становилась равным членом большой семейной общины. У скандинавских народов равенство женщин выражалось в том, что в случае измены мужа жена могла прибить к его осуждению и наказанию со стороны общины. «По норвежскому Фростатингу жена получала от мужа три марки пени за каждое содеянное им нарушение супружеской нежности. По Упландскому закону она могла даже убить его, если заставала на месте преступления».¹⁷³

Противоречивое положение женщины в патриархальной семье определяло ее статус как хозяйки и равноправного члена

¹⁷³ Ковалевский М. М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: URSS, 2010. Стр. 77.

на сообщества, с одной стороны, и зависимой служанки своего мужа – с другой. Подобные семейные отношения отражали глобальный процесс формирования имущественного неравенства и социального расслоения в первобытном обществе. Развивающаяся специализация деятельности и переходящее по наследству от отца к сыну имущество способствовали росту экономической дифференциации населения. В первобытных обществах стали появляться обособленные профессиональные группы вождей, жрецов, воинов и работников – земледельцев, скотоводов, ремесленников.

По мере развития производительных сил и производственных отношений функции учета, использования и распределения избыточного продукта всего общинного домохозяйства все более сосредотачивались в ведении отдельных семей домохозяев. Постепенно этот процесс приводил к зарождению основ родовой и племенной знати, обеспечивавшей формирование, управление и защиту имущества. Различные формы участия в общественном труде, вызванные развитием производственной специализации, способствовали неравномерному распределению продуктов труда, что, в свою очередь, приводило к имущественному расслоению. Среди соплеменников появляются богатые и бедные.

Образование имущественной и социальной дифференциации создавало реальные возможности для появления различных форм эксплуатации внутриродового сообщества. При этом первобытнообщинная социальная структура, которая возникла и действовала в обществе, где индивидуальные и общие интересы совпадали, неизбежно начинала испытывать кризис власти. Образование частной собственности и имущественного неравенства приводило к расхождению этих интересов.

Органы самоуправления первобытнообщинного строя постепенно перерождаются в органы военной демократии для ведения войн с соседними племенами, для навязывания воли сильных, богатых членов рода или племени своим соплеменникам. Так, с развитием и утверждением основ патриархальной семьи, древние родовые отношения стали принимать черты государственности.

Эволюция семейных отношений в эпоху древних цивилизаций

Обеспечить нормальное течение своих семейных дел часто не легче, чем управлять провинцией.

Публий Корнелий Тацит

Введение

Цивилизация древнего мира традиционно включает в себя культуру стран Средиземноморского бассейна и Дальнего Востока. Социальные отношения в данную эпоху развивались на фоне становления и укрепления патриархальных традиций в семье и образования института государства. В истории всех древних цивилизаций важнейшим фактором развития культуры вообще и семейных отношений в частности было религиозное мировоззрение, определявшее этические принципы жизнедеятельности тех или иных народов.

Многие дошедшие до нас источники свидетельствуют о трудностях при определении критериев Добра и Зла, с которыми сталкивались люди того времени. Многочисленные духи, которым поклонялись люди, как правило, были злыми, и их гнева следовало бояться. Мистическое сознание людей подталкивало их к формальному жертвоприношению в виде откупа. Одухотворенные силы природы, мистические покровители мест и видов деятельности превращались в пантеоны языческих божеств, которые помогали людям, но могли в любой момент сменить милость на гнев. В практической жизнедеятельности покровительство языческих богов было слабым, а их множество вносило большие разногласия между людьми, что в определенной мере препятствовало и утверждению патриархального единоначалия в семье и образованию единого централизованного государства.

Настоятельной социальной, политической и духовной потребностью в эпоху древнего мира стало утверждение принципа единобожия, который создавал основу для возникновения новых нравственных представлений. Некоторые правители древних государств, стремясь упрочить свою власть, пытались установить единобожие. Так, фараон Эхнатон за подобное реформирование религиозной системы древнего Египта был предан за бжеию. Аналогичные явления наблюдались в Месопотамии и в Персии, но впервые на Ближнем Востоке установить единобожие удалось еврейскому народу. Благодаря утверждению принципа единобожия древнееврейская культура смогла провести определенную границу между Добром и Злом. Хотя граница эта была во многом условная, не совпадающая с современными представлениями, но достаточно четкая и понятная для людей того времени. Основы религиозного мировоззрения определяли формы и содержание межличностных связей людей в различных социальных группах.

Регуляция отношений внутри семьи осуществлялась государственным аппаратом на основании законов и религиозных традиций с использованием светской или духовной судебной и исполнительной власти. Прежде всего, становление патриархально-нуклеарной семьи характеризовалось положением женщины, организацией системы воспитания детей и социально-экономическими отношениями между поколениями.

Положение женщины в странах древнего мира отражало сложную систему перехода от старых, матриархально-родовых отношений к новым, патриархально-государственным.

В подавляющем большинстве государств женщины были угнетены и бесправны. Выплачиваемое за них вепо превращало их в объект сексуальной и хозяйственной эксплуатации. При этом в ряде стран положение женщин было достаточно независимым и достойным. Например, в Шумере и Египте женщины могли получать профессиональное образование, быть жрицами и занимать государственные должности. Женщины могли возглавлять государственный аппарат, править страной и вести военные действия. Так, могущественному персидскому царю Кирю Великому,

победившему многих царей и военачальников, судьба предначертала пасть от руки женщины-воительницы. К северо-востоку от Персидского царства, в долине реки Сырдарья, простиралась земля, на которых обитали воинственные кочевые племена массагетов. Ими правила царица Томирис. Кир сначала предложил ей вступить с ним в брак. Однако гордая царица отвергла предложение Кира. Тогда персидский царь двинул свою многотысячную армию в Среднюю Азию. Вначале массагетам сопутствовал успех, но потом персы хитростью одолели часть массагетского войска. Среди погибших был сын царицы, за смерть которого она поклялась напоить ненавистного завоевателя кровью. Легкая конница массагетов своими внезапными и стремительными нападениями измотала армию персов, и в одном из сражений был убит и сам Кир. Томирис приказала наполнить кожаный мех кровью и засунуть в него голову погибшего врага.

Главной ценностью древних государств были людские ресурсы – воины, скотоводы, земледельцы и ремесленники. Отсюда и главная функция семьи – рождение детей и воспитание их для нужд государства. Родители были обязаны учить детей навыкам своей профессии, дабы обеспечить тем самым их дальнейшее существование и исполнение социальных функций. Дети, в свою очередь, должны были заботиться о родителях в их преклонном возрасте и, что особенно важно, обеспечить достойные похороны и почитание их духов после смерти. Взаимоотношения родителей и детей строго контролировались и регулировались государством. В отдельных случаях государство брало на себя обязанности по воспитанию и образованию детей. В древней Спарте, например, все рожденные дети считались собственностью государства, и даже вопрос их жизни или смерти решался специальной государственной комиссией.

По мнению российского исследователя семейного права в эпоху древних цивилизаций профессора Адольфа Михайловича Осипова (1842-1905) семья является прототипом государства, его источником и главной основой. «От того или другого состояния семьи зависит состояние целого государства»¹⁷⁴.

¹⁷⁴ Осипов А. М. Брачное право древнего востока. М., 2012. Стр. 1

Семья в Древнем Шумере

В Древнем Шумере семейные отношения регулировались религиозными положениями зороастризма. Семейный союз признавался священным жертвоприношением Божеству и необходимым условием совершенствования человека для достижения вечного блаженства в потустороннем царстве Ормузда. Исходя из этого положения, в брачном состоянии должны были пребывать все люди. Выбирать себе жену мог только мужчина. Женщины, лишенные этого права, должны были терпеливо ожидать своей востребованности.

Древнейшими письменными документами, свидетельствующими о системе брачных отношений в раннюю историческую эпоху, являются в данный момент шумерские глиняные таблички, заполненные клинописью. Исследования этих документов свидетельствуют о динамике социальных отношений, происходящих в древнем шумерском обществе.

В середине II тысячелетия до н. э. шумерские женщины обладали значительной степенью свободы и не были ущемлены в правах. Дочери, подобно сыновьям, имели права на долю наследства, их мнение учитывалось при решении вопроса о предстоящем замужестве. Женщины обладали правом и возможностью участия в общественной жизни – быть свидетелями в суде, исполнять функции храмовых жриц, занимать государственные должности в качестве писцов и даже управлять государством. Так, Мекуби – дочь царя Эшнуны, правила в Сузах и пользовалась большим авторитетом. Известны также и описанные Геродотом шумерская царица Семирамида, построившая плотину на Евфрате, которая спасала Вавилон от затоплений, и мудрая царица Нитокрис, укрепившая и благоустроившая город.

При выходе замуж, шумерские женщины получали приданое – «серикту», которое передавалось мужу, но оставалось собственностью жены до самой ее смерти. После смерти собственности приданое переходило к ее детям или возвращалось обратно в дом отца. Имущественные права и обязанности супругов определялись брачным договором, который занести-

Царица Семирамида

вался на глиняную дощечку. Так, жена могла отвечать за долги мужа, имевшиеся у него до брака, только в том случае, если соответственная оговорка записывалась в брачную дощечку. За долговые обязательства, заключенные во время семейной жизни, супруги несли солидарную ответственность.

Организация семейной жизни регулировалась не только государственными законами, но и древними племенными

традициями. Геродот в своей «Истории» описывал обычай групповой купли-продажи невест у древних шумеров. «Самый благоразумный обычай, который, как я знаю, бытует также и у иллирийских энетов, по моему мнению, у них вот какой. Раз в году в каждом селении обычно делали так: созывали всех девушек, достигших брачного возраста, и собирали в одном месте. Их обступали толпы юношей, а глашатай представлял каждую девушку поодиночке вставать, и начиналась продажа невест. Сначала выставляли на продажу самую красивую девушку из всех. Затем, когда ее продавали за большие деньги, глашатай вызывал другую, следующую после нее по красоте (девушки же продавались в замужество). Очень богатые вавилонские женихи наперебой старались набавлять цену и покупали наиболее красивых девушек. Женихи же из простонародья, которые вовсе не ценили красоту, брали и некрасивых девиц и в придачу деньги. После распродажи самых красивых девушек глашатай велел встать самой безобразной девушке или калеке и предлагал взять ее в жены за наименьшую сумму денег, пока ее кто-нибудь не брал с наименьшим приданым. Деньги же выручались от продажи красивых девушек, и таким образом красавицы выдавали замуж дурнушек и калек. Выдать же замуж свою дочь за кого хочешь, не позволялось, а также нельзя было купленную девушку увести домой без поручителя. И только, если поручитель установит, что купивший девушку действительно желает жить с нею, ее можно было увести домой. Если же кто не сходил со своей девушкой, то по закону требовалось возвращать деньги. Впрочем, женихам можно было являться и из других селений и покупать себе девушек»¹⁷⁵.

По традициям шумерской культуры допускалась полигамия, позволявшая иметь одну законную (главную) жену и одну или несколько подчиненных ей жен или наложниц. Так, брачная дощечка датированная временем правления царя Синмубаллита (1812 – 1793 гг. до н.э.), содержит обязательства жениха, согласно которым его вторая жена, или наложница,

¹⁷⁵ Геродот. История. М. – СПб., 2008. Стр. 169-170

«будет мыть ноги первой жене, и будет носить ее стул в храм бога Мардука»¹⁷⁶.

В шумерской семье жена пользовалась относительной экономической свободой и могла покупать и продавать имущество без всякого вмешательства мужа и самостоятельно распоряжалась тем, что ей принадлежало. В случае длительного отсутствия мужа, занятого военной службой, и когда не было совершеннолетнего сына, жене поручалось управление всем имуществом, и тогда она по закону, лично, получала треть всех доходов. При разводе, когда семейные отношения расторгались по требованию мужа, она уходила со своими детьми и приданым. При этом закон обеспечивал ей некоторые права на имущество мужа. Развод мог происходить и по инициативе жены. Если муж пренебрегал женой, несправедливо и жестоко относился к ней, она могла обратиться в суд за разрешением покинуть дом мужа и вернуться со своим приданым в родительский дом.

Институт семьи достаточно высоко ценился и оберегался законами шумерских государств. Если свободная женщина выходила замуж за раба, то рожденные ею дети считались свободными. Если свободный мужчина брал в жены рабыню, она после первых родов становилась свободной. Супружеская измена со стороны жены каралась смертной казнью. Как правило, неверную жену топили в реке. Если девушка подвергалась насилию, то виновного обязывали жениться на ней. В том случае, если девушка была изнасилована отвергнутым претендентом на ее руку, виновного подвергали смертной казни.

В 1901 году была обнаружена каменная стела с высеченными на ней законами вавилонского царя Хаммурапи. Среди 282 юридических формул, охватывающих различные стороны жизни древнего государства, 67 статей (со 127-й по 194-ю) посвящены организации семейной жизни.

Брак заключался посредством договора между женихом (или его отцом) с отцом невесты. Родственники жениха дарили подарки и вносили выкуп за невесту, а ее отец давал дочери

¹⁷⁶ В глубинетъ ячелетий // Наука техника. № 11(156), 1926. Стр. 2

приданое. Для заключения брака требовалось положительное решение и отца, и матери. Несогласие одного рода телей могло служить препятствием. Брак без заключения договора не признавался законным. В случае отказа от заключения брака со стороны жениха внесенные им плата и подарки оставались в семье невесты. Если отказ после заключения договора шел со стороны отца невесты, плата и подарки возвращались в удвоенном виде. Возвращение платы предусматривалось также и в случае смерти бездетной жены.

Закон Хаммураби декларировал утверждение семьи моногамного типа, однако реально эта моногамия не была строгой, и при определенных обстоятельствах допускалось многоженство. Так, в случае тяжелой болезни законной (главной) жены, муж мог взять наложницу. «148. Если человек взял жену, а ее постигла проказа, и он захочет взять другую, то он может взять. Но свою жену, которую постигла проказа, он не должен покинуть. Она может жить в его доме, который он построил, и, пока она жива, он должен ее содержать».

При бездетности жены муж также мог взять наложницу. Об этом говорит статья 145: «Если человек взял в жены бесплодную женщину, а она не дала ему иметь сына и он захочет взять себе наложницу, то этот человек может взять себе наложницу и ввести ее в свой дом. Но эта наложница не должна равняться с бесплодной женой». Бездетная жена могла быть отпущена с приданным и платой, внесенной за нее мужем при заключении брака. Без всяких условий могла быть прогнана расточительная или неверная жена; муж имел даже право обратиться к рабыню. «141. Если жена человека, которая проживает в доме человека, захочет уйти и начнет вздорничать, разорять свой дом и унижать своего мужа, то ее должны уличить. И если ее муж сказал: "Я ее оставлю", — он может ее оставить и ничего ей не дать с собой за оставление ее. Если ее муж сказал: "Я ее не оставлю", то ее муж может взять в жены другую женщину, а эта женщина должна жить в доме своего мужа как рабыни».

Если муж попадал в плен, жена могла в его отсутствие выйти замуж только в том случае, если ей не на что жить, а по

возвращении мужа из плена она обязана была к нему вернуться. «135. Если человек был взят в плен, а в доме его нет пропитания, и до его возвращения его жена вступила в дом другого и родила детей, а затем ее муж вернулся и достиг своего поселения, то эта женщина должна вернуться к своему супругу, а дети должны идти за своими отцами». Такого требования не было, если муж самовольно покинул дом и отечество, а также если муж отказывался жить с женой.

Несмотря на относительную независимость женщин в Древнем Шумере, они не пользовались равными правами с мужчинами, и их проступки наказывались более жестоко. Супружеская неверность жены, в отличие от измен мужа, всегда каралась смертью. Статья 129 гласит: «Если жена человека была схвачена лежащей с другим мужчиной, то их должно связать и бросить в воду». Еще более жестоко каралось покушение на жизнь мужа. В соответствии со статьей 153: «Если жена человека позволила убить своего мужа ради другого мужчины, то эту женщину должны посадить на кол».

Супружеская неверность мужа не считалась серьезным проступком и не подвергалась наказанию. Правда, на неверного мужа жена могла жаловаться в суд для получения разрешения на развод. Согласно статье 142: «Если женщина разненавидела своего мужа и сказала: "Не бери меня", то дело ее должно быть рассмотрено в ее квартале. И если она блудила себя и греха не совершила, а ее муж гулял и очень ее унижал, то эта женщина не имеет вины: она может забрать свое приданое и уйти в дом своего отца».

Закон предусматривал также строгие наказания за различные случаи кровосмешений. Статья 157 предусматривает смертную казнь в том случае, «если человек возлежал на лоне своей матери после смерти отца, то их обоих должно сжечь». За сексуальную связь отца с дочерью наказание было гораздо менее строгим. Статья 154 гласит: «Если человек познал свою дочь, то его должны изгнать из его общины». Такая разница в наказаниях объясняется имущественными правами, определяющими положение членов семьи. Отец, являясь собственником дочери,

за связь с ней карается существенно слабее, чем сын – за связь с матерью, которая являлась собственностью его покойного отца.

Вавилонское семейное право регулировало и родительско-детские отношения, в частности защищало имущественные права детей. В статье 162 кодекса Хаммурапи сказано: «Если человек взял жену, и она родила ему сыновей, а затем эта женщина умерла, то по поводу ее приданого ее отец не может предъявлять иска; ее приданое принадлежит только ее сыновьям». Приданное матери делилось между всеми сыновьями поровну, при этом брачный подарок мужа мать могла завещать одному из них. Таким образом, муж не мог претендовать на приданое жены, поскольку оно принадлежало детям.

В случае же смерти мужа, вдова получала целиком все свое приданное, включая подарок мужа, и вместе с детьми пользовалась оставленным имуществом, без права отчуждения. Сыновья, рожденные от разных матерей, наследовали родительское имущество поровну, но отец мог при жизни завещать любому ребенку недвижимое имущество семьи. Дети, рожденные от разных отцов, в случае повторного брака матери делили ее приданое поровну, а в случае бездетности второго брака вдовы ее приданное получали дети от первого брака. Об этом порядке наследования гласит статья 173: «Если эта женщина там, куда она вступила к новому мужу, родила сыновей своему следующему мужу, а затем эта женщина умерла, то ее приданое должны поделить прежние и следующие сыновья».

Дочери, получившие приданое, отстранялись от наследства, а остальные получали равные с братьями части для пожизненного пользования. Наследниками этих частей являлись братья. Если отец при жизни выделял своим дочерям часть наследства и документально оформлял разрешение завещать им это имущество кому угодно, братья не имели прав на наследование сестринской доли. Узаконенные сыновья наложницы наследовали родительское имущество вместе со своими сводными братьями, рожденными от законной жены. «170. Если человеку его супруга родила сыновей, и его рабыня родила ему сыновей, и отец при жизни своей сказал сыновьям, которых

ему родила рабыня: "Мои сыновья", и он их причислил к сыновьям супруги, то после того, как отец умрет, сыновья супруги и сыновья рабыни должны поровну поделить имуществом в доме их отца; при разделе наследник, сын супруги, может выбрать свою долю и взять». Неузаконенные сыновья наложниц должны довольствоваться полученным свободой, а дочери наложниц получали от братьев подарок для приданого.

Родители не могли лишать сыновей наследства без соответствующего решения суда. Суд устанавливал тяжесть вины сына, и если этот проступок был совершен им в первый раз, то отец был обязан его простить. При повторном совершении проступка суд давал отцу право на лишение неадекватного сына его доли наследства. О данном положении свидетельствуют статьи 168 и 169. «168. Если человек захотел отвергнуть своего сына и сказал судьям: "Я отвергну своего сына", то судьи должны рассмотреть его дело, и если сын не нанес отцу никакой обиды, за которую полагается отвергнуть от наследства, отец не может отвергнуть своего сына от наследства». «169. Если он нанес своему отцу тяжкую обиду, за которую полагается отвергнуть от наследства, то в первый раз они судьи должны отвести его намерения. Если же он двукратно нанес тяжкую обиду, то отец может отвергнуть своего сына от наследства».

Кроме родных детей, вавилонская семья могла еще иметь приемных детей, используемых в качестве работников. Бездетные семьи брали приемных детей для отправления культа предков после их смерти. Приемными детьми могли обзаводиться люди, которые не могли иметь детей вследствие исполнения своих социальных и профессиональных функций. К таким категориям относились зикрум – жрицы, исполнявшие роль мужчин в определенных культах, совершаемых в храме, и евухи, которых было много при дворе и в некоторых храмах. В Вавилоне жрицы могли выходить замуж и получать статус законной жены. Однако, будучи ранее посвященными Богу, они не имели права рожать детей. Для этой цели супруг мог пользоваться услугами наложниц – служанок или рабынь, которых жена сама выбирала ему. Либо супружеская пара могла прибегнуть к усыновлению.

Родительские права этих людей защищались законом. Ряд статей вавилонского законодательства посвящен регулированию отношений приемных детей с их усыновителями. «187. Приемный сын дворцового евнуха или же приемный сын зикрум не может быть потребован обратно по иску». При этом если приемный ребенок зикрум или евнуха пытался вернуться в родной дом, он подвергался жестокому наказанию. «192. Если приемный сын евнуха или же приемный сын зикрум сказал отцу, воспитавшему его, и матери, воспитавшей его: "Ты не мой отец, ты не моя мать", то ему должны отрезать язык». «193. Если приемный сын евнуха или же приемный сын зикрум узнал дом своего родного отца и возненавидел приемного отца, воспитавшего его, и приемную мать, воспитавшую его, и ушел в дом родного отца, то ему должны вырвать глаза».

Таже закон защищал и права приемных детей. Новые родители обязаны были давать усыновленным детям свое имя, воспитывать и обучать их какому-нибудь ремеслу. В случае отказа родителей от своих приемных сыновей отец был обязан выдать им треть наследственной доли, не включающей недвижимого имущества. «191. Если человек, который взял в усыновление малолетнего, и который вырастил его, а тот работал в его доме, затем завел родных детей, и пожелал отвергнуть воспитанника, то этот приемный сын не должен уйти с пустыми руками. Приемный отец, воспитавший его, должен ему дать из своего движимого имущества треть его наследственной доли, и затем тот должен будет уйти. Из поля, сада и дома он может ему ничего не дать».

Приемный сын имел право самовольно покинуть дом приемного отца, только если последний не заботился о нем и не равнялся со своими родными детьми. «189. Если он не передал ему своего ремесла, то этот воспитанник может вернуться в дом своего родного отца». «190. Если человек не причислил к своим сыновьям малолетнего, которого он взял в усыновление и которого он вырастил, то этот воспитанник может вернуться в дом своего родного отца». Непочтение по отношению к родным или приемным родителям осуждалось и сурово наказывалось. За злос-

ловие на родителей резали язык, за побой – отрубали руку. «195. Если сын ударил своего отца, то ему должны отрубить руку».

В законах Хаммурапи регулировалось положение детей, родители которых вели неподобающий образ жизни – зарабатывали на жизнь проституцией. Такие дети не могли быть воспитаны своими родителями и даже не должны были их знать. Их отдавали на воспитание в другие приемные семьи.

Несмотря на все имевшиеся ограничения, родительская власть над детьми была весьма значительна. Родители могли продавать детей, и документы доказывают, что такие случаи, вероятно, обусловленные нищетой, бывали. Отец мог отдать дочь в храм в качестве иеродулы или жрицы, посвященной верховному богу Мардуку, с принесением своего целомудрия в жертву божеству. Священной обязанностью вавилонских жриц было принесение жертв богам в виде сексуальных отношений с мужчинами – храмовой проституции.

В мифологическом мировосприятии людей древнего мира сексуальная связь была, прежде всего, сакральным актом, священнодействием, посвященным культу плодородия. Сексуальность обожествлялась и воспринималась как магическая сила, обеспечивающая рост всех необходимых жизненных ресурсов – от деторождения до урожайности на полях и приплода скота в стаде. Каждая семья, как и общество в целом, была заинтересована в принесении жертв богам плодородия, которые осуществлялись посредством полового акта. Сексуальный экстаз был одновременно и оргазмом, и мистическим единением с божеством. Жрицы секса почитались в ранге культовых фигур, являясь одновременно священными проститутками и пророчицами.

В передаче отцами своих дочерей в храм для жреческого служения религиозные мотивы часто переплетались с экономическими соображениями. Входя в храмовую обитель, девушка забирала свое приданое, пользовалась им и жила в обители, даже увеличивала его посредством храмовой проституции и различного рода деловых операций, а после ее смерти имущество возвращалось обратно в отцовский дом.

Храмовая проституция была чрезвычайно распространена в Древнем Шумере. Богиня любви и плодородия, супруга верховного бога Мардука Милитта считалась покровительницей Вавилона – вавилонской Венерой.

По свидетельству Геродота, ни одна вавилонская девушка не имела права располагать своим будущим, не лишившись девственности в храме Милитты, куда стекались иностранцы. «Каждая вавилонянка однажды в жизни должна садиться в святилище Афродиты и отдаваться [за деньги] чужестранцу. Многие женщины, гордясь своим богатством, считают недостойным смешиваться с [толпой] остальных женщин. Они приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и останавливаются около святилища. Большинство же женщин поступает вот как: в священном участке Афродиты сидит множество женщин с повязками из веревочных жгутов на голове. Одни из них приходят, другие уходят. Прямые проходы разделяют по всем направлениям толпу ожидающих женщин. По этим-то проходам ходят чужеземцы и выбирают себе женщин. Сидящая здесь женщина не может возвратиться домой, пока какой-нибудь чужестранец не бросит ей в подол

деньги и не соединится с ней за пределами священного участка. Бросив женщине деньги, он должен только сказать: «Призываю тебя на служение богине Милитте!». Милиттой же ассирийцы называют Афродиту. Плата может быть сколь угодно малой. Отказываться брать деньги женщине не дозволено, так как деньги эти священные. Девушка должна идти без отказа за первым человеком, кто бросил ей деньги. После соития, исполнив священный долг богине, она уходит домой, и затем уже ни за какие деньги не овладеешь ею вторично. Красавицы и статные девушки скоро уходят домой, а безобразным приходится долго ждать, пока они смогут выполнить обычай»¹⁷⁷.

Богиня Милитта

¹⁷⁷ Геродот. История. Книга 1. Кафо, 199, М., СПб. 2008, стр. 170

Разовая религиозная проституция девушек постепенно стала перерастать в постоянную регулярную проституцию женщин, которая стала одной из самых распространенных профессий в Древнем Вавилоне. Храм Иштар уже не мог вместить в себя поклонников богини, и центром проституции стала большая площадь с бассейнами, рощами и садами в окрестностях храма. Женщины, приходившие в это «священное место», могли чувствовать себя в полной безопасности, им не мог помешать – ни ревнивый муж, ни строгий отец.

Анализ исторических документов позволяет делать выводы о том, что рост религиозной проституции в Древнем Вавилоне вызвал сильнейшую порчу нравов и привел к разложению семейных отношений и деградации общества. Древнеримский историк и ритор Квинт Курций Руф в «Истории Александра Великого» описывает следующую картину развращенности горожан: «Нельзя себе представить ничего более распутного, чем этот народ; не может быть большей утонченности в искусстве утех и сладострастия. Отцы и матери мирятся с тем, что их дочери за деньги продавали гостям свои ласки, мужа спокойно относились к проституированию своих жен. Вавилоняне были погружены в пьянство и во все бесчинства, связанные с этим. Женщины на пирах снимали свои верхние одежды, потом остальное платье, одно за другим, мало-помалу обнажали свое тело и, наконец, оставались совершенно нагими. И так распущенно вели себя не публичные женщины, а самые знатные дамы и их дочери»¹⁷⁸.

Положения семейного права Древнего Вавилона и состоящие общественных отношений позволяют говорить о том, что в шумерской культуре, с одной стороны, уже отсутствуют основные признаки матриархата, а с другой – еще не сформировались и окончательно не утвердились патриархальные традиции. Шумерская культура в Месопотамии, особенно в период расцвета вавилонского царства, была переходной формой от матриархальных отношений к патриархальным.

¹⁷⁸ Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре. 2-е изд. М.: Издательство МГУ, 1993. Стр. 464

Семья в Древней Ассирии

Ассирийская семья носила ярко выраженный патриархальный характер. Власть отца и мужа распространялась на всех членов семьи. Особенно принижено было положение в семье женщин. Они находились под властью сначала отца, затем свекра, мужа и сыновей. Как правило, семья была полигамной, и брак заключался посредством покупки жен. Женщины почти не имели права распоряжаться имуществом, не могли покинуть дом и семью мужа даже в случае его дурного обращения. Они оставались в семье мужа и после его смерти. Суровые физические наказания полагались жене за любые проступки, а произвол мужа поощрялся законом.

В 1903 и 1914 годах при археологических раскопках в Ашшуре были обнаружены 14 табличек с фрагментами текста правовых установлений ашшурской общины. Обнаруженные «Законы»¹⁷⁹ относятся к среднему периоду древнеассирийской истории (XIV-X вв. до н. э.) и содержат сведения о семейном правовом статусе государственного устройства. Семейное право, согласно этим законам, было чрезвычайно суровым и отражало уже полное господство патриархальных отношений с деспотической властью отца и мужа. Оно ставило женщин в подчиненное и бесправное положение по отношению к мужчинам.

¹⁷⁹ Липин Л. А. Среднеассирийские законы – В кн.: Хрестоматия по истории Древнего Востока. М.: 1963

Так, женщина не могла получить ссуду от постороннего лица и не имела права участвовать в каких-либо предприятиях, за исключением дел мужа, сына или шурина. Да и деятельность эта для нее была, скорее, не правом, а обязанностью, поскольку производилась по распоряжению главенствующего мужчины. Дочери в родительской семье также были абсолютно бесправны. Девушка не могла отказаться от жениха, определенного для нее отцом.

Незначительные права женщина приобретала, лишь становясь вдовой, о чем свидетельствует статья 46 древнеассирийских законов. «Если женщина, чей муж умер, не уходит из своего дома после смерти своего мужа, а ее муж ничего не отписал ей, она может жить у одного из своих сыновей, по своему желанию. Сыновья ее мужа должны ее кормить, они должны заключить соглашение по поводу ее пищи и питья, как бы для любимой невестки. Если же она – вторая жена, а сыновей у нее нет, она может жить у одного [из сыновей мужа], а они должны сообщать ее кормить. Если сыновья у нее есть, а сыновья [первого] жены не желают ее кормить, она может жить в доме [одного] из своих сыновей, где пожелает. Ее собственные сыновья должны ее кормить, а она должна работать для них. Но если один из сыновей ее мужа принял ее, тот, кто ее принял, будет ее кормить, а ее собственные сыновья не обязаны ее кормить».

В остальных аспектах жизни положение ассирийской женщины было совершенно бесправным. Многие обвинительные статьи древних законов начинались словами «Если женщина – жена ли человека, дочь ли человека...» или «Если жена человека...» или просто «Если женщина...». Дальше следовало описание состава преступления и соответствующее ему наказание.

В супружеских отношениях муж полноправно господствовал над женой. В случае достаточно серьезных преступлений муж был обязан наказать ее в присутствии судей или жрецов. Натакую обязанность указывают статьи закона. Статья 57 говорит, что избивание или нанесение увечий за преступления «жены человека, что записаны в табличке, должно совершаться перед судьями». Статья 58 предписывала «При всех

наказаниях, будь то вырывание, будь то отрезание [чего-либо] у жены человека, пусть будет извещен и жрец-калли, пусть он придет, как записано в табличке». В тех случаях, когда поведение жены не попадало под санкции, предусмотренные законом, власть мужа над ней была совершенно неограниченной. Так, статья 59 устанавливала, что: «Сверх наказаний для жены человека, записанных в табличке, человек может бить свою жену, таскать [за волосы], повреждать и прокалывать ее уши. Вины в том нет».

В целом, положение женщин в древнем ассирийском обществе разительно отличалось от их положения в Вавилонском царстве, где они обладали значительными, социально-экономическими, профессиональными и бытовыми свободами. В Ассирии вся жизнедеятельность женщин жестко регламентировалась. Регламент поведения, внешнего вида и контроль за их соблюдением были социальной обязанностью каждого члена сообщества. Статья 40 ассирийских законов гласит: «Женщины, будь то замужние, будь то вдовы, будь то ..., выходя на улицу, пусть не имеют своих голов незакрытыми. Дочери человека ... будь то покрывалом, будь то одеждой, будь то ... должны быть закрыты, пусть они не имеют своих голов незакрытыми. ... Наложница, которая ходит по улице со своей госпожой, должна быть закрыта. Храмовая блудница, которая взята замуж, на улице должна быть закрыта, но та, которая не взята замуж, на улице должна быть с непокрытой головой, она не должна быть закрыта. Блудница не должна быть закрыта, ее голова должна быть открыта. Тот, кто увидел закрытую блудницу, должен ее схватить, представить свидетелей и притаскать ее ко входу во дворец. Не должно забирать ее украшений, но схвативший ее может забрать ее одежду. Ей должно дать 60 палочных ударов и облиг ее голову смолой. Но если человек увидел блудницу закрытой и отпустил ее, не привел ее ко входу во дворец, этому человеку должно дать 50 палочных ударов. Донесший на него человек может забрать его одежду, ему должно проткнуть уши, пропустить через них веревку и завязать ее на его затылке, и в течение месяца он должен исполнять царскую работу. Рабьян

не должны быть закрыты, [посему тот], кто увидел закрытую рабыню, должен схватить ее и привести ко входу во дворец. Ей должно отрезать уши, а схвативший ее может забрать ее одежду. Если же человек увидел рабыню закрытой и отпустил ее, не привел ее ко входу во дворец, и его [в том] клятвенно обвинили и уличили, ему должно дать 50 палочных ударов, ему должно проткнуть уши, пропустить через них веревку и завязать ее на его затылке, донесший на него может забрать его одежду, и в течение месяца он должен исполнять царскую работу».

Подобное положение женщин в Древней Ассирии порой доводило их до отчаяния и провоцировало на ответную агрессию. При этом закон жестоко карал женщин за нападения на мужчин. Статья 7 определяла: «Если женщина подняла руку на мужчину и была в том уличена, она должна уплатить 30 мин олова, и ей должно дать 20 палочных ударов».

Муж и семья не несли ответственности за недостойное поведение или преступления жены. Об этом свидетельствуют статьи 2 и 5: «2. Если женщина – жена ли человека, дочь ли человека, произнесла богохульство или непристойность, [лишь] эта женщина понесет наказание. К ее мужу, ее сыновьям и к ее дочерям претензий предъявлять не должно». «5. Если жена человека украдала нечто в доме другого человека [то, если] она взяла [вещь стоимостью более] мины олова, хозяин украденной вещи должен поклясться: "Я не позволял ей взять это!", и еще так: "В моем доме – кража!". Если угодно ее мужу, он отдаст краденое и [тем] выкупит ее, и он отрежет ей уши. А если ее мужу неудобно выкупить ее, хозяин украденной вещи может [женщину] забрать и отрезать ей нос».

Жена же, наоборот, была обязана по закону разделять с мужем ответственность за его преступления. Такая ответственность наступала даже в том случае, когда женщина, вышедшая замуж, еще не переселилась в дом мужа. Об этом говорит текст статьи 32: «Если женщина еще живет в доме своего отца, [и] если подарки ее ей уже даны, то, принята ли она в дом своего свекра или не принята, она должна отвечать за долги, прегрешения и преступления своего мужа».

При этом жена не имела права распоряжаться имуществом в доме своего мужа, не могла его дарить или продавать. Если она что-либо брала самовольно, то это приравнивалось к воровству и жестоко наказывалось в соответствии со статьями 3 и 4: «3. Если человек заболел или умер, а его жена украдала нечто в его доме и передала это человеку, или женщине, или кому-либо другому, то эту жену человека, а также и получателя, должно убить. А если жена человека, у которой муж здравствует, украдала [нечто] в доме своего мужа и передала это человеку, или женщине, или кому-либо другому, муж должен клятвенно уличить свою жену и подвергнуть ее наказанию, а получатель, получивший это из рук замужней женщины, должен вернуть украденное, и то же самое наказание, которое муж наложил на свою жену, должно наложить на получателя». «4. Если раба ли, рабыня ли приняли что-либо из рук замужней, рабу или рабыне должно отрезать нос и уши, [а] украденное они должны вернуть. Человек может отрезать уши своей жене, но если он освободил свою жену и не отрезал ей уши, то не должно отрезать нос и уши рабу или рабыне, а они не обязаны возвращать украденное».

Кроме всех предписаний законодательства, имущество главы семьи и хозяина дома защищалось его неограниченным правом творить суд и расправу над членами своей семьи. Таким образом, традиция и закон поддерживали патриархальное неограниченное доминирование мужчины в домашнем хозяйстве. Приведенное в статье 3 незначительное ограничение, выраженное в обязанности мужа «клятвенно уличить» свою жену, по сути, являлось фикцией, поскольку свидетельствовало лишь о том, что достаточной доказательной базой для обвинения было принесение клятвы с упоминанием имени какого-либо божества.

Брачные отношения в Древней Ассирии, как и в Вавилоне, определялись брачным договором, который заключался между отцами жениха и невесты и записывался на глиняных дощечках. Одним из распространенных условий брака была выкупная плата – «тархатум», вносимая женихом семье невесты

в качестве компенсации за потерю рабочей силы. Сначала выплачивался задаток, предвзятый брачный дар по случаю обручения – «библум». Нарушение брачного договора со стороны жениха влекло за собой потерю им и задатка, и выкупной платы, со стороны тестя – двойную плату того и другого.

Таким образом, основу договора составляли имущественные отношения, определявшие стоимость выкупа невесты и содержание ее приданного. Сохранившиеся договоры фиксируют факт покупки жены за 16 шекелей, что составляло около 134 г серебра.

Без письменного оформления договора брак не мог считаться действительным. Исключением были положения, отмеченные в статьях 34 и 41. «34. Если человек взял [к себе] вдову без брачного договора, и она прожила в его доме два года, то она – его жена, она не должна уходить». «41. Если человек желает закрыть свою наложницу (разрешить ей ходить с закрытой головой, подобно замужней женщине), он должен созвать несколько однообшинников и закрыть ее в их присутствии, говоря: «Она – моя жена». [После этого] она – его жена. Наложница, которая не была закрыта при свидетелях, чей муж не сказал: «Она – моя жена», – не супруга, но наложница».

Выплачивая терхатум за невесту и заключая брачный договор, семья жениха становилась обладательницей имущественных прав на пришедшую в их дом женщину. Если молодая жена умирала, муж и его родственники могли требовать замены умершей на ее сестру или возврата выкупа. В соответствии со статьей 31: «Если человек принес брачный дар в дом своего тестя, а [затем] жена его умерла, [но] у его тестя есть [другие] дочери, то, если тесть пожелает, он [человек] может взять в жены [другую] дочь своего тестя взамен своей умершей жены, либо, если он [человек] пожелает, он может забрать отданное им серебро».

Обычно молодожены устраивались жить своим домом, но считалось правомерным и то, что жена оставалась на какое-то время в доме своего отца. При этом, проживая в доме своих родителей, замужняя женщина была подчинена мужу, и все

права на нее как на приобретенную собственность принадлежали его семье. Об этом положении достаточно ясно свидетельствуют законы, утверждающие распространенный у древних ассирийцев обычай левиратного брака.

Понятие левирата происходит от лев. *levir* – джеверь – брат мужа. Этот брачный обычай, согласно которому вдова была обязана или имела право вступить вторично в брак только с ближайшими родственниками своего умершего мужа, прежде всего – с его братьями, был свойственен многим народам на стадии патриархально-родового строя. В Ассирии левиратный брак выступал одним из средств продолжения рода умершего его ближайшими кровными родственниками и имел большое значение.

На это указывают статьи 33 и 43 ассирийского судебного кодекса: «33. Если женщина еще живет в доме своего отца, а муж ее умер, но у нее есть сыновья, она может жить в одном из их домов, где пожелает. Если же у нее нет сыновей, ее свекор может отдать ее тому из своих сыновей, кому пожелает». «43. Если человек возлил масло на голову [дочери человека] либо принес блюда для угощения, а сын, которому он предназначал жену, умер или пропал, он может отдать ее, кому пожелает из прочих своих сыновей, от старшего до самого младшего, которому 10 лет. Если отец умер, и сын, которому он предназначал жену, тоже умер, но у умершего сына остался сын, которому 10 лет, он может взять ее».

В Древней Ассирии традиционным считался патриликальный брак, когда жена входила в семью мужа и проживала в его доме. Однако закон в определенных случаях допускал возможность и матриликального брака, то есть проживавшие мужа в доме жены. Последний был возможен при заключении брака с вдовой. Локальность брака влияла на имущественные права супругов. Статья 35 говорит: «Если вдова вошла в дом человека, все, что она принесла, все это принадлежит ее мужу. Если же человек вошел к вдове, все, что он принес, все это принадлежит женщине».

При обычном патриликальном браке все имущество жены, которое она принесла с собой из родительского дома, и сама

она полностью принадлежала мужу. Замужняя женщина не могла распоряжаться ни имуществом, ни собой даже в случае длительного отсутствия мужа. Ответственность за ее существование должны были взять на себя его родственники, община или государственные чиновники, находившиеся с ним в определенных отношениях. Положение женщины в подобных обстоятельствах регулировалось статьей 45 ассирийского законодательства: «Если женщина отдана [замуж], но ее мужа забрал враг, а свекра или сына у нее нет, она должна два года оставаться верной своему мужу. /.../ Если же она – жена хупшу, то его [командир] должен ее кормить, а она должна работать на него. А если ее муж нес в своем поселении повинность за поле и дом, он должен пойти объявить судьям так: "Мне нечего есть!". Судьи должны попросить старосту и старший поселения и, поскольку он нес повинность за поле в этом поселении, должно выдать ей поле и дом для содержания на два года и передать ей. Она должна там жить, и ей должны написать табличку. По истечении двух лет она может поселиться с новым мужем по своему желанию, и ей должны написать табличку, как вдове. Если затем ее отсутствовавший муж возвратился в страну, он может забрать свою жену, которая вновь вышла замуж. Он не может потребовать детей, которых она родила новому мужу, но лишь новый муж может их забрать».

Жена не могла распоряжаться собой и в том случае, если муж покинул семью, оставив ее без средств к существованию. Статья 36 гласит: «Если женщина еще проживает в доме своего отца, либо ее муж поселил ее в другом месте, и если ее муж удалился и не оставил ей ни масла, ни шерсти, ни одежды, ни пищи, ни чего бы то ни было, и она не получает никакой пищи, эта женщина должна ждать своего мужа пять лет, она не может жить с [другим] мужем. Если у нее есть сыновья, [пусть] они нанимаются и зарабатывают, женщина же должна ждать своего мужа и не может жить с [другим] мужем. Если же сыновей у нее нет, она должна ждать своего мужа пять лет. По наступлении шестого года она может [уйти] жить с мужем, который ей угоден. Ее [прежний] муж, если он вернется, не

может ее потребовать [назад], она свободна для своего второго мужа. Если же он опоздал сверх пяти лет, [но] задержался не по своей воле, болезнь ли его поразила и он вынужден был задержаться, или он [по ошибке] был схвачен как вор, [то] по возвращении он может доказать [это], ему следует дать взамен своей жены другую женщину и забрать свою жену. А если царь послал его в другую страну, и он задержался сверх пяти лет, его жена должна его ждать, она не может жить с другим мужем. Если она до [истечения] пяти лет стала жить с [другим] мужем и родила, ее муж по возвращении может, поскольку она не ждала его согласно договору, но была взята [замуж], забрать ее вместе с ее приплодом».

Расторжение брачных уз для женщины было невозможно ни при каких условиях. Развод допускался только со стороны мужа. Об этом красноречиво говорят статьи 37 и 38. «37. Если человек отвергает свою жену, то, если он пожелает, он может дать ей что-нибудь; если не пожелает, может не давать ей ничего, она уйдет ни с чем». «38. Если женщина живетеще в доме своего отца, а ее муж отвергает ее, то украшения, которые он надел на нее, он может забрать. Брачный дар – терхатум, который он принес, он не может потребовать [обратно], он сохраняется за женщиной».

Абсолютная патриархальная власть и доминирование мужа над женой проявлялись в защите его чести и достоинства как главы семейства, отвечающего за порядок в доме. Так, клевета на замужнюю женщину, наносившая ущерб чести мужа преследовалась по закону. Статья 18 гласит: «Если человек сказал равному себе, будь то по секрету, будь то во время ссоры: "Твоя жена – шлюха", и еще: "Я сам клятвою обвиню ее", но не обвинил и не уличил, должно дать этому человеку 40 палочных ударов. Он будет в течение месяца выполнять царскую работу; его должно заклеить, и он должен уплатить один талант олова».

Поскольку жена полностью принадлежала своему мужу и являлась его собственностью, она защищалась законом от внешних посягательств так же, как и всякая другая часть имущества. Статья 9 говорит о защите чести замужней женщины:

«Если человек поднял руку на замужнюю женщину и поступил с ней как с ребенком и его в этом обвинили и уличили, ему должно отрезать палец. А если он поцеловал ее, нужно притянуть его нижнюю губу к лезвию ножа и отрезать ее». В случае более серьезных сексуальных домогательств и насилия требовалось судебное разбирательство, выводы которого делались на основании поведения жертвы и обстоятельств. В данном случае суд учитывал различные обстоятельства, многие из которых также регулировались статьями закона. «12. Если замужняя женщина шла по улице [и] мужчина схватил ее и сказал ей: "Пусть я познаю тебя", то если она не согласилась, оборонялась, но он взял ее силой и познал ее, и его застигли на замужней женщине, либо же свидетели уличили его в том, что он познал [эту] женщину, его должно убить, а женщине наказания нет». «14. Если человек познал замужнюю женщину будь то в корчме, будь то на улице, ведаю, что она замужняя женщина, то с познавшим ее должно поступить так же, как муж пожелает поступить со своей женой. Если же он познал ее, не ведаю, что она замужем, то познавший ее – свободен, а муж может клятвенно обвинить свою жену и поступить с ней как ему угодно».

Обстоятельства расследования преступления здесь таковы, что допускают ошибку со стороны мужчины, который мог принять замужнюю женщину за уличную блудницу. Учитываются также и возможность оказания женщиной сопротивления насильнику и призыва на помощь в людных местах. Безусловное осуждение всего, что нарушало целостность семьи, лежало в основе религиозных и социальных предписаний, регулирующих отношения супругов. При этом в Ассирии понятия супружеской верности мужа не существовало, а верность жены обеспечивалась жестокими наказаниями.

В случае супружеской измены со стороны жены муж мог поступать с ней по своему усмотрению. Он имел право убить, изуродовать, прогнать или простить свою жену. Так, статья 15 говорит: «Если человек застал мужчину со своей женой, клятвенно обвинил его, уличил его и убил их обоих, вина его [тут] нет. Если же он схватил его и привел либо к царю, либо

к судьям, клятвенно обвинил его и уличил, [то] если муж убивает свою жену, он может убить также и мужчину. [Но] если он [лишь] отрезает своей жене нос, он может кастрировать мужчину и [или] изуродовать все его лицо. А если он отпустил свою жену, он должен отпустить и мужчину».

В некоторых случаях смертная казнь за прелюбодеяние предписывалась законом как обязательное и единственно возможное наказание. «13. Если замужняя женщина вышла из своего дома и пошла к мужчине туда, где он живет, то, если он познал ее, ведаю о том, что она замужем, и мужчину, и женщину должно убить».

Суровые наказания предусматривались и за сводничество, поскольку данное занятие разрушало основы брака и семьи. Статья 23 определяет: «Если замужняя женщина взяла к себе в дом другую замужнюю женщину и отдала ее мужчине, чтобы он познал ее, и мужчина ведал, что она – замужняя женщина, то с ним должно поступить как с познавшим замужнюю жен-

шину, а со сводней должно поступить так же, как муж поступил со своей неверной женой. Но если муж женщины ничего не сделает со своей неверной женой, то не должно ничего делать с познавшим ее и со сводней, их должно отпустить. Но если замужняя женщина не ведала [ничего], а женщина, взявшая ее в свой дом, обманом ввела к ней мужчину, который познал ее, и если, покинув дом она [добровольно] заявила, что ее познали, женщину должно отпустить, а познавшего ее и сводню должно убить. Если же она [ничего] не сказала, муж может покарать ее, как ему угодно, а познавшего ее и сводню должно убить».

Если же сексуальному насилию подверглась незамужняя девушка, то ее отец был вправе забрать себе жену насильника и обездочить ее, а самого насильника заставить жениться на своей обездоченной дочери или взять за нее выкуп. При этом жену насильника он вправе оставить себе в качестве наложницы или рабыни. «Отец может отдать в жены свою обездоченную дочь обездочившему ее. Если жены у него нет, обездочивший должен уплатить в тройне серебро – цену девушки; обездочивший [ее] должен взять ее в жены [и] не может ее отвергнуть. Если отец не желает, он может получить в тройне серебро – цену девушки и отдать ее, кому пожелает».

Но если девушка потеряла свою честь по доброй воле, то отец мог наказать ее, как считал нужным, а совратитель был обязан уплатить за нее тройную цену. Об этом гласила статья 56 закона: «Если девушка по своей воле отдалась человеку, человек должен [в том] покланяться [и] не должно трогать его жену. Обездочивший [девушку] должен уплатить в тройне серебро – цену девушки, [а ее] отец может поступить со своей дочерью, как ему угодно».

Из текста данной статьи видно, что положение детей, и особенно дочерей, в ассирийской семье приравнивалось к положению рабов. Отец мог продавать своих детей или отдавать в залог неуплаченного долга. Однако проданные или отданные в залог долги дети не становились собственностью их нового хозяина, и он не мог распоряжаться их жизнью. Правда, ему позволялось с согласия родителя или его сыновей – братьев заложницы вы-

дать ее замуж, получить за нее тархатум и, тем самым, вернуть себе одолженную сумму. Такими правами наделен кредитор статья 48: «Если человек, в чьем доме живет по причине долга дочь его должника, спросит ее отца, он может выдать ее замуж, но если ее отец не согласен, он не должен ее выдавать. Если же отец ее умер, он должен спросить одного из ее братьев, а тот должен сказать [прочим] ее братьям. Если [один из] братьев сказал: "Сестру мою в течение одного месяца я освобожу", и если в течение одного месяца он не освободил, кредитор, если пожелает, может ее очистить [от долга] и выдать ее замуж...».

О сохранении приоритета отцовской власти над проданными детьми говорит статья 2, которая свидетельствует о бытовой в те времена незаконной практике перепродажи детей. «Если человек продал за серебро другому человеку сына человека или дочь человека, которые жили в его доме, [будучи проданными] за серебро либо в качестве залога, или продал кого-либо другого, жившего в его доме [на тех же основаниях], и его в том клятвенно обвинили и уличили, он теряет право на свое серебро». Более того, он должен был уплатить отцу, как хозяину залогового имущества, эквивалент его цены. При этом он подвергался физическому наказанию в виде палочных ударов и в течение 20 дней должен был выполнять царскую работу.

Несмотря на то, что жизнь детей в ассирийской семье находилась в полной власти отца, закон в какой-то мере регулировал родительско-детские отношения в сфере наследования имущества. Экономическое положение древней патриархальной семьи в течение ряда столетий укреплялось и усиливалось благодаря обычаю первородства. Старший сын по праву первородства мог претендовать, согласно особой статье закона, на преимущественную долю наследства. Обычно старший сын получал две трети наследства, причем одну треть он мог брать по своему выбору, а вторую получал по жребью.

В наследственном праве Древней Ассирии частично сохранялись традиции прежних родовых отношений. В статье 29 говорится: «Если женщина вошла в дом своего мужа, ее приданое и все, что она принесла из отцовского дома, а также и все, что ее свекор

ей дал при вступлении в дом, свободно для ее сыновей. Сыновья ее свекра не могут предъявлять на это претензий. Но если ее муж ее прогонит, он может отдать из этого сыновьям что ему угодно.

Приемные дети могли быть лишены права наследования, если их усыновление не было официально оформлено. Об этом свидетельствует статья 28: «Если вдова вошла в дом человека и принесла с собой своего посмертного сына, и тот вырос в доме взявшего ее, но не была написана табличка о его усыновлении, он не может взять долю [наследства] из дома взрастившего его и не должен отвечать за его долги. Он должен получить причитающуюся ему часть из дома своего родителя». При определенных условиях наследниками могли быть сыновья наложниц. Статья 41 закона говорит: «Если человек умер, а его закрытой жены нет сыновей, сыновья наложницы – его сыновья, они получают долю [в наследстве]».

Поскольку основной функцией семьи в Древней Ассирии было деторождение, ряд статей семейного права сурово осуждает действия, препятствующие рождению детей. Статьи 21, 50 и 51 предусматривают наказание за причинение вреда беременной женщине, повлекшего прерывание беременности. «21. Если человек ударил дочь человека и [тем] причинил ей выкидыш, и его в том клятвенно обвинили и уличили, он должен уплатить 2 таланта и 30 мин олова, ему должно дать 50 палочных ударов, и в течение месяца он будет выполнять царскую работу». «50. Если человек ударил жену человека и причинил ей выкидыш, должен поступить с женой человека, причинившего выкидыш жене [другого человека], так, как он поступил с ней. За ее плод он должен возместить [жизнь за] жизнь. Если же эта женщина умерла, человека должно убить, а за ее плод он должен возместить [жизнь за] жизнь. А если муж этой женщины не имел сына, а тот ударил его жену, и она выкинула плод, ее ударившего должно убить, [но] если ее плод – девочка, он должен возместить [жизнь за] жизнь».

Если вред наносился детородной способности мужчины, наказания были еще более жестокими. Женщине, дравшейся с мужчиной и повредившей ему гениталии, полагалось нанести увечье. Статья 8 предписывает: «Если женщина в драке повре-

дила семенник мужчины, ей должно отрезать палец. А если, несмотря на то, что врач наложил повязку на семенник, второй [тоже] воспалился и омертвел или если в драке поврежден и другой семенник, ей должно вырвать оба соска».

Общественному осуждению и судебному преследованию подвергались и гомосексуальные отношения, поскольку они не вели к рождению детей и укреплению семьи. Об этом свидетельствует статья 20: «Если человек познал равного себе, и его клятвенно обвинили и уличили, должно познать его самого и кастрировать его».

Особенно жестоко карались в Древней Ассирии аборты. «53. Если женщина самовольно причинила себе выкидыш, и ее в том клятвенно обвинили и уличили, должно посадить ее на кол и не хоронить. Если она по причине выкидыша умерла, должно [тем не менее] посадить ее на кол и не хоронить».

Анализ древнеассирийских законов позволяет сделать вывод, что брак в этой стране был в значительной степени обусловлен началами родового быта и священных законов. Ни о каком, даже приближенном, равенстве ни супругов, ни вообще членов семьи в праве речи не шло. Для Ассирии было характерно приниженное, подчиненное положение женщины. Здесь сохранились большие патриархальные кланы, в которых глава семьи обладал огромной, почти неограниченной властью. В основу патриархальной семьи были положены принципы домашнего рабства. Продажа рабыни и свободной девушки, выдаваемой замуж, оформилась совершенно одинаковым способом. Отец мог продать своего ребенка в рабство. Старший сын, как будущий глава клана, имел привилегированное положение в семье, получая большую и лучшую часть наследства.

В целом древнеассирийский брак представлял собой вклад средств, хозяйственную сделку. Он в большей степени основывался на деловых отношениях. В брак вступали ради благочестия. Наличие жены считалось знаком отличия, поэтому браки молодых ассирийцев планировались и устраивались родителями и старейшинами.

Семья в Древней Персии

В VI веке до н. э., при царе Кире, в состав Персидской державы вошли все земли, ранее принадлежавшие Ассирии и Нововавилонскому царству. В 539 г. до н. э. под натиском персов пал Вавилон, и Персидская держава стала крупнейшей империей Древнего мира. Владения Персии в результате завоеваний Кира и его сына Камбиза II включали в себя Египет и простирались до Индии. Завоевая страны, Кир не покушался на традиционный уклад жизни, обычаи и религию их народов. Тем не менее в Древней Персии сложилась определенная культурная и религиозная общность, определявшая порядок в системе семейных отношений.

По утверждению Заратустры, человек подобен Богу, а душа его – это часть Божьей силы. Смысл жизни состоит в реализации данной Богом силы для установления царства Добра в борьбе со Злом, воплощенном в злых духах – дэвах. Эти духи живут в самом человеке в виде смерти, бесплодия, лживости, лени, зависти, лицемерия, подлости и разрушения. Эти религиозные положения обуславливали мощное развитие этических основ жизнедеятельности персидского общества.

Брак в Персии считался нерасторжимым священным союзом, определявшим положение человека в обществе. Учение зороастризма поощряло неженатых юношей и девушек к браку и созданию семьи. Тексты Авесты говорят: «Мужчина, у которого есть жена, достойнее того, у которого ее нет, а мужчина, который возглавляет семью, достойнее того, у кого семьи нет»¹⁶⁰. Относительно девушек зороастризм объявляет что: «Девушка не вышедшая замуж, после своей смерти идет в ад, где должна пребывать до самого воскресения, несмотря на то, как бы добродетельна она ни была»¹⁶¹.

Семейная жизнь считалась также и основной религиозной

¹⁶⁰ Хушанг Фархруджаста Семья в Иране (ханавадд). СПб., 2009. Стр. 18

¹⁶¹ © силов А. М. Брачное ирано Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 74

обязанностью каждого достойного мужчины и каждой добропорядочной женщины, поскольку обеспечивает продолжение и увеличение «добротворения» верховного божества персов – Ахурамазды.

В древнеиранской мифологии существует предание о создании первой семьи. После творения всего мира светлый Ахурамазда задумал сотворение человека. Он создал Гаю-Маретана – первого человека, и его быка. Человек сиял как солнце, а бык светился как луна. Они жили мирно и счастливо три тысячи лет. По истечении этого срока Дух зла – Ангра-Майнья (другое его название – Ахриман), находившийся во тьме, увидев Небо, Землю и сотворение человека, исполнился ненависти и начал все разрушать. Он сбросил треть небес на землю, испортил воду, разбросал по всей земле вредоносных тварей, отравил растения. Мир сделался поврежденным и мрачным, подобно темной ночи. Демоны, возглавляемые Ангра-Майньей, вступили в сражение с небесным воинством Ахурамазды. Девяносто дней и ночей сражалось небесное воинство с Ангра-Майньей и его дэвами, пока не повергли их в Ад, находящийся в центре Земли.

Ангра-Майнья, видя, что не может справиться с Ахурамаздой, убил быка и напустил на Гаю-Маретана лень, похоть, нужду, страдания и болезни. Светлое тело первочеовека распалось, и он умер. После смерти из его пролившегося на землю семени выросла первая пара людей, в виде настолько переплетенных растений, что невозможно было определить, где кто. Плодами этих переплетенных и сросшихся растений стали десять видов людей в форме женщин и мужчин. После того как растения, выросшие из семени Гаю-Маретана, приняли человеческий облик с именами Машья и Машьяна, Ахурамазда сказал им: «Вы – люди, отец и мать обитателей мира. Я создал вас с высшим здравым разумом. этим разумом вершите дела. Думайте благими мыслями, говорите благими словами, совершайте благие дела, не поклоняйтесь дэвам»¹⁶².

¹⁶² Фарихат Далли Сотворение основы (Бундавиши). Цит по Хушанг Фархруджаста. Семья в Иране (ханавадд). СПб., 2009. Стр. 19

Ангра-Майнья, дабы совлечь людей с праведного пути, вторгся в их мысли и заставил их солгать. Машья и Машьяна сказали, что творцом всего сущего является Ангра-Майнья. С этого момента первая супружеская пара потеряла свой праведный путь в жизни. Их жертвоприношение стало недостойно богов, и они стали поклоняться дэвам. Почитание духов зла привело их к потере желания близости и бесплодию в течение 50 лет. По окончании этого срока у первых супругов появились дети, которых из-за их огромной привлекательности они съели. Ахурамазда, увидев такое безобразие, лишил детей их привлекательности и внушил родителям любовь к воспитанию детей. Посредством данного воздействия Машья и Машьяна исполнили свое предназначение и произвели на свет предков всех народов земли.

Об огромной социальной значимости семьи в Древней Персии писал А. М. Осипов: «Семейная жизнь у древних персов имела особую важность для государства; она состояла под охраною богов, в особенности Бога Хаома. Девы приносили этому божеству жертвы, испрашивая себе мужей. Семейная жизнь представляется основанием дома, делает персов полноправными гражданами, дает преимущества и почести; ею и через нее одну только человек может достигнуть блаженства, то есть перейти мост Чинват, к которому после смерти должен прийти каждый, чтобы отдать отчет в своих земных деяниях; причем добрые переходят через него, а злые увлекаются духами в ад»¹⁸³.

Подобная ценность и значимость семейных отношений требовала от подданных Персидской державы строжайшего соблюдения моральных норм в повседневной жизни. Семья как основа государства, домашнего хозяйства и посмертного существования человека должна была быть прочной и нравственно чистой. В период формирования и утверждения патриархальных отношений вполне естественным считалось, что основная угроза семейной стабильности и порядку исходила от женщин, как существ непостоянных, ненадежных, подверженных влиянию различных соблазнов и одержимости.

¹⁸³ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 67-68

По убеждению древних персов, безнравственное поведение возникало вследствие вселения в человека, и прежде всего в женщин, злого духа, который научал одержимую всяческим мерзостям и беззакониям. Персиянки могли быть подвержены малой и большой одержимости. К первой относились та *называемые* *гисри* – женщины, имевшие половую связь с двумя мужчинами в течение одного месяца. Большой одержимости были подвержены *jahika* – женщины, которые отдавались двум мужчинам в течение одного дня.

На основании подобных, суебно патриархальных убеждений женщины в Персии считались людьми ущербными и находились под строгим контролем и в полной зависимости от власти отца или мужа. За неимением последних, функции контроля и опеки выполнялись братьями или другими родственниками-мужчинами. Само рождение девочек воспринималось семьей как событие печальное, связанное в дальнейшем с горькими хлопотами, чем рождение мальчиков. Свидетельства о ве-

лькой: ценности рождения сыновей обнаруживаются во многих древних памятниках персидской словесности. Тексты древнего иранского эпоса «Шахнаме» говорят о том, что рождение дочерей могло восприниматься почти как божие наказание:

Сам грешен я – в мире да сгинет мой след!
 Не то сыновей произвел бы на свет!
 Коль дочери нет, не изведаешь бед;
 Родившему дочь – в мире счастья нет!¹⁸⁴

Также в «Шахнаме» царь Серв говорит посланцу персидского царя Феридуна:

Скажи: пусть величием затмит ты весь свет,
 Дороже потомства величия нет.
 Ведь сын – утешенье владыки-отца,
 Особенно тот, что достоин венца!¹⁸⁵

В соответствии с подобной традицией понимания семейных ценностей, «отцы не молили Бога послать им дочерей, а ангелы не включали девочек в число благ господних»¹⁸⁶. Мальчики были более желанны, поскольку в будущем составляли основу производства всех материальных ценностей, а также выполняли функции защиты государства. Американский историк и философ Уильям Джеймс Дюрант писал: «Как и женитьба, наличие детей было одним из атрибутов достоинства и чести. Сыновья представляли для своих отцов экономическую ценность, а во время войны были необходимы шахиншаху»¹⁸⁷.

Однако, исходя из высокой значимости семейных отношений, требование соблюдения моральной чистоты распространялось и на мужчин. Прежде всего, это касалось строгого запрета на мастурбацию как на непродуктивную утрату семени. Такая потеря семени расценивалась как страшный грех и умышленное нанесение невосполнимого вреда человеческому роду. Этот грех не мог быть искуплен никакими средствами, поскольку «даже простой сладострастный помысел считался

зловредным, пагубно влияющим на развитие природы; от него испаряется вода и высыхают деревья»¹⁸⁸.

Мужчина должен был быть эталоном нравственности и праведного образа жизни. Женщине отводилась роль его помощницы. Она должна иметь добродетели, важнейшими из которых являются ее плодовитость, верность мужу и хозяйственность. Порядочная добродетельная жена имела всеобщее уважение и почет. В браке, после смерти мужа, ей предоставлялось право первой, раньше других кредиторов, получить свою долю семейного имущества. В Персии, в отличие от других стран Древнего Востока, законодательство защищало невинную женщину и освобождало ее от разделения участи мужа-преступника в случае осуждения его на смертную казнь. После своей смерти женщина приравнивалась к мужчине, и дети были обязаны одинаково молиться и за отца и за мать. В священных текстах Авесты – Гагах Заратустра учил, что мужчине и женщине нужно рассматривать как Человека, не делая особого упора на различия между полами. По его учению, женщины, отличающиеся особенной добродетельностью, могли быть возведены в ранг гениев народа.

Определенное почитание женщины находит свое отражение в гимнах Авесты. Так, 17-й гимн Яшты восхваляет дочь великого бога, творца мира Ахурамазды, – богиню судьбы и счастья Аши.

6. О, прекрасная Аши,
 О, лучезарная Аши,
 Лучащая людям блаженство,
 Дающая добрую славу
 Тем, кому следуешь ты.
 Благоухают жилища,
 В которые Аши благая
 Твердой ступает ногой.
 Храня надолго потомство!¹⁸⁹

¹⁸⁴ Фирдоуси Шахнаме. М.: РАН, Наука, 1993. Т. 1, стр. 96
¹⁸⁵ Фирдоуси Шахнаме. М.: РАН, Наука, 1993. Т. 1, стр. 96
¹⁸⁶ Хушани Фархуджаста. Семья в Иране (ханавада). СПб., 2009. Стр. 17
¹⁸⁷ Хушани Фархуджаста. Семья в Иране (ханавада), СПб., 2009. Стр. 17

¹⁸⁸ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012
 Стр. 68
¹⁸⁹ Авеста. Избранные гимны из Видедада. Перевод авестийско-го Стеблин-Каменского. М., 1993. стр. 137.

Вступая в брак, женщина преследовала одну главную цель: стать матерью – рожать детей, прежде всего сыновей. Жена была обязана уважать и почитать мужа, молиться на него и беспрекословно выполнять его приказания. Муж был абсолютным хозяином дома и господином для всех членов семьи. Но у него тоже были обязательства – в частности, жить вместе с женою, которая, будучи праведной и добродетельной, безукоризненно исполняла свой долг.

При этом жена считалась подругой мужа и имела по отношению к нему не только обязанности, но и права. Мужу следовало уважать свою жену, не обижать и не давать повода жаловаться на него за нарушение супружеской верности. Добропорядочность в полноценных семейных отношениях требовалась от обоих супругов. Отсутствие добродетельности и, соответственно, неполноценность семьи определялись, в первую очередь, неспособностью ее членов воспроизводить потомство, а этические и эстетические качества рассматривались во вторую очередь.

Тексты Авесты повествуют об этом устами великой благой Аши:

54. Вот так сказала Аши
Благая: "Не приму я
Тех возлюбивший, что мне
Приносятся мужчиной,
Неплодием большим,
Ни женщиной бесплодной,
Ни отроком незрелым,
Ни девушкой юной,
Не знавшею мужей"¹⁹⁰.

57. Сперва благая Аши
Пожаловалась, плача,
На шлюху без детей:
"Не подходи к ней близко,
С ней не ложись на ложе".

¹⁹⁰ Авеста. Избранные гимны из Видевдата. Перевод с авестийского Стеблин-Каменского. М., 1993. Стр. 148

58. Потом благая Аши
Пожаловалась, плача,
На шлюху, что ребенка
Родит с другим мужчиной
И мужу принесет¹⁹¹.

В последнем случае, описанном в 58-м стихе, законы Древней Персии сурово осуждали незаконное сожителство, однако защищали интересы женщины и ребенка. Отец незаконно рожденного обязан был содержать ребенка и его мать. Кроме того, он был должен содержать свою сожительницу и во время ее беременности.

Семья в Древней Персии, как правило, состояла из отца, матери, сыновей, дочерей, слуг и рабов. Брак заключался посредством особого договора, который, в отличие от простого соглашения на словах, скреплялся ударом по рукам и не мог быть расторгнут ни при каких обстоятельствах, за исключением смерти одного из супругов. Как правило, брачный договор завершался обручением, которое в Древней Персии считалось началом супружеской жизни.

Учитывая, что персидское государство представляло собой многоплеменное объединение со сложившейся определенной разностью традиций и культур, можно предположить наличие такой разности и в системе создания института семьи. По данным, приводимым А. М. Осиповым, у персов следует различать пять видов брака. К первому виду следует отнести распространенный брак – *shah-zap*, заключаемый между мужчиной и девушкой. Второй вид, называемый *jogan-zap*, заключался между мужчиной и девушкой при условии, что первый сын, родившийся от этого брака, не будет считаться сыном своего отца, а будет усыновлен отцом или братом жены, умершим и не оставившим после себя сына. Третий – *sater-zap*, заключался между девушкой и умершим юношей, не достигшим пятнадцатилетнего возраста. Девушка в этом браке по договору получала опреде-

¹⁹¹ Авеста. Избранные гимны из Видевдата. Перевод с авестийского Стеблин-Каменского. М., 1993. Стр. 149

ленное денежное вознаграждение. С момента получения денег она считалась вдовой и могла соединиться с другим мужчиной. Четвертый – *sakir-zan* – брак со вдовой. Пятый, самый низший и позорный вид брака – *chodash-tai-zan* заключался с девицей, которая отвергла избранного отцом жениха и выходила за любимого человека без воли и согласия родителей.

Заключению брака предшествовал сговор и обручение, которое и являлось главным актом создания семьи. «В Персии обручение является не только началом брачного обряда, но и самым заключением брака, так что брачный обряд, в сущности, имел значение только формального подтверждения уже заключенного неразрывного союза посредством договора между женихом и невестой при свидетелях и жреце, с согласия родителей или лиц, под опекою которых находятся договаривающиеся»¹⁹².

Согласие это было необходимо вследствие того, что обручение имело место ранее достижения женихом и невестой совершеннолетия. Как правило, обручение проводилось в самом раннем возрасте. Так, в Гузарете детей обручали на втором или третьем году жизни. При этом обрученные до шести лет жили в доме своих родителей, а по достижении этого возраста невеста передавалась в дом жениха. Полноценное брачное сожитие между молодыми наступало только после появления у невесты менструального цикла. В Кирмане было принято более позднее обручение детей – в девятилетнем возрасте.

Форма обручения включала в себя заключение брачного договора – «митры», чтение жрецом ряда предназначенных для этого обряда молитв и соединение им рук жениха и невесты. В последующей свадебной церемонии подобного соединения уже не требовалось, и молодые сами брали друг друга за руки, как подобает мужу и жене. Обряд бракосочетания состоял из специальных ритуалов приготовления, благословляющих молитв перехода в свой дом и брачного пира.

Приготовление к свадьбе состояло из специальных ритуалов очищения, различающихся у разных племен и народно-

¹⁹² Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 127.

стей Древней Персии. В Кирмане, например, предсвадебное очищение включало в себя ряд строго определенных последовательных действий. Жених и невеста должны были отдельно друг от друга удалиться в безводную и безлесную местность. Там очищающий выкапывал несколько ям и чертил на земле двенадцать кругов. По окончании этой работы приходил жрец и, стоя вне кругов, читал молитвы, которые дословно повторяли очищающиеся. Затем жрец окроплял лицо очищающегося коровьей мочой и давал ему сосуд с этой же мочой. Принимающий натирал ею свое тело и читал молитву, повторяемую теперь жрецом. После этой процедуры он 15 раз натирал тело землей и в завершении обмылся водой. В течение последующих девяти дней жених и невеста оставались на местах своего очищения, обмывая себя водой каждую третью ночь.

Кроме этого, мужчины перед свадьбой обязательно занимались эпиляцией. В Древней Персии было принято, чтобы на теле будущего мужа не было ни единого волоса. Качество исполнения этой процедуры строго контролировали родственники жены. После прохождения всех ритуалов очищения начиналась свадебная церемония.

По сведениям, приводимым А. М. Осиповым¹⁹³, свадьба начиналась в пять часов после полудня (время назначенное обычаем для совершения брака). Жених приходил в дом невесты уже приготовленным к свадебному обряду. Посреди комнаты с сосудами, наполненными плодами, большую часть рисом и пшеницей, его встречал жрец, совершавший церемонию. По обеим сторонам от него, образуя полуукруг, стояли родственники и гости, а напротив него вставали жених и невеста. Жрец читал молитву «Никах», в которой содержалось обращение к Богу о даровании молодым долговечности, счастья и плодородности. Зачитывался брачный договор и жрец спрашивал отца невесты, согласен ли он на этот брак. После утвердительного ответа отец невесты передавал будущему зятю две тыщи динариев. Жрец, обращаясь к родственникам жениха и

¹⁹³ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 176-177.

невесты, призывал их заключить между собой неразрывный союз. Затем он вручал молодоженам брачный договор и призывал их беречь его и честно исполнять свой долг, чтобы укреплялось и постоянно росло их счастье. В знак будущей плодотворности жениха и невесты жрец осыпал молодых плодами, благословляя их семью и заключая бракосочетания.

По окончании свадебного обряда молодая жена в богато убранной повозке отправлялась в дом мужа. Этот переход представлял чрезвычайной пышностью. В нем участвовали все родственники с обеих сторон, друзья, соседи и приглашенные гости. Численность сопровождающего эскорта могла насчитывать до двух тысяч человек. Некоторые из гостей ехали на богато украшенных лошадях во главе шествия, остальные несли постель молодой, одежду, домашнюю утварь и прочие вещи, которые она увозит с собой в свой новый дом. Молодой муж сопровождал жену на коне, следуя рядом с ее повозкой. Шествие украшалось факелами и непрерывно звучащей музыкой.

Придя в дом мужа, гости складывали там принесенные вещи, пили вино и снова возвращались в дом родителей невесты. Там жрец вновь читал свадебные молитвы, и молодожены в сопровождении ближайших родственников отправлялись в свой дом, где начинался основной пир, продолжавшийся до утренней зари. Во время ширшества невеста, вкусив вина, садилась к жениху, который обнимал и целовал ее. Новобрачные ели от одного и того же хлеба, разрубленного мечом на две части.

Со времени заключения брака главной заботой молодой семьи было рождение и воспитание детей. Иранский историк Муртаза Раванди пишет: «Каждый зороастриец молился, чтобы Ахурамазда ниспослал ему дитя, чтобы исполнить свой долг по отношению к семье, городу и справедливому царю»¹⁹⁴.

Брак был важнейшим снищенным делом в жизни персов и основывался на принципе моногамии. Однако, исходя из требований главной цели семейных отношений – рождения детей, как исключение, допускалась полигамия. А. М. Осипов

¹⁹⁴ Раванди М. Социальная история Ирана. Т. 1, стр. 475. Цит. по Хушанг Фархуджаста Семья и Иране (ханшавад), С116. 2009. Стр. 18

на основе исследования законодательства Древней Персии делает заключение: «Муж даже и тогда не может взять другую жену, когда первая бесплодна, что считается величайшим несчастьем в браке. Если же подобное несчастье постигло брачный союз, то мужчина должен ждать несколько лет, не унывать ли неплодие жены в течение этого времени. Если нет, то он может взять другую, причем требуется согласие его первой супруги»¹⁹⁵.

Таким образом, мужчина имел право брать до пяти жен, если предыдущие четыре оказывались бесплодными. Иметь более пяти жен запрещалось законом. Если и пятая жена оказывалась неспособной родить ребенка, то полагали, что в неплодии виноваты не жены, а сам муж. Впоследствии в Древней Персии укрепилась полигамная традиция семейных отношений – разрешалось иметь много законных жен, а также наложниц, можно было жениться и на близких родственницах, например, на племянницах и даже на единокровных сестрах.

¹⁹⁵ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 71

Заветное желание каждой замужней персиянки – иметь детей. Для этого они совершали ворожбу и молились о даровании мальчика. Рождение и воспитание детей у древних персов было столь значимо еще и потому, что благие деяния детей шли на пользу их родителям – как при жизни, так и после смерти. Следовательно, чем больше было в семье детей, тем большим благом, почетом и уважением пользовались их родители. По свидетельству древнегреческого историка Страбона, цари и сатрапы провинций поощряли многодетность, делая отцам таких семейств богатые подарки. «Персы берут себе в жены много женщин и одновременно содержат еще несколько наложниц, чтобы иметь много детей. Ежегодно цари дают награды за многодетность»¹⁹⁶.

После смерти родителей достойные поступки детей способствовали скорейшему достижению состояния их блаженства в загробном мире. Рождение детей было столь важным и необходимым, что если перс умирал, не оставив после себя детей, то обыкновенно прибегали к фикции, благодаря которой дела-

¹⁹⁶ Страбон. География / Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского, под ред. О. О. Крюгера, общ. ред. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. Стр. 734

ли его отцом после смерти посредством передачи его фамилии женщине, имеющей сына. Такая женщина считалась вдовой, а ее сын – сыном умершего мужчины. Если усыновленный, прожив более пятнадцати лет, умирал бездетным, то родственники были обязаны таким же образом найти для него жену и сына. Если же он умирал, не дожив до 15 лет, то отцу его надлежало найти другую женщину и усыновить ее сына.

Традиция воспитания детей в Древней Персии предполагала, что дети до пятилетнего возраста росли вместе с матерью, пребывая на женской половине дома. Отцы не встречались со своими детьми, чтобы сильно не расстраиваться в случае их смерти. В пять лет мальчики и девочки разделялись и сыновья переходили под опеку отца. С этого момента начиналось их мужское воспитание.

Семейное воспитание у древних персов было весьма строгим и включало в себя два совершенно различных возрастных этапа. До пяти лет ребенку не следовало объяснять, что такое Добро и Зло. За все, что он мог совершить плохого, отвечали родители, которые должны были до этого времени контролировать ребенка и, в случае совершенных им промахов, говорить ему о нежелательности таких поступков. До достижения семи лет обычай строго запрещал бить ребенка.

Таким образом, в первый период ребенку позволялось все, никаких запретов не существовало, но по истечении этого срока он имел право послушаться только три раза, на четвертый раз его убивали. Такая жестокость, по-видимому, являлась обратной стороной идеи чистоты. Ребенок, не способный усвоить с трех раз требование повиноваться, считался неполноценным, «нечистым», а все нечистое воспринималось как приверженность Ахриману и силам зла, и, соответственно, должно было быть «очищено». Исходя из этого важным аспектом семейного воспитания у древних персов считалось приучение детей к выполнению многочисленных религиозных обрядов, сопровождавших всю жизнь людей того времени. Родители должны были разъяснять детям основы религии, в которых большое место занимали вопросы нравственности.

Столь же важной задачей семейного воспитания было формирование у детей законопослушности и уважения к социальным нормам и институтам. Древнегреческий историк Ксенофонт в своей «Киропедии»¹⁹⁷ отмечал, что, если у других народов законы устанавливались, чтобы карать за проступки и, таким образом, пресекать правонарушения, у персов они были направлены на то, чтобы предотвратить самую возможность преступлений, то есть сами законы носили воспитательный характер.

Воспитание законопослушности сводилось к формированию у граждан необходимых, с точки зрения общества, моральных и физических качеств. Молодым гражданам внушались идеи справедливости, уважения к имущественным и гражданским правам себе подобных, прививался дух корпоративной солидарности, втолковывалась всеми возможными способами необходимость безусловного повиновения старшим по возрасту и положению.

Воспитание и образование молодого поколения в Древней Персии было делом государственным. Персы хорошо понимали, что от качества подготовки молодежи зависит будущее страны. Воспитание и становление мужчины осуществлялось в рамках специальных возрастных групп.

Первую группу составляли мальчики от семи до шестнадцати-семнадцати лет. Этот период их жизни был посвящен освоению грамоты, законов, священных текстов и укреплению физической силы. Главным источником первоначальных знаний являлась Авеста и собрание священных книг, написанных особым авестийским письмом. Ученики писали на глиняных черепках и по сырой глине, используя технику письма, сходную с вавилонской клинописью.

Затем юноши переходили в группу эфэбов, где пребывали следующие 10 лет – до 26-27-летнего возраста. В течение этого времени они имели возможность получить специальную военную или чиновничью подготовку, а некоторые – освоить про-

¹⁹⁷ Ксенофонт. Киропедия. М.: АН СССР. Литературные памятники, 1976. Стр. 334

фессию жреца. Будущий чиновник должен был не только знать грамоту, но и научиться быть умеренным в жизни, спокойным и покорным. В связи с этим ученикам нередко приходилось спать прямо на земле возле школ и не всегда получать пищу.

Одновременно с общегражданской подготовкой юноши получали необходимое физическое воспитание, направленное на подготовку из них умелых и закаленных бойцов. Воспитание будущих воинов было еще более суровым. Тяжелые упражнения разного вида должны были сделать дух будущего воина непоколебимым, а тело – выносливым и быстрым. Юношество принадлежало государству и должно было готовиться к его защите и возвышению; на этом основании физическое воспитание сочеталось с духовным.

Заслуживает внимания подход персов к формированию учительского состава. Учителями и надзирателями были персы не моложе 50 лет, могущие служить примером для юношества.

Страбон так повествует о системе воспитания и образования в Древней Персии: «С пятилетнего возраста до 24 лет мальчики упражняются в стрельбе из лука, в метании дротика, в верховой езде и борьбе. В учителя наук они берут мудрейших людей, которые переплетают свои учения с мифическими историями (приспосабливая последние на пользу учащихся) и рассказывают с напевом и без пения о подвигах богов и доблестных мужей. Перед утренней зарей учителя бдят юношей звуком медных инструментов и собирают их в одно место, как бы на военный парад или на охоту. Разделив их на отряды по 50 человек и назначив предводителем каждого отряда кого-нибудь из сыновей царя или сатрапа, учителя приказывают бежать за предводителем, выделив пространство длиной в 30 или 40 стадий. Кроме того, учителя требуют от учеников отчета в каждом уроке и вместе с тем заставляют их громко говорить, упражнять дыхание и легкие, а также приучают переносить жару, холод и дожди и переходить бурные потоки, сохраняя при этом сухим оружие и одежду. Кроме того, персидских юношей обучают пасти скот, проводить ночи под открытым небом, питаться дикими плодами, например фисташками, желудями и дикими грушами. Этим юношей называют кардаками, так как они живут воровством (слово *carda* значит «мужество» и «воинственный дух»). Их ежедневная пища после гимнастических упражнений состоит из хлеба, ячменных лепешек, кардамона, крупинки соли и жареного или вареного мяса; питье их – вода. Охотятся юноши верхом на лошадях, пуская метательные дротики, а также с луком и пращей. Вечером юноши упражняются в посадке деревьев, собирают целебные корни, изготавливают оружие, плетут тенета и силки. Мальчики не касаются охотничьей добычи, хотя по обычаю приносят ее домой. Царь назначает награды победителям в беге и в других видах пятиборья. Мальчики украшают себя золотом, так как персы ценят его огненный блеск»⁹⁸.

⁹⁸ Страбон. География / Пер. с др.-греч. Г. А. Стратановского, под ред. О. О. Крюгера, общ. ред. С. Л. Утченко. М.: Ладомир, 1994. Стр. 734-735

Третья возрастная группа состояла из взрослых мужей и охватывала последующие 25 лет жизни, когда мужчины могли проявить себя достойным и активным членом общества.

Переход в каждую следующую группу был возможен только после успешного прохождения предыдущего этапа. Лишь те, кто прошел полное обучение гражданской и воинской доблести в группах мальчиков и эфебов, могли стать полноправными мужьями-гомотимами, и только те из них, кто всегда безукоризненно исполнял свой гражданский долг, могли перейти со временем в высшую социальную группу старейшин.

Персидские школы, в соответствии с законодательством, были открыты для детей всех персидских мальчиков. Однако практически они были доступны лишь детям зажиточных людей, которые благодаря своему состоянию могли содержать их, не заставляя работать. Для сына крестьянина или ремесленника самым важным было перенять у отца все навыки его профессии, а для дочери – научиться у матери всем тем нехитрым премудростям, которые могли ей пригодиться в будущей семейной жизни.

Таким образом, экономическое положение и обусловленное им воспитание были решающим критерием общественного положения граждан.

Семья в Древнем Египте

До нашего времени сохранилось большое количество археологических и письменных памятников Древнего Египта. К письменным источникам относятся надписи на стенах гробниц и храмов, на глиняных черепках и осколках белого известняка, тексты на свитках папирусов и коже. Содержание текстов многообразно: это хозяйственные и деловые документы, письма, восхваления фараонов, молитвы, описания военных походов, стихи и сказки. Другими историческими источниками являются описания жизни, быта и нравов Египта иностранными путешественниками.

Основываясь на данных документах, можно сделать вывод о том, что жизнь древних египтян значительно отличалась от жизни других народов. Об этом в своей «Истории» свидетельствует Геродот: «Нравы и обычаи египтян почти во всех отношениях противоположны нравам и обычаям остальных народов. Например, у них женщины ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. Другие народы притканье толкают уток вверх, а египтяне – вниз. Мужчины [у них] носят тяжести на голове, а женщины – на плечах. Мочатся женщины стоя, а мужчины сидя. Естественные отправления они совершают в своих домах, а едят на улице на том основании, что раз эти отправления непристойны, то их следует удовлетворять втайне, поскольку же они пристойны, то открыто. Ни одна женщина [у них] не может быть жрицей ни мужского, ни женского божества, мужчины же [могут быть жрецами] всех богов и богинь. Сыновья у них не обязаны содержать престарелых родителей, а дочери должны это делать даже против своего желания»¹⁹⁹.

Многочисленные источники по истории Древнего Египта часто противоречат друг другу. Так, сообщения Геродота о том, что женщины не могли исполнять жреческих обязанностей входит в явное противоречие с его же сообщениями о жрицах фиванского храма, которые стали основательницами

¹⁹⁹ Геродот. История. В девяти книгах. Книга 2. Евтерпа. 35. Пер. Г. А. Стратоновского. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2004. Стр. 189-190

оракулов в Ливии и Элладе²⁰⁰. Кроме того, исполнение женщинами жреческих функций подтверждается множеством памятников, изображающих жриц богини Исиды.

В семейном укладе Древнего Египта сохранялись значительные пережитки матриархальных отношений. Прежде всего, это выражалось в матрилинейности – наследовании родства и имущества по материнской линии. Отцовская власть была относительно слаба, а женщина занимала достаточно высокое положение в семье и обществе. Кроме того, для египетской семьи были характерны пережитки родового эндогамных отношений. Согласно древнегреческому историку Диодору Сицилийскому, жившему в I в. до н. э.: «(1). У египтян, вопреки общему обычаю людей, законом установлено жениться на сестрах – по причине удачного примера Исиды. Ведь она жила как жена со своим братом Осирисом и после того, как он умер, более не допустила сожителюства ни с одним мужем. Она отомстила за убийство Осириса и провела жизнь, царствуя в высшей степени законно, и стала причиной наиболее многочисленных и величайших благ для всех людей. (2). И по этой причине было предписано, чтобы царца получала больше власти и почестей, нежели царь. И среди простых людей жена господствует над мужем, ибо в брачном договоре жених обещает во всем подчиняться невесте»²⁰¹.

Другие источники сообщают, что по законам женщины имели равные права с мужчинами, но их социальный статус был значительно ниже мужского. Об этом свидетельствует наличие возможности полигамии в семейных отношениях. Как сообщает Диодор «3. Женились же у египтян жрецы на одной, а все прочие – на скольких захотят»²⁰².

Борьба традиционных матриархальных отношений с зарождающимися новыми патриархальными порядками проявлялась и в сохранении определенной сексуальной свободы женщин

²⁰⁰ Геродот. История. В девяти книгах. Книга 2. Евтерпа. 54. Пер. Г. А. Стратоновского. М.: ОЛМА-ПРЕСС Инвест. 2004. Стр. 197

²⁰¹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга 1. гл. 27

²⁰² Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга 1. гл. 80

Сексуальные отношения в Древнем Египте были открытыми, и считались вполне естественными. Сексуальность была неотъемлемой и важной частью жизни. Египтяне также верили в то, что сексуальные радости ждут их и в загробной жизни. Так, некоторые элементы похоронных ритуалов были схожи с ритуалами, проводимыми при рождении. На похоронах девушки исполняли эротический танец, чтобы помочь умершему человеку возродиться в загробной жизни.

Религиозная сакральная составляющая сексуальной жизни имела и незначительные ограничения. Геродот сообщает: «Египтяне первые воспретили половые сообщения в храмах и первые стали не допускать после сообщения входить в храм, не обмывшись».²⁸¹

В остальном свобода интимных отношений была настолько распространенным явлением, что проблема сохранения девственности до брака, столь важная для более поздних эпох, в Древнем Египте никогда не существовала. Главной ценно-

²⁸¹ Геродот. История. В девяти книгах. Книга 2. Евтерпил. 54. Пер. Г. А. Стратоновского. М.: ОЛМА ПРЕСС Инвест, 2004. Стр. 200

стью отношений мужчин и женщин была их плодovitость, а чрезмерно долгое сохранение сексуальной невинности ставило под сомнение детородные способности женщины. Это само по себе могло быть значительной помехой в устройстве ее семейного счастья.

Одна из причин сексуальной раскованности Древних египтян крылась в географических и климатических условиях жизни страны. Египтяне не могли себе позволить накладывать табу на сексуальные отношения, поскольку сама их жизнь зависела от урожайности полей, регулярно оплодотворяемых водами Нила. Засушливые периоды, которые были не редкостью, приводили к росту смертности населения, особенно детей. Это и порождало естественный страх бесплодия и заботы о плодovitости земли и женщин.

Выполнение детородной функции обеспечивало женщине достаточно высокий социальный статус в Древнем Египте. Египтянки имели возможности, которых женщины многих государств того времени были лишены. Они могли работать наравне с мужчинами, обладать имуществом, наследовать, торговать, отстаивать свои права в суде. Каждая женщина имела право заключать сделки, быть полноправным собственником имущества и передавать его по своему усмотрению.

Основные формы жизнедеятельности женщин были связаны с домашним хозяйством. Они готовили еду, варили пиво, шили одежду, однако не собирали урожай и не стирали белье в кишащем крокодилами Ниле. Женщины из высшего общества и среднего класса были, как правило, более образованными, многие умели читать и писать. Они не могли занимать важных государственных постов, зато часто помогали мужьям в их работе.

Хотя большинство женщин всю жизнь проводили дома, некоторые могли сделать карьеру. Знатные египтянки становились невицами, танцовщицами, музыкантками или акробатками при царском дворе или в храмах. Были также женщины-ткачихи, садовники, профессиональные плакальщицы и даже женщины-врачи. Женщины из бедных семей часто на-

нимались служанками и нянками в богатые дома. Воспитательницы царских детей пользовались большим влиянием, и их сновья могли занимать важное положение при дворе. Если муж по каким-либо причинам отсутствовал, жена получала возможность вести семейные дела. Некоторые женщины управляли целыми поместьями.

Законодательство фараона Бинотриса, принадлежавшего ко II династии, утвердило порядок престолонаследия, согласно которому женщина могла становиться полновластной правительницей Верхнего и Нижнего Египта. Историческая наука располагает сведениями о семи женщинах-фараонах. Первая женщина-фараон Мерит-Нейт предположительно правила во времена I династии (примерно 3000 лет до н. э.), чуть позже объединения Верхнего и Нижнего Египта. Вторая – Нейтикер, принадлежащая к VI династии, правила приблизительно в 2200 г. до н. э., славилась своей красотой и отчаянной храбростью. Третья – Нефрусебек правила всего несколько лет и была последней правительницей XII династии. Четвертая – знаме-

нитая Хатшепсут (XVIII династия), правительница, полностью самовластно наделившая себя функциями фараона. Известиями своим сильным характером, поскольку при реальном наследовании Египтом более двадцати лет – с 1504 по 1482 до н. э. Пятая женщина-фараон той же династии – Кейз была соправительницей Эхнатона. Шестая – Таусерт была фараоном XIX династии. Происходила из потомства Рамсеса II и имела титул Великой супруги фараона Сети II. После смерти мужа она стала регентом при малолетнем сыне Рамсес-Саптахе и правила Египтом два года. Последним правителем Египта была женщина из рода Птолемеев – Клеопатра VII.

Следы пережитков матриархата долго сохранялись и в эндогамных традициях организации семейных отношений египетских фараонов. Государственная власть и общество строились на основах теократии. Сам фараон и его власть имели божественное происхождение. «У него в жилах текла кровь самого Бога солнца Ра, и было важно, чтобы эта божественная кровь не оказалась разбавленной. Так что он сохранял чистоту и силу крови, женившись на девушке из своей семьи: сестре, сводной сестре, кузине. Тем самым он следовал примеру Осириса, который женился на собственной сестре Исиде. Случалось даже, что фараоны женились на собственных дочерях и имели от них детей»²⁰⁴.

Подобная эндогамия объяснялась тем, что в условиях клановой системы родства вся собственность и имущество в Древнем Египте наследовались по женской линии, и трон верхнего и нижнего царства переходил по наследству к одной из наследных принцесс – дочерей фараона, а не к его сыновьям. Для получения права на трон фараон женился на своей сестре или на любой другой родственнице, которая могла бы претендовать на трон. Немецкий ученый-египтолог Адольф Эрман свидетельствует о традиционности подобных браков: «В семействе царей XVIII династии мы обнаруживаем, что

²⁰⁴ Уайт Д. М. Боги и люди Древнего Египта. Пер. с англ. Д. А. Калашниковой. М., 2007. Стр. 111

Яхмос-Нефтерте вышла за своего брата Яхмоса, госпожа по имени Яхмос была супругой своего брата Тутмоса I, госпожа Арат – супругой своего брата Тутмоса IV и т. д.»²⁰⁵.

Однако эндогамия не была широко распространенной формой брака в Древнем Египте. Инцестуозные отношения были довлены исключительно в семьях фараонов. Для остальных подданных существовало правило экзогамии, которое время от времени могло нарушаться. Пережитки древних эндогамных отношений долго сохранялись в формах родственных обращений. Так, в любовных посланиях и песнях юноша мог обращаться к своей невесте, называя ее «моя сестра», а та могла называть его «мой брат». После свадьбы муж, как правило, продолжал называть жену «сестра» – «сестра», а не «хемет» – «супруга».

Основной формой брака у древних египтян была моногамная семья. Моногамия являлась наиболее распространенной и правильной формой брака. Так, для жрецов, которые должны были быть образцами нравственности, моногамия была обязательной. Браки обычно совершались не по взаимному желанию юноши и девушки, а по выбору их родителей, которые искали для своих детей пару, наиболее подходящую, по их мнению. Богатые египтяне также искали мужей и жен и для своих слуг.

Несмотря на то, что многоженство в Древнем Египте не было распространено, данные археологических исследований и письменные источники свидетельствуют, что в различные эпохи были примеры наличия нескольких жен в одной семье. Мужу разрешалось иметь в своем доме наложниц. Известны случаи полигамии, но они довольно немногочисленны среди простых смертных. Фараон мог иметь несколько жен и наложниц.

«Помимо главной и весьма почитаемой супруги, которая называлась Великой главной женой, у него было еще множество жен-дочерей и жен-сестер. Еще у него могли быть так называемые политические жены: это были иностранные

²⁰⁵ Эрман А. Жизнь в Древнем Египте. Пер. с англ. И. Петровской. М., 2011. Стр. 13

принцессы, которых присылали в Египет, чтобы их брак с египетским фараоном укрепил дипломатические союзы между странами. Третья группа жен состояла из танцовщиц и других женщин, поразивших воображение фараона и купленных для его гарема. На некоторых из этих женщин он женился, на других – нет, их детей он мог или признать своими наследниками, или нет»²⁰⁶.

Так, «Рамсес II имел двух великих «супруг царя», Нефтерте-мер-ен-мут и Эсет-нофрет; а заключив свой договор с царем хеттов, он привез домой в Египет дочь хеттского монарха тоже как жену. Несомненно, этот третий брак был вызван политическими причинами: союз с хеттской принцессой Рамауэр-нофр укреплал дружбу Рамсеса II с ее отцом, и фараон не мог дать дочери своего могущественного соседа звание ниже, чем имя законной жены»²⁰⁷. По мнению некоторых исследователей, в течение жизни у Рамсеса II было 20 жен и множество наложниц. В совокупности от них родилось более 170 детей – 111 сыновей и 67 дочерей.

²⁰⁶ Уайт Д. М. Боги и люди Древнего Египта / пер. с англ. Л. А. Клишиной – М., 2007, стр. 111.

²⁰⁷ Эрман А. Жизнь в Древнем Египте. Пер. с англ. И. Петровской. М., 2011. Стр. 11

Сексуальная жизнь фараона, как живого Бога, была очень важна для всего египетского народа, поскольку обильность урожая напрямую связывалась с его плодотворностью. Положение правителей Древнего Египта было таково, что они были воплощенными представителями богов среди людей и такими же представителями своего народа перед богами. Они жили как боги в мире, где проявление сексуальности и эротизма было их религиозным долгом. Так, фараон ежегодно участвовал в сакральной церемонии обеспечения урожайности, которая включала в себя ритуал его публичного мастурбирования и спермоизвержения в воды Нила.

Великие жены фараонов также всячески способствовали повышению плодотворности египетской земли. Многие из них – Нефертари, Нефрити, Клеопатра и другие – были эталонами женской красоты и сексуальной привлекательности. Их божественное происхождение и положение было призвано способствовать плодородию земель и процветанию царства. Вследствие этого призвания жены, сестры и дочери фараонов должны были проявлять завидную сексуальную активность, и, как правило, это их служение хорошо оплачивалось.

Геродот в своей «Истории» упоминал дочь фараона Хеопса, которую тот заставлял зарабатывать деньги проституцией: «Подлость Хеопса доходила до того, что, нуждаясь в деньгах, он поместил в публичный дом родную дочь и обязал ее зарабатывать определенную сумму денег. /.../ Дочь зарабатывала столько, сколько требовал отец, а для себя решила поставить памятник. С этой целью от каждого приходившего к ней мужчины она требовала подарить ей один камень на постройку. Мне говорили, что из так и именно камней сооружена пирамида, по величине средняя из трех, стоящая впереди большой пирамиды; каждая сторона ее имеет длину полтораста футов»²⁰⁸.

Вследствие сексуальной распущенности древних египтян проституция в этой стране процветала и была широко представлена во всех слоях общества. У того же Геродота мы

²⁰⁸ Геродот. История. В девяти книгах. Книга 2. Евтерпа. 126. Пер. Ф. Мищенко. М.: ЭКСМО; СПб.: Миград, 2008. Стр. 223

находим сообщения о знаменитых проститутках Древнего Египта по имени Родопис и Архидика: «Родопис доставлена была в Египет жителем Самоса Ксаифом для промысла телом, но ее выкупил за большие деньги митилец Харакс, сын Скамандронима, брат поэтессы Сапфо. Родопис таким образом была освобождена, но осталась в Египте и благодаря своим прелестям заработала большие деньги. /.../ Кажется, впрочем, в Навкратисе публичные женщины вообще прелестны; но публичная женщина, о которой теперь идет речь, так прославилась, что имя Родопис стало известно всем эллинам. Другая была позже ее, по имени Архидика; ее воспевали по всей Элладе, хотя говорили о ней меньше, нежели о первой»²⁰⁹.

²⁰⁹ Геродот. История. В девяти книгах. Книга 2. Евтерпа. 135. Пер. Ф. Мищенко. М.: ЭКСМО; СПб.: Миград, 2008. Стр. 226

Известный исследователь истории проституции доктор Е. Дюпюи приводил об Архидике следующий рассказ: «Один молодой египтянин, очень не богатый, так увлекся ею, что предложил ей за одну ночь любви все свое состояние. Архидика отвергла его предложение. Несчастный влюбленный умолял Венеру, чтобы она дала ему увидеть хоть во сне те ласки, в которых красавица ему отказывала, и его мольбы были исполнены богиней. Жадная куртизанка узнала об этом и пригласила своего воздыхателя к суду, требуя уплаты ей денег за это сладострастное сновидение. Но судьи прогнали Архидику и посоветовали ей выпросить у той же богини, чтобы она дала ей увидеть во сне то золото, которое она требует от своего любовника»²¹⁰.

Проституцией увлекались и находили вполне естественным извлекать доходы из своей красоты и самые знатные женщины Фив, Мемфиса и других городов. Прекрасная царица Клеопатра, например, за свои ласки получила от Гая Юлия Цезаря египетский престол, а от Марка Антония – несколько восточных провинций Рима.

Проституция, как и всякий другой вид сексуальной активности, не осуждалась, поскольку в основе своей содержала мистический культ поклонения Исиде – богине плодородия, обеспечивающей жизнь. Страбон сообщал о красивых девушках, которые предоставлялись египетскому божеству. Они отдавались ему через посредничество жрецов. Впоследствии этих девушек отдавали замуж.

В Египте даже существовало особое женское профессиональное сообщество «алмеи», что в переводе с арабского означало «ученый». Алмеи были певицами, танцовщицами и музыкантами. «Песни их были большей частью эротического содержания, и хотя они допускались на семейные торжества, они были, в сущности, куртизанками высшего полета. /.../ Жениться на них можно было без всякого стыда; против этого не протестовала ни мораль, ни, тем более, религия. Никакие

²¹⁰ Дюпюи Е. Проституция в древности. Кишинев: Логос, 1991. Стр. 36

празднества не обходились без них, не было пиров, которых они не украшали бы своим присутствием»²¹¹.

Таким образом, сексуальная привлекательность и такая же значимость выполнения детородной функции, как и служение богам, обеспечивало женщинам высокий социальный статус в Древнем Египте. Гробница первой жены Рамсеса II красавицы Нефтарти была посвящена богине чувственной земли – Хатор. В храме царицы Хатшепсут также находилось святилище этой богини. Там при раскопках была обнаружена коллекция деревянных фаллосов, которые, возможно, использовались женщиной-фараоном в магических ритуалах.

Всем правителям Верхнего и Нижнего Египта полагалось иметь многочисленный гарем. Например, в гареме фараона Аменофиса III находились около тысячи женщин, а управлял гаремом специально назначенный чиновник. Как правило, у фараона был не один гарем, а несколько походных, равномерно распределенных по всей длине Нила. В гаремах жили не только жены и наложницы фараона, но и их дети, а также близкие и дальние родственники правителя.

Попасть в гарем фараона было для египтянки высокой честью и большой удачей. В Древнем Египте обитательницы гаремов фараона или его вельмож обладали не только определенными обязанностями, но и весьма обширными правами. Женщины из гарема могли иметь собственные поместья, получать с них доход, могли быть хозяйками ткацких мастерских и руководить производством.

Как правило, жены в семьях и гаремах прекрасно ладили между собой. А. Эрман сообщает о типичных отношениях между женами в семье одного из знатных вельмож при дворе фараона: «Амони, "великий человек юга", умерший, вероятно, в начале царствования Аменемхета II, имел двух жен. Одна в начале царствования Аменемхета II, имел двух жен. Одна из них, которую звали Небет-сохет-энт-Ра (а обычно называли Небет), возможно, была его племянницей. Она родила ему двух сыновей и двух дочерей. От другой жены, Хнут, у него не

²¹¹ Дюпюи Е. Проституция в древности. Кишинев: Логос, 1991. Стр. 39

сомненно, было три дочери и один сын. Одно любопытное обстоятельство показывает нам, что две жены были подругами: госпожа Небет-сохет-энт-Ра назвала свою вторую дочь именем Хнут, а госпожа Хнут простерла свою учтивость так далеко, что назвала всех трех своих дочерей именем Небет-сохет-энт-Ра».

Однако бывало, что случались и серьезные скандалы, поскольку полигиния способна провоцировать состояния зависти и ревности, приводящие к интригам и заговорам. Так, в эпоху XX династии в походном гареме фараона Рамсеса III был раскрыт заговор с целью похищения на его жизнь и возведения на трон одного из его сыновей. Воспользовавшись смертью четверых сыновей от старших жен, второстепенная жена Тия возглавила заговор, к которому примкнули другие жены, 29 придворных и несколько военачальников. «Когда заговор был раскрыт, Рамсес приказал одному из своих сыновей покончить с собой, и казнил 6 женщин и 40 мужчин, включая главного смотрителя гарема, командира лучников, хранителя опахала и своего камердинера»²¹².

Многоженство в основном было распространено только среди обеспеченных слоев египетского общества. Основная часть населения довольствовалась моногамными отношениями. Мужчины вступали в брак в возрасте около 20 лет, девушки раньше, иногда даже в 14 лет. Мужей и жен детям подбирали родители – обычно того же происхождения и социального статуса. Брак заключался на основе договора, а развод был свободным. Дети наследовали имущество поворну, дочери получали наследство наравне с сыновьями. В египетском праве существовал институт завещания. И отец, и мать имели право свободного посмертного распоряжения своим имуществом.

Каждый египтянин, как глава семьи, должен был иметь свой собственный дом, будь то дворец или жалкая лачуга. Полятия «построить дом» и «взять жену» были для египтян синонимами и обозначались одним иероглифом. Некоторые исследователи даже утверждают, что жениться или выйти замуж

²¹² Уайт Д. М. Боги и люди Древнего Египта. Пер. с англ. Л. А. Калашниковой. М., 2007. Стр. 166

тогда было долгом любого египтянина. Таким образом, брак в Древнем Египте воспринимался как основа благополучия всей будущей жизни человека.

Простые египтяне жили столь же чувственной и эротичной жизнью, как и фараоны. Археологические раскопки 1905-1947 годов в поселении строителей храма Хатхор Деир Эль-Медине обнаружили массу артефактов, свидетельствующих о частной жизни Древних египтян²¹³. Отрывки поэзии и рисунки, найденные в этой деревне, предполагают, что интимные отношения ее жителей были открытой и естественной частью их жизни.

На кладбище Деир Эль-Медина есть усыпальница самых богатых жителей деревни. В одной из них были обнаружены останки архитектора Каа и его жены Мерит. Находки из этих захоронений свидетельствуют о том, что средний класс стремился подражать образу жизни фараонов. И мужчины, и женщины носили огромное количество украшений. Красота и привлекательность супругов должна была способствовать их плодovitости и росту благополучия семьи. Семейные отношения, не обеспечивающие увеличения благосостояния, не имели смысла. Очевидно, исходя из данного положения, у египтян сформировался обычай «пробного» брака, когда мужчина мог создать временную семью, взяв жену «на год кормления». Если после года совместной жизни супруги понимали, что не подходят друг другу или не могут иметь детей, они могли расторгнуть брак в соответствии с брачным договором «годового кормления».

Тексты древних папирусов содержат сведения о том, что, несмотря на решающее слово родителей при заключении брака, мнение жениха и невесты также имело существенное значение. В вопросах создания семьи молодые люди пользовались значительной свободой и могли жениться по любви. Джон Менчш Уайт полагает, что «браков по любви заключалось столько же, сколько и браков по расчету или велению родителей»²¹⁴.

²¹³ Жак К. В стране фараонов. М., Гелиос, 2008

²¹⁴ Уайт Д. М. Боги и люди Древнего Египта. Пер. с англ. Л. А. Калашниковой. М., 2007. Стр. 167

Отношения взаимной любви находили свое отражение в любовной лирике Древнего Египта. Стихи и песни слагали как влюбленные юноши, так и девушки, не боявшиеся выражать свои чувства.

Твоей любви отвергнуть я не в силах.
 Будь верен упоению своему!
 Не отступлюсь от милого, хоть бейте!
 Хоть продержите целый день в болоте!
 Хоть в Сирию меня илетьми гоните,
 Хоть в Нубию – дубьем,
 Хоть пальмовыми розгатам – в пустыню,
 Иль тумакатам – к устью Нила.
 На увещанья ваши не поддамся.

В дошедших до нас египетских сказках часто описывались ситуации, когда влюбленным приходилось проходить испытания и преодолевать преграды, чтобы добиться своего счастья. Так известна древнеегипетская сказка о бедной девушке по имени Родопис, записанная античным историком Страбоном в I веке до нашей эры. Родопис была рабыней у египтянина, который был добрым человеком, но не замечал, что его злые дочери постоянно третируют бедную девушку. Однажды фараон

Ямос I пригласил египетский народ на праздник в Мемфис. Родопис очень хотела пойти туда, но дочери хозяина не пустили ее и заставили работать. Когда она стирала одежду на берегу реки, бог Гор, воплотившийся в сокола, похитил ее розовую туфлю и бросил ее перед фараоном в Мемфисе. Фараон, увидев в этом знаке волю богов, отправился на поиски владелицы туфельки. Преодолев множество преград, он, в конце концов, нашел Родопис и взял ее в жены. Спустя три с лишним тысячи лет схожий сюжет был представлен Шарлем Перро в сказке о Золушке.

Многочисленные сохранившиеся настенные росписи, скульптурные изображения и любовные стихи говорят о большом значении любви в отношениях супругов друг к другу. «В надписях эпохи Древнего царства воздается хвала жене, “почитаемой ее мужем”, а в старинной книге мудрых изречений наместника Птаххотепа утверждается, что мудр тот, “кто основывает для себя дом и любит свою жену”²¹⁹».

Если ты склонен к добру, заведи себе дом.
 Как подобает, его госпожу возлюблю.
 Чрево ее насыщай, одевай ее тело,
 Кожу ее умащай благовонным бальзамом,
 Сердце ее усладжай, поколе ты жив!

Она – превосходная пашня для своего господина.

Исторические документы содержат мало сведений о свадебных обрядах в Древнем Египте. Известно, что невеста входила в дом жениха со своим приданым, которое в дальнейшем составляло часть ее имущества. В семейный бюджет египетской семьи муж вносил две трети общего имущества, жена – одну. После кончины одного из супругов второй мог распоряжаться всем имуществом, но продавать или дарить мог только свою долю.

Брак, вероятно, регистрировался в так называемых «Домах жизни» – центрах духовной жизни египтян, в которых писцы и жрецы составляли и хранили записи и документы. После свадьбы женщина получала имя своего мужа. Обязательным элементом брачной церемонии знатных египтян было палом-

²¹⁹ Эрман А. Жизнь в Древнем Египте. Пер с англ. И. Петровской. М. 2011. Стр. 10

ничество молодоженов в храм Абидос. При совершении обряда паломничества муж и жена всегда шли вместе. Брачный обряд и празднество заканчивались поздно вечером, когда молодожены уходили в супружеские палаты, а писцы, жрецы и гости расходились по домам.

Пышность церемонии бракосочетания, как правило, зависела от экономического состояния семей жениха и невесты. Свадьбы богатых людей обычно не обходились без гостей из разных стран, а свадьба фараона или его детей была важным событием для всей страны и праздновалась с особой пышностью. Свадьбы простолудинов ограничивались сравнительно небольшим кругом родственников и соседей.

Отношения в египетской семье основывались на признании ценности взаимной привязанности, супружеской верности и родительской любви.

Настенные росписи часто изображают супругов вместе. Сюжеты росписей отражают, как жена помогает мужу управлять домашним хозяйством, сопровождает его в охотничьих поездках на лодке, как она и дети любят птиц, когда он ловит сетью птиц. Часто встречаются изображения, когда муж и жена держатся за руки и обнимают друг друга, а дети жмутся к родителям или держатся за их одежды. Археологи нашли статуэтки времени правления Эхнатона, на которых царица сидит на коленях у фараона.

Характеристика добрых отношений супругов в Древнем Египте красноречиво засвидетельствована в тексте Палифруса № 371, хранящегося в Лейденском национальном музее древностей в Нидерландах. Содержанием текста является письмо одного мемфисского сановника к своей умершей жене, в котором изложена просьба забыть его от ее смертных «преследований». Очевидно, после смерти своей жены этот человек заболел, и жрецы сказали ему, что причиной его несчастья может быть гнев умершей жены. Тогда он написал полноескорбь письмо ее «мудрой душе» и положил это послание на ее могилу в надежде умилоствовать жену.

В письме он пишет: «Какое зло причинил я тебе, что должен был оказаться в этом отвратительном положении? Что я сделал тебе такого, чтобы ты наложила на меня свою руку, когда тебе не было сделано никакого зла? С того времени, как я стал твоим мужем, и до сих пор разве я сделал что-нибудь, что должен скрывать от тебя? Ты стала моей женой, когда я был молод, и я был с тобой. Меня назначали на всевозможные должности, и я был с тобой; я не покидал тебя, я не причинял твоему сердцу никакого горя... Когда я командовал пешими воинами фараона и его колесничными воинами, я устроил так, чтобы ты приехала, и они падали в поклоне перед тобой, и они приносили тебе всевозможные хорошие вещи в подарок... Когда ты была больна поразившей тебя болезнью, я пошел к главному врачу, и он приготовил для тебя лекарство, он делал все, что он, по твоим словам, должен был делать. Когда я должен был сопровождать фараона в его поездке на юг мой

мысли были с тобой, и я трювел эти восемь месяцев, не забываясь о том, чтобы есть или пить. Когда я вернулся в Мемфис, я уприсил фараона и взял тебя к себе, и я сильно оплакивал тебя со своими людьми перед моим домом»²¹⁶.

Конечно, супружеские отношения у древних египтян не были безмятежными и радужными. Постоянно растущее социально-экономическое значение мужского статуса в обществе неизбежно вступало в противоречие с довольно высоким и относительно независимым положением женщин. Так, наряду с пережитками матриархата в египетских семьях утверждались и типично патриархальные порядки. По многим вопросам мужчина был полновластным хозяином, в то время как женщина оставалась практически бесправной.

В устных и письменных литературных произведениях Древнего Египта четко просматривается тенденция принижения женщин. В различных поучениях и наставлениях их называли копилкой недостатков, мешком разнообразных хитростей и изображали как неустойчивых, глупых, легкомысленных и порочных болтуний, не умеющих хранить верность своему мужу. Во многих сказках женщина описывалась как неверная лицемерка, в то время как мужчина был предан семье, заботлив, верен и благороден. Так, сказка «О двух братьях» повествует о неверной жене египтянина по имени Анупу. Хитрая жена, изменив мужу, оклеветала его родного брата Бату, чтобы спасти себя. Анупу убил своего брата, но потом, узнав всю правду, убил жену, а ее тело бросил на съедение львам.

Другие письменные источники также свидетельствуют, что супружеские измены были достаточно распространенным явлением в Древнем Египте. Так, известен папирус с текстом обвинительного письма египтянина Хеканакха своему другу: «Ты, кто ел и пил в моем доме, и был как брат мне... ты вонзил стрелу в живот мне, сойдясь с женой моей на ложе». В Книге бытия описан случай домогательства управляющего домом Иосифа со стороны хозяйки дома – жены Потифара:

²¹⁶ Эрман А. Жизнь в Древнем Египте. Пер. с англ. И. Петровской. М., 2011. Стр. 10-11

«И обратила взоры на Иосифа жена господина его, и сказала: спи со мною»²¹⁷.

Закон защищал семью и регулировал отношения супругов. Муж имел полное право бить свою жену (как и брат – сестру), но так, чтобы не было тяжелых увечий. За нанесение тяжелых увечий следовало наказание: обвиняемый должен был дать клятву при свидетелях, что больше не тронет свою вторую половину. В противном случае он получал 100 плеточных ударов и лишался права на совместно приобретенное имущество.

В случае супружеской неверности жена могла быть подвергнута очень жестокому наказанию. Если факт измены был доказан и предан огласке, то неверную египтянку предавали смерти. Тот мужчина, с которым жена изменяла мужу, разделял ее судьбу. Свидетельства о таких порядках обнаружены в многочисленных судебных документах и литературном творчестве древних египтян. В сказке «Царь Хеопс и волшебники» описывается история главного херихеба (жреца или советника фараона) по имени Убаоне, жена которого изменяла ему вместе с неджесом (простолодином). Когда ее преступление было обнаружено, по распоряжению фараона неджеса бросили на съедение крокодилам, а жену херихеба сожгли в поле за городскими стенами. Мужские измены, как правило, оставались безнаказанными и редко подвергались осуждению.

При господстве моногамных отношений мужчина мог иметь в своем доме не только жену, но и несколько любовниц. Только в IV-III веках до н. э. в Египте стала ограничиваться сексуальная свобода мужчин. В документах того времени указывалось, что жена не должна бесчестить мужа, а супруг – брать в дом наложниц и заводить внебрачных детей. Борьба с распутством велась довольно жесткими средствами. Диодор Сицилийский, рассматривая нормы древнеегипетского права, говорит: «(4) Строги у них были законы в отношении женщин. Если кто изнасиловал свободную женщину, то предписывалось жечь ему половой орган, потому что полагали, что он одним преступным деянием совершил сразу три великих преступления: оскорбление, растление и вред потомству. (5) Если же кто то впал в прене»

²¹⁷ Библия. Первая книга Моисеева. Бытие, гл. 39. 7

любодеяние, то мужчине полагалась тысяча ударов палкою, а женщине урезали нос, полагая, что разукрасившуюся для незаконного соития следует лишить того, что украшает ее»²¹⁸.

Основной функцией древнеегипетской семьи, несомненно, было продолжение рода. «Всех рожденных детей обязательно выкармливали, ради большого количества населения, поскольку это очень способствует процветанию страны и государства, и при этом ни одного ребенка не считали внебрачным, даже если он рожден от матери-рабыни. (4) Да и вообще, полагали, что только отец ответствен за рождение, а мать дает плоду питание и вместилище, и плодородные деревья они называют мужскими, а не приносящие плодов – женскими»²¹⁹.

Таким образом, для мужчины наличие детей было доказательством его социальной полноценности. Свою мужественность он мог доказать фактом усыновления или воспитания ребенка. Женщина была обязана вынашивать и рожать детей для подтверждения своей значимости. Исходя из этого положения, беременность для древнеегипетских женщин имела большое значение. По свидетельству Диодора, беременных женщин, приговоренных к смертной казни, не умерщвляли, пока они не родят, поскольку вина возлагалась исключительно на беременную, а ребенок был общим и для матери, и для отца²²⁰.

Способность рожать означала благополучие и счастье в жизни. Будущие матери пользовались уважением общества и одобрением своих мужей. Для мужчин количество детей в семье было доказательством их силы и мужественности. Дети были предметом их гордости, поэтому типичная египетская семья была многодетной. Появление каждого нового ребенка было большим семейным праздником. Рождение детей регистрировалось в «Доме жизни».

²¹⁸ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга 1, гл. 78 (4, 5).

²¹⁹ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга 1, гл. 80 (3, 4).

²²⁰ Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга 1, гл. 77 (9, 10).

Страбон писал об отношении к детям в Древнем Египте. Согласно его записям каждая семейная пара обязана была вырастить всех рождавшихся у них детей. «Один из наиболее ревностно соблюдаемых египтянами обычаев следующий: они выкармливают всех новорожденных детей; также подвергают обрезанию мальчиков, а девочек – вырезанию»²²¹. Несмотря на то, что уровень рождаемости в Древнем Египте был очень высок, он незначительно превышал уровень детской смертности.

Детей в египетских семьях очень любили и заботились о них. При археологических раскопках исследователи довольно часто находили детские игрушки – куклы, шары, механические устройства.

В младенчестве ребенок почти не расставался с матерью, она три года кормила его грудью и носила за плечами в сумке на лямках. Согласно Диодору Сицилийскому, дети не были большой обузой для своих родителей. В малом возрасте они обходились без одежды и обуви. Мальчики носили ожерелье на шее, а девочки гребень в волосах и поясок на талии. Питание детей было достаточно скромным. В основном это была растительная пища – сырые или вяленые стебли и корни папируса²²². Отношение ко всем детям в семье было равно заботливым, они все были желанными, но рождение мальчика, будущего наследника, было особо важным событием. Рождение сына было большим праздником для родителей, так как его основной обязанностью в те времена было достойно похоронить своего отца и позаботиться о его гробнице.

В детстве мальчики учились ремеслу своего отца, посещали школу, где обучались письму, счету, религии или военному делу. Образованный юноша мог продвигнуться на государственной службе, даже если он происходил из небогатой семьи.

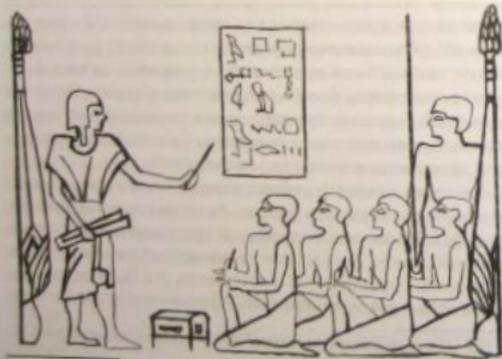
Девочек обучали дома. Как правило, это были обязательные занятия музыкой и танцами. Их также могли обучать чте-

²²¹ Страбон. География Книга XVII. Пер. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1963. Стр. 824.

²²² Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Книга 1, гл. 80 (5).

нию, письму и математике. Впоследствии женщины могли при желании приобретать и профессиональные знания, необходимые для получения должности писца. В Эпоху Нового Царства женщины-писцы служили при храмах, их нанимали в знатные дома для помощи хозяйке в управлении имуществом. Женщинам также удавалось получить профессию врача. Первая в истории женщина-врач – Песечет практиковала в Мемфисе в III тысячелетии до н. э.²²³

Вступая в подростковый возраст, все дети получали свою первую одежду. Для этого существовал специальный день. Воспитатели всех детей знатных родителей хорошо помнили момент, когда они помогали своим воспитанникам облачиться в одежды. Девочкам выдавалось платье, мальчикам – набедренная повязка. Как правило, этот день считали большим праздником, он совпадал с первым днем занятий в школе. Однако школу могли посещать лишь дети знатных и состоятельных родителей. Что касается детей простолюдинов, то они учились дома, постепенно осваивая ремесло своих родителей.

²²³ К. Дерош-Ноблаккур Жизнь на земле фараонов. Курьер ЮНЕСКО, № 10, Октябрь 1988

Те, кто были помладше, пасли скот и помогали по дому, а кто постарше, те работали на полях. Детей фараонов и знати, как правило, воспитывали кормилицы, придворные ученые, воины или жрецы. Так, дочь женщины-фараона Хатшепсут, Нефрура, воспитывалась фаворитом матери, одним из величайших архитекторов того времени – Сенен-Мутом.

Семья была первичной ячейкой воспитания и обучения, а их целью была подготовка к деятельности, которой традиционно занимались члены семьи. Свою профессию передавали детям жрецы, музыканты, ремесленники и т. д. Школа в Древнем Египте возникла как семейный институт. Чиновник или жрец обучал сына, который впоследствии должен был сменить его на той или иной должности. Позже в таких семьях появлялись небольшие группы учеников. Впоследствии школы стали образовываться при храмах, дворцах царей и вельмож. Обучали в них с пяти лет. Поначалу ученик должен был научиться правильно и красиво писать и читать, затем – составлять деловые бумаги, соблюдая соответствующий стиль. Для овладения грамотой ученику следовало запомнить не менее 700 иероглифов.

Нравственное воспитание в Древнем Египте осуществлялось по преимуществу через переписывание и заучивание древних текстов, содержащих образцы морального поведения. Например: «Я творил истину ради ее владыки, я удовлетворял его тем, что он желает: я говорил истину, я поступал правильно, я говорил хорошее и повторял хорошее. Я рассуждал сестру и я говорил хорошее и повторял хорошее. Я спасал несчастного от двух братьев, дабы примирить их. Я спасал несчастного от более сильного... Я давал хлеб голодному, одеяние нагому. Я перевозил на своей лодке не имеющего ее. Я хоронил не имеющего своей лодки. Я уважала своего... Я сделал лодку не имеющему своей лодки. Я уважал отца моего, я был нежен к матери. Я воспитал детей их».

Серьезные конфликты между родителями и детьми в Древнем Египте происходили крайне редко, но если таковые случались, то могли иметь самые тяжелые и трагические последствия. О подобных явлениях свидетельствуют статьи законов, упоминаемые Диодором: «(7) Родителям, убившим детей, за

коны не предусматривали смерти, а следовало, чтобы они непрерывно, в течение трех дней и ночей, пребывали, обнимая убитого, в присутствии государственной стражи; дело в том, что они считали несправедливым лишать жизни тех, кто дал ее детям, но подобным наставлением, вызывающим скорбь и раскаяние, отвратить от подобных деяний. (8) Но для детей, убивших своих родителей, предполагалось совсем иное наказание: следовало, чтобы виновникам этого преступления отсекали куски тела, длиной в палец, затем сжигали на колючках заживо; ибо египтяне полагали величайшим из совершаемых человеком преступлений насильственное лишение жизни тех, кто дал им жизнь»²²⁴.

Дети в любом возрасте были обязаны с великим почтением относиться к своим родителям и проявлять заботу о них до конца их жизни, и особенно после смерти. Сын должен был обеспечить жизнь имени своего отца. Для этого требовалось поддерживать в хорошем состоянии отцовскую гробницу и приносить там положенные жертвы в дни праздников. Тексты папирусов сообщают о том, как благочестивые сыновья выполняли эти священные обязанности. Так, папирус номарха Хнемхотепа содержит его отчет о выполнении сыновнего долга: «Я сделал так, что имя моего отца увеличилось, установил место для его посмертного почитания и выделил для этого поместье. Я сопровождал в храм мои статуи (то есть статуи членов своей семьи в дни шестивий). Я подносил им дары – чистый хлеб, пиво, растительное масло и благовония. Я назначил похоронного жреца и наделил его землей и работниками. Я выделил дары для умерших на каждый праздник, который проходит в некрополе»²²⁵.

Не меньшим было и почтение, проявляемое по отношению к матери. Об этом свидетельствуют следующие факты: «В гробницах эпохи Древнего царства мать умершего, как пра-

²²⁴ Диодор Сицилийский Историческая библиотека. Книга I, гл. 77 (4.5).

²²⁵ Эрман А. Жизнь в Древнем Египте. Пер. с англ. И. Петровской, М., 2011. Стр. 15.

вило, бывает изображена вместе с его женой, а отец редко появляется на рисунках. На похоронных досках более позднего времени тоже обычно указывали родословную умершего по материнской линии, а не по отцовской»²²⁶.

Обязанности заботы об умерших родителях наследовались по прямой линии от одного главы семейства к другому. Но подобный долг был и у других членов семьи, даже в более поздних поколениях они тоже должны были поддерживать установленный культ и в праздничные дни оказывать почести своим предкам.

Если дети не выполняли своего долга по отношению к родителям при их жизни, те могли лишиться их наследства. Так, один из древних папирусных текстов сообщает о таком решении престарелой матери по имени Наунахт: «Я – свободная женщина Египта. Я вырастила восемь детей и обеспечила их всем необходимым для начала их взрослой жизни. Но теперь я постарела и созреваю, что мои дети не заботятся обо мне больше. Поэтому я передам мою собственность тем, кто позаботился обо мне, и не дам ничеготем, кто пренебрегнул мной».

Древние папирусы сохранили педагогические наставления о воспитании детей: «Не предпочитайте одного ребенка другому; неизвестно, который из них отнесется к вам по-доброму».

Таким образом, можно сделать заключение что семейные отношения в Древнем Египте были переходной формой от матриархата к патриархату и сочетали в себе свойства эндогамного и экзогамного браков. Политические отношения существовали с моногамными, а моральные предписания не были строгими и предполагали большую степень сексуальной свободы. Родительско-детские отношения в семьях Древнего Египта были достаточно либеральными и не были основаны на деспотизме отцов, как в других культурах данного региона

²²⁶ Эрман А. Жизнь в Древнем Египте. Пер. с англ. И. Петровской, М., 2011. Стр. 14.

Семья в Древней Иудее

Древние евреи были выходцами из семитских кочевых племен, поселившихся в Месопотамии. Наиболее прямыми предками древних евреев считаются племена хабири, которые стали появляться в Палестине и в соседних странах начиная с середины II тысячелетия до н. э. Позже некоторые из этих племен перекочевали в Египет, где бы и поработены египтянами. После бегства из Египта древнееврейские племена дошли до страны Ханаан (Палестина). Библейские легенды сохранили поздние воспоминания о завоевании Палестины древнееврейскими племенами. Местные племена хананеев и филистимлян оказывали им упорное сопротивление. На захваченных землях образовалось государство Израиль, от которого в 925 г. до н. э. отделилось самостоятельное царство Иудея. В 722 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II разрушил столицу Израила – Самарию, пленил израильский народ и увел значительную его часть в Ассирию. В итоге Израиль прекратил свое существование. В 586 г. до н. э. вавилонский царь Навуходоносор II захватил столицу иудеев – Иерусалим и увел пленников в Вавилонию. Спустя 48 лет, в 538 г. до н. э., персидский царь Кир II отпустил еврейский народ на свободу.

Во II тысячелетии кочевые племена древних евреев жили в условиях родового строя. Основной социальной ячейкой у них был род – мишаха, который был основан на кровном родстве и существовал самостоятельно, как нераздельная единица. Переход от кочевого скотоводства к оседлому земледелию был тесно связан с установлением родового общинного землевладения. Земля и рабы находились в общем владении у всего рода. Так я первоначальная общинная собственность местами сохранялась вплоть до царского периода.

Общие дела рода обсуждались на совете всех членов общины, среди которых царило полное равенство и круговая порука. Согласно древнему обычаю кровной мести весь род был обязан мстить за убитого родича, и лишь позднее эта кровная месть стала обязанностью одного ближайшего родственника.

На прочность древних родовых связей указывает и традиционное для той эпохи наказание – изгнание из племени, которое лишало человека помощи и поддержки родичей.

У древнееврейских племен в течение долгого времени сохранились пережитки матриархата. Например, неоспоримым было право матери давать имя ребенку и таким образом присоединять его к своей родовой группе. Женщина после свадьбы оставалась в роду матери, и семейная палатка считалась ее собственностью, а муж мог только «входить» к своей жене. Следы пережитков матриархата отражались и в языке. Например, слово «рехем» обозначало одновременно «материнскую утробу» и «потомство». Слово «аума», происходящее от «аэм» (мать), обозначало понятие «род».

С развитием средств производства и установлением новых производственных отношений, приводивших к появлению избыточного обменного продукта, материнское право стало вытесняться отцовским²²⁷, а с появлением личной собственности

227 Осницкий А. В. «Становление семейных отношений в доисторическую эпоху»

начала формироваться и укрепляться патриархальная семья. Прочной социально-экономической ячейкой становился дом отца – «бет-аб».

Традиции и состояние патриархальной семьи нашли свое отражение в законодательстве Моисея. В состав семейной общины входили не только родители и дети, но и многочисленные внуки и правнуки. Все они считались детьми одного дома. Однако взрослые дети могли жить с женами и детьми в своих домах, которые входили в состав семьи.

Членами большой патриархальной семьи считались также рабы. Рабство в Иудее сохраняло древний патриархальный характер. Попастъ в рабы можно было или по договору, или в наказание, или пленением, или рождением от рабов. Рабство в отношении соплеменников-евреев могло быть только срочным: не более, чем на шесть лет или до наступления особого, «юбилейного» года. Строго запрещалось плохое отношение к рабам. Искалеченный раб автоматически получал свободу.

Священные древнееврейские тексты Торы – пятикнижия Моисея (Моше) говорят об этом так: «Если ударит человек раба своего или рабыню в глаз и повредит его, то должен он отпустить раба этого на волю за глаз его. И если он зуб раба своего или рабыни выбивает, пусть отпустит его на волю за зуб его»²¹⁹.

Рабы сохраняли частичный правовой статус: они могли жениться и уходили на свободу вместе с семьей (если жена не дадена прежним хозяином), рабыни могли идти замуж на условиях их последующего выкупа мужем. Шестилетний срок использования труда рабов-евреев специально оговаривался Божими заповедями, данными народу через Моисея: «Если купишь раба-еврея, шесть лет он будет служить, а на седьмой выйдет на свободу без выкупа»²²⁰.

Правда, данная заповедь распространялась исключительно на мужчин. Тора говорит об этом вполне ясно и недвусмысленно: «А если человек продаст свою дочь в рабство, не выйдет

²¹⁹ Тора, Книга Шмот, мишпатим, XXI, гл. 21 (26,27).

²²⁰ Тора, Книга Шмот, мишпатим, XXI, гл. 21 (2).

она на свободу так, как выходит рабы»²²¹. Данное положение женщины объясняется тем, что еврейка в Древнем Израиле ни при каких обстоятельствах не могла быть обращена в рабство в общепринятом смысле этого слова. Данный закон Торы, по мнению бывшего главного раввина британской империи доктора Йосефа Цви Герца, относился к несовершеннолетним девочкам, которых отцы отдавали в чужой дом, чаще всего в услужение. Получая от хозяина деньги за будущую работу своей дочери, отец фактически заключал ее брак с ним. Совершались подобные сделки нечасто, и могли быть оправданы только вынужденными чрезвычайными семейными обстоятельствами²²¹. Как правило, большая еврейская семья, представлявшая собой подобие родовой общины, могла предотвратить появление подобных экстремальных обстоятельств.

Типичным примером большой древнееврейской общины была семья Иакова, которая после его смерти разделилась на двенадцать колен, образованных его сыновьями, и создавшими основу древнего еврейского народа²²². Каждое колено представляло собой отдельное целостное объединение. Придя в землю обетованную, все колена, за исключением Левитина, получили землю в соответствии с количеством семейств. Каждая семья обладала отдельным участком, но собственность на землю принадлежала всему колону и могла перераспределяться только внутри его.

Строгий запрет на отчуждение и передачу земли в собственность другого колена значительно ограничивал возможности женщин в наследовании удела и выборе сурруга. Об этом свидетельствуют тексты Торы. Так, в четвертой книге Моисея «Бемидбар» говорится, что закон предусматривал: «чтобы удел сынов Израилевых не переходил из колена в колена; ибо каждый из сынов Израилевых должен быть привязан к уделу колена отцов своих; и всякая дочь, наследующая удел

²²⁰ Тора, Книга Шмот, мишпатим, XXI, гл. 21 (7).

²²¹ Тора, комментарий Д-ра Й. Герца к Книге Шмот Тора, Москва, Иерусалим, 2001. Стр. 410, 411

²²² Тора, Книга Брейшит, ваехи, XIVIII, гл. 49 (1-28)

в коленях сынов Израилевых должна быть женою кого-нибудь из племени колена отца своего»²³³.

Во главе каждой семьи стоял отец, который был ее представителем во вне и распорядителем порядка внутри. Ему принадлежала неограниченная власть над всеми членами семьи, включая право продажи детей в рабство. Отец имел право убить своего ребенка и даже своего внука.

Примером данного права служит упоминание о жертвоприношении Авраама²³⁴. В Торе и библейских текстах также упоминается событие, в котором глава семьи – Иегуда (Иуда) осуждает на смерть свою невестку Тамар (Фамарь). Книга «Брейшит» повествует об этом так: «Месяца через три сообще-

²³³ Тора, Книга Бемидбар, барсый, XXXVI, гл. 36 (6, 7, 8)
²³⁴ Тора, Книга Брейшит, ваера, XXII, гл. 22 (1-12)

щено было Иегуде так: "Развратничала Тамар, невестка твоя, и даже зачала она от разврата". И сказал Иегуда: "Выведите ее, и да будет она сожжена"²³⁵. В более поздние времена власть отца была ограничена, и он уже не мог лишать детей жизни.

Отец должен был следить за порядком наследования имущества и статусного положения членов семьи. Он был обязан содержать незамужних сестер, малолетних братьев и племянников, заботиться о воспитании и обустройстве их дальнейшей жизни. Одной из основных обязанностей его было: «посредством законного брака с женою бездетно умершего [родственника] воспроизвести сына, который бы мог продолжать род умершего»²³⁶. Такая левиратная обязанность наступала для главы семейства в случае отсутствия у него других сыновей – братьев умершего или в случае их отказа от брака с вдовой. Продолжение рода обеспечивало непрерывное почитание предков и сохранение памяти о них среди племен народа израильского.

На отце семейства также лежала обязанность освобождения родственников, попавших в плен к чужеземцам. В Торе упоминается о захвате племянника Авраама – Лота и его семьи. Данный эпизод свидетельствует о существовании древней родовой круговой поруки и обязанности отца и всех членов его семьи приходить на помощь сородичам. «И когда услышал Аврам, что родственник его пленен, выстроил он своих воспитанников-домочадцев, 318 человек, и погнался до Дана. Ночью он бросился на них враспынную, сам и рабы его, и бил их, и преследовал до Ховы, что к северу от Дамаска. И возвратил все достояние, возвратил и родственника своего Лота, с достоянием его, а также женщин и народ»²³⁷.

В случае обращения в рабство за долги глава семейства был обязан выкупить своего обедневшего родственника и все его имущество. Священным долгом главы семейства было пресле-

²³⁵ Тора, Книга Брейшит, ваешев, XXXVIII, гл. 38 (24)
²³⁶ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М., URSS, 2012.

²³⁷ Тора, Книга Брейшит, лех леха, гл. 14 (14-16)

дование и месть убийцы ближайшего родственника. Обязанность мести включала в себя не только убийство, но и любое нанесение физического ущерба. Этой обязанностью определялся обычай эквивалентности возмездия, упоминающийся в Торе: «если же случится несчастье, то отдашь душу за душу, глаз за глаз, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу, ожог за ожог, рану за рану, ушиб за ушиб»²³⁸.

Обычай кровной мести у древних евреев исполнялся чрезвычайно строго, и заменить его каким-либо откупом или другой материальной компенсацией было практически невозможно. Винового могло спасти исключительно то обстоятельство, что убийство было совершенно не умышленно, а по неосторожности. В этом случае виновный мог укрыться от мести родственников в одном из шести свободных городов, расположенных по три на восточном и западном берегу Иордана, или в 42 городах – святилищах колена левитина, под защитой священников. Священники и власти свободных городов были обязаны провести расследование, дабы убедиться в том, что убийство было совершенно действительно без злого умысла и по неосторожности. Убедительными аргументами в пользу невиновности человека могли быть доказательства того, что подозреваемый не был врагом убитого, и что гибель последнего произошла в результате несчастного случая. В противном случае священники или старейшины города должны были выдать виновного мстителю для совершения законной расправы. Если убийца оказывал сопротивление, он мог быть убит прямо у алтаря храма.

В случае невиновности в умышленном убийстве человеку были гарантированы убежище и защита в пределах городской общины. За ее пределами он мог быть безаказанно умерщвлен. В книге «Дварим» Священной Торы так повествуется об установлении этого закона Всесильным Богом: «Я повелеваю тебе так: три города отдели себе. А когда расширит Бог Всесильный твои границы твои, как обещал дать отцам твоим, /.../ то прибавишь себе еще три города к трем этим. Да не будет пролита кровь невинного в стране твоей, которую Бог

²³⁸ Тора. Книга Шмот, миспатим, XXI, гл. 21 (23-25)

Всесильный дает тебе в удел, и не будет на тебе крови. Но если будет человек врагом ближнему своему, и подстергнет, и набросится на него, и убьет его, и убежит в один из этих городов, то пусть пошлют старейшины его города, и возьмут его оттуда, и отдадут его в руки кровомстителя, чтобы он умер. Не жалея его»²³⁹.

Преследование со стороны родственников убитого по неосторожности было ограничено также сроком служения первосвященника. С вступлением в должность нового первосвященника виновный мог спокойно возвращаться в свой дом и не бояться за свою жизнь.

Исходя из данных обязанностей главы семейства, статус отца наследственно закреплялся за его первородным сыном от законного брака с первой женой. Главное преимущество, связанное с первородством, состояло в получении вдвое большей части наследства, чем у остальных братьев. Данное преимущество было для первородного сына материальной компенсацией за его будущую заботу о родственниках в качестве главы семьи.

Право первородства не могло быть нарушено произвольным решением отца. Однако Тора в книге «Брейшит» указывает на один пример исключения из этого правила. Прав первородства был лишен сын Иакова – Рувим, за сожительство с наложницей своего отца Валлой. Первородство было передано другому сыну Иакова – Иуде с условием, чтобы тот не был записан первородным. Разделяя свою семью на двенадцать колен израилевых, Иаков, обращаясь к сыновьям, говорил: «Соберитесь, и я сообщу вам, что случится с вами в грядущие времена. Сойдитесь и послушайте, сыны Иакова, и послушайте Израэля. Отец вашего. Реувен, первенец ты мой! Крепость моя и начаток силы моей, избыток величия и избыток могущества. Стремительный же как вода, не будешь иметь преимущества, ибо ты вззошел на ложе отца твоего, осквернил тогда восходившего на постель мою, /.../ Тебя Иегуда, восхвалят братья твои. Рука твоя на хребте врагов твоих; поклонятся тебе сыны отца твоего»²⁴⁰.

²³⁹ Тора. Книга Дварим, шифтим, XIX, гл. 19 (7-10)

²⁴⁰ Тора. Книга Брейшит, ваехи, XLIX, гл. 49 (1-4, 8)

По праву наследования имущество отца передавалось сыновьям, а при их отсутствии могли наследовать и дочери. За неимением детей, вступали в свои наследственные права братья и дядя по отцу. Вдова имела право на возврат приданого и на выдел специальной части прежнего имущества.

Обычай первородства, безусловно, укреплял патриархальную семью, содействуя накоплению имущества в одних руках. Однако при этом в недрах крупной патриархальной семьи усиливалось имущественное расслоение и социальное неравенство. Впоследствии это привело к разложению родовой общины и образованию государственных объединений в виде племенных союзов, возглавляемых судьями.

Эпоха судей была смутным временем в истории Древнего Израиля и характеризовалась вспышками межплеменного и межэтнического насилия: «В те дни не было царя у Израиля; каждый делал то, что ему казалось справедливым»²⁴¹. Двенадцать колен израилевых, объединенных вокруг религии предков и осознания своего кровного родства, вступали в борьбу друг с другом. Племенная разобщенность, выражавшаяся в ситуации агрессивного трибализма (от англ. tribe – племя) приводила к войнам, в ходе которых погибали десятки тысяч человек²⁴².

Трибализм неизбежно приводил к ослаблению экономической стабильности, обнищанию населения, а также к усилению социальной и имущественной дифференциации. Создавшееся положение выдвигало из среды народа неформальных религиозных лидеров – пророков, которые пытались утверждением этических норм регулировать отношения и тем самым снизить уровень социальной напряженности.

Начиная со второй половины VIII века до н. э. эти представители неофициального жречества выступали против обогащения за счет разоряющихся бедняков и их тяжелой эксплуатации богачами. Пророк Амос говорил: «Выслушайте это, алчущие поглотить бедных и погубить нищих, вы, которые

²⁴¹ Библия, Ветхий Завет, Книга Судей, гл. 21 (25)

²⁴² Библия, Ветхий Завет, Книга Судей, гл. 20 (46)

говорите: когда-то пройдет новолуние, чтобы нам продавать хлеб, и суббота – чтобы открыть житницы, уменьшить меру, увеличить цену шекеля и обманывать нечестными весами, чтобы покупать неимущих за серебро и бедных за пару обуви, а пытки из хлеба продавать /.../ Не поколебается ли от этого земля, и не восплачет ли каждый живущий на ней?»²⁴³

● Однако при этом объективные ухудшения условий жизни способствовали укреплению внутрисемейных отношений. Близости патриархальной, семья в Древнем Израиле опиралась на кровнородственные связи, которые дополнялись безусловным религиозным родством. Культ этно-религиозной общности

²⁴³ Библия, Ветхий Завет, Книга пророков, гл. 8 (5, 6, 8)

снижал уровень внутрисемейной половой дифференциации. Люди осознавали себя, прежде всего, евреями, а уже потом мужчинами или женщинами.

Исходя из этого, женщины в древнееврейских семьях обладали достаточно высоким статусом и пользовались гораздо большим уважением, чем представительницы других восточных народов. Правильные отношения между мужем и женой древние мудрецы называли «шлом байт» – семейная гармония²⁴⁴. Жена не была собственностью мужа и почиталась как достойная его подруга и личность. Об этом свидетельствуют Тексты Священной Торы, где Всевышний Создатель говорит: «Нехорошо быть человеку одному; сделаю ему помощника, соответственного ему»²⁴⁵. Таким образом, признание женщины личностью, равной мужчине, исходило из того положения, что оба они были созданием единого Бога по образу и подобию Его. По обетованию Спасителя мира должна была родить женщина-дева из народа израильского. Равенство мужчины и женщины выражено также в заповеди Моисеевой: «Чти отца своего и мать свою, как повелел тебе Бог Всесильный твой, дабы продлились дни твои, и дабы хорошо тебе было на той земле, которую Бог Всесильный твой дает тебе»²⁴⁶.

В семейной жизни не было социального и правового разделения полов даже среди знатных и богатых евреев. В доме своего мужа еврейская женщина управляла хозяйством, имела слуг, которыми распоряжалась по своему усмотрению. Подтверждение этому находим опять-таки в текстах Торы, когда Авраам говорит Саре: «Рабья твоя в твоей же руке; делай с нею, что угодно в глазах твоих»²⁴⁷.

В исключительных случаях женщины могли принимать участие в государственных делах. Известны примеры, когда женщины занимали должности судей, пророкиц, управляли войсками и даже были царицами. Так, Гефолия царствовала в

²⁴⁴ Иосиф Телушкин. Еврейский мир. Иерусалим, Москва, 2009. Стр. 477

²⁴⁵ Тора, Книга Брейшит, II, гл. 2 (18)

²⁴⁶ Тора, Книга Дварим, вазхтхани, V, гл. 5 (16)

²⁴⁷ Тора, Книга Брейшит, дех леха, XVI, гл. 16 (6)

Иудее более семи лет. Правительницей народа была Мааха – дочь Авессалома. Девора, жена Лапилофа, была пророчицей и судьей народа. Она разбирала тяжбы, имущественные споры назначала наказания и предводительствовала войсками в войне с врагами²⁴⁸. Мариама, сестра Ааронова, была также пророчицей. Женщины имели право участвовать в судебных процессах и защищать там свои права. К примеру, дочери Саллаада предъявляли свои права на имущество умершего отца. Суд признал их притязания законными и передал наследство в их полное распоряжение с условием их обязательного выхода замуж за представителя своего колена.

Одним из основных и неотъемлемых прав замужней иудейской женщины было право изгонять своего супруга из дома, если он оказывался не в состоянии исполнять свой супружеский долг.

считалось недействительным. При этом от обязанностей левиратного брака были освобождены цари и первосвященники. Левиратный брак не мог иметь места в случае наличия у вдовы сына от первого брака, поскольку рождением наследника она уже обеспечила продолжение рода своего мужа.

Хотя женщины в Древней Иудее пользовались уважением и права их оберегались законом, ослабление матриархальных традиций и одновременное усиление патриархальных обычаев негативно сказывалось на их положении. Так, в соответствии с религиозными догмами они считались существами низшими и презируемыми за чувственность. В частности, ущербность и неполноценность женщины зафиксирована в книге «Ваикра», тактикнижия Моисея: «И говорил Бог, обращаясь к Моше, являющийся с сынами Израиля и скажи им: если кто-нибудь по обету посвящает какую-либо душу Богу по оценке, то при оценке мужчины в возрасте от 20 до 60 лет оценка твоя должна быть 50 шекелей серебряных, по шекелей священных, а если же это женщина, то оценка твоя должна быть 30 шекелей. Если же оцениваешь человека в возрасте от 5 до 20 лет, то оценка твоя мужчине будет 20 шекелей, а женщине – 10 шекелей. А если в возрасте от 1 месяца до 5 лет, то будет оценка мужчине 5 шекелей серебра, а женщине оценка твоя – 3 серебряных шекеля. А если 60 лет и старше, то оценка твоя мужчине должна быть 15 шекелей, а женщине – 10 шекелей».²⁵⁵ В более поздние времена женщины были ограничены в правах относительно их участия в судебных процессах. Иосиф Флавий сообщает об издании специального закона, запрещающего женщинам давать свидетельские показания в силу их легкомыслия и неупреждаемости.

На женщине лежала Божия кара за первородный грех, в силу которого она утратила свою первоначальную чистоту. В тексте Торы приводятся слова Господа, обращенные к женщине: «А жене сказал: "Очень умножу скорбь твою при беременности твоей; со скорбью рожать будешь детей и к мужу твоему

влечение твое, и он будет властвовать над тобою».²⁵⁶ Примерно в V-IV вв. до н. э. автор библейской книги Иова сетовал на то, что проклятие «нечистого» рождения тяготеет над человеком: «Кто родится чистым от нечистого? /.../ Что такое человек, чтоб быть ему чистым и чтобы рожденному женщиной быть праведным?».²⁵⁷

Любая женщина, вне зависимости от возраста и семейного положения, считалась уже по самой своей сути существом страшно порочным, крайне сластолюбивым и чувственным, исчадием всех смертных грехов. Соответственно, мужчинам следовало по возможности сторониться женщин, поскольку они созданы им на погибель. Однако, поскольку совсем без женщин мужчины обойтись не могли, они вынуждены были взять их под строгий контроль. Таким образом, до замужества женщина находилась под властью отца, поскольку считалась существом слабым и беззащитным. После замужества она обязана была подчиняться мужу, который был «господином» своей жены, так как за невесту отцу или братьям обычно вносили «мохар» – особую плату или выкуп.

Тексты Торы в книге «Бемидбар» однозначно свидетельствуют, что власть отца и мужа над дочерью и женой была более приоритетна и значима для последних, чем их отношения с Богом. «Если женщина даст обет Богу или примет на себя запрет в доме отца своего, в юности своей, и услышит ее отец обет ее, который она приняла на себя, и промолчит отец ее, то будут иметь силу все обеты ее, и всякий запрет, который она взяла на себя, будет иметь силу. Но если воспрепятствовал ей отец ее в день, когда услышал, то все обеты и запреты ее, которые она приняла на себя, не будут иметь силы, и Бог простит ей, так как отец ее воспрепятствовал ей. А если она выйдет замуж, а на ней – обеты ее или словесные обязательства, которые она приняла на себя, и услышит муж ее, и в тот день, когда услышит, промолчит, то обеты ее будут иметь силу, и запреты, которые она приняла на себя, будут иметь силу. Но если

²⁵⁶ Тора, Книга Брейшит, III, гл. 3 (16)

²⁵⁷ Библия, Книга Иова, гл. 14 (4), гл. 15 (14)

²⁵⁵ Тора, Книга Ваикра, бехукотай, XXVII, гл. 27 (1-7)

в тот день, когда услышит муж ее, воспрепятствует он ей, то отменяет он обет, который на ней, и словесные обязательства, которые она приняла на себя, а Бог простит ей»²⁵⁸.

Идеальным состоянием древнееврейской семьи была моногамия, однако муж, как правило, имел несколько жен и наложниц. Об этом прямо говорится в книге «Дварим»: «Если будет у человека две жены, одна любимая, а другая нелюбимая, и родят они ему сыновей, любимая и нелюбимая»²⁵⁹. Таким образом, для мужчины в принципе допускалось многоженство ради деторождения. Он, например, мог жениться несколько раз, но иметь более трех жен считалось нарушением заповеди.

При этом, пользуясь правом на определенную полигамию, он мог пользоваться и почти неограниченным конкубинатом – содержанием нескольких наложниц. Об этом многократно свидетельствуют тексты Торы. Так, книга «Брейшит» повествует, что Исав пошел к Измаилу «и взял Махалат, дочь Ишмаэля сына Авраама, сестру Навайога, сверх других жен, себе в жены»²⁶⁰. Третий царь Израиля Соломон имел огромный гарем, в котором содержались не только дочери народа Израилева, но и множество чужестранок. «Царь Соломон любил своих многочисленных жен-чужестранок; помимо дочери фараона, у него были и моавитянки, и аммонитянки, и эдомитянки, и сидонянки, и хеттеянки. Господь сказал израильтянам об этих народах: "Вы не должны вступать с ними в родство – ни жениться, ни выдавать дочерей замуж – иначе они перемянут вас к своим богам". А Соломон полюбил этих женщин: у него было семьсот жен-цариц и триста наложниц»²⁶¹.

Конкубинат не считался развратом и был весьма распространенным явлением в Древнем Израиле. Наложницы-конкубины никак не подрывали устоев еврейской семьи, и даже наоборот, способствовали ее укреплению. В том случае,

²⁵⁸ Тора. Книга Бемидбар, матот, XXX, гл. 30 (4-9)

²⁵⁹ Тора. Книга Дварим, толдот XXI, гл. 15 (15)

²⁶⁰ Тора. Книга Брейшит, толдот XXVIII, гл. 28 (9)

²⁶¹ Библия, современный русский перевод. 3-я Книга Царств, гл. 11 (1-3). М., 2011. Стр. 392

если конкубина была рабыней, то ее дети считались детьми законной жены ее господина. Таким образом, конкубины жили в доме с согласия жен, а иногда даже и по их просьбе. Так, бездетная Сара просила своего мужа Авраама сойтись с ее служанкой для рождения детей. «Взяла Сара, жена Аврама, служанку свою, египтянку Гагар, по окончании десяти лет пребывания Аврама в стране Кнаан, и дала ее Авраму, мужу своему, в жены. И вошел он к Гагар, и она зачала»²⁶².

Такое же решение приняли и жены Иакова – сестры Рахиль и Лия. «И увидела Рахель, что не родила Якову, и позавидовала Рахель сестре своей, и сказала Якову: "Дай мне детей, а если нет – я умираю". И возгорелся гнев Якова на Рахель, и он сказал: "Разве я вместо Всесильного, лишившего тебя плода чрева?" И она сказала: "Вот служанка моя Бильга: воиди к ней, пусть она родит на колена мои, и будет у меня потомство благодаря ей". И она дала ему свою рабыню Бильгу в жены, и во-

²⁶² Тора. Книга Брейшит, лех леха, XV, гл. 16. (3, 4)

шел к ней Яков. И зачала Билга и родила Якову сына. /.../ А Лея увидев, что перестала рожать, и взяла свою рабыню Зильпу, и дала ее Якову в жены. И родила Зильпа, рабыня Леи, Якову сына»²⁶³.

Таким образом, конкубинат представлял собой узаконенное сожитительство с наложницами, которые, как правило, брались из числа рабынь и часто были служанками законных жен. А. М. Осипов считает: «У евреев нужно различать два рода конкубината: конкубинат при законном сожительстве и вне его. Первый вид конкубината предполагал сожитительство женатого с наложницей, которую он взял из числа своих рабынь, или продолжение сожительства с наложницей после вступления его в законный брак. Конкубина занимала низшее положение по сравнению с законной женой и находилась в зависимости от нее. Второй род конкубината встречался в тех случаях, когда отец давал своему сыну, не могущему по известным причинам вступить в законный брак, наложницу до того времени, пока он не получит возможности заключить брачный союз»²⁶⁴.

При втором виде конкубината положение наложницы приравнивалось к положению дочери-еврейки. Об этом говорит текст книги «Шмот»: «А если он предназначит ее сыну своему, то должен поступить с ней по закону, как с дочерью Израиля»²⁶⁵. Таким образом, конкубина сына обладала всеми правами и защитой наравне с дочерьми главы семейства. Законное сожитительство сына с конкубиной не обязательно прекращалось после его свадьбы. Оно могло быть продолжено и после вступления мужчины в законный брак. В данном случае конкубина могла требовать достойного содержания, сексуальной близости и по некоторым вопросам равных прав с законной супругой.

Однако продолжение или прекращение этих отношений зависело полностью от воли мужчины. Для разрыва связи с

конкубиной ему не требовалось никакого разводного письма и никаких объяснений. Прелюбодеяние с ее стороны не считалось столь тяжким преступлением, как супружеская измена со стороны законной жены, и, соответственно, не каралась столь же строго.

Дети, рожденные конкубинами, обладали равными правами с другими детьми своего отца, поскольку официально записывались на имя законной супруги. В частности, они получали равную долю при наследовании его имущества. Как уже упоминалось, конкубин брали из числа рабынь, но в этом положении могли оказаться и свободные женщины-еврейки. Так, книга Судей израилевых сообщает: «В те дни, когда было царя у Израиля, жил один левит на склоне горы Ефремовой. Он взял себе наложницу из Вифлеема Иудейского»²⁶⁶. Однако это было крайне редким явлением – наложниц, как правило, покупали на невольничьем рынке или обретали во время войны в качестве трофея.

Характерный для этой эпохи процесс превращения женщин в товарный объект, приобретаемый мужчинами для создания семьи, деторождения и сексуальных утех, крайне негативно сказывался на их положении. Отцы продавали своих дочерей замуж при условии их согласия на предлагаемый брак. Женщина в качестве особо ценного товара, за который платились немалые средства или соответствующая им длительная отработка в хозяйстве ее отца, должна была соответствовать определенным требованиям. Характерным примером в этом отношении может служить история Иакова и Рахили.

Иаков, внук Авраама, прибыв в дом своего дяди Лавана, встретил его дочь – красавицу Рахиль и полюбил ее. По договору с Лаваном он должен был семь лет работать на него, чтобы взять возлюбленную в жены. Однако в брачную ночь, воспользовавшись темнотой, дядя обманом женил Иакова на своей старшей дочери, некрасивой Лии. Тора так повествует об этом инциденте: «И служил Иаков за Рахель семь лет, но **они были в глазах его как несколько дней, по любви его к ней.**

²⁶⁶ Библия, Книга Судей израилевых, гл. 19 (1)

²⁶³ Тора, Книга Брейшит, ваяец, XXIX, гл. 30 (1-10)
²⁶⁴ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012.
 Стр. 90

²⁶⁵ Тора, Книга Шмот, мишпатим, XXI, гл. 21 (9)

И сказал Иаков Лавану: "Дай же жену мою, так как дни мои исполнились, и я войду к ней". И собрал Лаван всех людей того места и устроил пир. Вечером же взял он дочь свою Лею и ввел ее к нему, и тот вошел к ней. И дал ей Лаван свою рабыню Зильпу в рабыни Леи дочери своей. И оказалось поутру, что вот – это Лея! И сказал он Лавану: "Что это сделал ты мне? Ведь за Рахель служил я у тебя. Зачем же обманул ты меня?". И сказал Лаван: "Не делается так в нашем месте, чтобы выдать младшую прежде старшей. Дополни неделю этой, и мы дадим

тебе и ту за службу, которую ты будешь служить у меня еще семь лет других". И сделал так Иаков, и дополнил неделю этой; и дал ему тот свою дочь Рахель в жены. И дал Лаван Рахели, дочери своей, рабыню свою Бильгу, в рабыни ей. И вошел он и к Рахели, и полюбил Рахиль больше, нежели Лею, и служил у него еще семь лет других²⁶⁷.

Иакову пришлось работать на Лавана 14 лет, и поскольку он невольно лишил девственности его старшую дочь, то обязан был взять ее в жены. Закон Моисеев гласил: «Если обольстит человек девушку необрученную и ляжет с ней, то должен дать ей приданое и взять ее в жены»²⁶⁸. В Древней Иудее девушкам предписывалось строго беречь свою девственность. Им категорически запрещалось какое-либо проявление своих сексуальных влечений. За нарушение этих запретов могли прибить до смерти собственные близкие родственники: отец или братья, дядьки или племянники. В случае утраты девственности вследствие собственной распущенности невеста могла быть убита у порога дома своего отца.

Буд считался смертным грехом, за который полагалась смертная казнь – публичное забивание камнями. Об этом свидетельствуют тексты книги «Дварим», где Моше возвещал народу израильскому: «Если возьмет человек жену, и войдет к ней, и возненавидит ее, и возведет на нее напраслину, и распустит о ней дурную славу, и скажет: "Женщину эту взял я себе, и вошел к ней, и не нашел у нее девства", – то пусть возьмет отец девицы и мать ее и вынесут признаки девства девицы к старейшинам города, вратам. И скажет отец девицы старейшинам: "Дочь мою отдал я человеку этому в жены, а он возненавидел ее, и вот, взводит он напраслину, говоря: "Не нашел я у дочери твоей девства"; но вот признаки девства дочери моей". И разложат платье пред старейшинами города. И возьмут старейшины того города человека этого и накажут его. И взыщут с него сто серебрянников и отдадут отцу девицы, ибо распустил он дурную славу о девственности еврейке, а ему она будет женой, не

²⁶⁷ Тора, Книга Брейшиг, вакцз, XXIX, гл. 29 (20-30)

²⁶⁸ Тора, Книга Шмот, мишпатим, XXII, гл. 22 (15)

может он развестись с ней во все дни его. Но если верно оказалось это, не найдено было девства у девицы, то пусть отведут девицу ко входу в дом отца ее, и забросают ее люди города ее камнями, и пусть умрет она, ибо совершила она гнусное дело в Израиле, распутничая в доме отца своего»²⁶⁹.

Закон Моисея требовал: «Да не будет блудницы из дочерей Израиля и да не будет блудника из сынов Израиля»²⁷⁰. Соответственно, и от мужчин также требовалось соблюдение определенных нравственных норм. Так, непозволительно было разрушать чужую семью, вступая в интимную связь с замужней женщиной. В книге «Дварим» сказано: «Если найден будет человек, лежащий с замужней женщиной, то пусть умрут они оба: человек, лежавший с этой женщиной, и женщина эта; искорени же зло это из Израиля»²⁷¹.

Идея единства супругов провозглашалась в Священном Писании: «Оставляет человек отца своего и мать свою, и прилепляется к жене своей, и они становятся одной плотью»²⁷². Измена священному брачному союзу считалась святотатством, приравнивалась к умышленному убийству и влекла за собой смертную казнь. В соответствии с древнееврейскими традициями и обычаями супружеская измена могла произойти только со стороны женщины, поскольку муж обладал достаточной сексуальной свободой в условиях легальной полигинии.

При этом закон, запрещавший разврат в семейной жизни, понуждал древних евреев блюсти нравственную чистоту и праведность в глазах людей, и перед лицом Всевышнего Бога. Книга «Брейшит» Священной Торы повествует о совершении Иосифа женой его господина – Потифара, вельможи египетского фараона. Сын Иакова Иосиф был хорош собой, и «жена господина его возвела глазасвои на Иосифа и сказала: "Ляг со мною!". Но он отказался и сказал жене господина своего: "Ведь господин мой ничем не ведает при мне в доме, и все, что у него есть, отдал в руки

мои. Не ставит он себя выше меня в этом доме, и не устранил он от меня ничего, разве только тебя, потому, что ты жсна его. Как же я сделаю это великое зло, и провинюсь перед Всесильным?». И бывало, как ни уговаривала она Иосифа каждый день, он не слушался ее, чтобы ложиться подле нее, чтобы быть с ней»²⁷³.

По закону Моисея также строжайше было запрещено и сурово каралось совершение сексуального насилия. Мужчина, совершивший данное преступление, подвергался смертной казни. Об этом свидетельствуют тексты Торы: «Если будет девица, девственница обручена с мужчиной, и встретит ее человек в городе и ляжет с нею, то выведите обоих к воротам того города и забросайте их камнями, и пусть умрут они: девица за то, что не кричала она в городе, а мужчина за то, что он насиловал жену ближнего своего; искорени же зло это из среды твоей. А если в поле встретит человек обрученную девицу эту, и схватит ее, и ляжет с нею, то пусть умрет мужчина этот, который лежал с нею, один; девице же не делай ничего: нет на девице греха, за который полагается смерти: ибо как поднимается человек на ближнего своего и убивает его – также и это дело; ибо в поле встретил он ее, кричала девица обрученная, но некому было спасти ее. Если встретит человек девицу, девственницу, которая не обручена, и схватит ее, и ляжет с нею, и будут они застигнуты, то пусть даст мужчина этот, лежавший с нею, отцу этой девицы пятьдесят серебренников, и ему она будет женой, за то, что он насиловал ее, не может он развестись с ней во все дни его»²⁷⁴.

Строго запрещались гомосексуализм и скотоложество: «Если человек ляжет с мужчиной, как ложатся с женщиной, мерзость сделали они оба; смерти пусть будут преданы они – кровь их на них. /.../ И человек, который произведет излишние семени своего со скотиной, смерти пусть будет он предан, а скотину убейте. Женщины если станет перед какой-либо скотиной для сокоупления с нею, то убей женщину и скотину, смерти пусть будут они преданы – кровь их на них»²⁷⁵.

²⁶⁹ Тора, Книга Дварим, гл. XXII, гл. 22 (13-21)

²⁷⁰ Тора, Книга Дварим, гл. XXIII, гл. 23 (18)

²⁷¹ Тора, Книга Дварим, гл. XXII, гл. 22 (22)

²⁷² Тора, Книга Брейшит, I, гл. 2 (24)

²⁷³ Тора, Книга Брейшит, вавеш, XXXIX, гл. 39 (7-10)

²⁷⁴ Тора, Книга Дварим, гл. XXII, гл. 22 (29)

²⁷⁵ Тора, Книга Вавкра, гл. XX, гл. 20 (12, 14, 15)

Брачные узы, основанные на единстве супругов, считались священным союзом, установленным Богом. Цель брака была ясно представлена евреям в Торе. Книга «Берешит» определяет ее как размножение рода человеческого и освоение земли. Господь Бог завещал первой семейной паре населять землю. «И сотворил Всесильный человека по образу Своему, по образу Всесильного сотворил его, мужчину, и женщину сотворил их. И благословил их Всесильный, и сказал им Всесильный: "Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и овладейте ею"²⁷⁶. Достижение этой цели считалось святою обязанностью всех представителей избранного народа. Эта Божественная воля являлась первым правилом и первым заветом законодательства Моисея. «Кто его не исполняет, тот убийца, так как он уменьшает образы и подобия Бога на земле»²⁷⁷. Однако размножение должно совершаться посредством брака, соединяющего мужчину и женщину в единый священный союз любви и верности.

Брак для древних евреев признавался не только желательным, но и прямо обязательным для всех старше 13 лет. Освободиться от брачных обязанностей могли только мужчины-священники, изучающие закон, хотя и для них брак не был запрещен. Правда, им предписывалось жениться исключительно на порядочных девицах из народа Израилева. Формально древние евреи могли заключать брачные союзы с представителями различных племен и народов, но священный характер и экономическую безопасность этим союзам придавало только религиозное единство. Исходя из этих положений, оговоренных законом, священники не могли жениться на чужестранках, вдовах, разведенных женщинах и блудницах²⁷⁸. Кроме того, им запрещалось иметь более одной жены.

Начиная с самых древних времен, принципы семейной жизни излагались в священных иудейских текстах и, соответственно, приобретали силу юридических законов. В связи с

²⁷⁶ Тора, Книга а Берешит, I, гл. 1 (27-28)

²⁷⁷ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 102

²⁷⁸ Тора, Книга Ваикра, эмор, XXI, гл. 21 (7, 13)

этим особенности будущей семейной жизни при заключении брака оговаривались очень подробно и имели, как правило, документальное подтверждение. Начинался брачный процесс с предварительного сговора между семьями жениха и невесты.

Сговор, по сути, был выражением предварительных намерений сторон о заключении брака. Он не требовал никаких формальностей и не имел никаких последствий в случае его нарушения. Следствием удачного сговора было обручение молодых, без которого было невозможно само бракосочетание.

Сущность обручения и последующего бракосочетания заключалась в передаче, посредством купли-продажи невесты,

имущественных прав на нее от отца к мужу. Средняя цена за невесту, очевидно, составляла пятьдесят шекелей серебра. Об этом свидетельствуют положения Торы, предусматривающие такую сумму в качестве выкупа насильником обесчещенной им девицы для обручения с ней²⁷⁹. Позднее обряд купли-продажи был заменен на символическую передачу каких-либо средств или ценностей со стороны жениха невесте или ее родственникам.

Однако в пятикнижии Моисея содержится немало свидетельств о традициях купли-продажи при заключении брака. Так, Иаков получил дочерей Лавана в жены за четырнадцатилетнюю службу. Евейнии Сихем предлагал отцу и братьям своей возлюбленной – иудейки Дины из рода Иакова сколько угодно денег, лишь бы они отдали ее за него²⁸⁰. Халев из колена Иудина обещал выдать дочь за того, кто вместо уплаты денег покорит город Кириаф-Сефер. Данное пожелание исполнил его племянник – Гафониид, за что и получил в жены его дочь и свою кузину Ахсу²⁸¹. Пророк Осия заплатил за свою жену 15 серебрянников и полтора гомора ячменя²⁸².

Исходя из того, что обручение было началом бракосочетания и определенного рода хозяйственно-финансовой сделки, оно, в отличие от сговора, требовало строгого соблюдения всех предписанных законом формальностей. Нарушения правил обряда влекло за собой определенные юридические последствия. Даже незначительное изменение формулировок в обращении жениха к невесте могло привести к тому, что обручение признавалось недействительным. Так, жених в процессе обручения, передавая подарок невесте, обязан был произнести фразу: «Ты мне посвящена через это» или «Будь посвящена мне этим предметом», а если он произносил: «Будь посвящена этим предметом», обручение могло быть признано недействительным.

²⁷⁹ Тора, Книга Дварим, кн. тэцэ ХХII, гл. 22 (29)

²⁸⁰ Тора, Книга Брейшит, ваицлах, ХХХIV, гл. 34 (11, 12)

²⁸¹ Библия, Книга Иисуса Навина, гл. 15 (16, 17)

²⁸² Библия, Книга Пророка Осия, гл. 3 (2)

Невеста имела право, используя показания двух свидетелей, оспорить обручение, доказав, что жених, передавая ей подарок, изменил требуемую формулу и этим ввел ее в заблуждение, и она не поняла истинного смысла его слов.

Действительность обручения подтверждалась не только на словах, но и должна была быть зафиксирована в письменном документе и выражена посредством передачи денег от семьи жениха семье невесты. Деньги, в качестве обручального подарка, могли быть заменены другим предметом эквивалентной ценности. При этом не требовалось, чтобы деньги или другая ценная вещь были переданы лично в руки невесте. Жених мог положить подарок во дворе или на поле, принадлежащим своей избраннице, но только так, чтобы она видела, как он это делает. Принятие или непринятие невестой подарка от жениха свидетельствовало о ее согласии или несогласии на обручение и брак с ним.

В более ранние времена обручение могло быть подтверждено сожительством жениха и невесты. «Обручение, выраженное сожительством, состояло в том, что жених в присутствии двух свидетелей обращался к невесте со словами: "Будь мне посвящена этим сожительством" и затем, удаляясь в другую комнату, действительно имел с обрученной сожительством²⁸³. Такое подтверждение действительности обручения ограничивалось только одним совокуплением. Дальнейшая связь жениха и невесты запрещалась до совершения обряда бракосочетания.

Заканчивалось обручение молитвой, в которой все присутствующие прославляли Бога, запретившего безбрачные и незаконные связи с чужими женами и мужьями и не позволяющего никакие супружеские отношения между сговоренными до момента их обручения или свадьбы.

Обручение считалось действительным только при условии обоюдного согласия на брак со стороны жениха и невесты. Согласие или несогласие родителей в Древней Иудее не учитывалось. Обручение и брак могли быть заключены даже, когда отец явно проявлял свое недовольство решением сына или

²⁸³ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 143

дочери. Правда, такое положение распространялось исключительно на детей, достигших совершеннолетия – двенадцати с половиной лет. До этого возраста отец имел право обручать, с кем он считал нужным, по своему усмотрению. В этом случае, дабы избежать родительского насилия при заключении брака, дочь имела право требовать отсрочки свадьбы до наступления своего совершеннолетия.

По законам Моисея обручение во многих аспектах приравнивалось к браку. Обрученная девушка, обретая статус жены, принимала и всю полноту ответственности, соответствующую ее положению. Так, наказание за блудодеяние ей полагалось такое же, как и замужней женщине. Расторжение отношений между обрученными не могло быть совершено иначе как через соблюдение всех формальных правил развода семейной пары. При этом обручение не влекло за собой обязанности исполнения супружеского долга женихом и невестой и не давало им прав наследования имущества друг друга. «Самое важное значение обручения, – по мнению А. М. Осипова, – представляется в том, что только такой брак считался законным и действительным, которому предшествовало обручение; брак без обручения влек за собою проклятие для лиц, его заключивших»²⁸⁴.

Брак, во всей своей полноте, заключался от имени отцов жениха и невесты. Отцы или братья могли выступать также в роли жрецов при его совершении. Свадьба назначалась через семь дней после проведения обряда обручения. В древние времена еврейская свадьба предусматривала использование неподходящих религиозных обрядов, призванных подтвердить брак, заключенный ранее при обручении.

В день, назначенный для свадьбы, жених, окруженный друзьями, с венцом на голове, отправлялся в дом тестя просить невесту переехать с ним в его дом. Иногда с этой целью жених отправлял своих друзей или родственников, которые

²⁸⁴ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 145-146

должны были доставить невесту в его дом. Переезд невесты в дом жениха был обставлен весьма торжественно. Впереди шли факельщики, освещавшие дорогу, со всех сторон жениха и невесту окружала толпа народа, радостно приветствуя молодоженов. В праздничной процессии, с песнями и танцами, жених с друзьями вел невесту из ее дома в свой. Невесту сопровождали ее подруги.

В книге Песни Песней Соломона так описывается эта процессия:

Кто она, из пустыни идущая
словно столбы дыма,
окутанная миррой и ладаном –
фимиамом из дальних стран?
Вот Соломоново ложе.
Вокруг шестьдесят воинов,
Воинов-израильтян.
Все мечами вооружены,

Обучены ратному делу;
меч у каждого на боку,
чтобы ужас ночной отогнать.
Ложе сделал себе царь Соломон
из Ливанского кедра.
Столбики сделал из серебра,
спинку из золота,
подушку из пурпура,
внутри наполнено все любовью.
Девушки Иерусалима, сюда!
Поглядите, девушки Сиона,
на царя Соломона в венце,
которым его увенчала мать
в день свадьбы – радостный день²⁸⁵.

По прибытию невесты в дом жениха отец последнего брал ее за руку, подводил к сыну, и, соединив их правые руки, говорил: «Да будет Бог Авраама и Иакова с вами, да сделает он вас счастливыми; живите честно, я вас благословляю»²⁸⁶.

Затем новобрачные отправлялись в помещения, где начинался свадебный пир, длящийся семь дней²⁸⁷. Пиршество начиналось и заканчивалось чтением обеденной и венчальной молитв, при котором необходимо было присутствие не менее десяти взрослых мужчин. По традиции за свадебным столом мужчины сидели отдельно от женщин. В меню обязательно была рыба; считалось, что она повышает плодovitость. Танцевали также раздельно на мужской и женской половинах. Исключение составлял танец с платком, когда мужчины по очереди танцевали с новобрачной.

В первый день свадьбы на молодых надевали венцы из золота, если позволяло состояние, или сплетенные из роз – для семей победнее. Вечером жениха и невесту отправляли в спаль-

²⁸⁵ Библия, Книга Песнь Песней, гл. 3 (6–11)

²⁸⁶ Осипов А. М. Брачное право Древнего Востока. М.: URSS, 2012. Стр. 185–186

²⁸⁷ Тора. Книга Брейшит, ваетз, XXIX, гл. 29 (27)

ню, откуда потом выносили напоказ простыню с доказательствами невинности молодой жены. При первом вступлении в брак женщина обязана была засвидетельствовать свою непорочность. Оказавшуюся не девственницей в первую брачную ночь полагалось убить перед домом отца. Об этой мере наказания свидетельствуют тексты Торы, книги «Дварим»: «А если /.../ не нашлась девственность у девушки. И выведут девушку ко входу дома отца ее, и забросают ее Мужья города камнями, и умрет, потому что она сделала падаль в Исраэле – развратничать в доме отца ее – и искоренишь зло из среды своей»²⁸⁸.

Обязательным условием бракосочетания было заключение письменного договора между женихом и невестой. Вступая в брак, каждый мужчина обязан был дать своей невесте документ под названием «ктуба». В этом документе оговаривались многие прозаические детали будущей семейной жизни. Ктуба помогала избежать осложнений в супружеских отношениях из-за невыясненных вопросов по поводу обязательств супругов. В частности, она регулировала их имущественные отношения, а также хозяйственные права и обязанности.

Помимо финансовых обязательств, этот документ четко прописывал и все остальные сферы отношений в семье. Много внимания уделялось регламентированию сексуальной жизни супругов. В древние времена еврейский брачный контракт подробно описывал даже количество дней в неделю, когда мужчина обязан был выполнять свой супружеский долг. Часто это зависело от профессии супруга, которая влияла на количество времени, проведенного дома. Например, для моряков допускалась возможность вступать в интимную близость с супругой раз в полгода. А мужа менее специфичных профессий должны были выполнять супружеский долг не менее двух раз в неделю.

Исходя из того, что до X века н. э. право на внесудебный развод имел только мужчина, отдельная часть договора – «тосефет ктуба» – была посвящена выплатам со стороны мужа в случае необоснованного расторжения брака. Независимо от того, согласна была женщина с решением мужа или нет, она

²⁸⁸ Тора. Книга Дварим, ки тэцз, XXII, гл. 22 (20, 21)

обязана была покинуть дом супруга, если получала от него бракоразводное письмо – «гет». Тосефет ктуба была в основном направлена на защиту интересов женщины в случае развода, а для мужчины была сдерживающим фактором его легкомысленного отношения к возможности развода с супругой. Ктуба служила одним из наиболее важных документов, скрепляющих отношения между мужем и женой. Если она терялась, то супругам не разрешалось продолжать отношения до восстановления ктубы.

Согласно иудейским законам, после свадьбы муж должен был давать пропитание жене, одевать ее и иметь с нею сожителство. Жена обязывалась в безусловной верности и послушании мужу и все свои имущественные приобретения должна была передавать ему.

Несмотря на строгую регламентацию, семейная жизнь в Израиле не была лишена любовного романтизма. О нежных и чувственных отношениях мужа и жены красочно свидетельствует Песнь Песней царя Соломона. Этот свадебный диалог возлюбленных звучит очень романтично и страстно. «Как ты красива, родная, Как ты красива! Твои глаза – точно голуби»,²⁸⁹ – говорит жених. «Как ты красив, милый, как нравишься мне! Наше ложе – зеленые травы, кедры – кровля нашего дома, потолок – можжевелник»,²⁹⁰ – отвечает ему невеста. И вновь жених взывает к возлюбленной: «Ты пленила мое сердце, невеста-сестра, первым же взглядом пленила, лишь одной цепочкой на шее! Как красивы твои груди, невеста-сестра! Как сладки ласки твои: слаще вина твои груди! Запах масел твоих прекрасней всех благоуханий. Патокой текут твои губы, невеста, мед и молоко под языком. Запах твоего платья – словно запах ливанского леса».²⁹¹ И она, обращаясь к нему, призывает: «Милый! Пойдем-ка в поле, там, где хна растет, ночь проведем, на рассвете пойдем в виноградники, посмотрим, лоза распустилась ли, раскрылись ли почки на ней, и цветут ли гранаты. Там я буду ласкать тебя».²⁹²

²⁸⁹ Библия, Книга Песни Песней Соломона, гл. 1 (14)

²⁹⁰ Библия, Книга Песни Песней Соломона, гл. 1 (15, 16)

²⁹¹ Библия, Книга Песни Песней Соломона, гл. 4 (9, 11)

²⁹² Библия, Книга Песни Песней Соломона, гл. 8 (12, 13)

Любовь и брак были тесно взаимосвязаны и поддерживались государственными институтами и социальными традициями. Так, медовый месяц растягивался у древних евреев на целый год. По закону Моисееву молодой муж освобождался от всех видов общественных работ и даже от выполнения воинских обязанностей в течение первого года семейной жизни. Об этом упоминается в книге «Дварим» Священной Торы: «Когда возьмет кто-либо жену новую, пусть не выступит с войском и не будет возложено ничего; свободен будет для дома своего один год, и увеселяет жену свою, которую взял».²⁹³ В толковании раввина Шлеом Ицхаки «новая жена» может быть не только девицей, первый раз выходящей замуж, но и вдовой или разведенной женщиной. Главное, что она новая для своего мужа, и с ее приходом образуются новые семейные отношения. По убеждению древних евреев, первый год после свадьбы являлся решающим временем для закладки фундамента успеха в последующей семейной жизни.

Хотя романтические любовные чувства играли в древнеиудейских браках значительную роль, в не меньшей степени учитывались также семейные и финансовые интересы. Браки часто заключались между родственниками, чтобы сохра-

²⁹³ Тора, Книга Дварим, кн. тэц, XXIV, гл. 24 (5)

нить неделимым семейное имущество. Таким образом, основу древнееврейской семьи составляли кровно родственные связи, выражавшиеся в широко распространенных кросскузенных браках, левирате и даже в инцестуозных отношениях. Так, Исаак женился на дочери своего дяди, своей двоюродной сестре Ревекке, его сын Иаков также женился на своих двоюродных сестрах Лии и Рахили, а Амрам взял в жены свою тетку Иохаведу, которая родила ему сыновей Моисея и Аарона.

О существовании инцеста свидетельствует упоминание в книге «Брейшит» о дочерях Лота, которого Бог вывел из уничтоженного Содома. «И поднялся Лот из Цоара и поселился в горах, и с ним две дочери его, ибо он боялся жить в Цоаре. И жили в пещере, он и обе дочери его. И сказала старшая младшей: «Отец наш стар, и нет в стране мужчины, чтобы войти к нам по обычаю всей земли. Пойдем напоим отца нашего вином, и ляжем с ним, и наживем себе потомство от отца нашего». И они напоили отца своего вином в ту ночь, и пришла старшая и легла с отцом своим, а он не знал, когда она легла и когда встала. На другой день старшая сказала младшей: «Ведь

я лежала вчера с отцом моим; напоим его вином и в эту ночь; и приди ты, ложись с ним, чтобы мы нажили себе потомство от отца нашего». И напоили они в эту ночь отца своего вином; и встала младшая и легла с ним; а он не знал, когда она легла и когда встала. И зачали обе дочери Лота от отца своего, и родила старшая сына, и нарекла ему имя: Моав. Он родоначальник моавитян доныне. А младшая тоже родила сына, и нарекла его имя: Бен-Ами. Он родоначальник сынов Амона доныне»²⁹⁴.

Положение мужа и жены в браке существенно разнилось. Муж, например, мог в любой момент по своему желанию развестись с женой, не спрашивая на это ее согласия. Самым существенным следствием развода для мужа было ограничение, по которому он не мог возобновить расторгнутый им брак. Закон об этом говорил так: «Если возьмет человек жену и войдет к ней. То если не понравится она ему, потому нашел он в ней какой-нибудь ущерб, то пусть напишет ей разводное письмо, и даст ей в руку, и отошлет ее из дома своего. И уйдет она из дома его, и пойдет, и выйдет за другого человека, и возненавидит ее этот последний муж, и напишет ей разводное письмо, и даст ей в руку, и отошлет ее из дома своего, или же умрет этот последний муж, который взял ее себе в жены, то не может первый ее муж, который отослал ее, взять ее снова, чтобы она была ему женой, после того как осквернилась она, ибо мерзость это для Бога»²⁹⁵. Женщине для того, чтобы развестись с мужем требовались достаточно весомые основания и решение суда. Причиной расторжения брака со стороны женщины могла быть импотенция мужа, освидетельствованная и признанная судом.

Одной из важных целей брака было ограждение людей от распутства и безнравственности. Семейные отношения, сформированные на религиозной основе, являлись верным залогом нравственного совершенствования сынов и дочерей избранного народа. Главной же целью брака для древних иудеев было рождение детей, которое обеспечивало продолже-

²⁹⁴ Тора, Книга Брейшит, ваера, XIX, гл. 19 (30-38)

²⁹⁵ Тора, Книга Дварим, теца, XXIV, гл. 24 (1-4)

ние рода, сохранение и приумножение имущества, заботу и сохранение памяти о предках. Последнее было призвано формировать, прежде всего, религиозное и национальное самосознание иудеев, которые неразрывно связаны между собой. Для праведной жизни, обеспечивающей человеку успех и достаток, как в этом мире, так и в последующем загробном существовании, нужно было правильно почитать Всемогущего Единого Бога, приносить жертвы и свято исполнять Его завет. Но этого недостаточно, необходимо было еще и родиться евреем и по происхождению своему принадлежать к избранному народу. Исходя из данного положения, продолжение рода и воспитание детей приобрело для древних иудеев особый духовный смысл.

Утверждение единобожия среди евреев было важным шагом к рассмотрению категорий Добра и Зла, в которых проявлялись зародившиеся морали, отличавшиеся от первобытных табу. На этих религиозных воззрениях формировались идеалы, лежащие в основе взглядов на жизнь в целом и на воспитание детей в частности. У родителей были в целом и конкретные воспитательные темы для обсуждения с детьми, которые способствовали осознанию норм и принципов справедливости.

Воспитание в еврейских семьях, хотя и носило деспотический характер, предполагало наставительные беседы с детьми, что предписывалось Торой. В первую очередь, воспитательные беседы были направлены на осознание детьми своей сопричастности к избранному народу и формирования у них религиозных устоев на основе завета Всемогущего Бога. Книга «Дварим» говорит об этом следующим образом: «Когда спросит тебя сын твой в будущем говоря: "Что за свидетельства, и установления, и законы, которые повелел Бог, Всесильный наш, вам?", – то скажи сыну твоему: "Рабами мы были у фараона в Египте, и вывел нас Бог из Египта рукою мощною. И явил Бог знамения и чудеса великие и гибельные в Египте над фараоном и над всем домом его у нас на глазах. А нас вывел он оттуда, чтобы привести нас и дать нам страну, которую покаялся он дать отцам нашим. И повелел нам Бог исполнять все установления эти, чтобы боялись

мы Бога, Всесильного нашего, во благо нам во все дни, чтобы дать нам жизнь, как ныне. И в праведность зачтется нам, если строго будем мы исполнять все эти заповеди перед Богом, Всесильным нашим, как Он повелел нам»²⁹⁶.

Наставления были направлены также на формирование уважения и беспрекословного подчинения родителям: «Чти отца своего и мать свою»²⁹⁷. Неуважение к родителям считалось страшным грехом и жестоко наказывалось. Тора по этому поводу говорит: «Всякий, кто будет злословить отца своего или мать свою, смерти должен быть предан; отца своего или мать свою он злословил: кровь его на нем»²⁹⁸. Естественно, столь же суровое наказание следовало за проклятие детьми своих родителей и за нанесение им побоев. «Тот, кто ударит отца своего и ли мать свою, предан будет смерти... / И проклинающий отца своего или мать свою будет предан смерти»²⁹⁹.

Воспитательные наставления были призваны также формировать основы уважения к родственникам, стремление к заботе о членах своей семьи, верности своему дому, колену и всему народу Израиля. Все это было связано единой верой и основывалось на глубоких древних религиозных традициях.

Согласно этим традициям, народ, избранный Богом, не должен был смешиваться с другими народами. Идея избранности и, соответственно, замкнутости и заикленности на самих себе считалась важнейшей ценностью в древнееврейском семейном и школьном воспитании. Чистота души, чистота крови, чистота пищи и чистота тела считались вернейшими путями к спасению, а достижение этих идеалов являлось сутью всей древнееврейской педагогической системы.

Важной частью семейного воспитания была подготовка детей к их будущей профессиональной деятельности. Профессия чаще всего передавалась мальчику по наследству, и роль наставника здесь, как правило, выполнял отец. В целом

²⁹⁶ Тора, Книга Дварим, ваятхана, гл. 6 (20-25)

²⁹⁷ Тора, Книга Шмот, итро, XX, гл. 20 (12)

²⁹⁸ Тора, Книга Ванкра, вдошим, XX, гл. 20 (9)

²⁹⁹ Тора, Книга Шмот, миншатим, XXI, гл. 21 (15, 17)

содержание древнееврейского образования было весьма скудным с точки зрения овладения детьми практическими знаниями. Древние иудеи вели замкнутый образ жизни, занимаясь скотоводством и, в меньшей степени, земледелием. У них не было развито мореплавание и не создавалось сложных оросительных систем. Военное дело, в силу их замкнутости и неагрессивной внешней политики, было развито недостаточно. В определенной мере они контролировали караванные пути между Ираном и Египтом, проходящие через их страну.

При этом во второй половине I тысячелетия до н. э. начали активно развиваться ремесленное производство, внутренняя и внешняя торговля. Из Израиля вывозили вино, масло, парфюмерию и другое, а ввозили, главным образом, драгоценные металлы и камни, древесину, ткани и лошадей, причем не только из соседних стран – Египта, Финикии и иных, но также из таких отдаленных, как Южная Аравия и бассейн Эгейского моря. Это привело к образованию крупных поселений и городов, в которых жили и работали десятки специализированных ремесленников – гончары и ткачи, красильщики и пекари, кузнецы и ювелиры, каменотесы и резчики по слоновой кости, строители и парфюмеры, писцы и врачи. Для освоения многих профессий требовались не только умения и навыки, полученные в семье, но и хорошее общее образование, которое получали в государственных школах.

Школа в Древней Иудее почиталась наравне с храмом. Если в поселении не было школы, дети учились в синагоге. Учителями, как правило, были проповедники, которые денег за свой труд не получали. Данное положение основывалось на том, что, поскольку слова Священных текстов, и особенно Торы, даны еврейскому народу Богом бесплатно, то и передаваться детям они должны тоже бесплатно.

Школьное воспитание и обучение чаще всего было трехступенчатым. Иудеи создали свою систему письменности, и на первой ступени обучения, называвшейся «бейт микра» – «дом чтения», дети должны были овладеть начатками чтения и письма, сохранившегося в своей основе до наших дней. а

также счетом. В начальной школе учитель и ученики сидели на полу, демонстрируя свое равенство перед Богом, когда же старшие дети получали возможность включаться в дискуссию, учитель садился на некоторое возвышение. Уважение к учителю воспитывалось в семье задолго до поступления детей в школу. Древняя мудрость гласила: «Если ты увидел, что отец твой и учитель твой споткнулись одновременно, то первому руку подай учителю своему», хотя отец в семье почитался как абсолютный господин.

Второй этап обучения назывался «бейт мишне» – «дом повторения». Он предназначался для углубленного освоения грамоты. Археологические находки и исторические документы, содержащие многочисленные надписи на печатях и на ручках сосудов, собственноручно написанные письма и жалобы вполне рядовых людей показывают, что уже в первой половине I тысячелетия до н. э. умение читать и писать было широко распространено среди евреев. Соответственно, можно сделать вывод, что первые две ступени школьного образования имели широкое распространение и носили массовый характер.

Третья ступень обучения – «бейт мидраш», или «дом толкования» – была посвящена изучению Священных текстов Танаха с еврейского канона, и, прежде всего, его первой части – Торы. Тора, как свод религиозно-этических и правовых догм иудаизма, а также ее толкование – служили главными предметами школьного изучения. Тору заучивали почти наизусть, развивая память, которая считалась у древних иудеев важнейшим свойством ума. В процессе этих занятий дети учились рассуждать и излагать прочитанное и заученное.

Кроме Торы, в Танах входили еще две части. Первая, Невиим, включала в себя книги Иисуса Навина, Судей, Самуила, книги Царств и Пророков. Вторая, Ктувим состояла из произведений мудрецов Израила и молитвенной поэзии. В составе Ктувим выделялся сборник «пяти свитков», включающий книги Песнь песней, Руфь, Плач Иеремии, Екклесиаст и Есфирь, собранные в соответствии с годичным кругом чтений в синагоге.

В основном третья ступень была посвящена образованию и воспитанию мужчин. Женщины, наряду с рабами или малыми детьми, освобождались от изучения священных законов, – хотя знание их и не было им воспрещено. Девочек знакомили с Торой и письмом, но в гораздо меньшем объеме. Эти минимальные знания были необходимы женщинам для соблюдения строгих и сложных традиций кошера при ведении домашнего хозяйства. Кошер в переводе с иврита означает – подходящий, годный. Законы кошера являются частью системы заповедей Торы, выполняя которые, человек следует завету, растет духовно и становится угодным Богу. Исходя из этого, идеалом женщины считалась: хорошая грамотная хозяйка, заботливая мать и примерная жена.

Подводя итоги рассмотрению различных аспектов становления семейных отношений у древних евреев, следует отметить, что семья в Древней Иудее формировалась на основе единства религиозных, национальных и социально-экономических факторов. Семья представляла собой большие родственные кланы, объединенные общей земельной собственностью.

В структуру семьи входило несколько поколений, образующих моногамные и полигамные брачные союзы, допускающие возможность конкубината. Древнееврейский брак, в соответствии с законами Моисея, представлял собой основанный на строгих нравственных началах союз двух лиц противоположного пола с целью рождения и воспитания детей, взаимной помощи, любви, верности и защиты от греховных плотских побуждений. Нравственная чистота брачного союза считалась высочайшей ценностью, поскольку являлась основой государственной жизни Древней Иудеи. Нарушение святости брачного союза считалось тяжким преступлением, которое заключалось не только в нарушении супружеской верности и данного обязательства жить друг с другом по законам Моисея и Израила, но и посягало на святость религиозных учреждений, отвергало установленный Богом порядок.

Становление семейных отношений в Древнем Израиле основывалось на трех сформированных и закрепленных традициями институтах: конкубинате, левиратном браке и вариативных формах полигамного и моногамного сожительства.

Воспитание детей и молодежи было нацелено на формирование у них сознания национальной и религиозной исключительности и обособленности. Образование было представлено как домашними, так и общественными формами обучения. Первое было в основном посвящено формированию хозяйственных и профессиональных знаний и навыков, а второе давало общеобразовательные знания – грамота, счет и изучение священных текстов Танах. Образование мужчин и женщин значительно отличалось в пользу первых. Женское образование сводилось к минимуму необходимых знаний.

Семья в Древней Греции

Памятники материальной и духовной культуры Древней Греции содержат обширные сведения о формировании семейных и общественных отношений, которые в значительной мере определили дальнейший ход истории европейской цивилизации.

В III тысячелетии до н. э. племена древних эгейцев, лидийцев, пелазгов, ахейцев и других этнических групп стали постепенно заселять юг Балканского полуострова, потеснив при этом коренные племена иллиров и феаков. Родоплеменные отношения коренного населения, так же как и пришельцев с севера, к тому времени основывались на традициях матриархата. Французский эллинист Андрэ Боннар так писал об этом периоде: «Когда Греки, появляясь волнами, осели на юге Балканского полуострова и азиатском побережье Эгейского моря, они встретились здесь с местным населением, у большей части которого господствовал матриархат. Главой семьи была мать – *mater familias*, и родство считалось по женской линии. Самыми чтимыми божествами были женские, которые олицетворяли плодородие. Греки переняли от туземцев, по меньшей мере, двух богинь: Великую Матерь, или Кибелу, и Деметру, чье имя означает Мать-Земля или Мать Хлебов. Важность культа этих двух богинь в классическую эпоху свидетельствует о преимущественном положении женщины в первобытном греческом обществе»³⁰⁰.

О господстве матриархальных отношений в архаическую эпоху Древней Греции говорит и американский историк Вил Дюрант. Описывая крито-микенскую культуру, он отмечает процесс постепенного перехода от родовых матриархальных отношений к становлению патриархальных семейных устоев. Рассматривая динамику религиозного культа на Крите, он сообщает: «Критский Зевс, как греки называют Велхана, занимает в сердце критян меньшее место, чем его мать. Но значение его растет. Он становится олицетворением оплодотворяюще-

³⁰⁰ А. Боннар Греческая цивилизация. В 3-х томах. Т. 1, М., 1958. Стр. 168

го дождя, той влаги, которая в этой религии, как и в философии Фалеса, лежит в основе всех вещей»³⁰¹.

Весьма почитаемым женским божеством была и богиня любви – Афродита. Рожденная из морской пены, она считалась матерью богов и уже в ранней эллинистической культуре разделилась на две ипостаси: Афродиту-Уранию – беспорочную богиню, покровительницу целому ренной любви, и Афродиту-Пандемос, олицетворявшую изменную, плотскую чувственность и порочную сексуальность. До наших дней дошло множество различных скульптурных изваяний этого божества. Известны, например, статуи Афродиты *Peribasia*, что в переводе означает «с раздвинутыми ногами», Афродиты *Melaina* – черной покровительницы таинства любовных ночей, Афродиты *Mukeia* – богини самых потаенных уголков дома. Афродите *Callipyge* поклонялись как богине с прекрасными ягодицами, а в Спарте чтили Афродиту с оружием. Установленная в память о лакедемонянках, защитивших свой город от нападения мессинцев, она изображалась со шлемом на голове и с копьем в руке.

Первоначально храмы Афродиты были центрами священной проституции, где юные гречанки приносили в жертву божеству свою девственность, а гетеры, служившие в них, и от имени богини активно раздавали за деньги свои любовные ласки. Позднее, с укреплением патриархальных семейных отношений, храмовая проституция утратила свое значение и прекратила существование.

Ранние этапы греческой истории являют собой характерные особенности образования и укрепления государственного устройства общества в виде эллинистических полисов (город-государств) и тесно связанного с этим процессом становления и развития института семьи. Социальная и этническая структура Древней Греции в архаическую эпоху представляла собой иерархическую систему военной демократии, последовательно включавшую в себя такие элементы, как филы – племенные объединения, состоящие из фратрий – объединений родов. Подразделениям каждой филы, фратриям, соответ-

³⁰¹ В. Дюрант Жизнь Греции М. Академия, 1997. Стр. 21

ствовавали демы и комы – поселения свободных земледельцев, живущих со своими семьями и ведущих семейное хозяйство.

Семью Аристотель рассматривал как основу трехступенчатой системы развития форм человеческого общежития – от семьи через демы к полису. Укрепление института семьи и появление частной собственности вызвало появление государства. Свободные граждане противостояли массе эксплуатируемых рабов. В результате глубоких изменений в греческом обществе в VIII-IX вв. до н. э. появились долисы, которые представляли собой государственные объединения в виде города и ряда сельских

поселений вокруг него, причем город доминировал над ними.

Самыми крупными в греческом мире были два полиса – Афины и Спарта. Каждый из них имел свою политическую историю, специфику возникновения и устройства государства. Древние Афины и Спарта были разнохарактерными по устройству власти, но одинаковыми по своей классовой сущности государствами. Спарта являлась рабовладельческой олигархией, а Афины представляли собой рабовладельческую демократию. Эти важнейшие центры древнегреческой культуры оказывали огромное влияние на жизнь остальных полисов, таких как Коринф, Мегары, Фивы, Аргос, Халкида, Эретрия, Милет, Смирна, Эфес.

● образование Афинского государства началось с реформ, которые, по мнению Плутарха, провел легендарный Тесеус³⁰². При нем якобы произошло слияние двенадцати ранее обособленных фил в единый племенной союз с центром в Афинах. Тесею приписывают разделение всех свободных граждан

³⁰² Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х томах. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 16-17

Афин на три группы: эвпатридов – родовой знати, геоморов – земледельцев и демиургов – ремесленников.

Только эвпатриды наделялись исключительным правом на замещение государственных должностей. Авторитет родовых учреждений падал. Вместо Базилеаса была учреждена ежегодно избираемая коллегия архонтов. Она ведала военными и судебными делами и Совет старейшин был преобразован в ареопаг. Бывшие архонты становились пожизненными членами ареопага. Демос – народ состоял из земледельцев, ремесленников, торговцев и моряков. Выходцы из других частей Аттики – метеки – были свободны, но гражданских прав не имели.

Экономической основой жизни был труд рабов, эксплуатируемых свободными гражданами, которые являлись носителями всех гражданских прав и обязанностей по отношению к обществу. Гражданин – мужчина – был главным элементом управления и содержания государства, роста его военной силы, необходимой и для защиты от нападения. Гражданин пользовался значительными правами и привилегиями. Он часто присутствовал на празднествах, и все эти зрелища, процессии, бега на колнях и колесницах, борьба атлетов, гонки судов, музыкальные и драматические представления не стоили ему ровно ничего. Нередко он даже питался за счет богатых. Гражданин бесплатно посещал бани и занимался гимнастикой в специальных учреждениях, в которые мог свободно прийти любой желающий. Если он заболел, его безвозмездно лечил общественный врач.

Мужчина-гражданин являлся главным распорядителем и хозяином основного структурного элемента общества – семьи. В раннюю архаическую эпоху, когда пережитки матриархальных родовых связей еще не окончательно утратили свою силу, супружеские отношения строились на признании относительного равенства полов. Свидетельство тому можно найти в гомеровском эпосе. Так, женихи, «осаждавшие» дом Пенелопы, были вынуждены считаться с ее мнением и выполнять ее условия. В классическую эпоху положение женщин значительно изменилось, и они были низведены на уровень бесправных служителей детей. Однако, несмотря на доминирующую патриархаль-

ную власть мужа и отца, жизнедеятельность института семьи в значительной мере регламентировалась законами полиса.

Закон предписывал время и условия вступления в брачный союз, регулировал отношения супругов, определял круг родительских обязанностей и порядок религиозных культавых обрядов в семейной жизни. Государство всячески укрепляло институт семьи и защищало его интересы. Например, в соответствии с афинскими законами муж, уличивший свою жену в измене, обязан был развестись с ней под страхом потери своих гражданских прав.

Дабы избежать мужских соблазнов вступления в незаконные сексуальные отношения с чужими женами, великий реформатор Солон легализовал проституцию и поставил ее под контроль государства. «Он купил за счет республики азиат-

ских рабынь и заключил их в особые учреждения, называемые диктериями и расположенные в Афинах в окрестностях порта, недалеко от храма Венеры Пандемос, где они должны были обслуживать нужды публичной проституции»³⁰³.

Безбрачие, как правило, не каралось законом, но считалось серьезным нарушением религиозных традиций. Вследствие безбрачия человек подвергался моральному порицанию, которое, однако, не влекло за собой утрату гражданских и политических прав. Так, реформами Ликурга в Спарте был установлен ряд позорных наказаний для холостяков: им не позволялось присутствовать на главном спартанском празднике – гимнопедии, «зимом, по приказу властей, они должны были нагими обойти вокруг площади, распевая песню, сочиненную им в укор (в песне говорилось, что они терпят справедливое возмездие за неповиновение законам), и наконец, они были лишены тех почестей и уважения, какие молодежь оказывала старшим»³⁰⁴. Плутарх в «Сравнительных описаниях» упоминает один скандальный случай с прославленным полководцем Держиллидом: «Какой-то юноша не уступил ему места и сказал так: "Ты не родил сына, который бы в свое время уступил место мне"»³⁰⁵. Общественное мнение в данном инциденте поддерживало юношу.

Брачные отношения в Древней Греции образовывались, прежде всего, с целью воспроизведения потомства и укрепления рода. Супружеские отношения не были столь значимы, как родительские. В условиях господства патриархального рода главным родителем считался отец.

Соответственно, и законодательство утверждало патриархальное господство мужской половины семьи над женской. Замужество буквально означало подчинение и покорность. Одно из имен богини Геры – супруги Зевса и покровительницы замужних женщин – «покорная». Фактически всю свою

³⁰³ Дюнув Е. Проституция в древности. Кишинев, 1991. Стр. 59

³⁰⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 64

³⁰⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 64

жизнь свободная порядочная гречанка проводила в стенах дома, переходя во время свадьбы из гинекей отца в гинекей мужа. Вне своего дома она была абсолютно бесправна и даже не имела личного имени. Своим именем женщина пользовалась исключительно в кругу семьи, поскольку для внешнего мира она всегда была дочерью или женой такого-то гражданина. Муж или отец были полноправными представителями женщин при решении всех вопросов, выходящих за пределы их дома и семьи.

В письменных документах той эпохи женщины упоминаются исключительно по своей принадлежности и подчиненности главе семейного клана. «Таково было правило – не на

зывать некоторых женщин, жен, дочерей и матерей граждан; то есть женщин "домов" тех, на кого давит авторитет отца и брата. Когда у мужчины возникала необходимость их описать, он идентифицировал их посредством родственной связи с тем, кто имел над ними эту власть, с тем, кто нес за них юридическую ответственность; сначала это отец, потом муж, потом сын³⁶⁶. Плутарх в жизнеописании Перикла³⁶⁷ сообщает, что у того была законная жена, его родственница, которая раньше была замужем за Гиппоником, нигде не упоминает ее имени. Имя жены Перикла, как и имена многих других свободных гречанок, так и остаются неизвестным вплоть до наших дней. Правило безмяноты не распространялось лишь на рабынь, проституток и покойниц.

В отличие от варварских восточных деспотий, цивилизованные греки старались обосновать положение своего законодательства философскими доктринами, которые доказывали совершенную неполноценность женщины как человеческого существа. Древнегреческие мыслители воспринимали женщин как промежуточное звено между человеком-мужчиной и животными, не имеющими души и неспособными к какой-либо разумности. Эта идея утверждалась в философских, медицинских и литературных произведениях Гесиода, Платона, Аристотеля, Гипократа, Аристофана и Семонида Аморгосского.

В VIII в. до н. э. Гесиод в своей поэме «Труды и дни» повествует о том, что Прометей – сын титана Иапета – похитил у Зевса огонь и подарил его людям. Зевс наказал Прометея, но вернуть огонь не смог. Гнев верховного божества обратился на людей, и он приказал другим богам создать женщину. Имя этой первой женщины Пандора – «всеми одаренная». Она прелестна, но у нее двуличный и лживый нрав. От нее и произошел «женщин губительный род».

В гнев к нему обратился Кронид, облаков собиратель:

³⁶⁶ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху, М., 2005. Стр. 125

³⁶⁷ Плутарх. Избранные жизнеописания. Перикл. Пер. С. П. Соболевского, М., 1990

«Сын Иапета, меж всеми искуснейший в замыслах хитрых! Рад ты, что выкрал огонь, и мой разум обманом опутал. На величайшее горе себе и людским поколениям! Им за огонь ниспощлю я беду. И душой веселиться Станут они на нее и возлюбят, что гибель несет им»

Так говоря, засмеялся родитель бессмертных и смертных. Славному отдал приказ он Гефесту как можно скорее Землю с водою смешать, человеческий голос и силу. Внутрь заложить и обличье прелестное девы прекрасной, Схожее с вечной богиней, придать изваянию. Афина. Он приказал обучить ее ткасть превосходные ткани. А золотой Афродите – обвеять ей голову дивной Прелестью, мучащей страстью, грызущей члены заботой. Аргобийце ж Гермесу, вожатаю, разум собачий Внутрь ей вложить приказал и двуличную, лживую душу.

Так он сказал. И Кронида-владыки послушались боги Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой Тотчас слепил из земли знаменитый хромец обоегий. Пояс надела, оправив одежды, богиня Афина. Девы-Хариты с царицей Пейто золотым ожерельем Нежную шею обвили. Прекрасноволосые Оры

Пышные кудри цветами весенними ей увенчали [Все украшенья на теле оправила дева Афина.] Аргобийца ж, вожатай, вложил после этого в грудь ей Льстивые речи, обманы и лживую, хитрую душу. Женщину эту глашатай бессмертных Пандорою назвал. Ибо из вечных богов, населяющих дома Олимпа, Каждый свой дар приложил, хлебодядным мужа ч на погнесь.

Пандора стала женой Эпиметея, младшего брата Прометея. От мужа она узнала, что в доме есть ларец (либо сосуд) – подарок Зевса, который ни в коем случае нельзя открывать. Если нарушить запрет, весь мир и обитателей жгут неслы-

числимые беды. Поддавшись своему женскому любопытству, она легкомысленно открыла ларец, и беды обрушились на мир. Когда Пандора в страхе закрыла ларец, то на дне его, по воле Зевса, осталась только Надежда.

В прежнее время людей племени на земле обитали, Горестей тяжких не зная, не зная ни трудной работы, Ни вредоносных болезней, погибель несущих для смертных. Снявши великую крышку с сосуда, их все распустила Женщина эта и беды лихие наслала на смертных. Только Надежда одна в середине за краем сосуда В крестком осталась своим обиталищем, вместе с другими Не улетела наружу: успела захлопнуть Пандора Крышку сосуда, по воле эгидодержавного Зевса. Тысячи ж бед улетевших меж нами блуждают повсюду. Ибо исполнена ими земля, исполнено море.

С подобными взглядами Гесиода, соглашался и Сократ, который полагал: «Любви женщины следует более бояться, чем ненависти мужчины. Это – яд тем более опасный, чем он приятен»³⁰⁸. Ученик Сократа Платон в трактате «Государство» описывает женщину как низшее существо. «Множество самых разнообразных вожделений, удовольствий и страданий легче всего наблюдать у детей, женщин и у домашней челяди, а среди тех, кого называют свободными людьми, – у ничтожных представителей большинства»³⁰⁹. «По отношению к занятиям, связанным с государственным устройством, у женщины нет никаких особенностей»³¹⁰. Тем не менее, выделяя среди женщин лучших, Платон считает допустимым их участие в общественной жизни, при учете того, что «из-за слабости их пола, женщинам надо давать поручения более легкие, чем мужчинам»³¹¹.

Ученик Платона Аристотель также полагал, что «мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении»³¹². По мнению философа, женщины в социальной иерархии должны были занимать место между рабами и мужчинами, поскольку «рабу вообще не свойственна способность решать, женщине она свойственна, но лишена действительности»³¹³.

О том, что женщина по природе своей является неполноценным существом, аргументировано свидетельствуют натурфилософские выводы Аристотеля из его наблюдений за природным различием самцов и самок у животных. Так, наблюдая результаты кастрации у особей мужского пола (как среди животных, так и среди людей), Аристотель замечал появле-

³⁰⁸ Платон. Собр. соч. в 4-х томах Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 202

³⁰⁹ Платон. Собр. соч. в 4-х томах Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 202

³¹⁰ Платон. Собр. соч. в 4-х томах Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 229

³¹¹ Платон. Собр. соч. в 4-х томах Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 232

³¹² Аристотель. Политика. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. Стр. 383

³¹³ Аристотель. Политика. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. Стр. 400

ления, когда это зверь в поре, а ему долго нет случая зачать, он приходит в бешенство, рыщет по всему телу, стесняет дыхательные пути и не дает женщине вздохнуть, доводя ее до последней крайности и до всевозможных недугов»³¹⁶.

Исцеление и профилактика физических и психических женских недугов часто сводились древнегреческим и врачевателями к организации регулярной половой жизни. Так, Гиппократ в «Женских болезнях» рекомендовал: «Вот как лучше всего поступить со женщиной: лучше всего ей забеременеть. Что же касается юных дев, им лучше всего выйти замуж». Мнение Гиппократа разделял и Аристотель, утверждавший: «Если женщины имеют связь с мужчинами, они здоровее, если нет — им хуже»³¹⁸.

Во время соединения проникающая сперма увлажняет матку, и она успокаивается. Исходя из данного положения, здоровье и сама жизнь женщины становится в зависимое положение от мужчины. Женщина, по сравнению с мужчиной, — существо второсортное, не имеющее полноценной души и неспособное ее воспроизводить. Душа человека происходит от мужчины-отца, женщина творит и вынашивает тело. Психика женщин примитивна и по своим качествам близка к животным и природным стихиям. Об этом свойстве женской неполноценности писал античный поэт первой четверти VII в. до н. э. Семонид Аморгосский. Его поэма содержит сравнительную классификацию множества пороков, выводимых из природного происхождения женщин.

Различно женщин нрав сложил вначале Зевс:

Одну из хрюшки он щетинистой слепил —

Все в доме у такой валается в грязь,

Разбросано кругом — что где не разберешь.

Сама ж — немытая, в засаленном плаще,

В навозе дни сидит, нагуливая жир.

³¹⁶ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: РАН, Мысль. 1994. Стр. 499

³¹⁷ Гиппократ. Женские болезни. Кн. 2. Стр. 232

³¹⁸ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин II классическую эпоху. М., 2005. Стр. 107

Другую из лисы коварной создал бог —
Все в толк берет она, сметлива хоть куда,
Равно к добру и злу ей ведомы пути,
И часто, то бранит, то хвалит ту же вещь
То да, то нет — порыв меняется что час.
Иной передала собака верткий нрав,
Проныра — ей бы все разведать, разузнать,
Повсюду нос сует, снует по всем углам.

Женоненавистничество древних греков, как видно из выше приведенного текста, основывалось на их страхе перед женской зооморфной природной сущностью, наполненной, по их мнению, такими недостатками и пороками, как невоздержанность, отсутствие ума и добродетельности. Первое проявляется в неспособности женщин к саморегуляции и обузданию потребностей. Так, по мнению Аристотеля, женщины слишком предаются наслаждениям ласк и чревоугодия. То есть: «является ненасытной утробой, жадной до пищи и секса, толстеющей за счет истощения других»³¹⁹. Второе порочное качество — отсутствие ума — порождает нерешительность, безволие, недостаток упорства и храбрости, неспособность к творчеству и любви к прекрасному. Все это делает женщину злой и лишенной добродетели. Кроме того, женщина нечиста по своей природе. Гесиод полагал, что даже мыться в воде, где купалась женщина, опасно³²⁰.

Подобные взгляды на природу женщин, характерные для древнегреческого общества классической эпохи, оказывали значительное влияние на систему семейных отношений. Поскольку мужчина лучше женщины и превосходит ее во всех отношениях, жена должна принадлежать мужу и подчиняться ему как своему господину.

Данное положение проявлялось во всем укладе семейной жизни, начиная со вступления в брачные отношения. Так,

³¹⁹ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин II классическую эпоху. М., 2005. Стр. 47

³²⁰ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин II классическую эпоху. М., 2005. Стр. 48

брачный возраст в значительной мере различался у мужчин и женщин. Жениться и создавать свою семью для мужчины считалось приличным в возрасте около 35-40 лет, когда он обретал значительный жизненный опыт. Обретение опыта было весьма длительным и включало в себя ряд важных этапов. До 18 лет мужчины получали образование в гимнасиях, затем осваивали воинское искусство в качестве эфэбов на военной службе, в двадцать лет они становились гражданами своего полиса, а после 30 получали право публично выступать на собраниях и занимать государственные должности.

Для женщин такой путь развития не предусматривался. Получив начальное домашнее образование, они в очень раннем возрасте выдавались замуж. Письменные источники сообщают, что в Афинах средний брачный возраст для женщин равнялся 14 годам, а на Крите – 12. Реально этот возраст был еще меньше, поскольку древние греки «пользовались инклюзивным способом вычислений, добавляя к числу единицу, и поэтому их 14 и 12 соответствуют у нас 13 и 11»³²¹.

Женщины в Древней Греции фактически не знали пубертата и юности. Их детство прерывалось замужеством, и они сразу, без подготовки вступали во взрослую семейную жизнь. Пьер Брюле так описывает портрет среднестатистической невесты: «Очень юная, часто ребенок, она вынуждена в один миг оставить игрушки своего детства. Невинная девственница, разумеется. Кто возьмет лишнюю девственность девушку? Довольно дикая. Первое время после свадьбы станет для нее периодом одомашнивания. Благодетельная девица, она знает о мире только со слов своих близких (в идеале – ничего не знает); она несовершеннолетняя, зависимая, не владеющая собой. Она целиком зависит от отца, которому вдвойне обязана жизнью, поскольку он мог отказаться от нее в момент рождения. Мать особенно требовала от нее быть благодарной»³²².

³²¹ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 143

³²² Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 140-141

Муж, принимавший жену из дома ее отца, значительно превосходил ее в жизненном опыте, развитии и возрасте. Вводя ее в свой дом, он становился ее новым опекуном, наставником и господином. Выход замуж и расставание с детством сопровождалось рядом специфических обрядов. Предназначенная к замужеству девочка несла в храм Артемиды – покровительницы детства свои игрушки и локоны детских волос. Оставляя эти дары в качестве жертвоприношений на алтаре, она прощалась с детством и готовилась вступить во взрослую жизнь в новом доме и другой семье.

Столь большую разницу в возрасте мужа и жены афинские мудрецы обосновывали тем, что репродуктивный возраст мужчины значительно превосходит женский. Аристотель считал, что, поскольку мужчина способен производить потомство до 70 лет, а женщина – до 50 лет, то оптимальная разница в возрасте у мужа и жены должна составлять 20 лет³²³. «Они должны подходить друг другу по возрасту, и их потенция должна быть одинаковой; иначе выйдет так, что муж в состоянии производить детей, жена же не в состоянии, или наоборот, жена в состоянии, а муж – нет. Из-за этого бывают раздоры и недоразумения»³²⁴.

Рассуждения Аристотеля еще раз подтверждают идею о том, что афинский брак заключался, прежде всего, для продолжения рода. Семейная жизнь не строилась на основе любви, взаимного уважения и верности со стороны мужчин. Первый брак заключался посредством договора между отцом юной женщины и ее будущим мужем, которые, как правило, обладали равным социальным статусом и находились в дальнем родстве. В Греции долго сохранялись традиции кросскузенного брака. Как правило, отец старался или при жизни, или завещанием выдать дочь замуж или сосватать. Если он не успел этого сделать, то обязанность позаботиться об этом возлагалась на представителей общественной власти, у спартанцев – на царя, у афинян – на архонтов.

Данные представители власти не могли выдать девушку замуж, за кого хотели или за кого хотела она. Существовал особый порядок для женихов, установленный законом. Прежде всего, девушка должна выйти замуж за одного из своих дядей с отцовской стороны, начиная со старшего, потом за одного из своих двоюродных братьев, потом за кого-нибудь из других родственников, постоянно следуя по степени родства. Все эти варианты брачного союза были обязательны для молодой девушки под угрозой потери половины наследства.

³²³ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: АН СССР, Мысль», 1983. Стр. 622

³²⁴ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: АН СССР, Мысль», 1983. Стр. 621

Свадебный обряд состоял из нескольких основополагающих частей, которые могли быть значительно разделены во времени. Первая часть представляла собой собственно договор о передаче невесты и власти над ней от отца к мужу. Церемония договора происходила непременно при свидетелях и включала в себя Диалог между отцом и его будущим зятем об условиях передачи. Суть диалога сводилась к тому, что отец передает ему свою дочь, чтобы он оплодотворил ее. Вместе с дочерью отец передает ему приданое, стоимостью от нескольких сотен драхм до нескольких талантов. Будущий зять с радостью принимает и первое, и второе. Передача дочери не является со стороны отца отказом от нее. В случае недостойного отношения мужа к молодой жене отец мог вернуть дочь в свой дом вместе с приданым. Такая власть отца не была абсолютной и постоянной, поскольку он утрачивал все свои патриархальные права после рождения дочерью первого ребенка. С рождением детей жена оказывалась в полной власти своего мужа.

После заключения договора между отцом и будущим мужем невесты следовала свадьба, которая являлась священной церемонией приобщения молодой девушки к культуре ее новой семьи. Обычно церемония совершалась дома под покровительством домашних богов – Тритопаторов, олицетворявших предков и обеспечивавших генетический успех брака. Мольбы также обращались и к верховным богам Олимпа. Перед свадьбой, в качестве предварительного приготовления к браку, молодые отправлялись в храмы, где приносили жертвы этим богам – покровителям семейной жизни, Плутарх сообщает, что жертвоприношения совершались на алтарях Артемиды, Афродиты, Пейто, Зевса Телейоса и Геры Телейи.

Артемидя являлась покровительницей детства, создания семьи и способствовала женской плодовитости. Таким образом, она обеспечивала переход молодой женщины от детства к супружеской эротике и родам. Афродита и Пейто – покровительницы любовных отношений, способствовали образованию сексуального союза будущих мужа и жены. Афродита возбуждала желание, а Пейто наделяла невесту сообразитель-

ными прелестями. Зевс Телейос (мужчина) и Гера Телейя (женщина) олицетворяли собой идеальную супружескую пару. Зевс – владыка и покровитель, Гера – покорная исполнительница его воли. Брак в Древней Греции предполагал абсолютное господство мужа и полную подчиненность, и покорность жены.

Церемония бракосочетания состояла из трех действий. Первое совершалось в родном доме невесты, перед очагом отца, вторым был переход в дом мужа, третье происходило у очага ее нового дома. Смысл первой части заключался в отторжении невесты от родительского дома. Это было необходимо, так как молодая девушка не могла отправиться на поклонение очагу мужа, пока отец предварительно не отречет ее от родительского очага. Чтобы вступать в новую семью, она должна была быть совершенно чистой и свободной от всяких уз и от всякой связи со своей первой семьей. Для обретения чистоты невеста принимала специальную брачную ванну. Обряд очищения производился водой из специального священного источника, принесенной в дом в специальных амфорах – лутрофорах. Процессия, доставляющая священную воду в дом невесты, состояла из девственниц, несущих амфоры и факелы, и мальчика, играющего на флейте. После омовения проводился обряд отречения.

При отречении в родительском доме, в присутствии жениха и его родственников, отец невесты, окруженный всей семьей, приносил жертву. Окончив жертвоприношение, он провозглашал священную клятву, произнося, что отдает свою дочь в жены тому-то. По окончании ритуала начинался праздничный пир, посвященный сближению домов. «Разделение полов, похоже, было очень строгим, были столы для мужчин и столы для женщин. Пища, вероятно, была традиционной, но она обязательно включала блюда, признанные способствующими плодovitости, например кунжутные лепешки»³²⁵. Празднество длилось до позднего вечера. Гимны, эпиталамы, пожелания счастья молодым сменяли друг друга и сопровождались обильными возлияниями.

³²⁵ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 161

В конце пира невесту, покрытую белым покрывалом, вводили в зал и она занимала место среди женщин. Кульминацией первой части было снятие с невесты покрывала и вручения подарков от супруга. С этого момента невеста считалась замужней женщиной и должна была покинуть свой родительский дом и последовать в дом супруга.

Вторая часть церемонии посвящалась переходу девушки в дом мужа. Обычно молодую девушку в белом платье сажали на колесницу, лицо ее вновь закрывали покрывалом, а на голову надевали венок. Венок, как и белый цвет одежды, был непременным атрибутом всех религиозных церемоний. Поскольку пиршество в доме отца невесты длилось до глубокого вечера, переход в дом мужа осуществлялся в темное время суток. Впереди колесницы несли брачные факелы и на протяжении всего пути сопровождающие невесту гости пели священные гимны. «Глашатель идет впереди, новобрачные следуют за ним, затем семья девушки, все родственники, друзья, дети, увенчанные миртом, и, наконец, музыканты и танцоры. Окрестности оглашаются криками и хорами мальчиков и девочек, хлопками по дверям новобрачных»³²⁶.

Родители жениха ожидали коротже новобрачных у своего дома и приветствовали супругов, когда те сходили с повозки. Прибыв к дому мужа, девушка не входила сама в свое новое жилище. Муж должен был «похитить» невесту, притвориться, что он ее берет силой, а она должна закричать, и женщины, которые сопровождают молодую, должны делать вид, что ее защищают. Эта инсценировка показывает, что невеста, готовящаяся совершить жертвоприношение очагу этого дома, приближается к нему не по своей воле, а по воле хозяина дома, который вводит ее туда своей властью. После притворной борьбы жених брал ее на руки и переносил в дом, тщательно стараясь, чтобы ноги ее не коснулись порога. На руках жених нес невесту до самого супружеского ложа.

В доме молодые подходили к очагу, и новобрачную ставили перед изображением домашнего божества. Ее кропили очистительной водой.

³²⁶ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 162

тельною водою, після чого вона прикасалася до священного вогню. Тут же прозвучали молитви, і новобрачні сьєдали собою хліб і небагато ритуальних плодів – фініків, кунжутних лепешек, сушених фігових плодів і орехів. Це спільне вживання їжі перед очагом, яке починалося і закінчувалося обильним вознянням і молитвою, з'єднувало молодих до взаємного релігійного спілкування з домашніми богами.

Поскольку основной функцией древнегреческой семьи было детопроизводство – рождение свободных граждан, оно сосредотачивало в себе не только экономические, социальные и юридические аспекты, такие как приумножение семейного имущества, укрепление порядка наследования и рост военной силы полиса, но и религиозные аспекты существования семьи и общества.

Через рождение детей, приобщавшихся к традициям отправления культа предков, укреплялась непрерывность сакральной связи между живыми и мертвыми членами рода. Умершие были для живых священными покровителями. Обладая возможностью приносить добро или зло своим близким, души предков делали это, исходя из того, насколько живущие прямые потомки почитали их после смерти. Жертва, прине-

сенная чужаком, считалась коштунком и могла вызвать гнев духов. Любимый посторонний являлся врагом родового семейного клана. Исходя из этого положения, на сьне лежала строгая обязанность самому приносить своему умершему отцу необходимую жертвенную пищу, и эта обязанность вытекала не столько из долга признательности, сколько из его интересов сакрального сохранения собственного благополучия. Соответственно, также в его интересах было и продолжение рода.

Древние греки предпринимали множество мер, чтобы не дать угаснуть потомству навсегда. Женщина, входившая в новую семью в результате ее замужества, обязательно приобщалась к домашнему культу и представлялась предкам. Жертвоприношение духам предков семьи мужа, совершаемое молодой женой, было одним из главных обрядов завершающего этапа свадьбы. Благоволение семейных духов к совершаемому браку способствовало укреплению дома и увеличению плодотворности супругов.

В процессе третьего этапа свадебной церемонии предусматривалось не только утверждение невесты в роли жены и будущей матери, но и хозяйки дома, вступающей в свои права. После приобщения к домашнему культу невеста принимала в дар предметы домашней утвари, символизировавшие ее новый статус – горшки, жаровню, сито и ключи от кладовых с хозяйственными запасами. По завершении ритуалов супруги отпирывались в брачные покои, дверь которых охранял один из друзей мужа.

В первую брачную ночь рекомендовалось невесте посты айна, а жениху не пить вина. Плутарх обосновывал этот обычай тем, что айна, съеденная невестой, будет способствовать тому, чтобы «первое впечатление от лица ее и голоса было сладостным и чарующим»³¹⁷. Жених же обязан быть трезвым, поскольку «те, которые сходятся с женами ради деторождения, должны перед этим или не пить вина совершенно, или, по крайней мере, в умеренном количестве. В противном случае дети, которых отцы произвели в опьянении, являются любителями вина и даже пьяницами»³¹⁸.

³¹⁷ Плутарх Моралии, М. – Харьков, 1999. Стр. 557

³¹⁸ Псевдо-Плутарх, О воспитании детей, Варшава: Варшав. учеб. окр., 1913. Стр. 3

Наутро родители молодой жены приносили подарки. Как правило, их сопровождал кортеж девушек, несущих сундуки с одеждой и обувью, вазы, украшения, горшочки с благовониями и украшениями и косметикой. Юная невеста становилась женой, матроной и хозяйкой дома, ограниченной своим новым гинеекеем и во всем зависящей от воли мужа.

Несмотря на то, что политически, экономически и социальныжены в Афинах были совершенно бесправны, они могли высоко цениться как существа, производящие потомство, как трудовая сила, управляющая хозяйством дома, и как объект материального достатка. Приданое, которое давалось за невестой и поступало в распоряжение мужа, зависело от социального статуса и экономического положения семьи невесты. В Афинах тридцать мин считались средним приданым. Чаще всего оно давалось деньгами или движимостью, но не запрещалось включать в него недвижимость и даже землю.

При назначении приданого не требовалось никакой официальной регистрации. Достаточно было простого заявления перед свидетелями. Хотя при этом иногда практиковалось и составление письменного акта. Так, отец невесты, передавая приданое зятю, мог брать от него закладную на его земельную собственность. Такого рода сделка оформлялась при помощи особой надписи на каком-нибудь виде недвижимости. В аристократических семьях приданое могло составлять и весьма значительную сумму, равную 10-12 талантам. Учитывая то, что один талант составлял 60 минов, а один мин – 100 драм, то приданное жены было для мужа весьма выгодным приобретением. Ремесленник среднего достатка, трудясь в поте лица целый день, мог заработать от полутора до двух драм. Таким образом, приданое стоимостью в один талант равнялось для него целому году работы без праздников и выходных.

Среди афинских граждан было довольно много людей среднего достатка. Состояния даже богатых граждан были относительно скромными. Значительным считалось состояние в 2-3 таланта (в одном таланте – 6 тысяч драм), имущество в 10-15 талантов рассматривалось как очень крупное. Магнаты,

располагавшие огромными средствами, были исключением. Так, богатство афинского аристократа Никия в 100 талантов (600 тысяч драм) считалось уникальным.

Тем не менее брачные документы классической эпохи содержат сообщения об очень крупных суммах, отданных в качестве приданного дочерям из знатных и богатых семей. Плутарх сообщает о некоей Гиппарете, приданое которой равнялось двадцати талантам, что составляло 80 тысяч трудоней, или 25 лет работы для 100 ремесленников³⁹⁹.

Имущество, принесенное в приданое, находилось в распоряжении мужа, но он был обязан передать его неприкосновенным своим детям. Если брак расторгался, то муж возвращал приданое родителям жены или выплачивал им за него по 18% его стоимости в год. Если жена умерла раньше мужа и при этом была бездетна, то приданое возвращалось к тем, кто его дал, или к тем, кто представлял их интересы.

Создание семьи без передачи приданого было в Афинах чрезвычайно редким явлением. Если молодая девушка не имела попечителей – отца или братьев, закон предписывал ближайшим родственникам наделять бедных девушек-сирот приданым или самим брать их замуж. Если же попечитель был, но не мог обеспечить достойное приданное, то девушка оставалась в его доме до конца жизни или до тех пор, пока не находилась желающий взять ее без приданого.

Подобные случаи были крайне редки и являлись исключением из правила. Таковым был первый официальный брак величайшего афинского философа Сократа, который всю жизнь прожил с двумя женами – Ксантиппой и Миртой, и имел от них трех законных сыновей: Лампрокла, Софроннса и Менексена. Первой женой Сократа была Ксантиппа, имевшая дурную славу злой, сварливой и вздорной женщины. Второй женой стала Мирта – дочь знаменитого великого стратега Аристиды Справедливого, подвергнутого ostracismu и умершему в крайней бедности. Сократ из уважения к памяти Аристиды женился на

³⁹⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 277

его дочери, не имевшей никакого приданого и оказавшейся в трудном положении. Двоеженство в Афинах было разрешено и узаконено специальным декретом после окончания Пелопонесской войны, унесшей жизни многих горожан.

В Афинах возможность иметь несколько жен и мужей в течение жизни проявлялась в распространенной традиции разводов и повторных браков. Так, по свидетельству Плутарха, известный афинский законодатель и государственный деятель Перикл был женат на своей родственнице, которую предположительно звали Дейномаха. Брак с Периклом у нее был вторым. До него она была «замужем за Гиппоником, от которого имела сына Калия «Богатого»; и от брака с Периклом у нее были сыновья – Ксантипп и Парал. Потом, когда совместная жизнь перестала им нравиться, он вместе с ее опекуном, с ее согласия выдал ее замуж за другого, а сам взял Аспасию и «чрезвычайно ее любил»³³⁰. Данный случай, описанный Плутархом, свидетельствует, что не только родители могли определять семейное будущее своих дочерей, но и любой мужчина, имеющий над ними покровительственную власть – муж или опекун. Муж имел право развестись со своей женой, вернув ее в родительский дом или выдав замуж за другого мужчину. Согласие и мнение женщины по этому вопросу, как правило, не учитывалось. Правда, приданое, полученное от отца при заключении первого брачного союза, неуклонно следовало за ней из семьи в семью, что, с одной стороны, значительно облегчало заключение всех последующих браков, а с другой – способствовало сохранению и укреплению семейных уз.

В архаические времена в Греции развод был почти неизвестен, он стал очень частым явлением в классическую эпоху. Греческие ораторы того времени рассматривали приданое как необходимую меру для усиления прочности брачного союза. Очень часто муж оставлял у себя жену только потому, что опасался обязанности вернуть приданое в случае развода. Расторжение брака по требованию мужа называлось «отсылкой», а по инициативе жены – «оставлением».

³³⁰ Плутарх. Сравнительные жизни описания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 213

Первый не был подчинен никаким формальностям. Муж имел право в любой момент отослать свою жену обратно, и это происходило безо всякого вмешательства государственной власти; в этом случае жена возвращалась к своему отцу или опекуну, а дети оставались у мужа. Обычно это «удаление» жены из дома происходило в присутствии нескольких свидетелей, хотя это правило и не было обязательно.

Жена, при желании развода, не могла поступать так самостоятельно. Требовалось, чтобы она обратилась к архонту, а архонт утверждал требуемый ею развод только при представлении письменных доказательств обоснованности ее требования. Процедура развода для женщины была публичной, а общественное мнение, как правило, осуждало таких жен.

Развод мог состояться даже по требованию третьего лица. Отец, например, имел право развести свою бездетную дочь с ее мужем как для того, чтобы взять ее к себе обратно, так и для того, чтобы выдать ее замуж за другого. После смерти отца самый ближайший ее родственник мог заставить ее покинуть своего мужа. Последствием развода, как известно, было возвращение приданого, за исключением тех случаев, когда развод вызывался неверностью жены. По закону, тот из супругов, кто потребовал развода, не мог вступить в новый брак с лицом моложе разведенного.

Развод по инициативе женщин был осложнен еще и тем, что их жизнь протекала исключительно в домашнем гинеее мужа. Они были буквально «за мужем» то есть жили за стенами дома своего мужа.

Лишь жены бедняков могли временно покидать свой дом по хозяйственным делам. В состоятельных домах покупкой продуктов, вещей и необходимой домашней утвари, как правило, занимались рабы. Свободной знатной женщине появляться на агоре и в других людных местах считалось крайне неприличным. Та же Геппарета, пытаясь развестись со своим мужем Алквадом, была вынуждена идти в суд к афинским архонтам через весь город, поскольку «письмо о разводе супруга должна была подать архонту не через второе лицо, а

собственноручно»³¹¹. Это было для нее большим позором и унижением, поскольку свободно перемещаться по городу было позволительно лишь рабыням и проституткам. Развод ей так и не удался, поскольку Алквад, не желавший терять двадцать талантов, явился в суд во время прихода туда жены, «внезапно схватил ее и понес через всю площадь домой, причем никто не посмел вступить и вырвать женщину из его рук. Гиппарета оставалась с мужем вплоть до самой смерти»³¹².

Лишенные почти всех социальных прав за стенами своего дома, афинские женщины были полновластными хозяйками внутри его. На них лежала обязанность вести хозяйство и учитывать все расходы. Помимо своей непосредственной работы, как правило, прядения и ткачества, они наблюдали

³¹¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 277

³¹² Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 277

за рабами и руководили работой своих служанок. Так как им приходилось почти все время жить среди рабов, отдавая им приказания, браня их за леность, за ошибки и упущения, то они, естественно, привыкали к власти и иной раз, не отличая и хозяйя от невольника, обращались с ним в том же тоне.

Афинянки ревниво оберегали свою власть в хозяйстве и крепко держались за нее. Иногда это порождало некоторые злоупотребления, приводившие к конфликтным отношениям между супругами. Случалось, что нерадивые и нерасчетливые жены расточительно тратили провизию. Тогда мужу приходилось вмешиваться в хозяйство и забирать у них ключи от кладовых. Но, как правило, афинянки были опытными и хорошими хозяйками. В некоторых случаях их расчетливость и бережливость даже переходили в скупость.

Афиняне мало потребляли мяса, а больше питались рыбой и зеленью. Свое существование они поддерживали только самым необходимым, и не были при этом ни менее счастливы, ни менее развиты. В среднем каждый афинянин потреблял ежедневно около одного килограмма муки, выпивал не больше четверти литра разбавленного вина. Остальную еду покупали за незначительную сумму, так как продукты питания стоили дешево. Расходы на одежду были также минимальны. Семья из трех человек тратила на приобретение трех туник, трех пар сандалий и трех плащей (причем сандалии и плащи служили по несколько лет) около 20 драхм в год.

Дома у небогатых граждан были достаточно скромны. Как правило, это были одноэтажные строения из трех-четырёх небольших комнат. Древние греки мало заботились о комфортабельности своих помещений, так как они почти все время проводили вне стен жилищ. Суммируя все расходы, получается, что годовой бюджет бедной семьи составлял от двухсот до трехсот драхм, включая непредвиденные расходы. Конечно, при таких расходах жизнь вели очень скромную, но нужды не терпели.

Естественно, чтобы жить в довольстве, денег требовалось больше. Афинские жены радовались, когда мужа принесли

домой деньги, и не скупилась на едкие упреки, когда они их тратили. К тому же они очень гордились своей добропорядочностью. Сравнивая суровость своей личной жизни и усердное исполнение всех обязанностей с легкими нравами мужчин, они легко убеждались в своем превосходстве. Затаенные обиды, наносимые мужьями, часто делали женщин раздражительными и сварливыми. При малейшем поводе они могли проявлять по отношению к супругу резкость и грубость. Особенно это было характерно для обеспеченных женщин, которые замужеством обогащали своих мужей. Крепко держась за богатство, прибывшее вместе с ними в хозяйство, они становились еще более заносчивыми, сами никогда не забывали и другим не позволяли забывать, кто они и что имеют. Мужья порой жестоко страдали от этих женских пороков, которые они сами же и породили, ограничив жен рамками хозяйственных домашних забот.

Главный недостаток афинской семьи состоял в том, что жена не была тесно связана с жизнью своего мужа. Афинянин вел двойную жизнь, которая четко разделяла его гражданское и семейное положение. Как гражданин, он вел активный образ жизни – присутствовал на агоре, заседал в собрании и в судах, вел беседы, обсуждал государственные или решал свои торговые дела, но при этом он никогда не посещал жену в свои дела и остерегался говорить ей о чем-либо из того, что он видел или слышал. С женами никогда и ни о чем не советовались, их мнение не учитывалось, в том числе когда решался вопрос об их собственной участи или участи их дочерей и сыновей.

Даже в роли матери афинская женщина не была самостоятельной. С самого рождения детей поручали кормилицам, а когда наступало время их женить или выдавать замуж, мать не приглашали к участию в решении их судьбы; этот вопрос в силу закона, отец решал самостоятельно. Зависимые и во многом бесправные жены, наделенные при этом властью хозяйки дома, естественно, приобретали негативные качества, от которых им было трудно себя уберечь. Досуг и развлечения афинских женщин ограничивались возможностью изредка

посещать или приглашать к себе подруг, принимать участие в городских праздниках и религиозных обрядах. Жены аристократов могли не только ходить в гости по соседству, но и устраивать друг для друга званые пиры. Они же принимали значительное участие и в многочисленных городских празднествах. Женщинам было запрещено присутствовать на великих греческих играх, но разрешалось посещать театральные представления и похороны.

Афинская женщина не была презираема. Иначе она не сохранила бы за собой власть над домом. Афинянин по-своему уважал и любил свою жену, но совершенно не знал ее жизни. Занятый трудами и развлечениями вне дома, он жил возле нее, довольствуясь той добросовестностью, с которой она исполняла свои ежедневные обязанности, не требуя больше ничего. Держа женщин в стороне от своей жизни, мужчины тем самым толкали их к невольному обособлению и к созданию собственных феминистических верований и развлечений.

Примером таких культурных развлечений могли служить вакханалии. «Каждую осень жены на три дня покидали свои жилища, собирались в святилище, расположенном вне стен города, и славили Деметру и Кору. Мужчинам при этом присутствовать не полагалось»³³³. Процесс праздника воспроизводил миф о Деметре – покровительнице плодородия и ее дочери Коре (Персифоне), похищенной Аидом и возвращенной матери по требованию Зевса. Первый день был посвящен жертвоприношениям Деметре для обеспечения урожайности на полях. Жертва, как правило, состояла из смеси семян с пережившей свиной плотью, приготовленной заранее. Второй день женщины проводили в строгом посту. «Женщины в этот день поднимались на холм Пникс в Афинах и рассаживались там на ветвях аврамова дерева, которое подавляло половое влечение. Это действие совершалось в память о трауре Деметры, когда та искала Кору»³³⁴.

³³³ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 27

³³⁴ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 27

На третий день устраивалась праздничная оргия, посвященная Дионису. «В этот день женщины сквернословили, приносили в жертву свиней, пировали. Все это делалось ради величайшего блага в живом мире: плодородности людей и плодородия полей»³³⁵. Оргия доходила до экзотического состояния участниц, до одержимости и потери контроля над собой. В стремительном ритме танца, посвящая себя божеству, женщины впадали в транс и соединялись с Дионисом. «Во время приступа безумия женщина теряла грань между собой и богом, между собой и миром /.../ Экзотический танец трансформировался в бег или преследование. /.../ Вакханки преследуют молодое животное олененка или козленка, /.../ животное окружают, ловят и, взяв за ноги, раздирают на части»³³⁶. Таков ритуал вахического жертвоприношения. Едва стихали крики разрываемой на части жертвы, как вакханки набрасывались на ее останки и поедали свежую, почти живую плоть.

³³⁵ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2 009. Стр. 27

³³⁶ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 31

В остальное время афинские жены вели замкнутый образ жизни, посвящая себя домашнему хозяйству и воспитанию детей. Изредка женщины устраивали домашние посиделки, приглашая на них соседок и родственниц. Мужчины относились с подозрением и недоверием к общению женщин между собой, к их пустым разговорам, посвященным жалобам на мужей и придумыванием планов мести.

Аристофан в стихотворной форме так выражал взгляды афинских мужей на своих жен:

А жены носят платье, как в былые дни,
Они готовят сидя, как в былые дни,
И праздники справляют, как в былые дни,
Коврижки запекают, как в былые дни,
Мужей своих изводят, как в былые дни,
Любовников заводят, как в былые дни,
Сластишки закупают, как в былые дни,
Винишком запивают, как в былые дни.

Подобное состояние семейных отношений неизбежно способствовало тому, что мужья искали компенсирующих отношений вне своего дома. Они в изобилии находили их среди афинских гетер, которые, в отличие от жен, были достойными и разумными собеседницами, а порой и мудрыми советчицами в житейских и общественных, государственных делах. Таковой была знаменитая афинская гетера, содержательница публичного дома Аспасия. Плутарх писал о ней так: «Она была родом из Милета, дочерью Аксиоха /.../. Говорят, она, идя по стопам одной старинной ионянки, некоей Таргелии, заводила связи с мужчинами только самого высокого ранга. И Таргелия, красавица собою, соединявшая обаяние с ловкостью в политических интригах, жила с очень многими мужчинами из эллинов и всех, бывших с нею в близких отношениях, привлекала на сторону персидского царя, а через них, как людей высокопоставленных и очень влиятельных, она сеяла в городех начала персидского влияния. Что касается Аспасии, то, по некоторым известиям, Перикл влюбился ею как умной женщиной, понимавшей толк в государственных делах. Да и Со-

крат иногда ходил к ней со своими знакомыми, и ученики его приводили к ней своих жен, чтобы послушать ее рассуждения, хотя профессия ее была не из красивых и не из почтенных: хотя была содержательницей девиц легкого поведения. /.../

Кратин прямо называет ее наложницей в следующих стихах:

Геру распутство рождает ему,
наложницу с взглядом бесстыдным.
Имя Аспасия ей³³⁷.

Дом Аспасии в Афинах был не только диктерионом (местом свиданий с проститутками), но и своеобразным художественным и интеллектуальным салоном, где встречались поэты, философы, музыканты и политики. Ее высоко ценили за образованность, глубокомыслие и недюжинные ораторские способности. По мнению Плутарха, «эта женщина славилась тем, что многие в Афинах искали ее общества ради ее ораторского таланта»³³⁸. Пьер Брюле полагает, что она была непревзойденным специалистом в софистике и научила Перикла ораторскому искусству. /.../ Аспасия играет возле Перикла любопытную роль – сочиняет его речи, и Платон выводит ее на сцену, когда она произносит в своем «доме» надгробное слово, торжественную речь, весьма близкую к той, которую ее любовник произносит в конце первого года войны в – 431 году до н. э. – в память афинских солдат, павших в бою»³³⁹.

Сократ специально приходил к Аспасии поговорить о философии. Эта легендарная женщина была способна «создать» мужское величие. Плутарх, ссылаясь на Эсхина, упоминает о некоем торговце скотом Лисикле, который был «человек ничтожный сам по себе и низкого происхождения», но «стал первым человеком в Афинах, потому, что жил с Аспасией после смерти Перикла»³⁴⁰.

³³⁷ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 213

³³⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 213

³³⁹ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 206

³⁴⁰ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 213

Периклѣс

Аспасія

Столь же известными гетерами были Феорида и Архипа, скрасившие старость Софокла, Археанасса – подруга Платона, и Даная, обучавшая Эпикура искусству наслаждения. Знамениты своей красотой афинская гетера Фрина и коринфская гетера Лаида. Фрина неоднократно служила моделью для образов Афродиты в творениях своих великих любовников – скульптора Праксителя и художника Апеллеса.

Согласно рассказам античных авторов, поскольку гетера позировала для образа богини, что само по себе было кощунством, то оратор Евфий, ранее отвергнутый ею поклонник, обвинил Фрину в безбожии и нечестивости. Обвиняемая предстала перед афинским судом присяжных – Гелией. Защитником стал один из ее преданных любовников, знаменитый оратор Гиперид. Увидев, что его речь не производит на суд

особого впечатления, он сдернул с Фрины тунику, и данный аргумент достигнул цели. Суд признал ее благочестие и вынес оправдательный приговор. Согласно учению о калокагатии – представлении о прекрасном – столь совершенное тело не могло скрывать несовершенную душу.

Вил Дюрант в своей работе «Жизнь Греции» писал, что красота Фрины приводела в восторг жителей Афин IV века, когда она на празднике Посидония раздевалась на виду у всех, распускала волосы и входила в морские воды³⁴¹.

И все же гетеры, подобные Аспасии и Фрине, были исключением. В основной массе афинские проститутки были заурядными и необразованными женщинами. Большинство из них составляли так называемые порнаи – дешевые рабыни, приносящие таким образом доход своим хозяевам.

Чуть выше по статусу были свободные проститутки, которые работали на себя и платили налоги государству. Среди них выделялись авлетриды – флейтистки, которые обслуживали холостяцкие пиры, обеспечивая музыку, веселье и исполнение эротических танцев. В завершении застолья они и сходились и проводили ночь с гостями. Верхнее положение в этом

³⁴⁰ Дюрант В. Жизнь Греции. М.: Академия, 1997. Стр. 307

профессиональном сообществе занимали гетеры, имеющие статус свободных подруг.

Во всем своем разнообразии проституция негативно сказывалась на супружеских отношениях афинских граждан. Кризисные явления в их семейной жизни могли угрожать стабильности института брака и негативно сказываться на состоянии государства. На это обратил свое внимание великий реформатор Древней Греции Солон, живший в Афинах между 640 и 559 гг. до н. э. «Солон легализовал проституцию и установил над ней относительный контроль. Видя в традиции давать за дочь значительное приданое больше угрозу для семьи, чем фактор ее укрепления, он принял закон, по которому невесты не могли предоставлять в распоряжение мужа какого-либо значительного имущества. Им было разрешено приносить с собою только три гиматия и вещи из домашней обстановки небольшой ценности – больше ничего. По его мысли, брак не должен быть каким-то доходным предприятием или куплей-продажей; сожителство мужа с женой должно иметь целью рождение детей, радость, любовь»³⁴².

Сталкиваясь с распространенной практикой сугубо экономического расчета в брачных отношениях, когда мужчина женился на богатой сироте исключительно из-за денег, Солон издал закон, в котором говорилось: «Муж богатой сироты должен иметь свидание с нею, по крайней мере, три раза в месяц. Если даже и не родятся от этого дети, то все-таки это со стороны мужа по отношению к целомудренной жене есть знак уважения и любви; это рассеивает многие неудовольствия, постоянно накапливающиеся, и не дает ей совершенно охладеть к мужу из-за ссор с ним»³⁴³.

Искоренению этой же проблемы посвящен и другой закон Солона, «позволяющий богатой сироте, в случае неспособности к брачному сожителству ее мужа, который в силу закона

³⁴² Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 116

³⁴³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 116

является ее опекуном, вступить в связь с кем-либо из ближайших родственников мужа»³⁴⁴. Законодатель полагал, что «мужчина, видя, что такая жена отдается, кому захочет, или откажется от брака с нею, или, оставаясь в браке, будет терпеть позор, неся наказание за свою жадность и наглость»³⁴⁵.

С другой стороны, Солов законодательно пытался пресечь распутство и искоренить супружеские измены. Плутарх сообщает: «Тому, кто застанет любовника своей жены на месте преступления, он дал право его убить; а тот, кто похитит свободную женщину и изнасилует ее, карается штрафом в сто драхм»³⁴⁶. Кроме того, реформы Солона изменили правила наследования имущества. По свидетельству Плутарха, он «разрешил тем, кто не имел детей, отказывать свое состояние, кому кто хочет, отдавая преимущество дружбе перед родством, любви перед принуждением, и сделал имущество действительной собственностью владельца»³⁴⁷. Укрепление частной собственности ослабило влияние рода на жизнь человека и, тем самым, усиливало позиции института семьи.

Структура и другие характеристики семейных отношений в значительной мере зависели от социально-политического устройства и бытовых традиций, сформировавшихся в различных государствах-полисах. Так, в отличие от Афин, с ограничительной системой семейных отношений, брак в Спарте был более свободным и «открытым». Женщины в Спарте пользовались большей свободой и уважением.

В Спарте не было проституток, и каждая женщина вела вольную жизнь, с приемами гостей и различными увеселениями. Во время праздников, посвященных Афродите, происходили народные гулянья, где после песен и плясок следовали

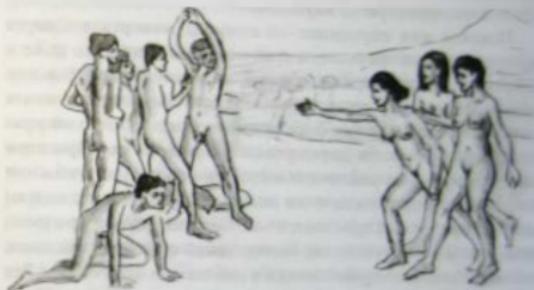
³⁴⁴ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 116

³⁴⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 116

³⁴⁶ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 118

³⁴⁷ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. I. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 117

эротические увеселения – как правило, открыто, на лоне природы. Супружеская верность была скорее исключением, чем правилом.

Образ жизни и система воспитания в этом военном государстве сближали статусные позиции женщин с положением мужчин. Спартанские женщины с детства привыкали чувствовать себя гражданками и активно участвовать в общественной жизни. В смелости, стойкости, патриотизме и самоотречении они ничуть не уступали мужчинам. На эту особенность спартанского общества указывал Плутарх, описывая реформаторскую деятельность великого древнегреческого спартанского законодателя Ликурга.

«Он укрепил и закалил девушек упражнениями в беге, борьбе, метании диска и копья, чтобы и зародыш в здоровом теле с самого начала развивался здоровым, и сами женщины, рожая, просто и легко справлялись с муками. Заставив девушек забыть об изнеженности, бодовстве и всяких женских прихотях, он приучил их не хуже, чем юношей, нагими принимать участие в торжественных шествиях, плясать и петь при исполнении некоторых обрядов на глазах у молодых людей».

Случалось им и отпускать остроты, метко порицая провинности, и воздавать в песнях хвалы достойным, пробуждая в юношах ревнивое честолюбие. Кто удостоивался похвалы за доблесть и приобретал известность у девушек, удалялся, ликуя, а колкости, даже шуточные и остроумные, жалили не менее больно, чем строгие внушения»³⁴⁸.

Похвала или порицание со стороны женщин в Спарте имели огромное значение, и с их мнением считались даже в вопросах, выходящих из области их компетенции. Все это, однако, не мешало женщинам исполнять обязанности жен и матерей. Всевозможные формы демонстрации женской красоты способствовали формированию брачных уз. «При этом нагота девушек не заключала в себе ничего дурного, ибо они сохраняли стыдливость и не знали распушенности, напротив, она приучала к простоте, к заботам о здоровье и крепости тела, и женщины усваивали благородный образ мыслей, зная, что они способны приобрести к доблести и почету. /.../ Все это само по себе было и средством побуждения к браку»³⁴⁹.

Положение молодых девушек значительно отличалось от положения замужних женщин, которые обладали значительно меньшей свободой и не могли иметь широкий круг знакомств и отношений. Молодая незамужняя девушка могла в обычный будничные день выходить на улицу с открытым лицом и непокрытой головой, в то время как жены были обязаны ходить в покрывалах и скрывать свои лица. Законы объясняли такое положение тем, что девушке надо еще найти мужа, тогда как замужней женщине остается только сберечь отношения с тем, который уже есть.

Спартанская культура была во многих отношениях архаичной и сохраняла традиции первобытных родовых отношений с пережитками разделения на мужские и женские группы и элементами различных сексуальных табу. Вследствие это-

³⁴⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР. 1961. Стр. 63

³⁴⁹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР. 1961. Стр. 64

го спартанская семья была весьма своеобразным явлением. Основным ее предназначением были не супружеские, а родительские отношения, поскольку главной доминирующей функцией было рождение и воспитание детей, прежде всего мальчиков – будущих воинов, основы спартанского общества. Для оптимального достижения этой цели подбирались и супружеские пары.

Как правило, такой подбор осуществляли родители будущих супругов, но в отдельных случаях было возможно и вмешательство государства. Упоминается о подобном казусе с царем Архидамом, наказанным за свой брак с Евполией, которая, по мнению государственных мужей, не соответствовала своему назначению. «Очень похвально выдающееся благоумие лакедемонян, которые наказали денежным штрафом своего царя Архидаму за то, что он осмелился жениться на женщине низкого роста, и, как на основании этого наказания, указывали на то, что он-де собирается народить им не царей, а царьков»³⁵⁰. Впоследствии от этого брака родился знаменитый спартанский царь Агесилай.

Будучи по форме правления военной олигархией, спартанское общество существовало на полуказарменном положении. Следуя правилу, установленному Ликургом, муж до тридцати лет обязан был жить в воинском бараке, и лишь изредка по ночам на короткое время мог сбежать домой к жене. По предстательным спартацкое, семейный уклад жизни и слишком частая интимная близость препятствовали росту и сохранению воинской силы. До шестидесяти лет муж был обязан питаться вместе со всеми воинами на территории своего военного поселения. Таким образом, семейная жизнь в Спарте не предполагала обязательного совместного проживания супругов и ведения общего хозяйства. Домом полностью управляла женщина, она была полновластной и фактически единственной распорядительницей, осуществлявшей все функции домоведения – от приготовления и учета продуктов до охраны имущества.

³⁵⁰ Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. Варшава. Варшав. учеб. о-рп., 1913. Стр. 2

Создание семьи также носило на себе следы пережитков архаичных родо-племенных отношений. По сведениям Плутарха: «Невест брали уводом, но не слишком юных, не достигших брачного возраста, а цветущих и созревших. Похищенную принимала так называемая подружка, коротко стригла ей волосы и, нарядив в мужской плащ, обув на ноги сандалии, укладывала одну на подстилке из листьев в темной комнате. Жених, не пьяный, не размякший, но трезвый и, как всегда, победавший за общим столом, входил, распускал ей пояс и, взявши на руки, переносил на ложе. Пробыв с нею недолгое время, он скромно удалялся, чтобы по обыкновению лечь спать вместе с прочими юношами. И впрямь он поступал не иначе, проводя день и отдыхая среди сверстников, а к молодой жене наведываясь тайно, с опаскою, как бы кто в доме его не увидел. Со своей стороны, и женщина прилагала усилия к тому, чтобы они могли сходитьсь, улучив минуту, никем не замеченные. Так тянулось довольно долго: у иных уже дети рожденные, а муж все еще не видел жены при дневном свете»³⁵¹.

Таким образом, супруги могли встречаться лишь урывками, обязательно в неосвещенном помещении и непременно тайне от всех окружающих. Плутарх полагал, что подобное положение могло весьма благоприятно сказываться на супружеских отношениях. С одной стороны, это приучало супругов к сдержанности и стыдливости, с другой – благоприятно сказывалось на их репродуктивном потенциале. «Такая связь была не только упражнением в воздержанности и здравомыслию – тело благодаря ей всегда испытывало готовность к соитию, страсть оставалась новой и свежей, не пресыщенной и не ослабленной беспрепятственными встречами»³⁵².

Подобная организация семейной жизни, обусловленная идеалами и доминирующими ценностями военного государства, оказывала значительное влияние на положение женщи-

³⁵¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 64

³⁵² Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 64

ны. Выйдя замуж, спартанка сразу же вся уходила в заботы о доме. При этом, в отличие от афинских женщин, она не занималась ни прядением, ни ткачеством – эти занятия представлялись невольницам, ей же принадлежало только общее наблюдение за хозяйством. Вместе с мужем она занималась воспитанием детей. Идеальное состояние замужней женщины в Спарте характеризовалось тем, что о ней не говорят ничего – ни хорошего, ни дурного.

Спартанские мужчины были, прежде всего, воинами, они часто отсутствовали, принимая участие в дальних военных походах. Поэтому женщины, особенно принадлежащие к высшим слоям общества, пользовались значительной свободой. Несмотря на то, что общепринятой формой семьи была моногамия, брак в Спарте в значительной степени имел открытый характер и некоторые из спартанских женщин могли иметь по несколько мужей. Полибий утверждал: «У лакедемонян существует общеизвестный старинный обычай, по которому женщина может иметь троих или даже четверых мужей, иногда братьев, чьи дети считаются общими. Так общеизвестен и признан факт, что мужчина, получив от своей жены достаточно детей, предлагает ее одному из своих друзей»³⁵³.

Такая полиандрия частично могла объясняться социально-экономическими условиями. «Спартанское законодательство не допускало деления клеров (земельных наделов) между наследниками. Наследником земли, очевидно, считался только старший сын. Содержание младших сыновей, скорее всего, было обязанностью сначала отца, а после его смерти – старшего брата. Жена старшего брата по необходимости становилась также предметом совместного пользования»³⁵⁴.

Супруга, не имеющая детей от своего мужа, могла принять решение о вступлении в связь с другим мужчиной, чтобы

³⁵³ Брюле П. Повседневная жизнь древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 154

³⁵⁴ Печатнова Л. Г. История Спарты. СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. Стр. 510

родить ребенка. Если женатый мужчина не хотел интимной близости с женой, но желал иметь детей от другой женщины, то он мог получить соответствующее разрешение от совета геронтов. Его отношения с другой женщиной признавались законными, как и дети, рожденные от их связи.

Подобная свобода сексуальных отношений в браке была законодательно закреплена реформами Ликурга. Плутарх писал: «Ликург с не меньшим успехом изгнал пустое бабье чувство ревности: он считал разумным и правильным, чтобы, очистив брак от всякой разнузданности, спартанцы предоставили право каждому достойному гражданину вступить в связь с женщинами ради произведения на свет потомства, и научил сограждан смеяться над теми, кто мстит за подобные действия убийством и войною, видя в супружестве собственность, не теряющую ни разделения, ни соучастия. Теперь муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в опочивальню, а родившегося от его семени ребенка признать своим. С другой стороны, если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодovitая и целомудренная, он мог попросить ее мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан. Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству, и потому желал, чтобы граждане рождались не от кого попало, а от лучших отцов и матерей»³⁵⁵.

Таким образом, в Спарте вследствие значительного вмешательства государства в семейную жизнь граждан, участь новорожденных детей определяли не родители, а старейшины города. Сразу после рождения, ребенка представляли на совет старейшин, которые и решали: достаточно ли он здоров и крепок, чтобы его можно было воспитывать и готовить к гражданской жизни, или предпочтительнее сразу же умертвить.

³⁵⁵ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 65

По законам Ликурга, «отец не в праве был сам распорядиться воспитанием ребенка - он относил новорожденного на место, называемое «лесхой», где сидели старейшие сородичи по филе. Они осматривали ребенка и, если находили его крепким и ладно сложенным, приказывали воспитывать тут же назначив ему один из девяти тысяч наделов. Если же ребенок был тщедушным и безобразным, его отправляли к Апотетам (так назывался скалистый обрыв в горах Тамгета), считая, что его жизнь не нужна ни ему самому, ни государству, раз ему с самого начала отказано в здоровье и силе»³⁵⁶. Ни религия, ни мораль, ни право не осуждали эту жестокую практику детоубийства.

К реализации подобных идей призывал афинских граждан Платон. В своем трактате «Государство» он писал: «Все жены этих мужей должны быть общими, а отдельно пусть ни одна ни с кем не сожительствует. И дети тоже должны быть общими, и пусть родители не знают своих детей, а дети - родителей»³⁵⁷. При этом Платон полагал необходимым ввести строгую ре-

³⁵⁶ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 65-66

³⁵⁷ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 232

гламентацию в сексуальные отношения граждан и тем самым регулировать процесс детопроизводства: «В государстве, где люди процветают, было бы нечестиво допустить беспорядочное совокупление или какие-нибудь такие дела, да и правители не позволят»³⁵⁸.

Идея селекционной коррекции рождения детей сводилась к следующему: «Лучшие мужчины должны, большей частью, соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими и то что потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет. /.../ Юношей, отличившихся на войне или как-либо иначе, надо удостоивать почестей и наград и предоставлять им более широкую возможность сходитья с женщинами, чтобы таким образом ими было зачато как можно больше младенцев»³⁵⁹.

Подобную селекцию философ определял как важнейшее государственное дело и представлял ее в виде специального организованного производства. «Все рождающееся потомство сразу же поступает в распоряжение особо для этого поставленных должностных лиц, все равно мужчин или женщин, или и тех и других, – ведь занятие должностей одинаково и для женщин, и для мужчин. /.../ Взяв младенцев, родившихся от хороших родителей, эти лица отнесут их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города. А младенцев, родившихся от худших родителей или хотя бы от обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено в недоступном, тайном месте»³⁶⁰.

Регламентация сексуальных отношений в «Государстве» Платона включала в себя не только подбор социально идентичных пар, но и возраст деторождения, и определенные эндогамные запреты. «Женщина пусть рождает государство, начиная с двадцати лет и до сорока, а мужчина – после того, как у него пройдет наилучшее время для бега: начиная с этих пор

³⁵⁸ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 234

³⁵⁹ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 235

³⁶⁰ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 235-236

пусть производит он государству потомство вплоть до пятидесяти пяти лет. /.../ Когда же и женщины и мужчины выйдут из возраста, назначенного для произведения потомства, я думаю, мы предоставим мужчинам свободно сходитья с кем угодно, кроме дочери, матери, дочерей дочери и старших родственниц со стороны матери; женщинам же – со всеми, кроме сыновей, отца, и их младших и старших родственников. Но хотя мы и разрешим все это, они должны особенно стараться, чтобы ни один зародыш не вышел на свет, а если уж они будут вынуждены к этому обстоятельствами и ребенок родится, пусть распорядятся с ним так, чтобы его не пришлось выращивать»³⁶¹.

Такого же мнения относительно контроля за рождаемостью, селекции и принудительного умерщвления неполноценных детей придерживался и Аристотель. В частности он полагал: «Относительно выращивания новорожденных детей и отказа от их выращивания пусть будет закон: ни одного калеку выращивать не следует. Что же касается числа детей, то, в этом случае если установившиеся обычаи воспрещают отказ от выращивания кого-либо из новорожденных (а ведь количество деторождений строго определено), он и не должен иметь место. Если же у состоящих в супружеском сожитии должен родиться ребенок сверх этого положенного числа, то следует прибегнуть к аборт»³⁶².

Как видно из вышеприведенных текстов Платона и Аристотеля идея детоубийства была распространена не только в военизированной Спарте, но и в просвещенных Афинах. По афинским законам судьба детей определялась единоличным решением отца. Если он не признавал новорожденного своим, то ребенка выкидывали из дома, что было равносильно смертному приговору. Специалист по психонатории Ллойд де Моз, описывая эволюцию детства утверждает: «Детей швыряли в реку, в кучу навоза, в помойную яму, сажали в кувшин, что-

³⁶¹ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 3. М.: РАН, Мысль, 1994. Стр. 236-237

³⁶² Аристотель. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 4. М.: РАН, Мысль, 1983. Стр. 623-624

³⁶² Л. де Моз. Психонатория. Ростов-на-Дону. Фетисов. 2000. Стр. 43

бы уморить голодом, оставляли на пригорке или на обочине дороги»³⁶³. Часто такие незаконнорожденные брошенные дети доставались на растерзание диким зверям и птицам.

О том, что подобное отношение к детям было не единичными случаями, а распространенным явлением, свидетельствует выдающийся представитель еврейского эллинизма Филон Александрийский, живший в I веке до н. э. Он писал: «Некоторые совершают это собственными руками; с чудовищной жестокостью и варварством они душат новорожденное дитя, едва успевшее сделать первый в жизни глоток воздуха, бросают в реку или море, привязав что-нибудь тяжелое, чтобы дитя как можно быстрее погрузилось в пучину. Другие оставляют их в каком-нибудь пустынном месте, надеясь, как говорят сами, что кто-нибудь спасет ребенка, на самом деле обеспечивая ему ужаснейшую участь. Ибо все звери, питающиеся человеческим мясом, собираются и беспрепятственно пируют над телом ребенка. /.../ Хищные птицы тоже слетаются и жадно расклевывают остатки»³⁶⁴.

Об этом писал и Еврипид в своей драме «Ион»:

Царевна отнесла и на смерть сына
Малютку обрядила: в закругленной
Положен он корзинке крепкой был. /.../
– О, безумье несчастья! –
Отдала этот стыд
Рокового союза
Клюву, пасти – ребенка³⁶⁵.

Убийству могли подвергаться и законнорожденные дети, вполне признаваемые своим отцом. Как правило, подобные явления происходили в случае рождения дочерей, которые воспринимались как потенциальная угроза экономическому благосостоянию семьи, связанная с необходимостью обеспечения ее приданным.

³⁶³ Цит. по Л. де Моз. Психонистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. Стр. 46

³⁶⁴ Л. де Моз. Психонистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. Стр. 46

³⁶⁵ Еврипид. Трагедии. В 2-х томах. Т. 2. М.: Литературные памятники. М.: Наука, Ладомир, 1999 (10, 500).

Оданной традиции свидетельствуют многие исторические документы. Так, известное письмо некоего Иллариона своей жене, относящееся к I в. до н. э., содержит указание: «Если повезет и ты родишь ребенка, то если это будет мальчик, пускай живет, если же девочка, брось ее»³⁶⁶. Об этом же свидетельствуют и документы, содержащие статистические данные о народонаселении греческих городов того периода. «К примеру, в 79 семьях, получивших гражданство Милета около 228–220 гг. до н. э., было 118 сыновей и 28 дочерей»³⁶⁷. Типичная греческая семья, имела несколько сыновей и не более одной дочери. Две дочери были редким исключением даже в состоятельных богатых домах.

Детубийство могло производиться не только по экономическими соображениями, но и в виде религиозно-мистических обрядов. К примеру, Плутарх сообщает о жертвоприношениях детей в Карфагене «... с полным сознанием происшедшего».

Дети были абсолютной собственностью отца, однако афинское законодательство и древние родовые традиции предусматривали ряд обрядовых церемоний, определяющих судьбу новорожденных. Так, на седьмой день после рождения ребенка совершалась церемония, называвшаяся амфидромия (от греч. *amphi* – с обеих или со всех сторон и *drōmos* – бер). В этот день вход в дом украшали венками из листьев оливкового дерева, если новорожденный был мальчик, и гирляндами из шерсти, если это была девочка.

Отец поднимал ребенка с земли в знак признания и быстро обносил вокруг домашнего очага, приобщая его тем самым к домашнему культу. Так нового члена семьи поручали опеке домашних богов. Затем следовало пиршество, на которое собиравлись родственники и друзья семейства. На десятый день ребенку давали имя. Собирались родственники и друзья для жертвоприношения и пира, причем обычно ребенку дарили подарки: игрушки или маленькие украшения, вешившиеся ему на шею. Исполнение этой церемонии служило доказательством, что отец признавал ребенка своим.

³⁶⁶ Л. де Моз. Психонистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. Стр. 43

³⁶⁷ Л. де Моз. Психонистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. Стр. 43

Однако в течение нескольких первых дней после рождения отец также имел право не признать ребенка, если только он сомневался в его законности. Как правило, такое случалось, когда рождались девочки. Во всяком случае, если отец был слишком беден, чтобы прокормить своего ребенка, он имел право отнести его к городским властям, и они обязаны были содержать его за государственный счет. При этом предполагалось, что если какой-либо человек возьмет его себе на воспи-

тание, то для того, чтобы возместить свои расходы, он имеет право воспользоваться впоследствии ребенком как рабом.

Адрэ Боннар упоминал: «Во всех городах Греции, кроме Афин, отец семейства, рассматриваемый как полноценный хозяин, абсолютный владыка своих детей, мог отделаться от них, когда ему заблагорассудится, даже от взрослых, и продать их в рабство. Страшное искушение для бедняков в дни лютых голодовок! В Афинах эта продажа была запрещена, но запрещение не касалось дочерей, виновных в развратном поведении»³⁶⁸.

Отец имел право отречься от сына и, следовательно, лишить его наследства, если тот плохо вел себя по отношению к нему. Такое право признавалось за отцом закона, мифом Солона. Правда, при этом на отца возлагалась обязанность обращаться по этому вопросу к семейному совету и подчиниться решению его большинства. Но на практике этого не было даже в Афинах, отцу достаточно было объявить свою волю публично через глашатая, и над ним не было другого контроля, кроме общественного мнения.

Наконец, отец имел право назначать опекунов к своим несовершеннолетним детям. Он также назначал в своем завещании мужа, за которого его дочь была обязана выйти замуж. Добропорядочные дети, прежде всего сыновья, должны были почитать и повиноваться своим родителям, заботиться об их содержании в старости и воздавать почести, предписанные законами и требованиями религии после их смерти. Закон повелевал содержать родителей, к числу которых относились отец, мать, дед, бабка, прадед и прабабка. Законом также была установлена тесная связь между правом наследовать родительское имущество и обязанностью заботиться о их пропитании. Сын мог освобождаться от этой обязанности, только если отец, несмотря на свою бедность, не позаботился об обучении сына какому-либо ремеслу³⁶⁹.

Правом на наследование родительского имущества обла-

³⁶⁸ Боннар А. Греческая цивилизация. В 3-х томах. Т. 1. М., 1958. Стр. 156

³⁶⁹ Плугарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 118

дали только прямые потомки, то есть сыновья, а за неимением сыновей – дочери. Раздел производился поровну. Наследник по прямой линии сам брал в свое распоряжение имущество, и его не нужно было вводить во владение. Приемные дети во всем уравнивались с детьми, родными по крови. Что касается незаконных детей, то на наследование они никакого права не имели. Закон исключал их из семьи и позволял им только завещать отдельные суммы, не больше одной тысячи драхм.

Наследование по боковой линии шло в зависимости от степени родства. Прежде всего, закон допускал к наследованию потомков одного и того же отца, то есть братьев умершего и их детей, затем сестер и их детей; после – потомков деда с отцовской стороны, то есть двоюродных братьев и их детей, всегда отдавая предпочтение потомкам по мужской линии. При отсутствии таких родственников со стороны отца или деда право на наследование переходило в том же порядке к родственникам со стороны матери. Дочь не была наследницей, если у нее был брат. Приданое, уже полученное или которое она могла бы получить впоследствии, – вот и все, на что она могла рассчитывать, причем это приданое никогда не равнялось доли ее брата. Если у умершего не было сыновей, то дочь присоединялась к наследству и становилась эпиклерой, которая не была собственницей отцовского наследства, а только его хранительницей. Истинным же наследником являлся ее сын.

Родительская власть отца над детьми кончалась с достижением ими совершеннолетия, которое совпадало или с истечением восемнадцатого года, или с его началом. До этого времени родители были обязаны давать своим детям начальное образование. Когда ребенку исполнилось три года, ему дарили кувшин и переставали считать малышом. До шести-семи лет ребенок занимался только играми и воспитывался матерью и нянями в отцовском доме, но по достижении семилетнего возраста мальчики начинали учиться в школах.

Школы в Афинах не были ни публичными, ни бесплатными. Средняя плата за обучение составляла около шести драхм, поэтому большинство мальчиков получали лишь начальное

образование. Состоятельные семьи оплачивали образование своих сыновей до их совершеннолетия – 18 лет. В Спарте, в отличие от Афин, государство брало на себя заботу об обучении и воспитании детей, как мальчиков, так и девочек с семилетнего возраста.

Дети в Древней Греции проходили три ступени обучения. Начальное образование, включавшее основы чтения, письма и счета, мальчики получали у частных учителей, которых называли грамматистами. От 7 до 12–14 лет начальное обучение дополнялось занятиями с кифаристами, которые учили детей поэзии и музыке. На этой, второй ступени образования ученики заучивали наизусть отрывки из сочинений поэтов, мифы и легенды. Выученные наизусть фрагменты они распевали под аккомпанемент кифары и лиры. На третьей ступени юноши переходили к педотрибам – учителям гимнастики. Под их руководством в специальных местах для спортивных упражнений – палестрах подростки занимались борьбой, бегом, прыжками, метанием диска и копья, а богатые греки обучались верховой езде и военному ремеслу.

В качестве дополнительного образования детей могли обучать танцам. С конца V в. до н. э. вошло в моду дальнейшее обучение рисованию и различным наукам – геометрии, астрономии, географии, риторике и философии. Преподавали эти предметы за особую плату учителя мудрости – софисты. Многие философы создавали собственные школы – академии. Наиболее известными образовательными центрами в V-IV вв. до н. э. были афинские школы Сократа, Платона и Аристотеля.

Целью образования в Древней Греции было достижение калогатии – физического и нравственного совершенства. Вся система воспитания стремилась формировать ответственных граждан, которым надлежало принимать участие в управлении государством и защите его интересов. Исходя из этих задач, всестороннее образование должны были получать только мальчики. Девочки до замужества практически не покидали отцовского дома и под руководством матери обучались лишь счёту, чтению и письму.

Семейное воспитание, осуществлявшееся в первые семь лет жизни ребенка, в основном сводилось к организации его жизни таким образом, чтобы она как можно меньше мешала жизни родителей. Для этого новорожденного туго пеленали, и в таком состоянии, по свидетельству Платона, он мог проводить первые два года жизни. «Когда ребенок уже был спеленут, на него редко обращали внимание. Как показали последние медицинские исследования, спеленутые дети крайне пассивны, сердцебиение замедленно, кричат они меньше, спят гораздо больше и в целом настолько тихи и вялы, что доставляют родителям очень мало хлопот».³⁷⁰

Грудное вскармливание обычно осуществлялось нянями кормилицами и длилось до 24 месяцев. Этот обычай осуждался. «По моему мнению, матери сами должны питать своих детей и кормить их грудью, они будут делать это с большим расположением и с большим старанием, ибо из утробы и, как говорит пословица, от нежных ногтег они возлюбили своих детей. Между тем кормилицы и няньки, как любящие за воз-

³⁷⁰ Л. де Моз. Психохистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. Стр. 61

награждение, проявляют к детям вынужденное и обманчивое благорасположение»³⁷¹.

Естественно, что при такой системе родительно-детских отношений основным содержанием воспитания было сильное включение детей в хозяйственную жизнь семьи: помощь старшим и обслуживание их потребностей. Дети часто прислуживали родителям за столом, как в обыденные, так и праздничные дни. Ллойд де Моз у оминает об изображении на древнегреческой вазе, где маленькие дети прислуживают взрослым на оргии-симпозиуме³⁷².

Кроме того что дети выполняли обязанности домашней прислуги, их часто использовали как объект сексуального удовлетворения. Педерастия в греческих полисах была чрезвычайно распространённым явлением. Правда, законное право на подобные отношения имели только полноправные граждане. Сексуальная эксплуатация детей не считалась чем-то предосудительным и часто происходила с согласия родителей или при их прямом попустительстве. «Публичные дома, где проститутками были мальчики, процветали во всех городах, а в Афинах можно было даже взять мальчика напрокат»³⁷³.

Правда, при этом запрещалась детская проституция среди свободных граждан. Такого из афинских законов гласил: «Если кого-нибудь отдаст за плату в любовники его отец или брат, или дядя, или опекун, или вообще кто-нибудь из тех, кто имеет над ним власть, то против самого мальчика не разрешается вчинять иск, а против отдавшего и взявшего разрешается: против первого потому, что отдал, а против второго потому, что взял»³⁷⁴.

Педерастические отношения с детьми свободных граждан в Афинах часто носили воспитательный характер. Мальчик вступал в такие взаимоотношения в подростковом возрасте, примерно в том же возрасте, в котором девочек выдавали замуж.

³⁷¹ Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. Варшава: Варшава, уч. окр., 1913. Стр. 5-6

³⁷² Л. де Моз. Психохистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. Стр. 73

³⁷³ Л. де Моз. Психохистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. Стр. 71

³⁷⁴ Вестник древней истории. 1962, № 3.

около 12 лет. Взрослый любовник должен был обучать ребенка или следить за его обучением и дарить ему определенные подарки, которые было принято дарить. Также необходимо было, чтобы данные отношения одобрял отец мальчика. Часто такие взаимоотношения имели место при обучении военному делу.

Плутарх упоминает строки стихов великого реформатора Солона:

Всякий мужчина в прекрасные годы свои
Мечтает тешиться мальчишкой нежным³⁷⁵.

На Крите существовал обычай похищения мальчиков. Страбон описывает его следующим образом: «У критян существует

³⁷⁵ Брюле П. Последние дни жизни древнегреческих женщин в классическую эпоху. М., 2005. Стр. 100

своеобразный обычай относительно любви. Дело в том, что они добывают себе возлюбленных не убеждением, а похищают их. Любовник предупреждает друзей дня за три или более, что он собирается совершить похищение. Для друзей считается величайшим позором скрывать мальчика или не пускать его ходить определенной дорогой, так как это означало бы признание в похищении такого любовника. Если похититель при встрече окажется одним из равных мальчику или даже выше его по общественному положению и в прочих отношениях, тогда друзья преследуют похитителя и задерживают его, но без особого насилия, только отдавая дань обычая; впрочем, затем друзья с удовольствием разрешают увести мальчика. Если же похититель не достоин, то мальчика отнимают. Однако преследование кончается тогда, когда мальчика приводят в андрей (сообщество для общей трапезы) похитителя. Достойным любви у них считается мальчик, отличающийся не красотой, но мужеством и благонаравием. Одарив его подарками, похититель отводит его в любое место в стране. Лица, принимающие участие в похищении, следуют за ним. После двухмесячных угощений и совместной охоты (так как не разрешается долее задерживать мальчика) они возвращаются в город. Мальчика отпускают с подарками, состоящими из военного убранства, быка и кубка (это те подарки, которые полагается делать по закону), а также из многих других предметов, настолько ценных, что из-за больших расходов друзья помогают, устраивая складчину. Мальчик приносит быка в жертву Зевсу и устраивает угощение для всех, кто возвратился вместе с ним. Затем он рассказывает о своем последнем поведении с любовником, доволен он или нет поведением последнего, так как закон разрешает ему в случае применения насилия на этом празднике отомстить за себя и покينуть любовника. Для юношей красивой наружности или происходящих от знатных предков позор не найти себе любовника, так как это считается следствием их дурного нрава. *Parastathentes* (так называют помощников), буквально «выбранные» стоять рядом для помощи и составию» получают почетные права: при хоровых плясках и разряниях в беге им представляют самые почетные места и разре-

шают носить особую одежду для отличия от других – одежду, подаренную им любовниками»³⁷⁶.

Великий ученик Сократа – Платон выступал за полную легализацию педерастии, призывая при этом, прежде всего, любить душу, а не тело. В «Пире» он писал: «Не знаю большего блага для юноши, чем достойный влюбленный, а для влюбленного – чем достойный возлюбленный. /.../ Лучше любить открыто, чем тайно, юношей достойных и благородных, хотя бы они были и не так хороши собой»³⁷⁷. Приводится характерное высказывание Платона: «Мужчинам благородного состояния можно разрешать “любить” всякого красавца, какого они захотят. Итак, педерастию следует запрещать тем, которые преследуют лишь плотское удовольствие, педерастия же духовная должна быть поощряема»³⁷⁸.

Естественно, что столь распространенная педерастия порождала и детскую проституцию среди детей свободных граждан, которая осуждалась и преследовалась по закону. Другой ученик Сократа, выдающийся оратор и политический деятель IV в. до н. э. Эсхин, в одной из своих речей обвинял Тимарха в детской проституции. Свидетели, выступавшие по этому делу, признались, что платили Тимарху за услуги, когда тот был еще ребенком. Эсхин также утверждал, что многие, в том числе он сам, подвергались в детстве сексуальному использованию, но не за деньги, иначе это было бы противозаконным.

Часто педерастические отношения сопровождалась физическим насилием или принуждением ребенка, находящегося в зависимости или во власти взрослого. Такие сексуальные домогательства детей были широко распространены среди учителей. Эсхин в своей речи против Тимарха упоминает о законах, которые определяют: «Во-первых, час, когда мальчику – сыну свободных родителей следует идти в школу, затем, с

каким количеством товарищей приходиться туда и когда именно уходить». Тот же закон «запрещает открывать учителям школы, а преподавателям гимнастики – палестры ранее, чем взойдет солнце, и предписывает закрывать их до захода солнца, относясь, таким образом, с величайшим подозрением ко всему, что связано с уединением и темнотой»³⁷⁹.

Однако данные законы мало что могли изменить в реальной жизни. Исследователь эволюции детства Ллойд де Моз писал об этом так: «На протяжении всей античности учителя и воспитатели детей младшего возраста сплошь и рядом прибегали к сексуальному насилию над ними. Принимались всевозможные законы, ограничивающие домогательства взрослых, но, пригрозив своей крепкой тяжелой палкой, педагог мог делать все, что хотел»³⁸⁰.

Главным инструментом регуляции поведения было физическое наказание. Платон в «Законах» призывает сограждан: «Надо избегать изнеженности, надо наказывать детей, однако так, чтобы не задеть их самолюбия; здесь следует поступать так, как обычно и делают в отношении рабов; не надо позволять тем, кто наказывает, оскорблять подвергающегося наказанию»³⁸¹.

Детей били регулярно – и дома, и в школе. Адаптация ребенка к окружающей его действительности мотивировалась стремлением избежать жестоких побоев со стороны родителей и учителей. Физическое наказание было неотъемлемой частью воспитания ребенка внутри семьи. Так, на одной древнегреческой вазе изображена женщина, избивающая ребенка собственной сандалией.

Александрийский поэт III в. до н. э. Герод описывает разговор матери нерадивого ученика с его учителем, где мать просит чаще и жестче наказывать своего сына: «Пори, да так пори, чтобы душонка гадкая лишь на губах висла!»³⁸². Подобное жестокое и игнорирующее отношение к детям, естественно, вызывало

³⁷⁶ Вестник древней истории, 1962, № 3

³⁷⁷ Л. де Моз. Психонистория. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. Стр. 72

³⁷⁸ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 2. М.: РАН, Мысль, 1993. Стр. 244-245

³⁷⁹ Мимнамбы Герода. Пер. и примеч. Церетели Г. Ф. Тифлис, 1929.

³⁷⁶ Страбон. География, кн. X, гл. IV. Стр. 460

³⁷⁷ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 2. М.: РАН, Мысль, 1993. Стр. 87, 91

³⁷⁸ Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. Варшава: Варшав. учеб. окр., 1913. Стр. 21

их ответную негативную реакцию. О поведении юношей писали: «Юношеский возраст требует гораздо больше присмотра и наблюдения, чем детство. Проступки юношей – распушенность, воровство отцовского имущества, игра в кости, ночные пирушки, попойки, любовные похождения с девицами и распутство с замужними, часто переходят всякую меру и преступны. По этой причине следует желаниям юношей искусно ставить преграды и сдерживать их. Ведь возраст этот дает волю страстям, не знает удержу и потому нуждается в узде, так что те, которые сильной рукой не сдерживают этого возраста, своим неразумием сподобуют порочности юношей»³⁶³.

При этом возражали против доминирования насилия в системе воспитания свободных граждан. «Я утверждаю также, что необходим побуждать мальчиков к благородным занятиям ободрениями, увещаниями, но, кланясь Зевсом, не побоями и ругательствами. Последние, по-моему, годятся скорее для рабов, чем для благородных. Испытывание болей от ударов, а равно также оскорбительные обращения делают детей неподвижными и внушают отвращение к работе. Похвалы и порицания благородных более полезны, чем всевозможные оскорбления»³⁶⁴.

Рассуждая о воспитании в более старшем возрасте, полагали: «Я, именно, настаиваю на том, чтобы отцы не были чересчур строгими и непреклонными по отношению к детям, нередко нелишне на некоторые проступки юношества смотреть сквозь пальцы, припоминая свою молодость. /.../ Постоянное раздражение и непримиримое отношение служат немалым доказательством того, что отец не любит своих детей. Хорошо также иногда представляется, чтобы того или другого проступка совсем не заметить. /.../ Ты некогда был неумолимым, ужей же ныне быть и снисходительным. Твой сын с помощью раба "выпас" у тебя кое-что из стада, уведя с поля пару волов – удержи свой гнев. Пришел он домой, и от него сильно пахнет

³⁶³ Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. Варшава: Варшав. учб. окр., 1913. Стр. 21-22

³⁶⁴ Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. Варшава: Варшав. учб. окр., 1913. Стр. 16

после попойки – изобрази, что не замечаешь. Отдает от него "духами" известного сорта – помолчи! Такими приемами обзывается своенравная юность»³⁶⁵. «Те же юношей, которые слишком предаются чувственным удовольствиям и не поддаются никаким уговорам, нужно постараться женить: брак – это самые надежные "пути" для молодого человека»³⁶⁶.

В отличие от просвещенных и либеральных Афин, в Спарте система воспитания детей была особенно жесткой. Физические наказания были чрезвычайно распространены и сопровождали ребенка на всем пути его подготовки к взрослой жизни. Основные качества, которыми должен обладать спартаец, были сила, выносливость и максимальная готовность к различным жизненным трудностям.

Воспитание подобных качеств начиналось с первых дней жизни ребенка. Младенцев в Спарте никогда не пеленали и не укрывали, оставляя их на солнце, ветре или дожде. Когда ребенок подрастал, его отучали от страха перед темнотой и одиночеством, запирая в темные помещения на целые сутки, а также отучали от капризов и нытья, наказывая палкой. Государство было заинтересовано в увеличении и укреплении своей военной мощи, поэтому спартаец, имевший трех сыновей, освобождался от несения сторожевой службы, а отец пятерых – от всех существовавших повинностей.

В основу спартанской воспитательной системы была положена идея соперничества – состязания в силе, терпении и выносливости. До семи лет дети воспитывались в семье, поступая в распоряжение няnek-кормилиц. Затем наступало время, когда полис брал на себя обязанности по воспитанию и обучению подрастающих спартиатов. Их воспитание было весьма продолжительным и подразделялось на три этапа: с 7 до 15 лет, с 15 до 20 лет и с 20 до 30 лет. В 7 лет дети покидали свои семьи и начинали жить в общественных образовательных домах казарменного типа

³⁶⁵ Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. Варшава: Варшав. учб. окр., 1913. Стр. 24-25

³⁶⁶ Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. Варшава: Варшав. учб. окр., 1913. Стр. 25

На первом этапе дети поступали под начало воспитателя – пайдомона, который учил их минимальным навыкам чтения и письма. Их приучали к краткости речи. Любой намек на излишнее красноречие презирился. Физическая подготовка и закаливание были более интенсивными и насыщенными. Основное время учащиеся проводили в физических упражнениях, спортивных играх и драках. «За играми детей часто присматривали старики и часто ссорили их, стараясь вызвать драку, а потом внимательно наблюдали, какие у кого от природы качества – отважен ли мальчик и упорен ли в схватках»³⁸⁷. Воспитанники всегда ходили босиком, спали на тонких соломенных подстилках. В любое время года верхней одеждой подросткам служил легкий плащ. К 12 годам суровость воспитания значительно ужесточалась. Входу были различные наказания, как со стороны учителей, так и со стороны старших учеников. «Все воспитание сводилось к требованиям беспрекословно подчиняться, стойко переносить лишения и одерживать верх над противником»³⁸⁸.

В возрасте 14 лет мальчиков посвящали в эйрены – члены общины, и они получали определенные гражданские права. Во время инициации подростка подвергали болезненным испытаниям. Это публичное испытание являлось одной из наиболее важных форм общественного контроля над воспитанием будущих воинов. Егосуть заключалась в том, что в определенные дни перед алтарем богини Артемиды юношей секали зелеными ивовыми лозами. Бичевание было суровым – до истечения крови в жертвенную чашу, и молодой спартаец должен был его выдержать без единого стога. Иначе не только он, но и вся его семья навлекли бы на себя общественное презрение.

В своих исторических свидетельствах Лукиан так пишет об этом празднике: «Не смейся, если увидишь, как спартанских юношей бичуют перед алтарями и они обливаются кровью, а их матери и отцы стоят здесь же и не жалеют их, а угрожают им,

³⁸⁷ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 66

³⁸⁸ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в 3-х томах. Т. 1. М.: Изд. АН СССР, 1961. Стр. 66

если они не выдерживают ударов, и умоляют их долгие терпеть боль и сохранять самообладание. Многие умерли в этом состязании, не желая при жизни сдаться на глазах у своих домашних или показать, что они ослабели». И далее Лукиан признает особую важность и ценность в провидении подобных испытаний: «Попав в плен, такой юноша не выдаст тайн отечества, даже если враги будут его мучить, и с насмешкой будет переносить удары бича, состязаясь с бьющим его, кто из них первым устанет»³⁸⁹.

При переходе ко второму этапу образования, в возрасте 15 лет, юноши вступали в так называемый испытательный год своей военной подготовки – криптию. Начиная с этого момента подростки получали право ношения оружия, которым они награждались по окончании праздника в честь Артемиды Орфии Криптия проходила для юношей вне Спарты. Из них формировали отряды и рассылали их во все части страны для несения полицейской и военной службы. Платон высоко оценивал подобные методы воспитания воинов: «Снею (криптей) связано и хождение зимой босиком, спанье без постелей, обслуживание самого себя без помощи слуг, скитание ночью и днем по всей стране, что способствовало укреплению тела и духа, ибо соответствовало условиям настоящего военного похода»³⁹⁰.

Поскольку в стране осуществлялся постоянный террор по отношению к илотам – закабаленному коренному населению, государство регулярно устраивало против них карательные экспедиции. Во время криптии юные спартиаты могли не соблюдая никаких правовых формальностей, безнаказанно убивать любого илота, кажущегося подозрительным. В результате погибали сотни невинных рабов. Таким образом, в возрасте 15 лет мальчиков уже вводили в атмосферу военных действий, приучая их равнодушно относиться к смерти и к убийствам, дав прочувствовать всю радость победы над противником.

Многочисленные физические упражнения, коллективные военные игры, состязания, изучение военной тактики и умение

³⁸⁹ Лукиан. Анахарсис, или Об упражнении тела. Т. 1 М. – Л.: Асадетта, 1935. Стр. 348-349

³⁹⁰ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Т. 1. М.: РАН. Мысль, 1993. Стр. 80 (Законы)

владеть копьем и мечом – все это формировало не только физически сильных воинов, привыкших к железной дисциплине, но и вырабатывало у подростков чувство собственного превосходства над более слабыми. Победенный неприятель рассматривался как существо неполноценное и достойное презрения.

Крптия завершалась возвращением в Спарту и новым публичным состязанием – агоном, по аналогии с сечением у алтаря Артемиды Орфии. После этого молодежь зачислялась в состав иренов, которые являлись помощниками пайдономов в физической и военной муштре остальных подростков. Их основной задачей было физическое наказание младших членов своей агелы – детской казармы, и справлялись они с ней крайне старательно, ибо если порка не была достаточно суровой, то тогда уже сам пайдомон бил своего помощника.

В пятнадцать лет мальчики должны были выдержать экзамен, чтобы перейти в следующую возрастную группу. Испытание включало в себя показательное сражение спартанской молодежи, на котором в качестве зрителей были обязаны присутствовать все: начиная от царя и заканчивая рядовыми гражданами. За день перед началом битвы юные воины принесли жертву богу войны.

На следующий день начиналось сражение, основной целью которого было уничтожить как можно больше противников. В борьбе разрешалось пользоваться любыми средствами, за исключением оружия. Мальчики дрались ногами, руками, грызлись зубами, выцарапывали друг другу глаза, нападали поодиночке или отрядами, стараясь столкнуть противников в глубокий ров, окружавший площадку для боя. Очень многие юноши погибали или оставались калеками во время таких сражений. Выдержавшие экзамен подвергались сечению у алтаря на празднике Артемиды Орфии и переходили ко второму этапу обучения.

На втором этапе воспитания к минимальному обучению грамоте добавляли занятия музыкой и пением, которые преподавали несколько более тщательно. При этом методы воспитания становились еще более суровыми. Подростки и юноши

должны были, например, сами добывать себе еду воровством. Попавшегося на воровстве жестоко били плетью, но не за то, что украл, а потому что потерпел неудачу из-за своего иelowого воровства³⁹¹.

К двадцати годам ирены, прошедшие все испытания, получали полное вооружение воина и становились командирами отрядов младших воспитанников. В этом положении они еще в течение десяти лет постепенно приобретали статус полноправного члена военной общины. Все это время не прекращались военная подготовка, воспитание немногословного, без дурных наклонностей, воина.

Воспитание девочек-спартиаток мало отличалось от мужского. Это были по преимуществу физические и военные упражнения с диском, копьем, дротиком и мечом. В столь же малом объеме давалась общеобразовательная подготовка. Физические упражнения по своей сложности и объему не уступа-

³⁹¹ История педагогики. Часть 2. Под ред. Пискунова А. И. М.: ТЦ Сфера, 2006. Стр. 24-26

ли мужским. Девушкам также, по достижении определенного возраста, разрешалось принимать участие в военных походах и криптиях, они присутствовали на всех государственных, военных и религиозных праздниках, исполняя песни и ритуальные танцы.

Своеобразной прививкой от дурных наклонностей были введенные Ликургом «уроки трезвости», когда рабов заставляли напиваться, чтобы молодые люди могли вочию убедиться, сколь непригляден и отвратителен пьяница. При этом сексуальное поведение юных спартиан было чрезвычайно вольным, и они вели ничем не ограниченную половую жизнь. Гомосексуальная эксплуатация младших старшими была чрезвычайно распространена в детских воспитательных отрядах и так же, как в Афинах, носила воспитательный характер. Каждый мальчик имел своего старшего наставника, с которым делил ложе и тяготы воинской подготовки.

В целом система семейного и государственного воспитания в Древней Греции основывалась на двух столпах добродетели – надежде на славу и страхе перед наказанием. «Существует два, так сказать, основных начала добродетели: надежда на отличие и боязнь наказания; первое побуждает к прекраснейшим делам, второе предотвращает от порока»³⁹².

³⁹² Псевдо-Плутарх. О воспитании детей. Варшава: Варшав. учеб. о-кр., 1913. Стр. 22

Семья в Древнем Риме

В крупнейшем государстве Древнего мира – Римской Империи – брак был строго моногамным, но при широко распространенном конкубинате. Изначально он заключался посредством похищения будущей жены. Такие похищения в ранний период были порождением непростого перехода от матриархальных родовых отношений к патриархату. Исследователь истории античного Рима Отто Кифер полагал, что «матриархат в каком-то виде преобладал в течение столетий до того, как началось истинное развитие римской семьи и римского государства, основанное на *patria potestas*», и что «остатки матриархата сохранились в разнообразных формах свободных сексуальных отношений, которые сосуществовали с моногамным браком, признаваемым государством»³⁹³.

В римском обществе женщины уравнивались с мужчинами в праве стремиться к любовным утехам. Считалось даже, что, не вкусив в полной мере эротического удовольствия, они не будут способны к рождению здорового потомства. Дионисий Галикарнасский в своем многотомном труде «Римские древности» писал: «Ромул не позволил ни мужу привлекать к суду жену за измену или неверность, ни жене – мужа за плохое обращение или несправедливый развод. Он никак не определил размер приданого, которое должна приносить жена или которое должно возвращаться ей. Он не издал никаких подобных законов, кроме одного – который оказался подходящим во всех случаях. Закон гласит: жена, соединенная с мужем, должна разделять с ним все имущество и все ритуалы»³⁹⁴.

В эпоху Римской республики семья была уже выражено патриархальной и представляла собой большое объединение родственников подчиненных *pater familias* – отцу семейства, старшему домохозяину. Под одной крышей, как правило, жили несколько поколений потомков одного отца с женами.

³⁹³ Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003. Стр. 17
³⁹⁴ Дионисий Галикарнасский. Римские древности. М., 2005. Т. 1, стр. 43

детями и родственниками по боковым линиям. В состав семьи также входили рабы и вольноотпущенники.

Глава фамилии был единоличным и полноправным хозяином всего дома и всех членов семьи, он же был и главным жрецом родового культа. Власть его наддомочадцами не ограничивалась никакими законами. Фактически они все были его собственностью. Он был вправе карать провинившихся, применяя любые формы физических наказаний, которые иногда заканчивались смертью. Он же мог выгнать на улицу нежеланных детей, обвинив их, например, в уродстве. Никто не имел права голоса и даже перед лицом закона не мог оспаривать его решения.

Обязанности же *pater familias* состояли в сохранении наследства и воспроизводстве членов семьи. Если детей от законных браков не было, он прибегал к усыновлению, чтобы защитить имя рода и его имущество от исчезновения. Кровное родство не играло определяющей роли, и приемный ребенок обладал статусом и всеми правами члена семьи.

В среде аристократов женатые сыновья могли по разрешению отца покидать дом, поскольку средства позволяли им жить отдельно. Однако все их имущество считалось собственностью главы фамилии и переходило к ним только после его смерти.

Семейные отношения строго регулировались правовыми нормами. По свидетельству Плутарха³⁹⁵, первые законы о браке приписываются легендарному основателю Рима – Ромулу. В соответствии с его постановлениями жена должна была стать частью имущества супруга. На нее распространялись все права мужа. Закон обязывал замужних женщин полностью приспосабливаться к характеру своих супругов, а мужей – управлять женщинами.

С тех пор, на протяжении всей римской истории, мужья обладали абсолютной полнотой власти над женами, сменяя в этом отцов. Муж мог убить жену, не выполняющую своих супружеских обязанностей. Ей запрещалось пить вино, так как считалось, что каждая женщина, пьющая вино, открывает сердце и ум добродетелям и открывает его порокам.

³⁹⁵ Плутарх Сравнительные жизнеописания (Ромул XXII)

В период республики, до 445 г. до н. э., официальный брак мог быть заключен только между патрициями. Законы Двенадцати таблиц запрещали им смешиваться с плебеями, для которых существовали иные формы брачных союзов. Вообще в Риме одновременно существовали три типа брака с соответствующими обрядами и правовыми нормами.

Для патрициев и жрецов существовала так называемая *confarreatio* (конферриация) с очень сложными ритуалами, длительной многоэтапной свадебной церемонией. К тому же обряды конферриации были весьма дорогостоящими. В результате этой формы брака женщина полностью переходила под опеку мужа и теряла связь со своей родительской семьей. С этого момента она не могла наследовать отцовское имущество и не подчинялась его власти.

Второй род брака, разрешенный для плебеев, назывался *coemptio* – купля. Смысл его состоял в том, что жених в присутствии пяти свидетелей и всесоудержателя уплачивал отцу невесты заранее оговоренную сумму и уводил жену в свой дом. В этом случае женщина также утрачивала свою связь с отчим домом и становилась собственностью мужа.

Третья форма брачных отношений называлась *usus* и означала давность употребления или привычные отношения. Этот вид брака регулировался законами Двенадцати таблиц, где говорилось, что если мужчина и женщина договорились о создании семьи и прожили неразлучно в течение года, то их брак приобретал совершенную законность. Но если их сожитель-ство прерывалось на три ночи подряд, их брак, будучи законным, имел ту особенность, что обычная власть мужа на жену не распространялась, и она оставалась под опекой своего отца.

Бракосочетанию по типу *confarreatio* обычно предшествовало обручение, на котором жених давал отцу невесты плату, а ей – железное кольцо. Невеста носила его на безымянном пальце левой руки. Позже при обручении стали заключать брачный контракт, скрепленный печатями десяти свидетелей. Вся церемония, как правило, проходила в присутствии гостей и заканчивалась пиршеством.

По описанию Цицерона³⁹⁶, на свадьбе присутствовали верховный жрец и жрец Юпитера. Обряд проходил в священном месте. Молодых приводили к алтарю, на котором в жертву приносили свинью или овцу, чтобы по внутренностям узнать у богов, будет ли брак счастливым. Если предсказание было удачным, то жрецы давали согласие на брак и начинали церемонию.

В присутствие многочисленных гостей жених и невеста торжественно произносили слова «Quando ti, Caius, ego, Caia» – «Где ты Гай, буду я, Гайя». Это означало: «Если ты отец семьи, то я буду ее матерью». После этого возгласа свадебная распорядительница *tronicba*, замужняя женщина, состоявшая только в одном браке, соединяла руки молодых людей. Затем следовали жертвоприношения богам, во время которых невеста и жених сидели на двух стульях, связанных друг с другом овечьей шкурой. По завершении обряда жрец читал слова молитвы, и новобрачные повторяли их, обходя вокруг жертвенника. Потом следовали поздравления и пожелания новобрачным, а затем – пир.

С наступлением ночи начинался последний этап свадебной церемонии, когда процессия с факелами, распевая песни и танцуя, сопровождала невесту к дому жениха. У дверей своего дома

³⁹⁶ Цицерон. О Дивинации, 16, 28

он, согласно древнему обычаю, вырывал невесту из рук матери, к которой та бежала за защитой. Оказавшись внутри своего нового жилища, молодая жена совершала обряд вступления во владение огнем и водой. Вместе с мужем она зажигала очаг, а затем ее окропляли водой, что означало разрешение вести домашнюю и религиозную жизнь их семьи. Закачивалась свадьба в спальне молодоженов. Распорядительница готовила брачное ложе и давала невесте нужные рекомендации и указания. Невеста молилась Юноне и Цинции, муж снимал с жены пояс, раздевал ее, и она садилась на фаллос бога плодородия по имени Мутун-Тутун. В древнейшие времена дефлорация и первый половой акт, вероятно, проходил в присутствии свидетелей и вполне вероятно, что первоначально с невестой совокуплялись друзья мужа.

Для свадебной церемонии других типов не требовалось специального места, и они совершались в доме невесты. Браки в Риме заключались сравнительно рано. Минимальный возраст для создания семьи был установлен с 14 лет для мужчин и с 12 лет для женщин. С этого времени девушкам на-

пробовала ни еды, ни питья. Разумным был ее совет, живым ее ум, благородной ее репутация».

На саркофаге начертаны следующие слова:

Здесь лежит Амимона, супруга Марка;

Доброй была она, миловидной и прилежной,

Усердной хозяйкой, экономной и опрятной,

Целомудренной, почтенной, набожной и тактичной³⁹⁷.

Ранняя женская смертность в Риме не была редким явлением. Кроме болезней, к печальному итогу часто приводили и тяжелые патологические роды. Соответственно, высокой была и детская смертность. Из новорожденных выживала примерно треть, а из этого числа только каждый второй достигал до 20 лет.

Порой, несмотря на все старания главы фамилии обзавестись наследниками, семья оказывалась бездетной. Вследствие ранней смерти своих жен, римляне в среднем женились по два-три раза, Публий Овидий Назон, например, женился три раза, Гней Помпей и Луций Корнелий Сулла – по пять раз. Но и эти меры не всегда приводили к желанному результату. Для решения проблемы они иногда обменивались женами. По дружбе или за деньги муж уступал свою плодovitую супругу в другую семью. Некоторые предпочитали жениться на уже беременной женщине, чтобы точно получить потомка.

Каждый родившийся ребенок становился членом семьи только после получения имени. Мальчикам оно давалось на восьмой день, а девочкам – на девятый. Таким образом, дарование ребенку имени и, соответственно, связанной с ним совокупности социальных и имущественных прав, выступало как событие крайне важное. Оно определяло будущий статус гражданина. Торжество, посвященное этому событию, продолжалось три дня. Отец поднимал ребенка с земли и давал имя младенцу. Этот ритуал свидетельствовал о его признании нового члена семьи. После этого приглашенные гости дарили малышу подарки, как правило, амулеты, защищающие от злых духов.

Государственной регистрации ребенка долгое время не существовало. Лишь по достижении совершеннолетия римлянина в белой тоге представляли перед должностными лицами и вносили в список граждан. Впервые регистрацию новорожденных ввел в начале I в. Октавиан Август. Его указ обязывал граждан в течение 30 дней с момента рождения младенца зарегистрировать его в храме Сатурна, где находились канцелярия наместника и архив. В ходе процедуры подтверждалось имя ребенка, дата рождения, его свободное происхождение и право гражданства.

Обучение детей начиналось с семи лет. Богатые родители давали домашнее образование, бедные – пользовались услугами школ. Учащиеся проходили три стадии образования: начальное, среднее и высшее. Главы семейств, заботясь о будущем своих детей, старались нанять им учителей-греков или заполучить для обучения раба-грека. Знатные патриции для получения высшего образования отправляли сыновей в Грецию.

По окончании второй Пунической войны, когда Карфаген был уничтожен, в государстве и обществе произошли значительные перемены, определившие дальнейшую судьбу Рима. Опас-

³⁹⁷ Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003. Стр. 35

ность захвата римских территорий была окончательно устранена. Государство стало обладателем огромного количества рабов и плодородных земельных угодий. В результате у граждан Рима возникла непомерная страсть к комфорту и роскоши, что постепенно стало приводить к распаду семьи. В поздний республиканский, и особенно в императорский период, необычайно выросло количество супружеских измен и разводов.

В первые века тяжелого становления римского государства брак был расторгнут по закону и осуждался обществом. Древнегреческий историк Дионисий Галикарнасский в своих «Римских древностях» сообщал: «В Риме на протяжении 520 лет не был расторгнут ни один брак. Но в 137-ю олимпиаду, в консульство Помпония и Паприя, некто Спурий Карвилий (довольно известный человек), говорят, расстался со своей женой, став первым, кто так поступил. Цензоры заставили его поклясться, что он не может жить с женой, так как желает иметь детей, а она бесплодна – но плебеи с тех пор ненавидели его за этот развод».

С тех давних времен многое изменилось, но развод еще долго оставался скорее исключением, чем правилом. Брак, заключенный по всем правовым требованиям, мог быть расторгнут также только по правовым основаниям. В классическую эпоху развод был редким явлением, хотя и допускался как по обоюдному согласию супругов, так и по одностороннему заявлению от отказа от супружеских отношений.

В конце периода республики, особенно в период империи, разводы стали обыденным явлением и производились в огромном количестве. Муж имел право дать жене развод в случае измены, употребления вина, а также капризного и отвратительного поведения. При обвинении в супружеской измене неверная жена, в лучшем случае, подвергалась конфискации части имущества, а ее соблазнитель расставался с половиной своей собственности. Разведенная женщина также лишалась права вступить в новый брак со свободнорожденным.

Существовали и более серьезные меры наказания. Так, по свидетельству Дионисия, если жена совершала измену или

дила вино, семейный совет в присутствии мужа приговаривал ее к смерти. Римский писатель времени императора Тиберия Валерий Максим в своем труде «Меморabilia» упоминает несколько случаев, когда супружеская неверность наказывалась поркой или сексуальным бесчестьем неверной жены, которое учинялось слугами потерпевшего мужа.

Суровому наказанию подлежал и мужчина, имевший интимную близость с замужней женщиной. Его подвергали кастрации за покушение на чужую собственность. При этом сексуальная связь супругов с проститутками или рабами никак не осуждалась. Более того, секс с рабами имел огромную популярность среди всего народа. Хозяйка дома могла свободно предаваться любовным утехам со своими слугами, и это не считалось изменой мужу. Особая сексуальная распушенность царил в домах знатных патрициев и в дворцах правителей Рима.

Император Тиберий всю свою жизнь уделял внимание сексуальным утехам и содержал специальную многочисленную группу слуг для улаживания своих прихотей. Император Кля-

гула, несмотря на строгий запрет инцеста, переспал со всеми своими сестрами и остался безнаказанным. Нерон имел сексуальные отношения со своей матерью Агриппиной, которую потом приказал убить. Широко были распространены гомосексуальные связи, к которым относились вполне терпимо, за исключением случаев, когда граждан Рима оказывались в пассивной позиции. Такого не прощали никому. Даже великий Гай Юлий Цезарь, в юности имевший гомосексуальную связь с персидским царем Никомедом, всю жизнь терпел насмешки от сенаторов и своих солдат.

Моральная деградация, которая, как болезнь, поразила римское общество, вызвала попытку реставрации старых добрых нравов, основанных на верности, мужестве, благочестии. К необходимости возвращения к старым ценностям призвали юристы, поэты, философы. В это время в среде римских граждан появилось ощущение исключительности любви, ее несравнимости с другими чувствами. В лирике воспевался почти не мыслимый ранее мотив верности и ревности.

В последний период древнеримской истории все большую ценность стали приобретать личная автономность и независимость. Этой идеей были охвачены как мужчины, так и женщины. Их отдельные частные потребности выдвигались на первый план и доминировали над интересами других людей и общества в целом. Такое состояние умов неизбежно приводило к разрушению института семьи. Раздельное имущество мужа и жены обеспечило бурный рост эмансипации среди женщин.

Замужние женщины уже к концу республики пользовались в частной жизни такой же свободой, как и их мужья. Они обладали личной собственностью и могли подавать на развод. Сохранившиеся письменные источники свидетельствуют, что римские матроны нередко представляли ссуду мужьям и требовали возврата от них долга через суд. Свободно распоряжаясь своим имуществом, они вели праздный образ жизни, порой забывая о своем супружеском призвании и материнском долге. Рождаемость детей катастрофически сокращалась. Молодые свободные граждане Рима не желали обременять себя

семейными узами и активно пользовались услугами дешевых проституток и безотказных рабынь. Распространенной формой семейно-брачных отношений стал конкубинат, то есть фактическое сожительство мужчины и женщины, не связанных узами брака.

Первые признаки отказа от семейных обязанностей и избегания вступления в брачные союзы наблюдались уже в период расцвета республики. В 403 г. до н. э. цензоры издали указ, запрещающий безбрачие римских граждан. А 131 г. до н. э. цензор Метелл обратился к римлянам с речью, где весьма ярко изложил концепцию семейных отношений: «Если бы мы могли жить без жен, не было бы и всех этих забот. Природа устроила так, что мы не можем жить с ними в мире, но и вовсе без них нам не прожить, а посему мы должны стремиться к вечной пользе, а не к временному удовольствию»¹⁹⁸

Однако, несмотря на призывы законодателей, ценность брачных уз катастрофически падала. Сенека писал: «Некоторые знатные и благородные женщины считают свои годы не по числу консулов, а по числу мужей, и разводятся, чтобы выйти замуж, а выходят замуж, чтобы развестись»¹⁹⁹. Цицерон после развода с Терцией отказывался от нового брака, аргументируя свое решение тем, что не сможет совладать с философией и женой одновременно. Позже Плиний Младший сообщал в письме Ацилию о претории Ларции Македоне, который не был женат и жил на своей вилле под Формидами в окружении многочисленных наложниц. Будучи одиноким человеком, он подвергся нападению рабов.

Исходя из того положения, что государство, где браки непрочны и несчастны, не может быть в безопасности, император Октавиан Август в 18-17 гг. до н. э. был вынужден внести ряд значительных изменений в семейное законодательство. По его указанию предусматривалось наказание лишением 60 лет и женщин от 20 до 50 лет. Такие же наказания предусма

¹⁹⁸ Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003. Стр. 44
¹⁹⁹ www.beesona.ru/aphorisms/o_brake

тривались за бездетность у мужчин старше 25 и женщин старше 20 лет. Август также установил уголовную ответственность за нарушение супружеской верности и ввел имущественные ограничения для не состоявших в браке и не имевших детей. По новым законам, женщины, имевшие троих детей, освобождались от опеки, им позволялось носить особые почетные платья и они получали такие же права, как и муж.

Обращаясь на форуме к сенаторам и всадникам, Октавиан с возмущением говорил: «Как мне называть вас? Мужчинами? Вы еще не доказали право на такое имя. Гражданами? По вашей вине город гибнет. Римлянами? Вы делаете все возможное, чтобы само это имя исчезло. /.../ Город – это мужчины и женщины, а не здания, колоннады и пустынные форумы. Представьте себе справедливый гнев, который бы охватил великого Ромула, нашего основателя, если бы он сравнил время и обстоятельства своего рождения с вашим отказом заводить детей даже в законном браке. /.../ Те, старые римляне, рожали детей даже от чужестранок, а вы отказываете римлянкам в праве стать матерями ваших детей. /.../ Вы не такие затворники, чтобы жить без женщин, – никто из вас не ест и не спит в одиночку. Все, чего вы желаете, – свободы для чувственных удовольствий и излишеств...»⁴⁰⁰.

Однако ни законы, ни увещания не могли сдержать разрушительных процессов, происходящих в римском обществе. Попраание нравственности и моральных устоев происходило даже в семье самого Октавиана Августа. Сам он и его дочь Юлия от брака со Скрибонией были весьма любвеобильны и имели многочисленные внебрачные сексуальные связи. В жизни Юлии особенно отмечены скандальные романы с такими ярчайшими представителями Римской империи, как поэт Овидий и сын Марка Антония, Марк Антоний Антилл. Она была красива, обаятельна, умна и очень похотлива. Ее любовники исчислялись десятками и сотнями. Со временем их стало невозможно сосчитать. Про нее говорили, что она развратила

⁴⁰⁰ Кассий Дион. Римская история, 56, 1. Цит. По Кифер О. Сексуальная жизнь в Древнем Риме. М., 2003. Стр. 47-48

половину римской молодежи, предлагая себя всем подряд, не взирая на возраст, цвет кожи и внешний вид.

Жизнь последующих императоров и их жен была также с избытком наполнена супружескими изменами и безудержным развратом. Так, известная своими сексуальными похождениями жена императора Клавдия – Валерия Мессалина – шокировала своим поведением даже выдающуюся римскую знать. Имея ненасытный сексуальный аппетит, она прославилась и как проститутка, и как соблазнительница. Активную половую жизнь она начала вести в возрасте 13 или 14 лет. Если ей нравился какой-либо мужчина, распутный и безвольный Клавдий приказывал ему подчиниться ее прихотям. Она изменяла мужу со знаменитым актером Мнестером и его друзьями.

По ночам, тайно покидая дворец, Валерия Мессалина часто развлекалась с клиентами в местном публичном доме. Однажды она даже устроила сексуальное состязание, бросив вызов самой известной в Риме проститутке. Они соревновались, кто сможет удовлетворить больше мужчин за 24 часа. Валерия вышла победительницей, сумев за сутки «принять» 25 партнеров.

распущенность Мессалины не знала границ, а патологическая сексуальность подавляла разум и чувство самосохранения. Тацит так писал о ней: «Она воспылала к Гаю Силию, красивейшему из молодых людей Рима, такой необузданной страстью, что расторгла его брачный союз со знатной женщиной Юнией Силаной, чтобы безраздельно завладеть своим любовником. Силий хорошо понимал, насколько преступна и чревата опасностями подобная связь, но отвергнуть Мессалину было бы верною гибелью, а продолжение связи оставляло некоторые надежды, что она останется тайной. Привлекаемый вместе с тем открывшимися перед ним большими возможностями, он находил утешение в том, что не думал о будущем и черпал наслаждение в настоящем. А Мессалина не украдкой, а в сопровождении многих открыто посещала его дом, повсюду следовала за ним по пятам, щедро наделяла его деньгами и почестями, и у ее любовника, словно верховная власть уже перешла в его руки, можно было увидеть рабов императора, его волюнтоупущенников и утварь из его дома. Тем временем Клавдий, оставаясь в полном неведении относительно своих семейных дел, отправлял цензорские обязанности и осудил в строгих указах распущенность театральной толпы и некоторых знатных женщин»⁴⁰¹.

Однажды, дождавшись отъезда мужа в Остию для жертвоприношения, Мессалина торжественно справила свадебный обряд со своим любовником. Впоследствии она была убита вместе с Гаем Силием верными слугами императора Клавдия.

Империя неумолимо шла к своей гибели. Разрушение института семьи, экзальтированная чувственность патрициев, деклассированность плебса, проституция катастрофическим образом влияли на общественную нравственность.

В Риме и других городах империи, помимо множества борделей, сексуальные потребности удовлетворялись также в термах – банях. Состоятельным посетителям бань всегда предлагали на выбор несколько молодых женщин или мальчиков для обслуживания. В одном только Риме число бань с эротическими услугами достигло к 300 году более 900.

⁴⁰¹ Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Т. 1. Анналы. Л.: Наука, 1969. Стр. 184

На закате имперского периода широкое распространение получили массовые оргии, известные как вакханалии. Особенно безобразными они были во время Калигулы и Нерона, где практиковались почти все виды половых извращений: гомосексуализм, лесбиянство, групповой секс, садизм, мазохизм, вуайеризм, скотоложество и так далее. Безнравственность римлян доходила до того, что они вовлекали в свои оргии детей.

Коррупция парализовала законы, погоня за легкой наживой и удовольствиями подрывала моральные устои общества. Предполагается, что эта деградация в значительной степени несет ответственность за крушение римской государственности и упадок античной культуры.

В последнем периоде существования Римской империи происходило постепенное слияние античной цивилизации и культуры варварских сообществ. Германские, кельтские, галльские и другие варварские племена начали переселяться на римские земли уже во II в. до н. э. В это время население империи значительно сократилось вследствие эпидемии чумы. Провинции не могли сдерживать натиск варварских орд и шли на переговоры, в результате которых варвары получали земельные наделы и поступали на службу в римские легионы.

По мнению Корнелия Тацита, варвары не представляли угрозы Риму, поскольку являли собой пример простоты и чистоты нравов, которые могли бы послужить образцом для римской знати: «Пороки там ни для кого не смешны, и развращать и быть развращаемым не называется у них – идти в ногу с веком»⁴⁰².

С III в. н. э. началось великое переселение народов. Несколько крупных группировок германских племен – бургунды, остготы, визиготы, франки – переместились в Галлию и Италию в качестве союзников, по соглашению с местными властями. Их семьи селились на пахотных землях, почти так же, как римские граждане. При императоре Константине, правившем с 306 по 337 г., вандалы, теснимые готами, попросили

⁴⁰² Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Т. 1. О происхождении германцев, Л., 1969. Стр. 367

разрешения поселиться на землях империи. Константин отвел им земли в Паннонии. В 375 г. монгольские племена гуннов напали на земли готов, и те также попросили защиты на землях римской империи.

Рассяясь в римских владениях, варвары служили в войсках империи и достигали там значительных командных должностей. Так, после разделения империи на Восточную и Западную части в Риме номинально правили сыновья императора Феодосия Аркадий и Гонорий, а действительная реальная власть находилась в руках военачальников-германцев Алариха и Стилихона. В 410 г. Аларих захватил Рим, остальные части империи были оккупированы другими германскими племенами. В 476 г. Западная Римская Империя прекратила свое существование.

Некогда великий Рим был покорен варварами, обладавшими и свято сохранявшими свои семейные традиции. Восстановлению морально-нравственных ценностей, скрепляющих человеческие отношения, и противодействию окончательному распаду института семьи в значительной мере способствовало распространение христианства. Идеей любви к ближнему, принесению себя в жертву ради него и отказу от эгоистического самоутверждения были наполнены проповеди первых христианских исповедников.

Противостояние древних родовых языческих традиций и новой религиозной идеологии привело в начале эпохи Средневековья к значительным изменениям в укладе семейных отношений.

Семейные отношения в племенах варваров

В ходе процесса великого переселения народов варвары перемещались на окраины римского мира, грабя, торгуя и захватывая новые земли. Затем они начали постепенно перемещаться на запад и юг. Волны их нашествий достигли пика в V-VI вв. Потоки из тысяч или десятков тысяч готов, гепидов, алеманнов, бритов, кельтов и других народов с севера и востока, мужчин, женщин, детей и животных, устремились на обширные римские земли. Здесь они иногда мирным путем – с разрешения римских властей, а иногда и силой военных захватов заселили новые территории.

Эти варварские племена были схожи с римским сообществом раннего периода. У них, как ранее и у римлян, семья составляла основную ячейку общества, экономическую, социальную, правовую и религиозную. Семейные отношения считались основой порядка. В случае нарушения закона и преступления и семья, и род несли ответственность за то, чтобы нанесенная обида была тем или иным образом отомщена или компенсирована. Потерпевший обращался за поддержкой к своей семье, а семья преступника предпринимала меры для защиты своего родича и компенсации нанесенного им ущерба. Для упрощения этой процедуры германцы изобрели остроумный юридический инструмент – вергельд (дословно «цена мужа»), размер которого зависел от пола, возраста и статуса жертвы.

Семьи объединялись в общины, структура и характер которых представляли собой добровольные военные группировки. У древних кельтов они назывались туатами. Вероятно, эти группировки представляли собой сообщество потомков, происходящих от некоего выдающегося лица и имеющих свою собственную территорию с общепризнанными границами.

Каждый кельтский туат был минимальной самостоятельной территорией, где проживала община. У германцев семья, составляющие такое сообщество, имели в пользования наделы земли, принадлежащие всей общине, которая распределяла наделы, выносила судебные решения и выполняла другие

надсемейные функции, например, организацию массовой охоты или переселение на новые территории. Община могла насчитывать более 50 семей.

Еще в I в. до н. э. Цезарь указывал, что германцы обрабатывают землю сообща, хотя он также упоминал и о существовании отдельных усадеб. Спустя полтора столетия Тацит отмечал уже новую семейную собственность на пахотную землю и прежнюю общинную собственность на уголья, в том числе на пастбища.

Ко времени Великого переселения народов германская семья обычно выращивала пшеницу и ячмень, иногда также лен, горох и бобы, и имела несколько голов овец или крупного рогатого скота. Германцы также занимались ремесленной деятельностью и торговлей. Железодельательное ремесло, включая производство оружия, было мужским занятием, гончарство, как на круге, так и вручную, — по преимуществу женским. Торговлю германцы сочетали с разбоем, в котором принимали участие и мужчины, и женщины. Примерно так же жили и древние кельты. В мирное время они охотились и ловили рыбу.

Жизнь в этих древних сообществах управлялась регулярными проводимыми народными собраниями, которые избирали вождей и наделяли их полномочиями исполнительной и судебной власти. При этом власть вождей была ограничена строгими табу. У кельтов эти ограничения назывались тейсами. Их соблюдение делало землю плодородной, порождало изобилие и процветание и хранило вождя и его туат от бед.

В первые века нашей эры эти варварские племена находились в стадии перехода от матриархата к формированию и утверждению отцовского рода. В частности, у германцев сохранялась связь мужчины и со своей семьей, и с группой ближнего родства из материнского рода. Тацит писал о них: «К сыновьям сестер они относятся не иначе, как к своим собственным. Больше того, некоторые считают такие кровные узы более священными и более тесными и предпочитают брать заложниками племянников, находя, что в этом случае воля сковывается более прочными обязательствами, и они охватывают более широкий круг родичей. Однако наследниками и преемниками умершего могут быть лишь его дети»⁴⁰².

Законодательные тексты обнаруживают, что во многих племенах происхождение велось по женской линии по вполне понятной причине — материнство устанавливается более надежно, чем отцовство.

Высокий статус германских женщин определялся не только благодаря сексуальному удовлетворению мужчин и продолжению рода. Они, кроме занятия гончарством, пряли и ткали, заготавливали пищу впрок и готовили еду, лечили больных и варили пиво, которое было основным напитком германцев.

В племенах древних кельтов положение женщин было гораздо более высоким. Они были равноправными партнерами мужчин во всех делах, делили с ними и мирные заботы, и тяготы войны.

В IV в. н. э. римский военачальник Аммиан Марцеллиан писал: «Целое войско иноземцев не сможет противостоять одно-

⁴⁰² Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Том I. Происхождение германцев. Л., 1969. Стр. 362

му кельту, если он призовет на помощь жену, которая сильнее его и голубоглаза, особенно когда она, гневно откинув голову, скрежещет зубами и размахивая белоснежными и мощными руками, начнет наносить кулаками и ногами удары».

Женщины могли наравне с мужчинами заниматься любыми видами деятельности. Известно о существовании женщин-судей. Плутарх в сочинении «О доблести женщин», упоминал, что кельты имели обычай советоваться с женщинами по вопросам войны и мира. Исторические документы свидетельствуют, что женщины могли быть военачальниками и правительями туатов. Например, сохранились сведения о правительницах Боудикки и Картиманду. Первая была женой вождя Пратотага, который перед смертью завещал свои земли союзнику —

римскому императору и двум своим дочерям. Римляне повели себя вероломно, захватив все его земли, изнасиловав дочерей и жестоко избив плетью вдову.

Тацит так описывает это событие: «Царь иценов Прасутаг, славившийся огромным богатством, назначил в завещании своими наследниками Цезаря и двух дочерей, рассчитывая, что эта угодливость оградит его царство и достояние от напильи. Но вышло наоборот, и царство стали грабить центурионы, а достояние — рабы прокуратора, как если бы и то и другое было захвачено силой оружия. Прежде всего, была высечена плетью жена Прасутага Боудикка и обесчещены дочери; далее, у всех видных иценов отнимается унаследованное от предков имущество (словно вся эта область была подарена римлянам), а с родственниками царя начинают обращаться как с рабами»⁴⁹⁴.

Боудикка призвала народ к восстанию. На боевой колеснице вместе с дочерьми, она объезжала тауты, и обращаясь к британцам говорила, что «она мстит не за потерянное царство и богатства, но как простая женщина за отнятую свободу, за свое избитое плетью тело, за поруганное целомудрие дочерей»⁴⁹⁵. Тем временем разнузданность римлян дошла до того, что они не оставляли неоскверненным ни одного женского тела, не щадили ни старости, ни девственности.

Британцам было не впервой воевать под предводительством женщины, и они поддержали Боудикку, рожденную от прославленных предков, в ее справедливом мщении. Под ее предводительством восставшие стали громить римские легионы. Они захватили и разорили города Лондиний, Веруламий и Камулудун. Известно, что при захвате городов погибло до 70 тысяч римских граждан и союзников. С особенной жестокостью Боудикка расправлялась со знатными римскими женщинами, которых «подвешивали голыми. Затем отрезали груди и

⁴⁹⁴ Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Т. I. Анналы. Л.: Наука, 1969. Стр. 265

⁴⁹⁵ Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Т. I. Анналы. Л.: Наука, 1969. Стр. 267

принимали их к ортам, чтобы представить, что, будто жертвы едят их. Наконец они пронзали женщин острыми вертелами сквозь все их тело»⁴⁰⁶. Рим отправил в Британию дополнительные военные силы, и в 61 г. н. э. восстание было подавлено, а Боудикка покончила с собой. Она приняла яд, когда ей было 28 лет.

Другая правительница кельтского племени бригантов – Картимандуя была союзницей римского императора Клавдия. Свою власть над бригантами она унаследовала от своего отца в 43 г. Ее мужем был прославленный военачальник Венутий, с которым она в 57 г. рассталась и стала жить с его бывшим оруженосцем Веллокатом. Между брошенным и призванным мужьями разгорелась вражда, приведшая к гражданской войне. На помощь Картимандуе пришли римские войска во главе с наместником Британии Авлом Дидием Галлом, которые разгромили войско Венутия. Картимандуя правила бригантами 26 лет – до 69 г.

Женщины в кельтских племенах могли обладать не только светской властью, но и заниматься ритуально-магическим жре-

⁴⁰⁶ Бондаренко И. В. Повседневная жизнь древних кельтов. М., 2007. Стр. 197

ческим ремеслом. Наряду с друидами в кельтских источниках упоминаются и друидессы, которые, в отличие от жрецов мужчин, ведавших высшими космологическими знаниями, устанавливали связи с духами нижнего подземного мира. Как правило, женская магия была связана с любовным колдовством и заговорами. В отличие от римских весталок, кельтские друидессы не были обязаны следовать обету целомудрия.

Таким образом, идеальная женщина характеризовалась как свободная, властная, мудрая и безжалостная.

В древние дохристианские времена формы брака у кельтов были весьма разнообразны и не имели выраженного доминирования у кого-либо из супругов. Так, согласно древним законам: «В семьях без отпрысков мужского пола все права наследников оставались у дочерей, которые если вступали в брак, то получали законные права «мужа», а муж – законные права «жены»»⁴⁰⁷.

Парная семья у кельтов представляла собой экономическое партнерство и предусматривала несколько форм брака, которые отражались в содержании брачного договора и видах сексуальных отношений. Наиболее распространенным был брак, именуемый «союзом при совместной собственности». Он предусматривал равный вклад мужа и жены в совместное имущество.

Другой вид не менее распространенных брачных отношений именовался «союзом с женой при мужской собственности», когда имущество семьи формировалось за счет вклада мужа, а жена вносила лишь малую часть или не представляла ничего. Третьей формой был «союз с мужем при женской собственности», когда вклад мужа был незначителен или вообще отсутствовал. Основу семейного имущества в данном случае составлял вклад жены. Четвертый вид брака представлял собой «союз с приходящим мужчиной». Он представлял собой почти неформальное сожительство, когда мужчина регулярно посещал дом женщины с разрешения ее родственников. Пят-

⁴⁰⁷ Бондаренко И. В. Повседневная жизнь древних кельтов. М., 2007. Стр. 202

тым был «союз с инициативой мужчины», при котором женщина уходила к нему без разрешения своего рода. Шестым видом брака было похищение женщины с ее согласия, а седьмым – похищение против ее воли.

Древние источники также упоминают два вида противозаконных и незаконных сексуальных отношений. К ним относилась сексуальная связь при изнасиловании и близость двух сумасшедших партнеров.

Такие брачные союзы несли явные отпечатки пережитков древних матриархальных отношений. Например, при отдельных видах брака, когда кельтскую девушку, достигшую 14 лет, выдавали замуж, то в первые годы супружеской жизни муж обязан был платить родственникам определенную сумму, раз-

мер которой определялся социальным статусом жены. В первый год все эти деньги отдавались роду жены. На второй год эта оговоренная плата разделялась на две части, большая из которых отдавалась родственникам жены, а оставшая доставалась супруге. На третий год ее род получал еще меньше, и так далее, пока всю ежегодную плату жена не начинала получать сама. Это были ее собственные средства, и она могла их тратить по своему желанию. Муж не имел права на личное богатство жены, и наоборот.

К древним традициям, сохранившимся со времен группового брака, относился и обычай, предписывающий невесте проводить первую брачную ночь с вождем туата, поскольку он считался главным мужем всех женщин сообщества. Оттуда же берет свое начало и традиция почетного гетерогостеприимства. Если кто-то из мужчин предоставлял вождею ночлег в своем доме, то последний проводил эту ночь с женой хозяина.

В зависимости от вида брака статус жен подразделялся на три категории. Жена, с которой был заключен первый брак по одному из трех начальных вариантов, считалась старшей и «ей полагалась половина содержания мужа, второй жене – треть, а любой другой жене – четверть»⁴⁰⁸. При этом политика в кельтских семьях была редкостью. Позволить себе несколько жен могли только очень состоятельные люди. Как правило, это были вожди туатов и их приближенные. То, что мужчины могли сочетаться со своими женами разными формами брака, позволяло им несколько ослабить экономическое бремя по их содержанию.

Кельты, как мужчины, так и женщины, имели право на развод по своей инициативе. При этом жены имели для этого больше оснований, чем мужья. Весомыми причинами для развода с мужем были обстоятельства, когда он оставлял жену ради связи с другой женщиной или мужчиной, бил, наносил увечья, публично унижал и высмеивал ее, был бесиллен как сексуальный партнер, врал о своих воинских подвигах и был

⁴⁰⁸ Бондаренко Г. В. Повседневная жизнь древних кельтов. М., 2007. Стр. 210

не в состоянии содержать семью. Муж мог развестись с женой в случае ее супружеской неверности, воровства, аборта, отсутствия молока, убийства ребенка, бесплодия, поведения, позорящего честь мужа и неуменья вести хозяйство.

Большая часть разводов происходила вследствие бездетности, ответственность за которую у кельтов, в отличие от других варварских племен и народов, возлагалась на мужчину. Проблема бесплодия определялась и решалась опытным путем. Так, жена бесплодного мужа могла вступать в сексуальную связь с другим мужчиной, чтобы забеременеть. Это не считалось изменой и происходило с официального одобрения семьи и рода. Ребенок, родившийся от такой связи, признавался принадлежащим мужу женщины, а не биологическому отцу.

Если развод происходил по вине мужа, жена могла оставить себе все ежегодные выплаты, полученные ею согласно брачному договору за время брака. Если в разрушении семьи была виновата она, то эти средства возвращались мужу, а при-

даное и заработанные женой деньги или купленная ею земля после развода оставались у нее. Раздел имущества при разводе зависел от статуса брака и вклада жены при его заключении, а также от доли ее труда в общем семейном хозяйстве.

В семейных отношениях германцев того времени всегда доминировал муж и отец. Его власть была столь же выражена, как и у римлян, за исключением того, что сыновья, достигшие совершеннолетия, приобретали юридическую независимость. До этого времени, по описанию Тацита, дети находились под абсолютной властью отца и жили в его доме. «В любом доме растут они голые и грязные, а вырастают с таким телосложением и таким станом, которые приводят нас в изумление. Мать сама выкармливает грудью рожденных ею детей, и их не отдают на попечение служанкам и кормилицам. Господа воспитываются в такой же простоте, как рабы, и долгие годы в этом отношении между ними нет никакого различия: они живут среди тех же домашних животных, на той же земле, пока возраст не отделит свободнорожденных, пока их доблесть не покажет и признация. Юноши поздно познают женщин, и от этого их мужская сила сохраняется нестраченной; не торопятся они отдавать замуж и девушек, и у них та же юная свежесть, похожий рост. И сочетаются они браком столь же крепкие и столь же здоровые, как и их мужья, и сила родителей передается детям»⁴⁰⁹.

Обручение, как правило, устраивали мужчины из семьи невесты по своему выбору. Оно состояло в принесении обещаний, что брак будет заключен, и в обсуждении его условий. С согласия невесты при этом никто не спрашивал. Назначался день свадьбы, когда семья жениха выплачивала выкуп за невесту. Затем следовало пиришествие, в котором участвовали обе семьи.

Согласно Тациту, на свадьбе молодые преподносили друг другу подарки. «Приданое предлагает не жена мужу, а муж жене. При этом присутствуют ее родственники и близкие и осматривают его подарки; и недопустимо, чтобы эти подарки состояли из женских украшений и уборов для новобрачной, но

⁴⁰⁹ Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Т. 1. О происхождении германцев. Л., 1969. Стр. 362

должны быть быки, взыуданный конь и щит с фремей⁴¹⁰ и мечом. За эти подарки он получает жену, да и она взамен ода-ривает его каким-либо оружием⁴¹¹.

Обмен такими подарками Тацит объясняет следующим образом: «Чтобы женщина не считала себя непричастной к помыслам о доблестных подвигах, непричастной к превратностям войн, все знаменующее собою ее вступление в брак, напоминает о том, что отныне она призвана разделять труды и опасности мужа и в мирное время и в битве, претерпевать то же и отваживаться на то же, что и он»⁴¹².

При заключении брака основное направление движения имущества шло от семьи жениха к семье невесты. Так же происходило и в том случае, если брак заключался посредством

⁴¹⁰ Фремей – короткое германское кольцо

⁴¹¹ Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Т. 1. О происхождении германцев, Л., 1969. Стр. 361

⁴¹² Корнелий Тацит. Соч. в 2-х томах. Т. 1. О происхождении германцев, Л., 1969. Стр. 361

похищения невесты. Похитивший, во избежание кровной мести со стороны родственников невесты, был обязан передать ее семье часть своего имущества. Этот вид заключения брака в варварских племенах был весьма распространенным явлением, поскольку ограничивал родственников невесты в их претензиях на имущество семьи жениха. Украденная девушка уже была женой, убивать в кровной мести мужа своей родственницы резона не было, поскольку большой выкуп за нее от другого брака уже не получить, поэтому приходилось договариваться о приемлемом даре с похитителем.

Имущественные отношения были значимы и при расторжении брака. У германцев, как и в раннем Риме, развод был совершенно невозможен для жены и легко достижим для мужа, который должен был лишь компенсировать затраты семье, в которую возвращалась отвергнутая жена.

При этом супружеские отношения у варваров были крепкими. Их соединяли хозяйственно-бытовые, родительские обязанности и, конечно, общая воинская доблесть. Семьи жили в полумесяцных, с двускатными крышами, образованными наклонными шестами, или в длинных домах, разделенных на три части. Центральная часть отделяла два боковых помещения рядами вертикально поставленных бревен. В одной стороне размещались стойла для коров или другого крупного скота, а другая служила жилищем для членов семьи. По данным археологических раскопок, такие дома прямоугольной формы были от 8 до 30 м в длину. Мебель была простая и добротная, состояла из столов, стульев, лавок и кроватей.

«Обычная жизнь семьи была стабильной и связанной с сельским хозяйством. Они обрабатывали свой земельный надел, пасли скот, пряли и ткали ткани, из которых шили одежды, состоящие, кроме революционных брюк, из короткой шерстяной туники или плаща, а в холодное время года из шкур животных, обычно домашних, но иногда волчьих, оленьих и даже медвежьих. Дичь, птица и рыба дополняли стол семьи, основанный на зерновых»⁴¹³.

⁴¹³ Ф. и Дж. Пиб. Брак и семья в средние века. М., 2002. Стр. 45

Измены в супружеских отношениях были редкостью. Тацит писал: «У столь многолюдного народа прелюбодеяния крайне редки: наказывать их дозволяется незамедлительно и самим мужьям: обрезав изменнице волосы и раздев донага, муж в присутствии родственников выбрасывает ее из своего дома и, настегивая бичом, гонит по всей деревне; и сколь бы красивой, молодой и богатой она ни была, ей больше не найти нового мужа. /.../ Но еще лучше обстоит с этим у тех племен, где берут замуж лишь девственниц и где, дав обет супружеской верности, они окончательно утрачивают надежду на возможность повторного вступления в брак. Так они обретают мужа, одного навеки, как одно у них тело и одна жизнь, дабы впредь они не думали ни о ком кроме него, дабы вождели только к нему, дабы любили в нем не столько мужа, сколько супружество»⁴⁴.

Из данного описания следует, что моральные требования к семейным отношениям были у варваров гораздо строже, чем в

⁴⁴ Ф. и Дж. Гис. Брак и семья в средние века. М., 2002. Стр. 45-46

Римской империи. Тем не менее в этих двух мирах, существовавших параллельно, институты брака и семьи обнаруживали и много общего. В римском государстве и варварских племенах семья являлась основной ячейкой общества, с тем различием, что у римлян уже доминировали парные отношения супругов и родителей с детьми, а варвары еще жили большими родственными группами. Мужчины были главами и распорядителями домохозяйств и наделялись автократической властью. В Риме, правда, часть отцовской власти узурпировало государство.

Таким образом, в этих культурах основным юридическим и социальным содержанием брака была передача имущества. Развод был легко достижим для мужей, но в Риме конца имперского периода он был возможен и для жен, особенно богатых.

Среди беднейших слоев населения практиковалось детоубийство, жертвами которого, прежде всего, становились девочки. Обучение детей основывалось на их половом различии. В обоих обществах практиковались полигамия и конкубинат. Существовало рабство, но, в отличие от варварских сообществ, в Риме оно составляло основу экономики. Рабы подвергались дискриминации, угнетению в области брака и сексуальной эксплуатации.

Семья у скифов и древних славян

Скифские кочевые племена появились в южных и юго-восточных степях Европы в VIII-VII вв. до н. э. Они пришли из Азии, вытеснив во Фракию живших там киммерийцев. Скифы представляли собой многочисленные кочевые и земледельческие племена, различавшиеся по месту заселения, занятиям и особенностям культуры. В низовьях Днепра на левом берегу жили царские скифы, на — скифы-кочевники. На среднем Днепре жили скифы-земледельцы.

К скифской культуре относились также племена сарматов и саков. Земли кочевых племен сарматов располагались в юго-восточных степях, за Доном, в Приаралье, достигая азиатских территорий. По свидетельству Страбона, наиболее могущественными сарматскими племенами были языги, роксоланы, аорсы, сираки и аланы. О роксоланах Тацит сообщал, что в 68 г. они совершили опустошительный набег на дунайскую провинцию Римской империи Мезию, где уничтожили две римские кагорты.

Важной особенностью жизненного уклада сарматов было равное положение мужчин и женщин. Наравне с мужьями жены принимали активное участие в общественной жизни и даже в военных действиях. Они одевались, как мужчины и так же были вооружены. Сарматские женщины могли возглавлять племена и исполнять жреческие функции. Геродот объяснял такое положение происхождением сарматов от скифов и амазонок. На скифском языке амазонки назывались зорпатками, то есть мужеубийцами. Версия Геродота сводится к тому, что в ходе одного из сражений с амазонками, скифы приняли их за молодых мужчин, и только после обнаружили, что воевали с женщинами.

«Тогда скифы решили на совете больше совсем не убивать женщин, а послать к ним приблизительно столько молодых людей, сколько было амазонок. Юношам нужно было разбить стан поблизости от амазонок и делать все, что будут делать те. /.../ Скифы решили так, потому что желали иметь детей от амазонок. Отправленные скифами юноши принялись выполнять эти приказания. Лишь только женщины заметили, что юноши пришли без всяких враждебных намерений, они оставили их в покое. Со дня на день оба стана все больше приближались один к другому. /.../»

Однажды в полдень амазонки стали расходиться по ночке или по двое, чтобы в стороне отправлять естественные потребности. Скифы, приметив это, начали поступать так же. И когда кто-нибудь из юношей заставал амазонку одну, женщина не прогнала юношу, но позволяла вступить с ней в сношение. Разговаривать между собой, конечно, они не могли, так как не понимали друг друга. Движением руки амазонка указывала юноше, что он может на следующий день прийти на то же место и привести товарища, знаком объясняя, что их будет также двое, и она явится с подругой. /.../

Когда остальные юноши узнали об этом, они сблизились с прочими амазонками. /.../ После этого оба стана объединились и жили вместе, причем каждый получил в жены ту женщину, с которой он впервые сошелся. Мужья, однако, не могли выучиться языку своих жен, тогда как жены усвоили язык мужей. Когда, наконец, они стали понимать друг друга, мужчины сказали амазонкам следующее: "У нас есть родители, есть и имущество. Мы не можем больше вести такую жизнь и поэтому хотим возвратиться к своим и снова жить с нашим народом; но женами нашими будете вы, а не какие-нибудь другие женщины". На это амазонки ответили так: "Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие, как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив, к женской работе мы не привыкли. /.../ Если вы хотите, чтобы мы были вашими женами и желаете показать себя честными, то отправляйтесь к вашим родителям и получите вашу долю наследства. Когда вы возвратитесь, давайте будем жить сами по себе".

Юноши послушались жен и так и поступили: они возвратились к амазонкам, получив свою долю наследства. Тогда женщины сказали им: "Мы в ужасе от мысли, что нам придется жить в этой стране; ведь ради нас вы лишились ваших отцов и мы причинили великое зло вашей стране. Но так как вы хотите взять нас в жены, то давайте вместе сделаем так: выслесимся из этой страны и будем жить за рекой Танаисом". Юноши согласились и на это. /.../

С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них они верхом выезжают на охоту, выступают в поход и одеваются так же, как и мужья их. Савроматы говорят по-скифски, но истари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьет врага. Некоторые умирают девушками, потому что не в состоянии были выполнить такого требования»⁴¹⁵.

Современная историческая трактовка сочинений Геродота опирается на то, что в то время сарматы и племена нацелились на стадии матриархальных родовых отношений и счет родства велся еще по женской линии. Об этом свидетельствуют и данные археологических раскопок. Так, родовые кладбища, как правило, формировались вокруг более раннего захоронения знатной женщины – предводительницы или жрицы.

⁴¹⁵ Геродот. История. Мельниченко. М. – СПб., 2008. Стр.339-340

которую родичи почитали как праматерь рода. В могилу умершей женщины, даже девочки, нередко клали, кроме украшений, и предметы вооружения.

Впоследствии сарматское общество стало патриархальным. За сарматскими землями, на территории современного Казахстана и Киргизии, жили кочевники саки, объединенные в три союзных племенных союза: саки-тиграхауда, саки-хаомаварга и саки-тиай-пара-дарайя¹⁶. В середине I тысячелетия до н. э. саки переживали этап разложения родового строя и начало формирования патриархальных отношений. Основным занятием было кочевое или полукочевое скотоводство. Семьи были, как правило, политамины, но статус женщины был высоким. Они так же, как и в других скифских сообществах, могли участвовать в общественной жизни и заниматься военным делом. При кочевом образе жизни, когда необходимо защищать свой скот и кормовые угодья, владение оружием было необходимо каждому члену семьи. Саки были прекрасными воинами. Они смогли преградить дорогу на восток войскам Александра Македонского, успешно воевали с персами.

Часто верховными правителями союзов племен и военными предводителями были женщины. Так, персидский царь Кир, завоевавший всю Азию, погиб в бою с сакскими войсками, которые по преданию, возглавляла женщина – царица Тамирис. Она лично отрубила ему голову и опустила ее в бурдюк, наполненный кровью.

Приднепровские скифы, занимавшиеся пахотным земледелием, и часть сарматских племен, вероятно, были предками восточных славян. Славянский этнос представлял собой более десяти племенных союзов, живших на европейской территории от Балтийского до Черного морей. Это были бужане, волыняне, вятичи, древляне, дреговичи, дулебы, ильменские словене, кривичи, поляне, радичи, северяне, тиверцы и уличи.

По свидетельствам «Повести временных лет», эти этнические группы значительно отличались друг от друга. Летописец Нестор писал: «Все эти племена имели свои обычаи, и законы

¹⁶ Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978. Стр. 5

своих отцов, и предания, и кажде – свой нрав. Поляне имеют обычай отцов своих кроткий и тихий, стыдливы перед снохами своими и сестрами, матерями и родителями; пред свекровьями и деверьями великую стыдливость имеют; имеют и брачный обычай: не идет зять за невестой, но приводит ее накануне, а на следующий день приносят за нее – что дают. А древляне жили звериным обычаем, жили по-скотски; убивали друг друга, ели все нечистое, и браков у них не бывало, но умыкали девиц у воды. А радимичи, вятичи и северяне имели общий обычай: жили в лесу, как и все зверь, ели все нечистое и срамословили при отцах и при снохах, и браков у них не бывало, но устраивались игрища между селами, и сходились на эти игрища, на пляски и на всякие бесовские песни, и здесь умыкали себе жен поговору с ними; имели же по две и по три жены»¹⁷.

Поскольку почти все необходимое экономическое ресурсообеспечение добывалось в древности путем силового захвата, то и семьи, как правило, организовывались тем же способом. Само старославянское слово «брак» происходит от глагола «брати» – «брат». Глагол «брати», первоначально имевший значение «нести», в применении к организации семьи означает «схватить», «похитить».

¹⁷ Повесть временных лет. Пер. Д. С. Дыхачева. Петрозаводск, 1991. Стр. 20-21

По свідченням етнографічних даних, основу браку у древніх славян становило похищення дівушки из другого роду или племені. При этом «умыкака» несеет неизбежно приходила к возникновению вражды между родами, поэтому, чтобы предотвратить кровопролитие, оскорбленный род требовал наказания от похитителя. Брачный союз признавался законным только с момента истечения определенного срока. Дни, а точнее – с момента примирения обоих родов посредством шакуна и признания свершившегося факта. Со временем пылата отступных превратилась в прямую продажу невесты жештху.

Дети считались собственностью отца – поэтому дівушка могла перейти в собственность другого мужчины только после мирного шакуна или насильственного похищения. При мирном заключении брака жештх с невестой обменивались подарками, включая обязательный атрибут – иблюко, символизирующее любовь и плодородие. В этом выкупе или умыкании дівушки и состоял, собственно, свадебный обряд. У некоторых племен существовали еще и доволнительные обряды в виде заплетания дівушечей косы, которую муж должен был расплести, приведя молодую жешту в свой дом.

Сохранение девственности значення не имело. Как только дівушка вступала в период полового созревания, с них снимали дівушечі рубашки и надевали коштёну – своеобразную набрешную повязку. Знак готовности вступити в активную половую жизнь.

С этого момента дівушка превращалась в блудницю. В те времена поняття «блудити» или «блудити» означали искать себе подходящего жештха. Блудили славянки активно, а чем більше у них было партнерів, тем більше они ценились, поскольку больше знали и умели. Осуждені добрачных себеу-альных отношений не существовало, и незамужние жештхи могли приобретать нужный опыт с множеством партнеров. Единственным сдерживающим фактором был риск нежелательной беременности, который, впрочем, успешно сокращали надежными растительными контрацептивами.

У древніх славян, як і у багатьох інших народів, на перших ступенях розвитку патріархальні сім'ї були полігамними. Мужина мав декількох жін і наложниць, які працювали в общім домохозяйстві. Полігамний брак не являвся груповим, оскільки з кожної своєї жінки муж знаходився в індивідуальних парних відносинах. В результаті насильственного похищення или приобретения путем уплаты мужчина мог неоднократно вступать в брак, увеличивая количество жін и размер своей семьи как производственно-хозяйственной группы. Количество жін было взаимосвязано с достатком семьи.

Жінки занимались земледелием, пастили скот, выполняли различную домашнюю работу и фактически были основной рабочей силой в домохозяйстве. По свидетельству Н. М. Карамзина, описывавшего быт древних славян, мужчины считали жін совершенными рабами, во всяком случае, безответными; не дозволяли им ни противоречить себе, ни жаловаться обре-

меняли их трудами, работами хозяйственными и воображали, что супруга, умирая вместе с мужем, должна служить ему и на том свете. Сие рабство жен происходило, кажется, оттого, что мужья обыкновенно покупали их»⁴¹⁸.

Управлялась большая патриархальная семья общим советом во главе с избранным домоправителем, уважаемым, пожилым и обязательно женатым человеком – большаком. У древних сербов он назывался домоочином и руководил всеми текущими делами общины. Домоправитель представлял свою семью перед родовой общиной, распоряжался трудом ее взрослых членов, главным образом мужчин, проводил все необходимые расходы, хранил домашние припасы и семейное имущество. Все безропотно должны были подчиняться ему, и никакие возражения не допускались. В случае неповиновения он мог наказать виновного.

Женскими домашними делами распоряжалась жена главы семьи – большуха, или домачица, признававшая верховную власть своего мужа. При этом большуха нередко могла быть советчицей мужа и в его хозяйственных делах, самостоятельно вести хозяйство в его отсутствие. На нее возлагались обязанности заведования продуктами питания и кухней, контроль за порядком в доме, распределение работы между женщинами, обучение младших невесток домашней работе.

После большака наибольшим авторитетом в семье пользовался его старший сын. Жена старшего сына была первой помощницей свекрови и считалась главной среди других снох. Семейный совет, в который входили все взрослые члены общины, решал наиболее важные вопросы, связанные с базовым имуществом и ведением домохозяйства. Фактически патриархальная семья состояла из 30-50 человек – членов отдельных парных семей, проживающих вместе, ведущих общее хозяйство и признающих власть одного домохозяина.

У древних германцев такое объединение именовалось братством (*confraternitates*), у южных славян – задругой. У

⁴¹⁸ Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2002. Стр. 28

восточных славян семейная община определялась понятиями «род», «мир» или «вервь».

Семья для славян-язычников была одним из важнейших аспектов их жизни. Сохранение и продолжение рода, достаток и благополучие большой семьи стояли намного выше любых личных интересов. Воспитанием и обучением детей занималась вся большая семья, но, прежде всего, этим были озабочены мать и отец.

В племенах, где еще оставались пережитки матриархальных отношений, забота о детях лежала на брате матери – дядьке. Отголоском этих порядков можно считать пословицу: «Какие дядьки, такие и детятышки».

Существовал и обычай левиратного брака, обязывающий брата умершего жениться на его вдове. Этот обычай был широко распространен на Руси вплоть до XVI века. Патриархальный мир не мог оставить вдове с детьми без своей заботы. Правда, в том случае если вдова была бездетной, то после смерти мужа славянка обычно сжигала себя на костре вместе с его трупом. Живая вдова бесчестила все семейство.

Иногда смерть вдовы сопровождалась элементами сексуальной магии. «Об этом свидетельствует рассказ арабского дипломата Ибн-Фадлана, который посетил в 922 году столицу Волжской Булгарии и оказался здесь свидетелем погребения знатного руса. Согласно арабскому путешественнику, одна из жен умершего сама выразила желание сопроводить мужа в мир смерти. Но прежде чем осуществилась церемония проводов, «девушка, которая хотела быть убитой, уходя и приходя, входит в одну за другой из юрт, причём с ней соединяется хозяин (данной) юрты и говорит ей: "Скажи своему господину: право же, я сделал это из любви к тебе". Нечто подобное происходило и непосредственно в ходе самого погребального ритуала. Ибн-Фадлан видел, как избранницу, опьяненную возбуждающим напитком, подвели к устроенной на погребальном корабле палатке, в которой находилось тело умершего. Колельщицу девушку втолкнула туда старуха – "ангел смерти", которой помогали несколько мужчин, потом вошли в палатку

шесть мужей и совокупилась все с девушкой. После этого "ангел смерти" резала избранницу, и корабль подождли"⁴¹⁹.

Сексуальные отношения у славян имели сугубо сакрально-мистический характер, в духе традиций анимистической магии. Мужской половой член был символом плодородия и отождествлялся с космической силой рождения всего сущего. Главный языческий солнечный бог Ярило всегда изображался с эрегированным детородным органом. Он был покровителем любви и брака, от него зависели дожди и ясная погода, урожай нив и благосостояние людей.

Покровительницей плодородия, любви и семейного счастья признавалась богиня Лада. Праздничные гулянья, посвященные этим божествам, были призваны обеспечивать плодородие полей и плодovitость скота. Они соотносились с сельскохозяйственными природными циклами и содержали множество эротически-оргиастических обрядов и ритуалов. Позднее праздник Лады сменил свое название и стал известен

⁴¹⁹ Мороз Е. Веселая зрота. Секс и любовь в мире русского Средневековья. М., 2011. Стр. 19

среди народа как день Ивана Купалы. В этот день повсюду шарил нагота и полная сексуальная свобода.

Отмечался праздник весело и с размахом. После обязательной утренней бани, изгоняющей нечистую силу, все вместе голыми купались в реке. К вечеру начинались с неудачными плясками, веселой музыкой и скаканьем через костры. Считалось, что тот, кто перепрыгнет костер нагишом, очистит свою душу и тело. Искать цветущий папоротник в чаще леса в эту ночь можно было только обнаженными. Девушки в этот день не должны были отказывать в сексуальном удовольствии мужчинам, догнавшим их в игрищах.

Широко отмечался и праздник смены годового цикла при переходе от зимы к лету – Коляда. Это древнейшее языческое действо считалось подтверждением веры людей в неизбежность победы жизненной силы добра над злыми духами смерти. Чтобы отогнать злых духов и помочь Коляде победить их, славяне в этот день пели, плясали и жгли многочисленные костры. Все колядовали, гадали на суженых, приплод и урожай. Игры и обряды на этом празднике носили открыто сексуальный характер. С наступлением зимы был связан обряд похорон бога Ярилы. «Изображение его делалось с огромным мужским детородным членом и полагалось в гроб; похороны сопровождалась плачем и завыванием женщин»⁴²⁰.

Наряду с природными силами земли и солнца славяне очень ценили очистительную и животворящую энергию воды. Небесная вода, проливаясь дождями, оплодотворяла землю. Вода очищала и имела целебную силу. На воде гадали, ворожили, колдовали, на воду наговаривали, шептали и пели. Водой окропляли и орошали. В банях женщины рожали. Люди старались использовать жизненную силу воды и устраивали на берегах рек или на плотках в озерах настоящие сексуальные оргии. Зимой тем же самым занимались в банях. Такие оргии носили ритуальный характер – их устраивали либо в периоды

⁴²⁰ Афанасьев А. Н. «Ярило» в сб. «А се грехи смертныя». Русская семейная и сексуальная культура. М., 2004. Стр. 57

засухи, чтобы растолкать, разбудить замершие силы природы, либо, наоборот, во время чрезвычайного природного буйства, чтобы самим зарядиться от могучего природного избытка.

В магических ритуалах древней Руси мужчины символически оплодотворяли Землю: зерно сеяли без штанов, или же и вовсе без одежды, мастурбировали перед посевом, орошая землю спермой. Считалось, что нагота при посеве злаков и овощей должна стимулировать рост растений. Чтобы лен рос вольгостным и длинным, женщины нагишом катались по земле, где планировали посев этой культуры. У северных славян женщины нагишом сажали семена репы. После посадки капусты женщины, распустив волосы, без одежды оббегали участок.

В период посева хлеба хозяин и хозяйка должны были совершить ритуал, во время которого они занимались любовью на своем поле. Чтобы вызвать Дождь, женщины, задрав ноги, показывали небу свои гениталии. Другой сексуально-производственный ритуал представлял собой перекатывание мужчин и женщин парами по засеянному полю. Если славяне нуждались в приплоде скота, то во время половых актов они изображали животных – мычали и хрюкали. Иногда такие соития были групповыми, задружными.

С принятием христианства сексуальная сакральность стала жестко ограничиваться и преследоваться как церковными, так и светскими властями. Противостояние древних родовых языческих традиций и новой церковной идеологии привело в начале эпохи Средневековья к значительным изменениям в укладе семейных отношений.

Заключение

Институт семьи и брака имеет давнюю историю, насчитывающую сотни тысяч лет. Однако научным систематическим исследованием этого феномена стали заниматься лишь в XX столетии. Современные работы, как правило, охватывают мотивы вступления в брак, функции семьи, причины семейных конфликтов и разводов, проблемы воспитания детей и методы семейной терапии. Сфера исторических, психологических и социологических исследований, в которых предметом изучения становилась бы эволюция семьи, весьма ограничена и проработана недостаточно. Это, в свою очередь, значительно снижает уровень понимания процессов семейных отношений и оказания эффективной социально-психологической помощи в проблемах брака.

Изучение количественных и качественных данных эволюции семьи опирается на этнографические исследования жизни народов и племен, сохранившихся на первобытном уровне развития, и анализ древних письменных источников. Результаты проведенной работы позволяют сделать вывод, что в основе формирования и эволюции человеческой цивилизации лежали два базовых фактора – становление семейных отношений и развитие религиозных систем. Человек стал человеком, потому что обретал и совершенствовал свои возможности, находясь в близких, интимных отношениях с человеком противоположного пола. Эта совместная жизнь требовала глубокого познания особенностей друг друга, свойств мира и умения взаимодействовать в трудных условиях окружающей среды.

Такой системой познания была религия. Она обеспечивала регуляцию отношений человека с миром. Это мистическое мировосприятие наших далеких предков определяло все многообразие их культуры. Таким образом, семья была порождением культуры, которая, в свою очередь, возникла из недр религиозно-мистической картины мира.

Развитие культуры определяло нормативные модели семьи, включавшие в себя комплекс прав, обязанностей, норм

поведения и отношений. Так, история знает эпоху матриархата, которая во временном отношении во много раз превосходит период существования патриархата. Бытующее в современном обществе мнение о том, что женщина в те времена занимала главенствующее положение, глубоко ошибочно. При образовании родовых общин, в которых мужья и жены были общими, неизбежно возникал принцип передачи родства по материнской линии и принадлежности детей к материнскому роду. Руководство общиной и регуляция семейных отношений в роду осуществлялась исключительно мужчинами – отцами и старшими братьями женщин.

Эндогамные отношения, характерные для матриархата, с биологической точки зрения были деструктивными и приводили к деградации первобытных сообществ. Переход к обязательным экзогамным связям в совокупности с экономическими, бытовыми и многими другими факторами создал условия формирования отцовских родов и повсеместного утверждения патриархата. Однако пережитки матриархальных отношений еще долгое время сохранялись в культурах различных этносов. Например, египетские фараоны для укрепления династий женились на своих сестрах и даже дочерях.

Формирование традиций брака и семейных отношений происходило не хаотично, а в соответствии с закономерными требованиями условий жизни той или иной эпохи. Сексуальные отношения также были обусловлены хозяйственно-бытовыми условиями жизни. В доисторический период мужчины и женщины занимались охотой и собирательством сообща. При этом было необходимо, чтобы кто-то добывал пищу, а кто-то оставался в поселении готовить еду и поддерживать огонь.

Около 8 тысяч лет до н. э. произошли глубокие культурные изменения, оказавшие радикальное влияние на брак. От охоты и собирательства люди начали переходить к одомашниванию животных и оседлому образу жизни. Появились сельские поселения. Развитие хозяйственно-экономической сферы, совершенствование орудий труда и охоты привело к образованию частной собственности. Это, в свою очередь, способство-

вало появлению устойчивых парных союзов внутри родовых общин. Возникла потребность в законах, регулирующие семейные отношения и порядок наследования имущества. Так развитие института семьи привело к образованию древних форм государства. Можно сказать, что государство выросло из семьи, и семья была его малой формой.

В доисторический период и в эпоху Древнего мира парный брак основывался на экономическом соглашении и сделке. Эти правовые и хозяйственные формы отношений определяли принципы развития института семьи и брака на последующие сотни и тысячи лет.

Анатолий Викторович Осницкий

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И БРАКА

Корректор *З. Горхова*
Компьютерная верстка *Ю. Гербова*

Для аудитории старше 18 лет.

Подписано в печать 5.06.18. Формат 60*84/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура Minion.

Усл. печ. л. 25,11. Уч. изд. л. 29,9.

Тираж 500 экз. Заказ № 13218

Отпечатано в типографии
«Политехника-сервис»
190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д

18+

ISBN 978-5-6041351-1-2

9 785604 135112

Осницкий Анатолий Викторович – кандидат психологических наук, доцент. Руководит Санкт-Петербургским научно-исследовательским центром интегрально-синергетической психологии и психотерапии.

Имеет базовое историческое, психологическое образование, специалист в области культурологии и богословия. Занимается исследованиями и практической психокоррекционной

деятельностью в сфере межличностных отношений, психотерапией обсессивных расстройств и эмоционально-психических зависимостей. Основной научный интерес сосредоточен в области изучения программ жизненного пути личности. Автор Метода интегрально синергетической психотерапии и способа анализа формирования психических особенностей личности.

Данная работа автора посвящена анализу развития межличностных отношений при формировании основ института семьи и брака в доисторические времена и в эпоху древнего мира.

«Институт семьи и брака в настоящее время повсеместно переживает глубочайший кризис. Люди разучились и перестали строить свои супружеские отношения, они их теперь подбирают и перебирают. Распадаются семьи, и это крайне пагубно сказывается на формировании личности детей, негативные родительские отношения фундаментально влияют на их дальнейшую судьбу. Разводы стали нормой жизни, их статистика ужасает! В отдельных регионах уже сегодня распадается более трёх четвертей семей. Что нас ждёт в дальнейшем?

Я полагаю, что всё наше будущее лежит в прошлом. Давайте заглянем в него пока не поздно».

Анатолий Осницкий

2018448537

